

Министерство культуры Республики Беларусь
Белорусский государственный университет культуры и искусств

О. М. СОКОЛОВА

**КОММЕМОРАЦИЯ
В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ГОРОД КАК МЕСТО КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Минск • БГУКИ • 2022

УДК 351.852/858:316.334.56

ББК 71.084.2+79.04

C594

Р е ц е н з е н т ы:

А. В. Мартынюк, доктор исторических наук, доцент;

В. П. Скороходов, доктор культурологии, профессор,
заслуженный деятель искусств Республики Беларусь

*Рекомендовано к изданию ученым советом
Белорусского государственного университета культуры и искусств
(протокол № 7 от 25.03.2022 г.)*

Соколова, О. М.

C594 Коммеморация в городском пространстве: город как место культурно-исторической памяти / О. М. Соколова ; М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2022. – 490 с.

ISBN 978-985-522-301-7.

Монография представляет собой исследование культуры увековечения как актуальной практики сохранения национального историко-культурного наследия в условиях современных городских ландшафтов. Анализируется формирование образов прошлого на примере коммеморативных практик (топонимов, памятников, муралов) в культурном пространстве белорусского города. Памятники, посвященные знаковым личностям, событиям, маркируя пространство, с одной стороны, отражают социокультурную динамику места, а с другой – вызывают конфликты памяти. Рассматриваются сложные и диалектически неоднозначные связи, которые формируют структуры взаимодействия истории, традиции и практик коммеморации. Акцентируется внимание на вопросах манипуляции образами исторического прошлого, адаптивности стратегий мемориализации к национальным интересам.

Адресуется научным работникам, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто неравнодушен к истории и культуре городов.

УДК 351.852/858:316.334.56

ББК 71.084.2+79.04

ISBN 978-985-522-301-7

© Соколова О. М., 2022

© Оформление. Учреждение образования
«Белорусский государственный
университет культуры и искусств», 2022

Автор благодарна за поддержку в научной деятельности доктору культурологии, профессору, заведующему кафедрой культурологии БГУКИ Александру Ивановичу Смолику. Доктору исторических наук, профессору Марии Аркадьевне Беспалой, доктору исторических наук, профессору Павлу Ивановичу Бондарю, читателю и критику моих работ кандидату философских наук, доценту Виктору Робертовичу Языковичу – за безусловную веру в то, что книга обязательно будет написана и исследование состоится, это мотивировало двигаться вперед.

Искренне благодарна моим уважаемым рецензентам: Владимиру Павловичу Скороходову, доктору культурологии, профессору, заслуженному деятелю искусств Республики Беларусь, заведующему кафедрой деревянных духовых инструментов Белорусской государственной академии музыки, Алексею Викторовичу Мартынюку, доктору исторических наук, доценту, заведующему кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы – за высокую оценку рукописи.

Благодарна Александру Александровичу Гужаловскому, доктору исторических наук, профессору, профессору кафедры этнологии, музеологии и истории искусств Белорусского государственного университета – за дельные замечания и критические рекомендации, позволяющие задуматься над дальнейшей разработкой проблемы.

Рецензентам моей первой монографии «Минский текст: проблематика культурной памяти столичного города в условиях цивилизационного помезья» – доктору культурологии, профессору, профессору кафедры философии Белорусского государственного экономического университета Александру Александровичу Павильчу, кандидату культурологии, доценту, профессору кафедры молодежной политики и социокультурных коммуникаций РИВШ Андрею Эдуардовичу Саликову; рецензенту научных статей кандидату культурологии, доценту, доценту кафедры туризма и культурного наследия Гродненского государственного университета им. Янки Купалы Сергею Владимировичу Донских – за поддержку и полезные советы.

Автор выражает бесконечную благодарность своей семье за возможность посвящать время любимому делу: маме Галине Романовне – первому читателю и критику, сыну Никите – за совместное участие в полевых исследованиях городов, помощь в поиске и фотографировании памятников; за поддержку и помощь сестре Весте и брату Сергею, который каждый день спрашивал о результатах научной работы. Бабушке Любове Федоровне Самсоновой, литературоведу и историку, и дедушке, кандидату исторических наук Роману Трофимовичу Мухе – за воспитание интереса к научным исследованиям.

Огромная благодарность Белорусскому государственному университету культуры и искусств за возможность заниматься научной деятельностью и содействии в издании монографии.

Искренне благодарю всех, кто разделяет со мной радость «рождения» книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
 ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КОММЕМОРАЦИИ ГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	
1. Теоретико-методологические основы исследования	11
1.1. Память как этический императив	11
1.2. Понятие культуры коммеморации: обоснование терминологии	14
1.3. Культурные формации в исследовательской практике	17
1.4. Проработка травматического опыта XX века	21
1.5. Коммеморативный дискурс 9/11	24
1.6. Изобретенная традиция: манипуляция образами прошлого ..	25
1.7. Общая память Восточной Европы	27
1.8. Город как место памятования	30
<i>Иллюстрации к гл. 1, разд. 1 (1.8) (рис. 1–2)</i>	<i>39</i>
2. Детерминанты становления и развития коммеморативной культуры города	40
2.1. Формы коммеморации цивилизаций древности и их последующая интерпретация	40
2.2. Практики коммеморации в создании культа предков и сакральных мест памяти	43
2.3. Монумент как агитационный и манипулятивный ресурс ...	48
2.4. Национализация прошлого	53
<i>Иллюстрации к гл. 1, разд. 2 (рис. 3–13)</i>	<i>60</i>
 ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА КОММЕМОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА	
1. Формы помнящей культуры	67
1.1. Курганы, сакральные захоронения, сарматский портрет	69

1.2. Античный монумент, триумфальная арка, памятная колонна и мемориалы в стиле социалистического реализма	72
1.3. Национальный монумент	76
1.4. Памятные даты, имя как бренд	79
1.5. Современные объекты-символы	81
<i>Иллюстрации к гл. 2, разд. 1 (рис. 14–99)</i>	83
2. Памятники и памятные места: особенности формообразования . .	141
2.1. Знаково-символический подход к формированию памятных мест	141
2.1.1. Сакрализация памяти о Великой Отечественной войне . .	144
<i>Иллюстрации к гл. 2, разд. 2 (2.1, 2.1.1) (рис. 100–118)</i>	150
2.1.2. Победа как стилиобразующая константа города	163
<i>Иллюстрации к гл. 2, разд. 2 (2.1.2) (рис. 119–182)</i>	174
2.2. Аксиологический подход к созданию мемориалов	215
2.2.1. Трансляторы политических ценностей	215
2.2.2. Символы веры	217
2.2.3. Трансляторы социальных ценностей	224
<i>Иллюстрации к гл. 2, разд. 2 (2.2) (рис. 183–239)</i>	230

ГЛАВА 3. ТЕНДЕНЦИИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

1. Законодательное регулирование коммеморативных практик в монументальном искусстве	267
1.1. Нормативное правовое регулирование и государственный учет объектов историко-культурного наследия	268
1.2. Памятники, посвященные Великой Отечественной войне . . .	270
1.3. Мемориалы и места памяти XIX–XX вв.	271
1.4. Установка памятников и их обновление в контексте реновации городов	272
1.5. Правила реализации коммеморативных практик в монументальном искусстве	273
1.6. Актуальные проблемы создания и обеспечения сохранности мемориальных объектов	275
2. Топонимы как часть культурного ландшафта	277
<i>Иллюстрации к гл. 3 (рис. 240–245)</i>	286

ГЛАВА 4. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА	
1. Особенности морфологии исторических образов	291
1.1. Образ прошлого как социокультурный конструкт	291
1.2. Коммеморация знаковых личностей в практике обществен- ных инициатив	301
<i>Иллюстрации к гл. 4, разд. 1 (рис. 246–255)</i>	<i>307</i>
2. Принципы формирования образов прошлого	313
2.1. Исторические личности в контексте современной Беларуси: конфликты памяти.	315
2.2. Преодоление травматического сознания	320
<i>Иллюстрации к гл. 4, разд. 2 (рис. 256–270)</i>	<i>324</i>
3. Национальный образ как локальный императив	334
<i>Иллюстрации к гл. 4, разд. 3 (рис. 271–287)</i>	<i>339</i>
ГЛАВА 5. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КОММЕМОРАЦИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ	
1. Коммеморативные практики в контексте идейного обоснования городского пространства	353
1.1. Гуманизация пространства и право на город	356
1.2. Паблик-арт и развитие деятельного патриотизма	359
<i>Иллюстрации к гл. 5, разд. 1 (рис. 288–312)</i>	<i>365</i>
2. Памятник как объект актуализации историко-культурного насле- дия: критерии ценностной характеристики	384
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	389
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	393
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	445
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	465

ВВЕДЕНИЕ

В современных гуманитарных науках культурно-историческая память – одно из актуальных направлений мемориальных исследований (memory studies). К памяти как ключевому слову эпохи обращаются культурологи, социологи, историки, писатели, политики. Столкновение концепций культурного единообразия и многообразия, политики «плавильного котла» (melting pot) и мультикультурализма не приводит к достижению равновесия общественной системы. Конструируются новые локальности, идентифицирующие себя как культурно уникальные образования, прошлое которых оказывается предметом конфликтов.

В изучении и сохранении исторической преемственности ведущее место отводится культуре, которая наряду с экономикой и инновационными технологиями становится определяющим эволюционным ресурсом города. Глобальной концепцией культурной политики современных городов является возрождение посредством культуры (culture-led regeneration), под которым понимается обновление городских пространств путем реализации культурных проектов, строительства культурно значимых объектов, осознания того, что культурные условия города – его основной капитал, отличительный бренд. В этой связи важность в складывании образа города приобретают проблемы создания и представления мест памяти, их наполнения знаковыми объектами, преобразования существующих и формирования новых, уникальных культурных пространств.

КОММЕМОРАЦИЯ В ГОРОДСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ГОРОД КАК МЕСТО
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Память – это основа культуры и важнейший политически значимый творческий процесс, способ сохранения культуры во времени, т. е. в истории.

Культура принимает те или иные формы благодаря историческим обстоятельствам, исторически сложившимся отношениям, поэтому под культурно-исторической памятью понимается имманентное свойство общества как целостного социокультурного организма сохранять и воспроизводить себя на всех этапах развития и вместе с тем идеологически обусловленный механизм переформатирования исторического прошлого, реконструкции и производства образов социальной действительности в коммеморативных практиках.

Важной составляющей культурно-исторической памяти является культура коммеморации, которая понимается как исторически сформировавшаяся культурная парадигма. Сознательное увековечение памяти о событиях «седой старины» помогает сохранить свои корни, способствует осознанию уникальности национального пути в общем культурном движении. Коммеморация играет главенствующую роль в сохранении культурных традиций и модернизации общества.

Актуальность проблематики культуры памяти в контексте городского пространства обусловлена ее возможностью выступать в качестве индикатора и движущей силы развития общества. Стремительная урбанизация Беларуси во второй половине XX – начале XXI в. обусловила резкий разрыв повседневных практик белорусов-горожан в первом и втором поколении с историко-культурными традициями. Новые городские ландшафты, особенно большие современные микрорайоны, не коррелировали с традиционными белорусскими «культурами памяти», что детерминировало трагические «ментальные разрывы» между поколениями и социальными стратами белорусского общества. Как актуальная практика сохранения национального единства коммеморация в условиях современных городских ландшафтов является крайне важной и востребованной проблемой, нуждающейся в углубленном теоретико-методологическом изучении.

Аналитическое исследование основных направлений научного поиска в области культуры коммеморации: проблемы репрезентации образов исторического прошлого в контексте концептов «контрпа-

мать» и «постпамять», «конфликты памяти», вопросы адаптивности стратегий мемориализации к национальным интересам, эффективной культурной политики, способствующей включению культурного наследия города в его социально-экономическое развитие – помогает проследить закономерности регуляции общественных процессов, восполнения лакун памяти, прочтения истории в дискурсе нравственной риторики, полифонии взглядов, смоделировать систему ценностей, призванную консолидировать общество.

Монография представляет собой одну из первых попыток критического исследования коммеморации в белорусских городах. В Беларуси практики кодификации и сохранения историко-культурного наследия намного опережали осмысление особенностей его коммеморации и интерпретации, ограничивая этот сложный вопрос категориями исторической и эстетической ценности и игнорируя социально-экономические и этические аспекты коммеморативных практик: от формирования национальной и локальной городской идентичности до коммерческого использования культурных ценностей.

В монографии речь идет об архитектурно-скульптурных памятниках, объектах монументально-декоративного искусства, жанровой городской скульптуры, памятных датах, топонимах, муралах, которые создаются как памятники, а не становятся ими, т. е. приобретают мемориальные свойства со временем. Опосредованно в исследовании упоминаются некрополи и музеи.

Цель исследования – выявление специфики коммеморативной культуры белорусского города, механизмов ее формирования, функционирования и трансляции в контексте изучения следующих аспектов: вопросы взаимоотношения общества с памятью, выраженной материально в городских памятниках, влияния современных трансформаций на коммеморативные практики и коммеморативных практик на модернизацию городского пространства, проблемы восприятия и задействования (культуры использования) пространств, которые памятники образуют и себе подчиняют, взаимодействия с памятниками с точки зрения официального дискурса и вернакулярного, формируемого непосредственно обитателями узуса.

**КОММЕМОРАЦИЯ В ГОРОДСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ГОРОД КАК МЕСТО
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

- Исходя из указанной цели сформулированы задачи исследования:
- обосновать понятие коммеморации как культуротворческого процесса, способствующего приращению объектов историко-культурного наследия;
 - выявить детерминанты становления и развития коммеморативной культуры белорусского города в контексте динамики мировой культуры;
 - определить этапы эволюции коммеморативной культуры белорусского города;
 - раскрыть особенности формообразования памятников и памятных мест с позиций знаково-символического и аксиологического подходов;
 - реконструировать изменения представлений о назначении и содержании коммеморативных практик в фокусе общекультурного дискурса;
 - проследить особенности и принципы формирования исторических образов;
 - выявить современные формы, тенденции коммеморации в городском пространстве Беларуси.

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КОММЕМОРАЦИИ ГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Теоретико-методологические основы исследования

1.1. Память как этический императив

«Мемориальная культура» (культура памяти) – центральное понятие трудов исследователей, ведущих научный поиск в контексте memory studies. Под ней подразумевается культура отношения к прошлому («освоения прошлого»), сложившаяся на рубеже XX–XXI вв., обусловленная глубинной сменой ценностей современного мира [252, с. 32].

Д. С. Лихачев говорит о памяти как о важнейшем культуротворческом процессе, основе культуры, отмечая влияние окружающей культурной среды на воспитание человека: «Без памяти нет совести. Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной» [257, с. 210]; «Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране» [258, с. 216].

Алейда Ассман выделяет три аспекта мемориальной культуры: плюрализация обращений к прошлому, его освоение определенной

социальной группой, этическое измерение прошлого [24]. Обращаясь к работам Карла Ясперса («Духовная ситуация времени», 1932 [586]) и Ханны Арендт («Истоки тоталитаризма», 1951 [18]), исследователь говорит об этическом измерении воспоминаний как о новом явлении в культуре памяти, получившем распространение к концу XX в. [22, с. 47, 48]. Отметим, что проблемы этического императива были подняты на рубеже XIX–XX вв. представителями венской школы искусствознания Алоизом Риглем и Максом Дворжаком, стоявшими у истоков становления системы охраны памятников в Центральной Европе [234; 419; 597; 635].

В монографии «Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur: Eine Intervention», 2013 («Новое недовольство мемориальной культурой») Алейда Ассман обосновывает современное явление – негативную (травматическую) память наряду с традиционными формами воспоминания – мученичеством или героизацией [23, с. 132–135]. Ключевыми фигурами нового типа мемориальной культуры, по мнению исследователя, становятся не герои-победители и герои-мученики, которые погибли сражаясь, а безвинные жертвы [Там же, с. 155–158]. Как отмечает О. Б. Леонтьева, «...особенностями “новой мемориальной культуры” Алейда Ассман считает, во-первых, “этический поворот” – критическое осмысление истории с точки зрения жертв, с помощью категорий вины и ответственности; во-вторых, “глобализацию памяти”, благодаря которой возникло транснациональное моральное сообщество, выступающее в качестве “апелляционной инстанции” и объединенное признанием универсальной ценности прав человека» [252, с. 37].

Формирование мемориальной культуры в современном понимании, согласно Ассман, произошло в 1980–1990-е гг. Нормативной основой культуры памяти стали права человека, эмпатия по отношению к жертвам нацистского режима и идея сострадания в целом. «Именно это позволило Германии стать частью транснационального (то есть американо-западноевропейского) сообщества памяти, которая направлена в будущее» [170].

Полемизируя с теми, кто, сомневаясь в ценности мемориальной культуры, предлагает забыть травматическое прошлое и начать строительство новой идентичности на базе позитивных ценностей,

обосновывая это тем, что излишняя заикленность на памяти ведет к конфликтам, Ассман утверждает: «Мемориальная культура включает в себя собственную причастность к вине за совершенные преступления и сочувствие к чужому страданию, поэтому негативное бремя истории может быть преобразовано в прогрессивные ценности» [23, с. 78]. «Воспоминания об исторической вине впервые открывают для национальной памяти возможность признать историю жертв, что сопровождается актами реституции и новыми мемориальными практиками, которые способствуют интеграции общества», – полагает ученый [Там же, с. 134–135].

Задаваясь вопросом: «Имеет ли право столь популярный дискурс “виктимизации” рассматриваться как проявление глобальной культуры памяти?» [383], К. Пахалюк отмечает, что «даже на межгосударственном уровне историческое примирение есть очень противоречивый и долгий процесс, который еще более усложняется, когда количество участников возрастает более двух. Так, ЕС (как один из наиболее ярких и успешных примеров региональной интеграции) сумел пройти достаточно долгий путь, чтобы скоординировать и выработать общую экономическую, военную и внешнюю политику, в то время как успех общей культурной политики вызывает, мягко говоря, большие споры. И это несмотря на то что – казалось бы! – европейцев много чего объединяет. Общее прошлое, римское наследие, приверженность идеалам демократии и прав человека – все это пока еще не позволяет преодолеть существующие конфликты и разногласия, в том числе имеющие “историческую окраску”». Исследователь ставит под сомнение прогрессивный потенциал глобальной памяти, вместе с тем подчеркивая, что национально ориентированная память способствует формированию общности, что является одним из гарантов социальной стабильности.

Важность затрагиваемой учеными проблематики позволяет говорить об актуальности и насущности изучения различных аспектов культуры памяти, предопределяющей динамику культуры в целом.

1.2. Понятие культуры коммеморации: обоснование терминологии

В терминологическом дискурсе мемориальных исследований значимое место занимает понятие культуры коммеморации (коммеморативной культуры, культуры увековечения), которое опирается на концепты коллективной / социальной / исторической / культурной памяти, разрабатываемые в XX в. такими учеными, как Эмиль Дюркгейм, Теодор Адорно, Аби Варбург, Морис Хальбвакс, Пьер Нора, Поль Рикёр, Ян Ассман, Патрик Хаттон и др.

В научном сообществе обращали внимание, что «идея коммеморации как возможности сохранить и понять свою историю, вновь обрести свою культурную и историческую идентичность» является одной из существенных сторон проблематики памяти [127, с. 1172].

Наше исследование не затрагивает проблем выявления семантических различий и определения выбора употребления терминов, однако анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что мемориальная культура (культура памяти) – понятие более широкое, включающее в том числе коммеморативную культуру. Встречаются и альтернативные мнения, что свидетельствует о неустоявшейся терминологии.

Так, российский социолог Ю. В. Павлова отмечает, что коммеморативная культура и мемориальная культура являются синонимами в англоязычной научной традиции [346, с. 451]. Такого же мнения придерживается доктор культурологии А. В. Святославский, поясняя, что «мемориальная культура (культура увековечения, коммеморативная культура) отвечает за процесс формирования образов в культуре настоящего для последующей трансляции в будущее» [456, с. 10]. Он характеризует культуру коммеморации как компонент культуры памяти [461, с. 1]. «Внутри области культуры памяти выделяется сфера намеренной коммеморации, представленная как совокупность мнемических практик, порождающих коммеморативные знаки» [Там же, с. 4]. «Термин же “культура памяти” является более общим, он охватывает также явления, не связанные с прямыми акциями намеренного увековечения. Кроме того, и это немаловажно, он включает такое явление, как социальное забвение» [456, с. 11].

Признанный в международном научном сообществе авторитет в анализируемой сфере немецкий культуролог Алейда Ассман смыслово и контекстуально отождествляет понятия «культура памяти» (в немецком языке – Erinnerungskultur, в англоязычной традиции – memory culture) и «мемориальная культура» [9], о чем свидетельствуют и русскоязычные переводы ее трудов. В монографии «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» («Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik», 2006) Ассман исследует в контексте трагической истории XX в. индивидуальную, коллективную, социальную, политическую, национальную, культурную и другие виды памяти, которые включает в проблемное поле мемориальной культуры, или культуры памяти [22]. К такому же выводу на основе ее трудов приходят и другие исследователи, например белорусский историк А. Браточкин [48].

Российский историк и культуролог А. Г. Васильев считает, что предпочтительнее употреблять вместо понятия «память» термин «воспоминание», поскольку это «позволяет подчеркнуть процессуальный характер феномена – не статичного набора сохраняемых в неизменном виде идей и образов, а непрерывного процесса конструирования и реконструирования образов прошлого. Именно поэтому в соответствующей англоязычной литературе вместо “memory” сегодня чаще говорят “remembering”, а в немецкоязычной – “Erinnerung” вместо “Gedachtnis”» [68, с. 332, 339].

Специальных исследований, в которых бы аргументированно и доказательно разграничивались приведенные термины, нами выявлено не было. Чередование определений в одной и той же смысловой позиции встречается в большинстве работ, что не умаляет научного вклада ученых в проблему.

Изучив вышеизложенные точки зрения, в нашем исследовании мы будем применять в качестве синонимов понятия «коммеморативная культура» и «культура коммеморации», рассматривая их как компонент мемориальной культуры, или культуры памяти. Можно провести параллель с использованием термина «memory studies», который в русскоязычном дискурсе употребляется как «мемориальные исследования» и «исследования памяти» [428].

Что касается истолкования понятий «коммеморативная культура» и «коммеморация», то формулировки исследователей в целом схожи.

«Под коммеморативной культурой понимается весь набор практик поминовения и увековечивания, который присущ данному обществу на протяжении определенного достаточно продолжительного периода времени. Культура коммеморации служит пространством передачи социального опыта, существования социальной памяти», – отмечает Ю. В. Павлова [346, с. 451].

Г. В. Горнова подчеркивает, что коммеморация – отбор событий для поклонения или порицания – формируется на стыке стратегий памяти и забвения [134, с. 19].

Согласно Аллану Мегиллу, коммеморацию формирует отношение к прошлому, его репрезентации, которое существует в обществе в настоящем, поддерживая чувства единства, общности, связи сограждан [295, с. 116].

Термин «коммеморация» (от лат. *commemoratio* – напоминание) в научный обиход введен французскими историками в 80–90-е гг. XX в. Так, автор концепции «мест памяти» Пьер Нора говорит о современности как об «эре коммемораций» (*L'ère de la commémoration*), когда целенаправленно конструируются места памяти [323].

Согласно концепции основоположника исследований коллективной памяти Мориса Хальбвакса, коммеморация – это все те многочисленные способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом [604, р. 82]; это «процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии <...> служит выражением солидарности группы» [547, с. 144–146].

«Под культурой коммеморации мы понимаем культуру увековечения, в основе которой лежит социокультурная деятельность, связанная с формированием такого явления, как памятник. В ходе такой деятельности происходит обращение к образам как прошлой, так и современной действительности, которые обрамляются, пользуясь понятием Хальбвакса, в “рамки памяти” особенностями порождающего памятник конкретного культурного дискурса. В конечном счете, культура коммеморации служит передаче социально значимых

ценностей из прошлого в будущее», – отмечает А. В. Святославский [456, с. 91].

Особо в работах исследователей подчеркивается, что коммеморация – это сознательный, намеренный социальный акт [425, с. 83; 431, с. 22–26; 461, с. 4; 639].

Пьер Нора вводит термин «ремоморация», подразумевая стратегию управления прошлым в интересах настоящего [542, с. 84].

Исследуя проблему коммеморации с точки зрения историографического подхода, М. Ф. Румянцева выделяет два ее вида: «естественный», основу которого составляет классический тип рациональности – изучать, как было на самом деле, и «искусственный», свойственный для неклассической и постнеклассической науки – «превращение истории-памяти в историю-критику» (П. Нора), т. е. социально ориентированное историописание, краеведческий вариант истории, в основе которого целенаправленное конструирование реальности [431, с. 17, 21].

Коммеморация выражает мировоззренческие аксиологические основы социума и выполняет интегративную функцию. Согласно концепции коллективной памяти Эмиля Дюркгейма, отмечает А. Васильев, «ощущение общего прошлого играет сущностно важную роль в создании и поддержании социальной солидарности», исторической преемственности, общей идентичности и стабильности; в понимании ученого, коллективная память – «социально структурированное пространство прошлого, наполненное коллективными воспоминаниями, носящими внеиндивидуальный сакральный характер» [60, с. 145–146, 162].

1.3. Культурные формации в исследовательской практике

Обращение к прошлому, его постоянная «обновляемость», закрепление и воспроизведение традиции – грани культуры коммеморации, т. е. сознательного, целенаправленного увековечения памяти о знаменательных событиях прошлого. Память укрепляется в виде общей для определенной группы людей системы символов – памятников, топонимов, памятных дат и пр. Согласно теории культурной

памяти Яна Ассмана, эти объективированные формы воспоминания, или культурные формации, являются средством институциональной коммуникации, выражающейся в повторении, практике, соблюдении [26, с. 46, 149–150].

Применение коммеморативных практик, как и других социальных практик, по Энтони Гидденсу, сегодня обосновывается не традицией, а знанием. Практики преобразуются благодаря постоянно обновляющейся информации и меняют свой характер [602, р. 38, 39]. Согласно Морису Хальбваксу, пишет Ян Ассман, традиция – это не форма, а переоформление воспоминания [26, с. 46].

Такой феномен культуры, как коммеморация, затрагивает разные направления исследований. Например, обращаясь к живописи, Е. О. Васильева изучает коммеморацию как особую форму цитирования модерна в постмодерне [69]. Мемориальную функцию архитектуры на примере величайших сооружений человечества рассматривает Том Уилкинсон [533]. В. Г. Басс исследует механизмы архитектурной коммеморации [31]. Рассмотрением праздника как формы культурной памяти занимается В. Н. Попова [392]. К. Г. Сокол исследует монументальные памятники, установленные в Российской империи с 1771 г. по 1916 г., как объекты исторической географии [483].

Конструирование социальной реальности, образов прошлого в контексте концептов «историческое знание» и «историческая реальность» – тема монографий И. М. Савельевой, А. В. Полетаева [432–434; 436].

В коллективной монографии «Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад» [338], подготовленной Обществом интеллектуальной истории Института всеобщей истории Российской академии наук, прослеживается, как сохраняется и передается информация о событиях, создаются и используются мифы, исторические образы, изменяется их восприятие в разные эпохи (Античность, Средневековье, Новое время); анализируются проблемы формирования и содержания представлений о прошлом в византийской, древнерусской, китайской, арабской, индийской, персидской, монгольской письменных традициях.

Особый интерес в рамках данного исследования вызвала глава монографии, в которой А. Г. Васильев анализирует проблему мемо-

риализации травмы в культурной памяти Польши периода разделов. Национальная история рассматривается как форма культурной памяти, обосновывающая общность и единство, «решающий источник легитимации прав наций на существование и независимость в определенных границах» [65, с. 814]. Автор развивает мысль о том, что в эпоху модерна (XIX в.) наиболее универсальной формой культурной идентичности стала нация, которая «стремилась предстать чрезвычайно древней» [Там же, с. 816], что обусловило востребованность образов прошлого. Проявления этой тенденции наблюдались в конце XIX – начале XX в. в среде интеллектуалов Западной Европы и нашли отражение в работах деятелей белорусского национального возрождения, приверженцев теории Крывии (древней и могущественной прародины белорусов) – В. Ластовского, Я. Станкевича и др. [248].

Анализ интеллектуальных последствий рабства как разновидности культурной травмы предпринимает профессор социологии Йельского университета Рон Айерман, иллюстрируя примерами из истории афроамериканской идентичности [6].

В рамках тематики нашего исследования приоритетное значение имеют работы, посвященные теории и истории памятников.

Значительный вклад в развитие теории, разработку закона об охране памятников в Австрии внес историк искусства Алоиз Ригль. Анализируя памятники в зависимости от общественной значимости и ценности в труде «*Der Moderne Denkmalkultus: Sein Wesen und Seine Entstehung*», 1903 («Современный культ памятников: его сущность и возникновение», 2018), Ригль поднимает вопрос о создании системы ценностей памяти [419; 635]. Проследив зарождение этих ценностей, их историческую эволюцию, он дифференцировал памятники по степени ценности: историческая (древность памятника, сохранность, ценность в памяти народа) и современная ценность (общественная значимость в настоящий момент, эксплуатационная ценность) [583, с. 178].

Художественная ценность рассматривается Риглем как относительная, поскольку измеряется в соответствии с тем, насколько она соответствует потребностям современной художественной воли, которые никогда не смогут быть сформированными, так как постоянно меняются в зависимости от времени и человека, т. е. являются субъ-

ективными и определяются персональными вкусами. Следовательно, художественная ценность может со временем утрачиваться, меняться; она является порождением данного момента, поэтому не может рассматриваться как «памятная ценность».

Ученый обращается к мемориальным практикам римских императоров, на примере Вены показывает, как воспринимали прошлое жители европейского города. Согласно Риглю, современный человек узнает в памятнике часть собственной жизни, и любое вмешательство в жизнь памятника он ощущает так же болезненно, как и в свой собственный организм.

Выяснением истоков культа наследия занимается С. Стурейко [493]. С точки зрения социально-культурной антропологии, он условно выделяет теории происхождения феномена культа наследия: эволюционную, диффузионную, функциональную, конструктивистскую и структурную, рассматривая их как производные от крупнейших антропологических направлений.

Теория эволюции ценностного наполнения наследия (Алоиз Ригль, Макс Дворжак) получает развитие в концепции эволюционного накопления осознаваемых ценностей. Диффузионизм понимается как обмен идеями, взаимообогащение гуманитарных наук: в теории наследия проявляется идейная диффузия истории, культурологии, искусствоведения, теории архитектурной консервации и реставрации, межкультурная и географическая диффузия. Согласно функциональной теории, сохранение наследия происходит вследствие его функциональности. В контексте конструктивизма памятник рассматривается как социальный конструкт, созданный и популяризированный СМИ для достижения политических, экономических и других целей. Структурализм (Клод Леви-Стросс) позволяет проследить универсальные принципы и способы культурной организации человеческого опыта как процессов построения знаковых и символических систем, объяснить происхождение культа наследия как материализованного культа предков, системы культурно обусловленных правил.

Изучением культуры коммеморации, визуализации памяти, в основе которой лежит в том числе социокультурная деятельность по созданию памятников и памятных мест, занимались Т. В. Габрус, С. А. Еремеева, А. С. Сардаров, А. В. Святославский, Э. А. Шулепова.

Предметом исследований А. В. Святославского стала мемориальная культура России от эпохи Киевской Руси до современности в сферах ставрографии, некрополистики, памятниковедения [455; 456; 460]. Докторская диссертация ученого «Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры» [462] посвящена мемориальным аспектам недвижимых объектов рукотворной среды обитания.

Источником изучения истории возведения памятников в России послужили исследования культуролога С. А. Еремеевой [165–167], посвященные монументальным практикам коммеморации XIX – начала XX в., формирующим коллективную память российского общества.

Традиции и современные тенденции сакрализации общественной памяти в монументальном искусстве и архитектуре Беларуси на примере храмов-памятников как некрополей, мест почетных захоронений исследует историк архитектуры Т. В. Габрусь [93]. Типологии объектов, развитию форм мемориальной архитектуры Беларуси посвящено исследование А. С. Сардарова [448].

В целом в большинстве работ коммеморация рассматривается как мемориальная деятельность по возведению монументов, именованию внутригородских объектов, проведению праздников, организации музеев и т. д. относительно города, региона, страны [54; 91; 231; 462; 571; 572; 583].

1.4. Проработка травматического опыта XX века

Анализ литературы по теме исследования позволяет утверждать, что приоритетной для научного поиска проблемой в контексте коммеморативной культуры являются военные события и конфликты.

Люди, пережившие тяжелейшие испытания XX в., принадлежащие одному поколению или социокультурной группе, занимаются, по выражению Теодора Адорно, «проработкой прошлого» [5].

В монографии профессоров истории Джея Винтера (Йельский университет) и Антуана Проста (Университет Парижа 1), опубликованной в рамках издаваемой в Кембридже серии «Труды по социальной и культурной истории современной войны» («Studies in the Social

and Cultural History of Modern Warfare») [648], прослежена обширная историография, посвященная памяти о Первой мировой войне, включающая, кроме серьезных исследований историков, социальные и культурные интерпретации, мемуарную и популярную литературу. Винтер и Прост приходят к выводу, что научная историография Первой мировой войны в основном представлена национальными школами, развивающимися обособленно. Общеевропейский взгляд на события 1914–1918 гг., отраженный в сборниках статей и редких книгах, является скорее исключением. Это объясняется различиями в восприятии опыта участия в войне разных европейских стран. На современном этапе, отмечают ученые, центральным направлением стала культурная история, история повседневности; преобладают исследования «человека на войне», а не «войны наций», что «обусловлено попытками осмыслить трагическую историю XX в. в целом, проследить взаимосвязь между Первой мировой войной и возникновением тоталитарных режимов, общей эскалацией насилия в минувшем столетии» [304, с. 132].

Для Алейды Ассман основополагающей темой становится мемориальная культура Германии, «учредительным мифом» которой выступает негативная память о Холокосте и нацистском режиме [22–25]. «Мемориальная культура стала базисом послевоенной системы ценностей, основой самосознания немцев, “несущей опорой гражданского общества”» [23, с. 11].

Даниэль Леви и Натан Шнайдер исследуют, как память о Холокосте способствовала формированию глобального консенсуса по правам человека, послужила основой для интерпретации современных противоправных актов, таких как геноцид и этнические чистки, оказала решающее влияние на формирование международных прав человека, решение проблем правосудия, репараций и реституции [616].

Рэн Цвигенберг истоки глобальной культуры памяти видит в вызвавшей ужас во всем мире трагедии Хиросимы, к которой привела технократическая цивилизация, когда технические достижения оказались поставлены на службу уничтожения [652]. Холокост и Хиросима, в понимании исследователя, – два взаимосвязанных столпа глобальной культуры памяти. «Формирование памяти об этих событиях было тесно связано со спасением веры в прогресс (и в про-

ект модерна в целом). Другими словами, процесс коммеморации был связан не столько со стремлением “увековечить и почтить”, сколько с поиском ответа на вопрос: “Как нам с этим жить дальше?”» [384, с. 8].

Коммеморативные практики по генерированию контрпамятников, антимонументов изучали О. В. Головашина, А. В. Ефимова, А. О. Котломанов [130; 168; 228; 229]. Празднование Дня Победы – тема статей Джуди Браун, М. Габовича, О. Романовой [49; 91; 424]. Увековечение памяти о Второй мировой войне в городской топонимике Восточной Европы, в том числе Минска, Киева и Вильнюса, анализировали А. Ластовский, А. Казакевич, Р. Балочкайте [250]. О политике памяти в пространстве Минска пишет А. Браточкин [48], в контексте музееведения – А. А. Гужаловский [143–145], Вильнюса – Р. Чепайтене [558]. Проблеме памяти о Второй мировой войне в Беларуси («нации Пограничья») посвящены исследования Т. П. Савчук, А. Ф. Смоленчука [440; 478].

В рамках социологического исследования белорусский ученый А. Ластовский разрабатывает тему особенностей исторической памяти на материале постсоветского выстраивания памяти о Великой Отечественной войне в Беларуси, России и Украине [249].

В отличие от мирового тренда фокусировки памяти на травматическом опыте (Джеффри Александер, Бернارد Гизен, Нил Смейлзер, Пётр Штомпка) [594] в белорусской мемориальной культуре (как и в российской [456, с. 101]) важнейшей темой остается память о героической победе в Великой Отечественной войне.

Коммеморативные практики Первой мировой войны в Великобритании исследует Т. А. Смирнова [477]. На примере 50-летия Русско-японской войны (1904–1905), отмечаемого в СССР, Н. А. Антипин изучает особенности встраивания этого военного опыта в культурную память российского общества [15]. Увековечение трагических событий Хиросимы анализирует Хиро Сайто [637]. На примере Национального военного мемориала в Оттаве рассматривает современные дискурсы в канадской коллективной памяти, приведшие к изменению места и пространства памяти, Пётр Шпунар [643].

В сборнике работ авторов из Австралии, Канады, Великобритании, Израиля и США «War Memory and Popular Culture: Essays on Modes of Remembrance and Commemoration», 2009 («Память о войне и мас-

совая культура: Очерки моделей памяти и коммеморации») [646] исследуется эволюция от традиционных (литературные произведения, архитектурные сооружения, фильмы, экскурсионные туры, сувенирная продукция) до современных форм сохранения памяти о войне (медиа, комиксы, веб-сайты и видеоигры). Исследователи размышляют над вопросами о предназначении новых форм памяти: служат ли они для запоминания или, напротив, забывания опыта войны, а также о роли коммеморации в современном национальном государстве.

1.5. Коммеморативный дискурс 9/11

Трагические события 11 сентября 2001 г. (террористические акты – разрушены башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке) стали отправной точкой для многих исследователей в области *memory studies* и теории культурной травмы. Дата 9/11 закрепила в американской языковой традиции как важнейшая веха в истории мемориальной культуры США.

Террористические акты во Франции, Турции, Германии и других странах обусловили актуальность критического исследования культурного ответа на проблемы мигрантов, беженцев и т. п. Изучению проблемного поля под общим названием «9/11» посвящены учебные курсы. Например, в Лейденском университете в рамках курса «Working Through 9/11: Literature, Film, and Memorial Culture», опираясь на теории травмы и памяти, изучаются литературные стратегии и кинематографические методы, которые авторы и режиссеры используют для размышлений о политическом дискурсе после 11 сентября [649].

Дэвид Симпсон в монографии «9/11: The Culture of Commemoration», 2006 («9/11: Культура коммеморации») [642] обращается к практикам поминовения военных событий в США и Великобритании, анализируя коммеморацию в этих странах с конца XVIII в. по настоящее время.

Адриан Папп в книге «Deleuze and Memorial Culture: Desire, Singular Memory and the Politics of Trauma», 2008 («Делёз и мемориальная культура...») [626] исследует современные формы общественного воспоминания. Опираясь на концепции Жюлья Делёза,

она анализирует Холокост, мемориал ветеранов войны во Вьетнаме, установленный в Вашингтоне, и другие коммеморативные практики и утверждает, что современная мемориальная культура способна заставить травматическую память работать позитивно. В одной из глав, посвященной теме 9/11, рассматривается влияние травмирующей памяти на жизнеспособность городского ландшафта, как в случае с Граунд-Зиро (Ground Zero – участок, на котором до террористической атаки 11 сентября, когда были разрушены башни-близнецы, располагался комплекс зданий Всемирного торгового центра).

1.6. Изобретенная традиция: манипуляция образами прошлого

Значимое место в мемориальных исследованиях занимают проблемы политики памяти, фальсификации истории, конструирования традиций.

В сборнике статей «Изобретение традиции» (1983) [644] под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера позиционируется конструктивистский подход к политике памяти, т. е. акцент делается на анализе того, как власти манипулируют образами исторического прошлого и навязывают массам сконструированную версию истории, обосновывающую политические цели, создают новые традиции и ритуалы в соответствии с политическими реалиями.

Согласно Хобсбауму, «“изобретенная традиция” – это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение. Последнее автоматически предполагает преемственность во времени. И действительно, всюду, где это возможно, такие практики стараются обосновать свою связь с подходящим историческим периодом» [553, с. 48].

Историзм, на котором должны основываться знания о прошлом, способен предохранить от манипуляций с памятью, однако, как подчеркивает А. Г. Васильев, «значительная часть историописания содержит в себе не только, а зачастую и не столько... критическую

рефлексию, сколько мемориальные нарративы, продиктованные интересами момента, пристрастиями автора или заказом» [68]. Аллан Мегилл вводит понятие «эстетизм истории», т. е. воссоздание утраченных следов истории в красивых объектах [295, с. 157–158].

Попытку развенчать мифы американской истории предпринимает Джеймс Лоуэн [617]. Он фокусирует внимание на исторических местах и памятниках на территории США, обнаруживая неточности в изображении прошлого, игнорирование памяти о коренном населении страны – индейцах, стремление обелить историю рабства. Исследователь приходит к выводу, что памятники не выдерживают испытания временем; показывает, каким образом исторические места и памятники искажают знания о прошлом и в целом взгляд на мир; как память трансформируется в амнезию. В связи с данной проблемой следует упомянуть о введенном английским историком Патриком Хаттоном [549; 607] концепте «контрпамять», предполагающем альтернативную версию исторических событий, различающуюся с общепринятыми представлениями о прошлом.

Профессор Колумбийского университета Марианна Хирш впервые вводит в научный оборот понятие «постпамять» (*Family Pictures: Maus, Mourning, and Post-Memory // Discourse. – Vol. 15, № 2, Special Issue: The Emotions, Gender, and the Politics of Subjectivity (Winter 1992–93), pp. 3–29*). Определяет его «как механизм передачи травматического знания и материализованного опыта», «результат воспоминаний о травматичных событиях», которые «принадлежат другому поколению и даже другой местности или стране». «Подобно прочим “пост”, возникшим в начале XX-го и XXI-го века, – посттравматический, постмодернистский, постколониальный, постчеловеческий – понятие постпамяти отражает беспокойное колебание между непрерывностью и разрывом», – поясняет Хирш [550].

Коммеморативные практики как материальный компонент и важнейший инструмент формирования исторической памяти рассматривает З. Исрапилова. Исследователь приходит к выводу, что «механизмы коммеморации могут выполнять функции как социальной конструкции (консолидация различных общественно-политических сил, снижение социальной напряженности), так и социальной де-

струкции (усиление социальной напряженности и конфликтности; создание сознательно искаженных образов прошлого) [193, с. 72].

1.7. Общая память Восточной Европы

В 2010–2013 гг. профессор русской литературы и истории русской культуры Кембриджского университета Александр Эткинд возглавлял европейский исследовательский проект «Memory at War: Cultural Dynamics in Poland, Russia, and Ukraine», посвященный культурной памяти восточноевропейских стран. Участники проекта полагают, что «войны памяти» вокруг проблемных исторических событий обусловлены начавшимся в 1990-е гг. процессом «идеологической деколонизации» (П. Нора), когда в обществах Восточной Европы начинает высвобождаться память, вытесненная общей советской памятью. В контексте аналитических подходов к культурной памяти исследовались многочисленные конфликты памяти на постсоветском пространстве. По результатам изысканий была подготовлена монография «Memory and Theory in Eastern Europe» («Память и теория в Восточной Европе») [620], посвященная анализу культуры коммеморации Восточной Европы. Ее составители Александр Эткинд, Уиллем Блэкер, Джули Федор поднимают вопрос о становлении особой субдисциплины – «восточноевропейских memory studies» [61].

«Память Восточной Европы не только имеет свои особые динамику и источники, но и сам культурный материал памяти также отличается от того, что стало общепринятым в Западной Европе», – полагают ученые [620, р. VII].

В рамках восточноевропейских мемориальных исследований опубликована коллективная монография «War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus», 2017 («Война и память в России, Украине и Беларуси») [645], посвященная восточноевропейской политике памяти о событиях Второй мировой войны в постсоветском локальном, национальном и транснациональном контексте. Авторы отмечают основные контуры взаимодействия между «войнами памяти» и реальной войной, документируют современные практики коммеморации Великой Отечественной войны (памятники, символы, нар-

ративы) в обновленном значении темы войны в массовой культуре, в общественной и частной жизни, в продуцировании новых и реконструированных мифов [600].

Ритуалы и коммеморативные практики, связанные с наиболее значимыми местами памяти России и Восточной Европы, стали темой коллективного труда «Rites of Place: Public Commemoration in Russia and Eastern Europe», 2013 («Ритуалы места: Публичная коммеморация в России и Восточной Европе») [636]. Авторами исследуется, как памятные места воспринимаются в современной повседневной жизни разных страт общества, реинтерпретируются в ходе социально-политических изменений, репрезентируются в живописи, литературе, театральных постановках. В рамках нашего исследования особый интерес вызывает первый раздел, посвященный ритуалам, практикам, архитектурным решениям, преобразующим городское публичное пространство.

В 2014 г. Музеем истории Польши осуществлено издание сборника «Dialog kultur pamięci w regionie ULB» («Диалог культур памяти в регионе ULB») [596], созданного на основе дискуссий, проведенных в 2011–2012 гг. во время международных семинаров в Вильнюсе и Варшаве. Термин ULB – это аббревиатура, введенная в научный оборот Ежи Гедройцем и Юлиушем Меровским, составленная путем сокращения слов Украина, Литва и Беларусь, хотя концепция ULB не ограничивается тремя странами, а относится также к Польше и России, означая стратегическое пространство стабильности и независимости. Авторы из стран Восточной Европы поднимают вопросы об историческом наследии этих земель и его влиянии на современность, об уважении исторической правды. Отмечают – это территория, где культуры, религии, судьбы наций и этнических групп пересекались веками, что привело к ситуации, когда один регион является местом исторической памяти для двух, а зачастую и для трех современных наций. Сегодня это не только вызывает «конфликты памяти», но и склоняет все чаще искать общие точки соприкосновения и взаимодействия.

По мнению Виктории Донован, «плодотворный подход... заключается в изучении “местных” традиций, зарождающихся внутри исследований культурной памяти, и того, как их собственное дис-

циплинарное наследие и нормы определяют их организацию» [154, с. 178].

В рамках проектов «Мирная трансформация конфликтов на постсоветском пространстве» и «Массмедиа и трансформация конфликтов. Создание и развитие диалоговых платформ для молодых журналистов», реализация которых осуществлялась в 2016–2017 гг. Центром независимых социальных исследований (Center for Independent Social Research – CISR e.V. Berlin) в кооперации с Центром независимых социологических исследований – ЦНСИ (Санкт-Петербург), Центром трансформации конфликтов «Имаджин» (Тбилиси) и Украинским католическим университетом во Львове, был издан сборник аналитических обзоров [319]. В статьях представлен критический анализ коммеморативных практик и дискурсов исторических политик, формировавшихся в постсоветский период, в том числе практик разделения общего прошлого (Россия, Украина, Молдова, Приднестровье).

Проблемам национализации памяти, исторической памяти, в частности, по словам А. В. Портнова, «упражнениям с историей» в политических целях, посвящены исследования ученого, в которых он на украинском материале анализирует отражение проблем в государственной практике и интеллектуальном дискурсе, рассматривает трудности в националистической проработке прошлого как основополагающего элемента постсоветской культуры [393; 394].

Раса Чепайтене изучает память Восточной Европы в области музееведения [559]. Проблемы восприятия истории в контексте процессов евроинтеграции, социокультурной интеграции в ЕС, вопросы существования европейской идентичности, общей европейской памяти стали темой публичной лекции исследователя «Расколота память Европы: возможен ли консенсус?» (Минск, 2013).

В коллективной монографии ученых Европейского гуманитарного университета [478] рассматривается влияние цивилизационного Пограничья (Запад/Восток Европы) на формирование белорусской нации и культуры памяти, отдельная глава посвящена памяти о Второй мировой войне в белорусской культуре.

Т. И. Врублевская-Токер, анализируя коммеморативные практики современной Беларуси, выделяет такие особенности, как «заключение коммеморации в рамки соответствующего “места памяти”» и,

как следствие, ценностное разделение; «почитание героизма победителей и скорбь о жертвах» сталинских репрессий, Холокоста, Второй мировой и Великой Отечественной войн, жертвах Чернобыльской катастрофы; интерактивность и развлекательный характер коммеморативных мероприятий; множественность и альтернативность «воспроизводимого образа прошлого» и отраженных в них нравственных ценностей [87, с. 216–217].

1.8. Город как место памятования

В иерархии научных исследований первоочередной интерес в контексте заявленной проблематики представляют работы, сфокусированные на истории и культуре города как пространства коммеморативных практик.

Н. Г. Федотова, отмечая, что «культурная память является важнейшим детерминантом социальной реальности» [538, с. 130], вводит в научный дискурс концепт «культурная память города», выделяя ее актуальный (регулярно поддерживаемый в практиках) и потенциальный слой (хранится в архивах и пр.) [Там же, с.131]. В качестве практик городской коммеморации исследователь выявляет основные способы формирования культурной памяти города: визуальные, вербальные, эмоциональные, когнитивные, институциональные, перформативные и символические.

М. Л. Шуб, разрабатывая теоретический аспект изучения феномена коммеморации в городском пространстве, обращается к значимым признакам, отличающим его «от иных способов визуализации культурной памяти», таким как «публичность, коллективность, ритуальность, ретроориентированность, аксиологическая направленность и эмоциональность» [570, с. 161].

Докторская диссертация Е. И. Красильниковой [231] посвящена памятным местам и коммеморативным практикам в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). В рамках темы ученый исследует похоронно-поминальные традиции, некрополи, массовые государственные праздники, краеведческие музеи, в целом деятельность, направленную на охрану памятников.

Город как место памятования становится предметом анализа А. В. Дахина [148–150]. Ученый поднимает вопросы состояния исторических городов России. «Вековые тела многих из них рушатся под давлением, с одной стороны, запустения и бюджетного безденежья, а с другой – от денежных бизнесменов, которым “старая рухлядь” не нужна», – констатирует исследователь [148, с. 164].

А. В. Дахин вводит понятие «городская loci-совокупность» – совокупность мест, расположение которых жители знают из собственного опыта [Там же, с. 167]. На примере Нижнего Новгорода он рассматривает город как форму социально-исторического памятования городского сообщества, опираясь на исследование Фрэнсис Йейтс «Искусство памяти» [196], в котором на основе античной культурной традиции автор выделяет «искусную» память, использующую для запоминания «места» (loci) и «образы».

Структуру общегородской loci-совокупности Дахин определяет следующим образом: фоновые практики (повседневные и профессиональные, функциональные), топонимический язык городского сообщества и институциональная инфраструктура городской коммеморации (специализированные социальные институты – музеи, библиотеки, архивы, архитектурные и прочие памятники и т. п.).

«Полноценная работа памяти начинается тогда, когда loci-объекты вовлечены в процесс памятования об образах событий предшествующей истории, об образах героев этих событий, которые и являются главными объектами коммеморации» [148, с. 169], – полагает исследователь и поясняет: «...городской объект – архитектурный ансамбль, обелиск, улица и пр. – или название не может рассматриваться в качестве loci, если на нем не “завязана” (как узелок на память) какая-то история, легенда, нарратив» [Там же].

«Выпавшие из лона живых структур социально-исторической памяти “памятники” и “музеи”, – подчеркивает А. В. Дахин, – перестают быть полноценной основой социальной самоидентичности и самоидентичности участников коммеморации: туристы, посещающие памятники, не идентифицируют себя с культурой, которую те представляют. “Реликты” (которые, согласно концепции “мест памяти” Пьера Нора, в связи с угасанием традиции становятся “архив-

ными формами” памяти. – *О. С.*) – здания, культурные ландшафты и т. п. – являют собой объекты коллективного памятования, которые остались вне структур самоощущения и самоидентичности локальных сообществ, которые, иными словами, становятся местами “общего пользования”. Тогда их берет под опеку государство или бизнес и превращает в объекты туристического бизнеса. Если такой опеки не находится, то объекты разрушаются и исчезают с лица земли» [Там же, с. 166].

Резюмируя, исследователь приходит к выводу, что «наличие активных, хорошо работающих структур живой социально-исторической памяти человеческих сообществ является необходимым условием сохранения их самоощущенности и самоидентичности» [Там же, с. 165].

К предпосылкам работы социально-исторической памяти городского сообщества он относит действующие в качестве *loci* «материальное тело исторического города» (здания, улицы, природные ландшафты и пр.) и городской топонимический глоссарий, а также «духовную, интеллектуальную предпосылку, а именно – образы предшествующей истории города, мифы, легенды, рассказы, басни, песни, анекдоты и пр., которые ассоциируются с архитектурными, художественными, историческими и пр. памятниками города, с теми или иными названиями и, в понимании горожан, как бы “живут в них”» [Там же, с. 169].

Такие образы, на наш взгляд, формируют и воплощают писатели-краеведы. Например, повседневную жизнь Москвы второй половины XIX – начала XX в. описывает В. Гиляровский в сборнике эссе «Москва и москвичи» (1926, 1935): традиции, быт и нравы, места памяти города и его жителей. Образ Минска конструируется в сборнике городских историй Д. Бохана «Минские предания и легенды» (1901), в рамках современных представлений в книгах М. Я. Володина «Наш старый добрый Вавилон. Прогулки по городу в Минских историйках» (2014), В. Г. Воложинского «Минск в легендах, мифах и преданиях» (2012), В. А. Корбута «Минск: лучший вид на этот город» (2013) [118; 46; 81; 83; 224].

В современной культуре создаются эстетические и художественные путеводители нового типа, направленные не на «инвентариза-

цию» достопримечательностей и прокладывание маршрутов, а на создание образа города. Пётр Вайль в литературно-культурологических эссе анализирует духовную связь человека с местом его жизни, вводя понятие «гений места». Через личность и творчество выдающихся деятелей он описывает места их обитания по сложившимся из книг, картин, скульптур образам, создавая своеобразный путеводитель. По мысли Вайля, *genius loci* связывает «интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой» [55, с. 9]. Художественное описание разных сторон жизни Лондона на протяжении всего периода существования города, его предания и мифы представлены в фундаментальном труде Питера Акройда «Лондон: биография» [8]. Среди путеводителей нового типа (эстетических, художественных) – «Арт-гид Кёнигсберг/Калининград сегодня» (2005, сост. Е. Цветаева), «Малая падарожная кніжка па Горадзе Сонца» (2008) и «Минск: путеводитель по Городу Солнца» (2013) А. Клинова, «Город красной зари. Иваново: неканонический путеводитель» М. Тимофеева (2017) и др. [20; 211; 212; 511].

Культурное пространство Санкт-Петербурга посредством передачи образного восприятия материализованных посланий-памятников воссоздает С. Носов в книгах «Тайная жизнь петербургских памятников» (2008), «Конспирация, или Тайная жизнь петербургских памятников-2» (2015) [326; 327]; символику монументально-декоративной скульптуры (маскароны, барельефы и пр.) декодирует Б. Алмазов («Повести каменных горожан. Очерки о декоративной скульптуре Санкт-Петербурга», 2012) [12].

Исследования культуры города краеведческого, этнографического, культурологического, литературоведческого, искусствоведческого характера, ее создание, фиксирование и поддержание городским сообществом способствуют сохранению духа места, уникальности города, формированию идентичности локальных сообществ.

В монографии мы намеренно не обращаемся к произведениям изобразительного искусства и художественной литературы, в которых город не только становится фоном, но и полноправным героем (Петербург Федора Достоевского, Москва Михаила Булгакова, Витебск Марка Шагала, Дублин Джеймса Джойса, Венеция Иосифа Бродского, Барселона Карлоса Руиса Сафона и мн. др.). Безусловно,

такие произведения являются своеобразным эффективным способом коммеморации, так как воздействуют на восприятие читателя, формируя художественный образ города. Однако полагаем, что проблематика городского текста в литературе, искусстве и в целом в культуре – темы отдельных исследований [271; 273; 518; 521; 522].

Историко-культурный потенциал городов России, программы их развития в рамках средового подхода рассматриваются в фундаментальных трудах В. Л. Глазычева [122; 124; 125; 135]. Проблемы музеефикации городской среды разрабатывает Е. Н. Мастеница, исследуя в том числе зарождение и развитие урбоскансенов [291–294]. Изучению пространства русских исторических городов, проблемам музеефикации малых улиц посвящены исследования П. З. Гольдина [131]. Попытка исследования геокультурного потенциала городов Беларуси в контексте современных интеграционных процессов предпринята Е. Г. Коваленей [214].

Концепции культурного ландшафта как предмета наследия посвящена монография под редакцией Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой [242]. Проблемы семантики культурного ландшафта рассматривает О. А. Лавренова [246]. Историко-культурным ландшафтам Беларуси посвящено исследование А. И. Локотко [260]. Средовой подход (изучение культурного потенциала городской среды) используется А. В. Святославским, Л. Е. Трушиной [462; 523].

О. Г. Дранкевич в качестве духовной составляющей культурно-исторической среды города выделяет: наследие персонификаций (места, связанные с именами людей, снискавших высокий духовный авторитет; посвященные им скульптуры; духовными доминантами Беларуси исследователь называет Туров и памятник проповеднику Кириллу Туровскому (скульптор М. Иньков, архитектор Н. Лукьянчик, рис. 1), олицетворяющему город; памятник монаху Елисею Лавришевскому в Новогрудке (скульптор Г. Буралкин, рис. 2) и др.); событийное наследие («одним из видов событийного ценностного потенциала является традиционная принадлежность большинства малых городов знаменитым белорусским княжеским фамилиям»; братские могилы и памятники жертвам фашизма); «дух места»; «память места»; «святые места»; фольклорное и этнографическое достояние и музеи [157, с. 72].

Этнологическое исследование эволюции материальной культуры бывших белорусских местечек предпринимает А. И. Тяпкова [529]. Локальную историю Щучина в контексте региональных процессов изучает С. В. Донских [155].

С 1970 г. по 1989 г. по инициативе Белорусского добровольного товарищества охраны памятников истории и культуры издавался научно-методический бюллетень (журнал) «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», в котором освещались вопросы охраны, изучения и популяризации историко-культурного наследия.

С 1985 г. до начала 2000 г. выходило многотомное серийное издание энциклопедического характера «Памяць», содержащее разделы, посвященные материальному и духовному наследию, а также истории городов и регионов Беларуси [354–378]. Основное внимание в историко-документальной хронике уделено периоду Великой Отечественной войны. На 2015 г. издана 151 книга [379].

Электронные мультимедийные издания, содержащие исторические документы, архивные и краеведческие материалы, публикации современных исследователей по истории Бреста и Слонима, подготовлены Национальной библиотекой Беларуси в сотрудничестве с Национальным историческим архивом Беларуси и брестской и слонимской библиотеками [475; 528].

Работы ученых посвящены отдельным аспектам мемориализации в городском пространстве. Объектом изысканий А. А. Баранниковой являются маркеры памяти в формировании культурного ландшафта города. Материалом исследования послужили мемориальные доски, установленные на территории Москвы с 1914 г. по 2014 г. Автор отводит городу роль «фильтра», отделяющего памятные события от тех, что преданы забвению. Городское пространство рассматривается исследователем как носитель памяти в противовес подходам теоретика социологии города Фердинанда Тённиса и Чикагской школы, согласно которым носителями памяти выступают городские сообщества [29, с. 156]. Особенности коммеморации в российской провинции на основе изучения мемориальных досок в Липецке и Липецкой области рассматривает А. В. Скиперских [471]. Е. А. Беседина и Т. В. Буркова [37–39] на примере использования мемориальных досок рассматри-

вают деятельность субъектов памяти по сохранению и конструированию целостности российского общества.

Проблема осмысления истории и культурного наследия индустриальных городов в центре внимания российских исследователей [403]. Влияние практик коммеморации на формирование городской идентичности на примере Омска, проблемы кризиса идентичности выявляет Г. В. Горнова [133].

Н. Колягина [219] на примере российской практики установки и обращения с памятниками анализирует общественные дискуссии о новых монументах в СМИ, рассматривает стратегии взаимодействия зрителей с памятниками.

Среди новых направлений научного поиска в области коммеморации – исследование особенностей перформативных практик, которые рассматриваются в качестве современного способа формирования культурной памяти города, важного элемента коммуникативных практик [49; 80; 423; 538]. Внимание ученых сфокусировано на визуализации национального в городской среде, визуальных аспектах конструирования нации в рамках города [237; 488].

Культурологический подход к анализу топонимов как символических кодов, в которых зашифрована информация об истории, традициях, культуре города, и топонимических практик – важных составляющих городской семиосферы представлен в работах ученых московско-тартусской семиотической школы, разрабатывающих понятия «городской текст», «миф», «образ» (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, В. Н. Топоров [266; 273; 522]).

В конце XX – начале XXI в. исследования по городской семиотике получили развитие в работах В. Абашева (анализ «культурного текста» Перми), М. С. Уварова (поэтика, семиотика и метафизика культуры Санкт-Петербурга), К. Е. Князева, М. Тимофеева, рассматривающих роль топонимов в формировании бренда города Иваново [3; 530; 213; 512].

Культурологическая интерпретация советского периода предлагается в книге В. З. Паперного «Культура Два» [380] на примере истории архитектуры, отличий в политиках наименования гео-

графических объектов в СССР в 1917–1932 гг. и 1932–1954 гг. – соответственно в научный оборот вводятся понятия о двух типах тоталитарной культуры. Лингвокультурологический анализ языка городского пространства (номинации, воплощающие образы европейских городов, в русско-, французско-, итальянско-, испанско- и англоязычных традициях) представлен в исследовании Е. Ю. Булыгиной, Т. А. Трипольской «Язык городского пространства: словарь, карта, текст» [53].

Лингвокультурологический анализ названий улиц Гамбурга, Берлина и Вены предпринимает К. А. Чупрак, классификации урбанонимов Лондона посвящено исследование Л. Н. Давлеткуловой, урбанонимы Екатеринбурга изучают Ю. А. Качалкова и Е. Н. Клименко. Урбанонимы Беларуси XIV – начала XX в. исследует А. Мезенко, топонимике Гродно XII–XVIII вв. посвящена монография Ю. Гордеева, сравнительный анализ топонимов Минска и Гродно проводит И. Сацукевич. Дифференциация семантем, закрепленных в ключевых именах городской культуры, значимых для культурной памяти Минска языковых знаках, которые аккумулируют информацию об истории и культуре города и формируют историко- и культурозначимые места памяти, выполнена автором данной монографии в работе «Минский текст: проблематика культурной памяти столичного города в условиях цивилизационного помежья» (Минск, 2017. С. 61–114). В «Минском тексте...» дан расширенный аналитический обзор литературы (с. 30–54), позволяющий проследить динамику и направления урбанистической тематики в целом и истории и культуры белорусских городов в частности.

Вопросы эффективной культурной политики, способствующей включению культурного наследия города в его социально-экономическое развитие, поднимают Чарльз Лэндри, Джонатан Викери, М. Н. Веселова [276; 76; 75].

К коммеморативным практикам относятся исследования этнографического и краеведческого характера, энциклопедические и справочные издания, нарративные и документальные источники по истории и культуре городов Беларуси.

Выводы к разделу 1

Многообразие концепций, посвященных памяти: «мемориальный конформизм» Эмиля Дюркгейма и Мориса Хальбвакса, «изобретенные традиции» Эрика Хобсбаума, «эстетизм истории» Аллана Мегилла, «места памяти» и «ремоморация» Пьера Нора и мн. др., свидетельствует о многоаспектности исследуемой проблемы.

Накопленный в науке опыт изучения конкретных периодов в истории культуры городов, отдельных аспектов и коммеморативных практик позволяет утверждать, что мемориальная культура Беларуси вызывает пристальный интерес ученых-гуманитариев, но комплексного осмысления так и не получила. В частности, культура коммеморации в белорусском городском пространстве, будучи перспективным и актуальным направлением прежде всего культурологических исследований, остается научно не изученной сферой. В то же время специфика национальной и региональной культуры коммеморации является сегодня одной из наиболее востребованных тем в исследованиях памяти. Уникальный исторический опыт, представленный в коммеморативной культуре белорусского города, стратегии формирования памяти и идентичности с точки зрения современного опыта модернизации, ориентированной на поиск образцов в прошлом, не осмыслены, что и послужило стимулом для написания монографии.

Иллюстрации к гл. 1, разд. 1 (1.8) (рис. 1–2)

Рис. 1. Памятник Кириллу Туровскому. 1993. Туров.
Скульптор М. М. Иньков, архитектор Н. И. Лукьянчик

Рис. 2. Памятник преподобному Елисею Лавришевскому.
2007. Новогрудок. Скульптор Г. В. Буралкин

2. Детерминанты становления и развития коммеморативной культуры города

Формирование коммеморативной культуры представляет собой сложный многогранный процесс, обусловленный культурно-историческими, ценностно-мировоззренческими, духовно-нравственными, психолого-гносеологическими, политико-идеологическими и социально-нормативными детерминантами, которые традиционно понимаются как конкретные факторы, порождающие то или иное явление. Среди факторов, оказавших влияние на становление и развитие культуры коммеморации, – стремление к бессмертию, вера в загробную жизнь, создание культа предков, культа личности, сохранение и передача опыта прошлого, закрепление социальных связей, религиозные традиции, сакрализация, глорификация, этническая самоидентификация, национальная идентичность, индоктринация, эстетизация пространства.

Социокультурные детерминанты определяют выбор и характер распространения монументальных форм, оказывая влияние на традиции увековечения в разные исторические периоды.

2.1. Формы коммеморации цивилизаций древности и их последующая интерпретация

Черты перехода к обществу с фиксированной традицией сохранения и передачи опыта прошлого обнаруживаются, предположительно, в одном из древнейших городов мира – Эриду [580, с. 192], согласно шумерской мифологии самом первом городе на земле, от создания которого шумеры отсчитывали начало своей истории и культуры.

Идея вечной славы закрепляется в культуре Древней Месопотамии: мечта о бессмертии – стержневая идея «Эпоса о Гильгамеше», одной из самых ранних древневосточных эпических поэм о герое-человеке (XVIII–XVII вв. до н. э.) [579]. В ней проводится суждение, что преодолеть смерть можно в борьбе со злом посредством мудрой, нравственной, осмысленной жизни, которая вознаграждается благодарной памятью потомков.

Вера в загробную вечную жизнь в Древнем Египте порождает такую форму коммеморации, как пирамиды. Присущая фараонам мегаломания, рассчитанная на эмоциональное воздействие [31, с. 125], проявляется также в возведении покрытых иероглифами обелисков (прославляющих бога Ра и фараонов) и гигантских статуй, свидетельствуя о том, какое огромное значение в египетской культуре придавалось памяти. Эти сооружения, символы бессмертия, «призваны были увековечить память о правителе в сознании подданных, создавая очаги посмертных культов, которые превращали усопшего владыку в бессмертное божество» [533, с. 91].

Форма обелиска получила широкое распространение в последующие эпохи. Римские императоры перевозили египетские обелиски в Рим и Константинополь; возводили собственные (например, 32-метровый византийский обелиск Константина в Константинополе). В эпоху Ренессанса в Италии их устанавливали в качестве композиционного акцента в ансамблях площадей.

Данные формы коммеморации становились традицией. С их помощью создавались «очаги посмертных культов», узнаваемость облика европейского города. Например, конкурсный проект маяка-памятника В. И. Ленину в Ленинградском порту архитектора И. Лангбарда (1930–1932) выполнен в древнеегипетском стиле монумента (рис. 3), Ленин представлен в образе фараона (Ежегодник Общества архитекторов-художников. – Л. : Изд. Ленингр. союза сов. архитекторов, 1935. – Вып. XIV. – С. 249). В ежегоднике также приведены проекты И. Лангбарда, воплощенные в Минске: Дом правительства БССР, Белорусский государственный театр оперы и балета, главный корпус Белорусской академии наук, Дом Красной армии (с. 83–87).

Пирамидальный обелиск (конец XVIII – начало XIX в.) на центральной площади Свислочи (рис. 4), увенчанный позолоченным шаром и шпилем, напоминающий египетский обелиск на площади Святого Петра в Ватикане, установлен графом Винцентом Тышкевичем, ставшим владельцем Свислочи в 1778 г. со смертью отца. По легенде, он оставил послание потомкам: «Пока здесь будет стоять этот столб, город будет процветать». Основная точка городского пространства, формирующая торговую площадь, была видна издали: обелиск служил ориентиром – на свислочские ярмар-

ки приезжали купцы со всей Европы. Граф, получив привилегию на проведение ежегодной ярмарки от короля Речи Посполитой, старался приблизить местечко к облику европейских городов. Он осуществил перепланировку Свислочи: от площади, как лучи, расходились улицы города. По воспоминаниям графа Леона Потоцкого («Wspomnienia o Świsłoczy Tyszkiewiczowskiej, Dereczynie i Różanie». Wilno, 1910), «у самой сярэдне горада быў квадратны рынак, аздоблены спічастаю пірамідаю, што завяршалася доўгім пазалочаным шпілем. Вялі да яго з чатырох бакоў шырокія, пад шнур выцягнутыя вуліцы, забудаваныя ладнымі дамамі, пакрытымі гонтай, – Гродзенская, Рудаўская, Мсцібаўская, Брэсцкая і Варшаўская... У самым цэнтры рынку паміж вуліцамі Мсцібаўскай і Рудаўскай узносіўся вялікі прамавугольны гмах, вымураваны з каменя, з 48 склепамі або крамамі, прызначанымі для вальнага кірмашу, які штогод прыпадаў на жнівень месяц. За крамамі – маленькая грэка-ўніяцкая царква. На самым рынку пяць пастаялых двароў: пад Арлом, Аланем, Валом, Аднарожцам і Лебедзем. У адным рагу аптэка, у другім кафенгаўз або шынок, салідны, з більярдам, для забавы прыезджых. Насупраць кафенгаўза распасціраўся вялікі пляц, на левым яго баку драўляны парафіяльны касцёл, з гадзіннікавай вежаю» [382, с. 26]. Обелиск разрушен в 1939 г. 20-метровый обелиск восстановлен к «Дажынкам» в 2017 г. (рис. 5).

В XIX в., следуя традиции, были вывезены из Египта три обелиска и установлены в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. В форме обелиска выполнены многие монументы XIX–XX вв., посвященные в большинстве своем военным победам.

Одним из самых грандиозных обелисков является монумент Дж. Вашингтону (Нью-Йорк, 1884) высотой 169 м.

Воплощение метафоры посредством мемориального жанра – сильнодействующее средство психологического воздействия, манипуляции сознанием, является основанием традиции мемориалов. Традиция возведения погребальных сооружений в виде курганов, гробниц, тумулусов, мавзолеев запускает определенные образные ассоциации.

Для многих культур (Египта, Малой Азии, Этрурии) характерным является создание некрополей, предназначавшихся для прави-

телей, жрецов и знатных людей города. Среди них подземные усыпальницы (например, в Гонур-Депе – главном городе Маргианской цивилизации, конец III–II тыс. до н. э.), которые выглядели как дома с обеденными столами, хранилищами для посуды, одежды и украшений [449, с. 22–34], и масштабные скальные гробницы этрусков (VI–II вв. до н. э.) в виде дворцов, повторяющих планировку жилых домов. У этрусков гробницы располагались вне крепостных стен и складывались в улицы, образуя города мертвых. Прообразами гробниц служили конструкции этрусского дома, имитирующие жилые помещения. Найденные в гробницах на территории Италии многочисленные урны доэтрuscoго и этрусского периодов из мрамора и терракоты выполнены в виде домов [204, с. 412].

Иногда скальные гробницы имели богато декорированный фасад, например высеченные в скалах розового песчаника гробницы Петры (I в. до н. э.).

2.2. Практики коммеморации в создании культа предков и сакральных мест памяти

Культ предков в восточнославянской культуре проявился в традиции создавать дома для умерших в виде теремков, которые встречаются в курганных насыпях XI–XII вв. Как писал В. В. Седов, «для северной части дреговичской территории обычны захоронения в деревянных домовинах-теремах. Большинство этих домовин срубные, сложенные из бревен на высоту 0,3–0,8 м и покрытые двускатной крышей». Такие погребальные домовины-теремки зафиксированы также в курганах радимичей и других восточнославянских племен. В. В. Седов отмечал возможную связь домовин с погребальной обрядностью дославянского населения, указывая на то, что прежде эти земли были заняты балтами [466, с. 118].

Погребальные сооружения в виде домиков с окошком, в которое, как считали предки, выглядывают души умерших, – отголосок языческих обрядов. В поминальный день, например на весенние и осенние Деды, через окошко просовывали угощение.

Один из немногих в Беларуси теремков, находится на кладбище д. Борки (Кличевский р-н, Могилевская обл.) и относится к началу

XX в. (рис. 6). По мнению этнографов, на Кличевщине жили славянские племена дреговичей и сохранились традиции захоронений дохристианской культуры.

В виде бетонного небольшого домика с двускатной крышей выполнен надгробный памятник польского поэта Франтишека Карпиньского (1741–1825), расположенный на территории костела Пресвятой Троицы и монастыря миссионеров в аг. Лысково (Пружанский р-н, Брестская обл.); на стилизованном окошке – барельеф поэта и строка из его стихотворения: «*otóz moj dom ubogi...*» (рис. 7).

Четырехгранную пирамиду, напоминающую пирамиды-усыпальницы египетских фараонов, представляет собой часовня-усыпальница рода Завишей в Узде (1800 г. или вторая половина XIX в.) (рис. 8, 9).

Многочисленные надгробные памятники, среди которых стелы, обычно прямоугольной формы, высокие и узкие, украшенные рельефами с изображениями погребенного, реже статуи, возвышались на греческих некрополях.

Погребальный культ римлян требовал сохранения памяти об умершем. Первоначально погребальные сооружения в Древнем Риме «располагались за пределами городских стен, по обеим сторонам дорог, сходящихся к Риму» [305, с. 477], для напоминания живущим о подвигах предков, но с ростом территории города они входили в его пределы и оказывали влияние на облик районов. «К концу республиканского периода экономический и социальный прогресс чрезвычайно повысил самосознание преуспевающего римского гражданина и его роль в обществе. Это привело к стремлению многих обеспеченных граждан увековечить себя и свою деятельность путем постройки монументальных гробниц. Юридически этому способствовали законы о незыблемой собственности граждан на свои гробницы и о неприкосновенности последних» [306, с. 644].

У римлян не было представления о гробнице как о доме умершего, вследствие чего все внимание устремлялось на оформление внешнего вида погребального сооружения. Гробницы часто украшались горельефными портретами, символическими фигурами с героизированными чертами усопшего, посвятельными надписями.

Формы погребальных сооружений создавались под влиянием других культур. В эпоху правления первого римского императора Августа (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) возводится ряд пирамидообразных мавзолеев. Так, мавзолей претора Гая Цестия (построен – 18–12 гг. до н. э.) трактован в виде египетской пирамиды (более 36 м высотой) [306, с. 646]. Это объясняется всплеском египетской моды после завоевания римлянами Египта.

Попытка языком архитектурных форм и скульптуры прославить ремесло покойного и его роль в обществе проявляется в возведении гробницы булочника Эврисака (2-я пол. I в. до н. э.). Рельефные вставки, изображавшие различные этапы изготовления хлеба, раскрывали ремесло владельца гробницы. Предположительно «цилиндры основания повторяют форму чанов, в которых замешивалось тесто, а круглые проемы фасадов – края сосудов для зерна или жерла печей» [Там же].

Широко распространяется ордерное оформление мавзолеев. Между ионическими колоннами возводятся мраморные статуи, они также устанавливаются на пьедесталы, венчают мавзолеи, например мавзолей Истацидиев (Помпеи, нач. I в. н. э.), мавзолей Гая и Луция Цезарей в Глануме (нач. I в. н. э.) [Там же, с. 650].

Погребальные сооружения в виде храмов – распространенный эллинистический тип гробниц, восходящих к малоазийским Памятнику нерейд в Ксанфе и Мавзолею в Галикарнасе (IV в. до н. э.), созданных под влиянием ионических храмов афинского Акрополя [287, с. 283].

Усыпальница царя Мавсола в Галикарнасе, увенчанная огромной ступенчатой пирамидой, оказала определенное влияние на мировую мемориальную архитектуру. По подобию Мавзолея построены Национальный мемориал генерала Гранта в Нью-Йорке (1897), Мемориал мировой войны в Индиане (1924), Монумент памяти в Мельбурне (1934) и др.

Прообразом мавзолея в форме ротонды послужил Пантеон (например, мавзолеи Гордианов на Пренестинской дороге и Ромула на Аппиевой дороге близ Рима, начало IV в. [306, с. 657]).

С правления Октавиана Августа устанавливается культ императора, который «к началу II в. возобладали над культом богов» [307, с. 517]¹.

Два уникальных погребальных сооружения эпохи, повлиявших на формирование столицы Римской империи, – грандиозные императорские мавзолеи: мавзолей Августа (построен – 28 г. до н. э. – 23 г. н. э.) с колоссальной статуей императора на вершине, двумя обелисками у входа и двумя бронзовыми досками с текстом завещания Августа, подводившим итоги его деятельности, и мавзолей Адриана (построен – 130–148 гг.), который венчал постамент, возносивший колесницу Гелиоса.

Мавзолей Августа доминировал в ансамбле Марсова поля, возвышаясь «среди обширного парка на квадратной площади, ограниченной с трех сторон улицами, которые включали его в систему города... Это было одно из самых монументальных сооружений I в. н. э. Грандиозный масштаб (диаметр – 89 м, высота – 44 м) и строгая торжественность мавзолея Августа, несомненно, предопределили некоторые существенные черты постепенно слагавшегося ансамбля столицы империи» [306, с. 653].

Мавзолей Адриана (диаметр 64 м, высота – 21 м), установленный у берега Тибра, имел доступ только со стороны Марсова поля, откуда через реку был переброшен широкий мост с золочеными статуями на парапетах. «Мост служил парадным преддверием перед входом в мавзолей, оформленным аркой. Вход соединялся коридором с вестибюлем, в глубине которого стояла огромная статуя императора, видная с противоположного конца моста. Справа поднималась вверх спиральная галерея, приводившая в погребальную камеру, расположенную над вестибюлем на высоте 10 м» [Там же, с. 654].

Мавзолеи Самарканда – столицы империи Тамерлана и Тимуридов (1370–1499) строились как монументы, прославляющие государство

¹ «Включение в полисную жизнь (грекоязычных провинций. – О. С.) имперских культов означало не просто признание особого характера власти императора, но и осознание [полисом] своего места не только в абстрактной общечеловеческой общности, но и конкретно в общности имперской, которую и олицетворял правитель единой державы; тем самым полисы оставались важнейшей органичной частью этой державы, что было важно и для городов и для центральной власти», – подчеркивает И. С. Свенцицкая [451, с. 247].

и его создателей. Огромные масштабы и роскошь убранства отличают ансамбль мавзолеев Шахи Зинда, мавзолеев Рухабад и фамильную усыпальницу рода Тимуридов – Гур-Эмир, которая послужила прообразом мавзолея Хумаюна (строительство – 1562–1570) в Дели и Тадж-Махал (строительство – 1632–1653) в Агре – памятников архитектуры эпохи Великих Моголов [405; 517].

Характер культуры увековечения в значительной степени определяется социокультурным контекстом.

Распространение христианства способствовало возникновению культа мощей святых, созданию сакральных мест почитания. В раннехристианских храмах Рима было организовано поклонение почитаемым мощам, которые хранили под главным алтарем в крипте.

Центрами паломничества к мощам святых являлись лавры. Под лаврой (греч. *λαύρα* – городская улица, монастырь) понимались не только монастыри, но и отдельные кварталы внутри города, в которых жили прихожане, составлявшие церковные приходы.

Одним из древнейших сакральных мест почитания в Киевской Руси была Киево-Печерская лавра (дата основания 1051 г.), в пещеры которой из Иерусалима в 1187 г. были перенесены мощи белорусской просветительницы преподобной Евфросинии Полоцкой (ныне находятся в Спасо-Евфросиниевском монастыре в Полоцке) [465]. Рассматривая традиции захоронений в пещерах, можно провести параллели с катакомбами античного Рима, используемыми как места погребений, в том числе мучеников и жертв преследований при языческих императорах в период раннего христианства, и, безусловно, пещерой – семейным склепом Иосифа Аримафейского, куда ученики принесли тело Иисуса Христа.

Для того чтобы быть ближе к священным останкам, в храмах или рядом с ними делали захоронения, создавали усыпальницы. Соборы городов становились местом памяти о святых, а также королях, знатных горожанах, свидетельствовали о значимости и могуществе города.

Аббатство Сен-Дени в пригороде Парижа с начала XIII в. является некрополем французских королей.

Во Флоренции храмом влиятельной семьи Медичи становится церковь Сан-Лоренцо, при которой в 1520–1535 гг. была построена

Капелла Медичи (мемориальная часовня рода Медичи, скульптуры надгробия выполнены Микеланджело).

В Несвиже крипта костела Божьего Тела (расположенного рядом с Несвижским замком) начиная с 1616 г. – захоронения Николая Христофора Радзивилла Сиротки, основателя замка и фундатора костела – стала усыпальницей рода Радзивиллов [244].

В крипте венской Капуцинеркирхе, основанной в 1617 г., начиная с 1633 г. покоятся Габсбурги – императоры Священной Римской империи, Австрийской империи и Австро-Венгрии.

2.3. Монумент как агитационный и манипулятивный ресурс

Обращение к мавзолею – популярный мотив в монументах XX в. (мавзолей Ленина в Москве, Хо Ши Мина в Ханое, Мао Цзэдуна в Пекине, Ким Ир Сена и Ким Чен Ира в Пхеньяне, Хомейни в Тегеране и др.), вызывающий споры и разногласия в современном обществе.

Вопрос о перезахоронении Франко вызвал серьезный раскол в испанском общественном мнении. Каудильо был похоронен в 1975 г. в крипте базилики, вырубленной в скале, у подножия алтаря мемориального комплекса Долина павших, возведенного по его приказу в 1940–1958 гг. Территория комплекса занимает 1365 гектаров. На вершине скалы установлен 150-метровый крест.

На открытии начала работ по возведению мавзолея в 1940 г. Франко произнес следующую речь: «Размах нашего крестового похода, героические жертвы, которых потребовала победа, и неизмеримое значение этой эпопеи для будущего Испании не передадут простые памятники, которые обычно воздвигаются... во славу... подвигов... Здешние камни не уступят величием древним мемориалам, над которыми не властно время и забвение» [цит. по: 533, с. 92].

Согласно закону «Об исторической памяти», принятому в Испании в 2007 г., в Долине павших могут быть захоронены только погибшие в ходе гражданской войны (1936–1939). После смены политического режима от диктатуры к демократии статуи Франко были снесены, а улицы переименованы. Однако мемориал оставался местом памяти о победе диктатуры каудильо. Пришедшее к власти со-

циалистическое правительство приняло решение о перезахоронении Франко, чтобы переформатировать историческую память, переместить акценты на поминовение и почитание погибших в войне, а также жертв франкизма. Премьер-социалист Педро Санчес высказался следующим образом: «Сегодняшняя Испания – это продукт прощения, но она не может быть продуктом забвения» [цит. по: 218].

Долгие общественные споры привели к тому, что в 2019 г. останки Франко были эксгумированы и перезахоронены на кладбище Мадрида. Таким образом завершился процесс критической интернализации, т. е. освоения негативной памяти о прошлом.

Создание культа личности, обожествление правителей посредством создания мавзолеев коррелируют с триумфальной глорификацией (лат. *glorificatio* – прославление).

Агора Древней Греции обычно была заполнена скульптурами. В 480–400 гг. до н. э. в сюжетах скульптур использовались изображения не только божеств, но и доблестных граждан-атлетов – победителей состязаний [286, с. 134]. Греки устанавливали статуи в честь победителей Олимпийских игр. В стремлении приблизиться к богам они придавали спорту сакральный характер.

Агональность максимально соответствовала культуре Древней Греции, находя проявления во многих формах духовной жизни. Многочисленные хорегические монументы устанавливались на улицах городов: например монумент Лисикрата. Обеспеченные горожане выделяли средства на постановки в театре Диониса, состязаясь за лучшее представление года. Победивший хорег получал приз от городских властей. Лисикрат в честь победы спонсируемого им спектакля на Дионисиях 334 г. до н. э. возвел в Афинах близ Акрополя 6-метровый посвященный храм цилиндрической формы, коринфского ордера, установленный на кубическом пьедестале. Его венчал каменный цветок аканфа, на котором находился дельфин, воплощающий Диониса; дельфин держал приз – бронзовый треножник.

Глорификация как восхваление героического подвига присуща культуре Античности.

В Древней Греции приносили в дар богам колонны (например, Змеиная колонна, увенчанная треножником с золотой чашей, сим-

волизирует победу в 479 г. до н. э. греческих городов-государств над персами при Платеях).

Устанавливали статуи в честь знаменитых полководцев. Из сохранившихся письменных источников известны выполненные Фидием предположительно в 460 г. до н. э. скульптуры полководца Мильтиада, командовавшего греческой армией во время Марафонской битвы, в которой была одержана победа над персами, и десяти особо отличившихся героев [381, с. 56, 57].

Традиция возводить прижизненные статуи в честь легендарных героев сохраняется у римлян. Так, было увековечено имя Публия Горация Коклеса, который спас Рим от этрусков в 507 г. до н. э.: в течение долгого времени один оборонял мост через Тибр, не пропуская врага в город.

Во II веке до н. э. на Форуме возводили статуи и монументы, восхваляющие представителей политической элиты Рима.

В эпоху правления Константина Великого на Римском форуме в самом его большом здании – базилике Максенция и Константина – был установлен колосс императора (размер памятника примерно 12 м), а на Константинопольском форуме – 35-метровая колонна Константина (330-е гг.), которая служила постаментом для статуи императора.

Восприняв от этрусков и народов эллинизированного Ближнего Востока идею триумфальной арки и триумфальной колонны, устанавливая на площадях бронзовые конные скульптуры императоров или вывезенные из Египта обелиски, римляне «задали образец, которому последующие века следовали без колебаний» [123, с. 189].

«Памятники воздвигаются победителями и зачастую, как утверждает Беньямин, выступают “документальным подтверждением варварства”. Например, триумфальная арка Тита на Римском форуме, породившая в XIX веке бесчисленные копии по всему миру, в том числе и в Париже, увековечивала победу над Иерусалимом в 72 году нашей эры» [533, с. 89]. Рельеф триумфальной римской колонны Траяна (113 г. н. э.) повествует о завоевании Дакии. «Последний из императорских форумов – форум Марка Ульпия Траяна – грандиозностью и блеском превзошел все построенные прежде... Единоличная императорская власть стала общепризнанным фактом, и ансамбль про-

славлял не только могущество государства, но и открыто возвеличивал личность императора – завоевателя Дакии» [307, с. 515]. Статуя Траяна являлась доминантой форума. «Ставшая безраздельной императорская власть не нуждалась более в покровительстве богов. <...> Обожествленный император вытеснил божество не только с форума, но и из храма» [Там же, с. 517].

В средневековых городах Центральной Европы идея триумфальной колонны была интерпретирована в декорированный Марианский столб, который знаменовал избавление от чумы.

В средневековой Европе и на Руси существовала традиция установки у дорог, на перекрестках памятных или поклонных крестов, которые символизировали избавление от каких-либо бедствий; они выполняли одновременно культовую и мемориальную функции. Традиция ставить у дорог кресты, а впоследствии и часовенки пошла от языческого обычая создания мемориальных памятников в виде придорожных столбов с изображением божеств [159, с. 10]. На территории Беларуси распространение получили кресты, высеченные на камнях у дорог и найденные посередине рек (Борисовы камни, рис. 10; Рогволодов камень), ими украшались надгробные камни, становившиеся памятниками.

В Византии память об императорах как священных особах, наместниках Бога на земле запечатлевалась в мозаиках храмов, как, например, изображения Юстиниана со свитой и его супруги Феодоры со свитой (церковь Сан Витале, Равенна, 546–548 гг.). Византийское монументальное искусство воплотилось в мозаиках Святой Софии (Константинополь), сохранивших изображения святителей и императоров: император Лев VI преклоняет колени перед Иисусом Христом (886–912), портрет императора Александра (912), императоры, приносящие дары Богородице: Константин дарит город Константинополь, Юстиниан – собор Святой Софии (2-я половина X в.).

Прообразом конных статуй послужила бронзовая статуя римского императора Марка Аврелия, установленная на площади Капитолия в Риме (II в. н. э.). Первый гражданский монумент эпохи Возрождения – конная статуя кондотьера Гаттамелаты (Эразмо да Нарни) была установлена в 1453 г. в североитальянском городе Падуе (скульптор Донателло). Конная статуя капитан-генерала,

предводителя наемных войск Венецианской республики, наследника истории и славы Древнего Рима Бартоломео Коллеони по решению Сената была установлена в 1495 г. в Венеции в центре площади Санти Джованни э Паоло (по условию завещания и на оставленные Коллеони средства; скульптор Андреа Верроккьо).

Подобные памятники в XVIII–XXI вв., как правило, посвящены властителям и полководцам.

Первая конная статуя на территории Беларуси – статуя польского и французского военачальника Юзефа Понятовского была отлита из бронзы в 1832 г. (датский скульптор Бертель Торвальдсен), но по причине царских репрессий не была установлена перед Дворцом наместника в Варшаве. Николай I приказал пустить памятник на пуговицы для царских мундиров. Магнат И. Ф. Паскевич изготовил пуговицы за свой счет, а памятник установил возле своего дворца в Гомеле (рис. 11). По итогам советско-польской войны 1919–1920 гг. одним из условий подписания Рижского мирного договора было возвращение памятника в Польшу. Возвращенный в Варшаву в 1922 г. памятник был взорван в 1944 г. Подаренная датским правительством новая отливка скульптуры с 1965 г. находится перед дворцом Радзивиллов (ныне резиденцией президента Польши) в Варшаве.

Пример обожествления увековеченных в камне вождей в XX в. – скульптура головы Ленина (1971) высотой 7,7 метров (постамент – 6,3 м) на главной площади Улан-Удэ (памятник вошел в Книгу рекордов России как самое большое изваяние головы В. И. Ленина в мире). В начале XXI в. гигантская 6-метровая бронзовая статуя Саддама Хусейна на 8-метровом постаменте в центре Багдада, установленная в честь 65-летия иракского президента, простояла с 2002 г. по 2003 г. – свержение режима Саддама Хусейна.

Наивысшая степень проявления глорификации – именование города в честь знаковой личности (императоров и царей: Рим – 753 г. до н. э., Константинополь – 330 г., Александрия – 332 г.; князей: Заславль – 985 г., Владимир – 990 г., Ярославль – 1010 г., Борисов – 1102 г., Мстиславль – 1135 г.; президентов: Вашингтон – 1790 г., Нурсултан – 2019 г., т. д.). После Октябрьской революции 1917 г. получила развитие политическая топонимика: многочисленные города и поселки носили имена политических лидеров советского государ-

ства¹. В Беларуси в Горецком – 1918 г. и Слуцком – 1921 г. районах в Ленино были переименованы местечки Романово, чтобы не напоминать о царской династии, не имеющей, однако, к названию никакого отношения. В то же время агрогородок Ленин в Гомельской области носит свое имя с XVI в. по названию урочища, и оно не связано с псевдонимом вождя мирового пролетариата.

2.4. Национализация прошлого

В XIX в. на основе осознания национальной монолитности, общности самопонимания и самоидентификации, формирования социальных связей повсеместно создаются национально значимые монументы, открываются музеи национальной памяти, «призванные подчеркнуть величие национальной истории, разрабатывающие соответствующий пантеон героев и культурных деятелей» [219, с. 92].

Национальная идентичность порождает практики увековечения памяти о значимом для нации общественном деятеле, герое и т. п. Формируется нациосфера (термин введен М. Ю. Тимофеевым) [514], в которой объективируются национальная идея, национализация прошлого и выбор нациоформирующих приоритетов его толкования.

Здесь стоит отметить, что часто коммеморативные процессы вызваны изменением государственного устройства под влиянием внешней экспансии. Так, владычество Российской империи на землях Речи Посполитой обусловило изменение городского пространства, которое становилось «местом для символических репрезентаций русской гегемонии» [284, с. 283]. В то же время наблюдалось успешное осуществление гражданских национальных инициатив, например, таких, как установка памятников Адаму Мицкевичу (1897–1898) и Фридерiku Шопену (начало XX в.) в Варшаве. Исследуя пространство Варшавы конца XIX – начала XX в., специалист в области истории Центральной и Восточной Европы Рольф Мальте отмечает: «...такая свобода развития монументальной культуры, предоставленная полякам генерал-губернатором, зашла, по мнению некоторых

¹ См. подробнее: Вежбиньски Ярослав. Топонимические советизмы, связанные с именами Ленина и Сталина // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. – 2012. – Т.8. – С. 103–111.

представителей русского общества, уже слишком далеко. В жалобе на имя министра внутренних дел они сетовали на то, что польское общество свободно осуществляет свои “национальные домогательства” в публичном пространстве и на казенной земле “может поставить свой памятник польскому национальному музыканту Шопену”» [Там же, с. 298].

В эпоху наций память превращается в идеологическое средство формирования новой идентичности, идентификации субъекта с нацией, а памятник представляет собой универсальную форму воплощения и трансляции национальной идеи.

В XX в. после окончания кровопролитной Первой мировой войны зарождается традиция, по которой нации и государства устанавливают памятники неизвестному солдату. Часто они входят в расположенный в центре столицы мемориальный комплекс, символизирующий значимые ценности нации, как, например, Витториано в Риме, Колонна Конгресса в Брюсселе, Национальный памятник на Витковце в Праге, Могила Неизвестного солдата в Афинах и др.

Как отмечает Н. Колягина, исследующая российские мемориалы, «если обратиться к содержательной стороне созданных в 2011–2012 годах памятников, можно заметить, что большинство из них является “национальными монументами”... Это подразумевает истолкование истории в героическом ключе, преимущественное создание парадных интерпретаций прошлого, крайне редкое упоминание трагических сторон даже в широко известных и прославляемых событиях и явлениях (Великая Отечественная война, космонавтика, индустриализация и т. д.)» [219, с. 92–93].

Посредством формирования мест памяти задаются пространственные координаты идентичности. Символический акт национализации социального пространства, его символического присвоения – установка памятника русскому мореплавателю Фаддею Беллинсгаузену на российской антарктической станции на берегу острова Кинг-Джордж (обозначенного на российских картах как остров Ватерлоо) в начале 2020 г. к 200-летию открытия Антарктиды. Неурегулированность территориальных претензий в Антарктике порождает многие проблемы, в том числе проявляется и в топонимии:

на иностранных картах российские географические названия указываются в скобках либо не обозначаются.

Механизмы увековечения обусловлены жизненным циклом практик коммеморации и мест памяти. Джей Уинтер и Ф. В. Николаи [534] выделяют следующие его фазы: креативная (создание мест памяти ради конкретных целей поминовения), период институционализации (фиксация в календаре и привязывание к конкретным местам) и рутинизации (повсеместное распространение и превращение в традицию), стирание значимости.

Культура памяти регулируется посредством идеологической индоктринации, неотъемлемой частью которой является культура забывания.

Идеологическая индоктринация общества в сфере культурной памяти – целенаправленное распространение какой-либо политической идеи (идеологии) в форме системы убеждений, образов, установок, ценностей, стереотипов для выработки определенного общественного сознания, в том числе с помощью памятников. Это касается исторических событий и процессов, отмечает А. Миллер, «по которым в обществе нет консенсуса, которые являются предметом дискуссий» [302, с. 18].

Ученый выделяет неотъемлемую часть политики памяти – политику забывания. Он полагает, что забывание может быть «вытесняющим» («когда общество не касается определенных, чаще всего недавних, событий как особенно болезненных и конфликтогенных»), «отрицающим» («когда ключевые общественные силы избегают признания и обсуждения определенных постыдных или преступных событий прошлого») и «понимающим» («когда фокус общественного внимания смещается в сторону от какого-либо события или процесса после того, как предприняты усилия по обсуждению, в том числе обсуждению вины и ответственности») [Там же, с. 14–15].

Современные политические режимы при помощи создания памятных мест и возведения памятников устанавливают нормы взаимоотношений массового сознания и государственной идеологии, осуществляют презентацию нации как внутри страны, так и за ее пределами. Утверждаются концепции нации, которые соответствуют государственной идеологии. В то же время общественная сфера

становится плюралистической, власть уже не может претендовать на контроль над ней.

Перезахоронение осенью 2019 г. национального героя Беларуси Кастуся Калиновского и участников восстания 1863–1864 гг., останки которых были найдены в 2017 г. при раскопках на горе Гедымина в Вильнюсе, вызвало широкий общественный резонанс. Обращение представителей белорусской интеллигенции с открытым письмом к руководству Литвы с просьбой о перезахоронении останков Калиновского в Беларуси не было удовлетворено. Останки повстанцев поместили в центральной часовне на кладбище Расу, одном из наиболее значимых в историко-культурном отношении для белорусов некрополе Литвы. Однако белорусская общественность добилась того, чтобы на каждой могильной плите помимо надписей по-литовски и по-польски были сделаны надписи и на белорусском языке. Торжественную церемонию общественного прощания в Вильнюсе посетило большое количество белорусских историков, политиков и др.

Забывание сменяется критической интернализацией. Включение негативной памяти о прошлом в современный контекст все чаще актуализируется в постсоветских странах. Например, в Киргизии недалеко от Бишкека создан пантеон «Ата-Бейит» («Могила отцов») в память о национальных трагедиях. Мемориал посвящен жертвам репрессий 1937–1938 гг. в СССР – представителям национальной элиты, в числе которых был отец писателя Чингиза Айтматова Торекул Айтматов. В 2008 г. здесь похоронен сам писатель, в 2010 г. – жертвы Апрельской революции, в 2013 г. – открыт памятник писателю, а в 2016 г. установлен памятник жертвам народного восстания 1916 г. [406].

Наряду с масштабными мемориальными сооружениями в XX – начале XXI в. распространение получила городская скульптура, которая создается в том числе в целях эстетизации пространства. Это лишённые помпезности фигуры в натуральную величину, без пьедесталов, стоящие на плитах маленькой площади (например, Чарли Чаплин на Лестер-сквер в Лондоне) или сидящие на скамье, как Пабло Пикассо у Национальной библиотеки Беларуси на бульваре, названном в его честь (рис. 12). Приобщение к ценностям общемиро-

вой культуры проявляется в городской топонимике (например, одна из улиц Минска в микрорайоне Новая Боровая носит имя Леонардо да Винчи), возвращении имен выдающихся личностей (например, установка в Минске в 2019 г. бронзовой копии скульптуры Осипа Цадкина «Вестник» («Носитель даров», «Навигатор»)¹ (рис. 13).

В систему государственной политики памяти интегрируется празднование юбилеев и памятных дат. Современной тенденцией становится поиск захоронений и антропологическая реконструкция с помощью технологий компьютерного моделирования облика знаковых для истории и культуры личностей. Например, в 2003 г. поиск пропавшей могилы Николая Коперника стал главным событием программы празднования 530-летия великого астронома. В 2005 г. (200-летие со дня смерти Шиллера) ученые эксгумировали останки поэта и по черепу восстановили его портрет. В 2015 г. (400-летие выхода второй части романа «Хитроумный идадьго Дон Кихот Ламанчский», в следующем году 400-летие со дня смерти Мигеля Сервантеса) в склепе монастыря ордена Пресвятой Троицы в Мадриде были найдены останки писателя.

Об актуальности культуры коммеморации как объединяющего фактора в современном мире свидетельствует внимание к аутентичным традициям, праздникам. Например, балтийские праздники песни и танца (Латвии, Литвы и Эстонии), включенные в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО (2003), отличаются грандиозностью и масштабностью. Так, в 2018 г. в Празднике песни² и танца в честь 100-летней годовщины Латвийской республики, проходившего на протяжении недели в парках, концертных залах, музеях, церквях, на площадях и улицах Риги, были задействованы 43 тыс. участников из 118 латвийских самоуправлений, а также представители латышской диаспоры из других стран мира и полмиллиона зрителей. В одном из танцевальных представлений приняли участие 17 тыс. танцоров, одновременно исполняющих народные

¹ Работа скульптора-авангардиста, уроженца Витебска Осипа Цадкина, представителя Парижской школы, первоначально была выполнена в дереве для Всемирной выставки в Париже 1937 г. Копия скульптуры из бронзы установлена в 7-м округе Парижа у Моста инвалидов (1993). Имя скульптора носит одна из улиц Парижа.

² Первый праздник песни состоялся в Риге в 1873 г.

танцы. В заключительную Ночь всенародной песни хор из 12 тыс. певцов исполнил отечественные музыкальные произведения, а затем участники, организаторы и зрители образовали единый хор и до рассвета пели любимые народные песни. На фоне социально-экономического кризиса и оттока населения из стран Прибалтики подобные коммеморативные практики – действенное средство национальной идентификации, самопрезентации и позиционирования локального сообщества, напоминания о корнях, возможность донести идею об уникальности и важности сохранения народных традиций.

В качестве еще одного яркого примера насущности культуры коммеморации можно привести европейский ежегодный международный фестиваль «Ганзейские дни», который объединяет, как и в XIII–XVII вв., города – участники Ганзейского союза. Принадлежность к средневековой Ганзе, почетное право принимать у себя «Ганзейские дни» отстаивают многие города – очередь расписана до 2039 г. Города, входившие в Ганзейский союз, стремятся сохранять и популяризовать средневековую аутентичность. Например, в орденском замке XIII в. в г. Цесисе, отреставрированном в числе первых после обретения Латвией независимости, не проведено электричество. Посетителям замка предлагается осмотреть его залы, освещая путь с помощью старинных свечных фонарей, что позволяет ощутить средневековую атмосферу. Также бережно относятся к памяти обо всех исторических периодах в жизни города: в саду средневекового Цесисского замка находится памятник Ленину, демонтированный с главной площади в 1990 г.

Выводы к разделу 2

Таким образом, ряд факторов, оказавших значимое влияние на процесс развития культуры коммеморации, формировался на протяжении истории человечества. Анализ социокультурных детерминант эволюции коммеморативных практик позволяет сделать вывод о том, что развитие культуры увековечения обусловлено социально-политическими и духовными факторами общественной жизни и что ведущую роль в этом процессе играют религиозные традиции и государственная идеология, во многом определяя особенности содержания

этой культуры. Духовно-нравственные детерминанты реализуются через аксиологическую систему духовной культуры, приоритетом которой являются патриотические ценности.

Исторический опыт свидетельствует, что государства, достигавшие высоких вершин культурного развития, на определенных исторических этапах обращались к идеям общности, объединяющим, основанным на духовных ценностях национальным концептам.

Иллюстрации к гл. 1, разд. 2 (рис. 3–13)

Рис. 3. Конкурсный проект маяка-памятника В. И. Ленину в Ленинградском порту. 1930–1932 гг. Архитектор И. Г. Лангбард. Ежегодник Общества архитекторов-художников. Ленинград. 1935. Вып. 14

Рис. 4. Обелиск. Конец XVIII – начало XIX в. Свислочь. Установлен владельцем Свислочи графом Винцентом Тышкевичем в честь свислочской ярмарки как символ благополучия и процветания. Разрушен в 1939 г. Фото: kultura-svisloch.by

Рис. 5. 20-метровый обелиск в Свислочи воссоздан в 2017 г.
Фото: <https://www.sb.by/articles/deklamiruem-vysokim-shpilem.html>

Рис. 6. Захоронение в виде «теремка». Начало XX в.
Деревня Борки, Кличевский район, Могилевская область

Рис. 7. Гробница польского поэта Франтишека Карпиньского.
Начало XIX в. Агродорок Лысково, Пружанский район,
Брестская область. Фото Никиты Пастухова. Источник: Intex-press

Рис. 8. Часовня-усыпальница Завишей.
1800 г. или вторая половина XIX в. Узда

Рис. 9. Фрагмент часовни-усыпальницы Завишей

Рис. 10. Борисов камень. XII в. Полоцк.
Фото Леонида Моствилишского

Рис. 11. Конная статуя Юзефа Понятовского.
Памятник изготовлен в 1817–1832 гг. Скульптор Бертель
Торвальдсен. Установлен у дворца И. Ф. Паскевича,
1840. Гомель. Возвращен в Варшаву в 1922 г.

Рис. 12. Скульптура «Пабло Пикассо» на одноименном бульваре
в жилом комплексе «Маяк Минска». 2018. Минск.
Реплика скульптуры Франсиско Лопеса Эрнандеса,
установленной в Малаге в 2008 г. недалеко от Дома-музея Пикассо

Рис. 13. Скульптура Осипа Цадкина «Вестник». 1937.
Корпоративная коллекция Белгазпромбанка. 2019. Минск. Фото автора

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА КОММЕМОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА

1. Формы помнящей культуры

Генезис и формирование культуры коммеморации в белорусском городе тесно связаны с его историей и социокультурными изменениями.

Согласно периодизации, предложенной З. В. Шибeko, история развития белорусских городов включает семь этапов: возникновение белорусских городов до IX в.; древнебелорусские города IX – первой половины XIII в.; города ВКЛ (вторая половина XIII в. – 1569 г.); белорусские города в составе Речи Посполитой (1569–1795); города царского периода, под которым имеется в виду вхождение белорусских земель в состав Российской империи (1795–1917); города Беларуси в период российской «смуты» и СССР (1917–1991)¹; города суверенной Беларуси (после 1991 г.) [574, с. 22]. Периодизация А. П. Сапунова, касающаяся исторического развития города Витебска, затрагивает пять периодов: белорусский древний (XI–XIV вв.); белорусско-литовский, или период «уставных грамот», когда города входили в состав ВКЛ (XIV в. – 1569 г.); магдебургского права, который начался после образования Речи Посполитой (1569–1772); белорусско-российский –

¹ В истории городов Западной Беларуси выделяют период II Речи Посполитой (1921–1939) [599, с. 179].

присоединение белорусских земель к России (1772–1924); приобщение к новой белорусской культуре¹ [447].

В контексте европейской истории эволюцию городов можно представить следующим образом: древний город; античный город; средневековый; эпохи Нового времени; XIX в.; эпохи Модерна; Новейшего времени; постиндустриальный город. Льюис Мамфорд выделяет стадии эволюции города, соотнося их с развитием культуры: средневековый город, барочный город, индустриальный город, мегалополис, биотехнический город, посвящая каждой стадии отдельную главу [623].

На протяжении истории шло развитие городских поселений, соответственно менялся их статус: одни росли и из местечек становились городами, в других происходил обратный процесс. В качестве критерия в нашем исследовании принимается условие, что в каком-то историческом промежутке поселение можно было причислить к городским независимо от того, каким оно было – малым, средним или крупным. А. П. Грицкевич указывает, что «в документах начиная с XVI в. одно и то же городское поселение нередко называется и городом («город», «место»), и местечком» [139, с. 34].

В XVI–XVIII вв. малые города составляли основную массу частновладельческих, в отличие от королевских (великокняжеских). Крупные и средние частновладельческие города принадлежали магнатским родам.

Некоторые города переходили от одних владельцев к другим, но в большинстве своем находились во владении магнатских семей многие десятки и сотни лет, что повлияло на характер коммеморативных практик в современный период, когда определенный объект наследия связывают с определенными историческими личностями и актуализируют память о них.

Радзивиллам принадлежали Несвиж, Клецк, Копысь, Давид-Городок, Мир, Слуцк, Копыль, Стволовичи, Глубокое; Сапегам – Старый Быхов, Друя, Ружаны, Высокое, Дубровно, Толочин, Бешен-

¹ Как известно, 1920–1930-е гг. были периодом белорусизации. А. П. Сапунов (1851–1924) принадлежал к кругу западнорусистов, постулирующих белорусов как этнографическую группу общерусского народа, что объясняет название последнего периода.

ковичи, Горы, Горки, Черей; Ходкевичам – Шклов, Глуск; Хрептовичам – Холопеничи, Сангушкам – Раков [Там же, с. 39–40].

Трансформация коммеморативных практик происходила и происходит под влиянием исторической принадлежности города и ее изменения. В рамках исторических периодов рассмотрим некоторые процессы, имеющие место в культуре коммеморации.

1.1. Курганы, сакральные захоронения, сарматский портрет

«Исконнейшей и самой распространенной формой помнящей культуры» Ян Ассман называет память об умерших [26, с. 35].

В системе дохристианских верований важное место занимают погребальные сооружения в виде курганов. На территории Беларуси насчитываются десятки тысяч отдельных курганов. Первые курганы появились еще в бронзовом веке и относятся к среднеднепровской культуре [171, с. 15]. Расцвета курганная культура достигла в период раннего Средневековья (X–XI вв.). Г. Х. Татур в работе «Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение» (1892) выделял следующие виды курганов: памятные (в честь вождей; в память важного происшествия; в память жертвоприношения или исполнения важного обряда), военные («знаменуют окрестности, служившие местом столкновения народов»), гробовые («составляют кладбища племен, здесь проживавших»), сторожевые («на верху этих курганов жители держали поочередную стражу, наблюдавшую за приближением... неприятеля») и путевые (места захоронения и граничные знаки) [508, с. 24–31]. Исследователь отмечал, что «памятные [курганы] бывают особо поставлены на открытых возвышенностях, среди более населенных в доисторическое время мест...» [Там же, с. 24]. Немногие курганы IX–XIII вв. сохранились до наших дней. Среди них курган дреговичей (X–XI вв.) в районе проспекта газеты «Звезда» в Минске (рис. 14). Многовековая традиция курганной культуры трансформировалась в XX в.: Курган Бессмертия Адама Мицкевича (г. Новогрудок, 1924–1931 гг., рис. 15), Курган Дружбы (Верхнедвинский р-н, Витебская обл., д. Прошки,

1959), Курган Бессмертия (г. Орша, 1966¹, рис. 16), Курган Бессмертия (г. Лида, 1967², рис. 17), Курган Славы (Смолевичский р-н, Минская обл., 1967, рис. 18), Курган Славы (г. Гомель, 1967), Курган Бессмертия (г. Лунинец, 1967), Курган Славы (г. Гродно, 1969).

Распространение христианства в позднеантичный период способствовало проявлению культа мощей святых, в честь которых возводились храмы. В раннехристианских храмах Рима мощи хранили под главным алтарем в крипте. В храмах или рядом с ними делали захоронения, чтобы быть ближе к священным останкам. В исследовании иер. Николая (Летуновского) указывается, что «в IV веке честь быть погребенным в храме принадлежала христианским государям, епископам, клиру и мирянам примерной христианской жизни. А с VI века все христиане могли погребать своих усопших в городах, при храмах, но не в самих церквях» [320].

Таким образом, соборы средневековых городов являлись местом памяти о святых, праведниках, мучениках, а также королях, знатных горожанах, свидетельствовали о могуществе и важности города. В отечественной истории церкви важнейшее место занимает Полоцкая спасская обитель, благословенная на постройку преподобной Евфросинией. Верность памяти преподобной – это долгая история возвращения ее мощей в родную обитель (от первого прошения в 1832 г. до Высочайшего утверждения в 1910 г.). Значимость города как религиозного центра возрастала при его обладании мощами наиболее почитаемых святых. Известен, например, такой факт, как похищение мощей святителя Николая из Мир Ликийских купцами из городов Бари и Венеция.

¹ Курган Бессмертия в Орше был открыт в 21-ю годовщину Победы (память о капитуляции нацистской Германии). В его основании находится земля из окрестных деревень, с могил известных партизанских командиров Константина Заслонова, Батки Миная и из Брестской крепости.

² Курган Бессмертия в Лиде выполнен в виде пятигранной пирамиды высотой 7 м. Курган начали насыпать 9 мая 1966 г. В следующем году сюда была перенесена Могила неизвестного солдата. В 1974 г. композицию дополнили наклонные пилоны из стали, которые символизируют стволы артиллерийских орудий.

В эпоху барокко кодификация традиции осуществлялась в форме сарматского портрета, популярного в Речи Посполитой¹, а также его разновидности труменного (погребального) портрета² (рис. 19), восходящего к египетским (периода эллинизма) фаюмским портретам, которые, в свою очередь, наследуют погребальной маске Древнего Египта. Таким образом, ранние формы культуры были восприняты античным, а через него европейским искусством.

Распространение получили скульптурные надгробные портреты магнатов – основателей и фундаторов храмов: барельеф Николая Радзивилла Сиротки перед входом в усыпальницу Фарного костела Несвиж (рис. 20), надмогильная скульптура Павла Стефана Сапеги в виде спящего рыцаря в латах и его жен в костеле Святого Иоанна Крестителя, Гольшаны (рис. 21) и др.

В XVII в. под влиянием идей барокко и классицизма формировались новые эстетические идеалы, активно развивалось дворцово-парковое искусство. В загородных имениях устанавливали декоративные скульптуры из слоновой кости и мрамора: статуи святых (например, в эрмитаже – специальном флигеле летней резиденции Радзивиллов в Альбе, пригород Несвижа) и скульптуры великих литовских князей и королей Речи Посполитой (в конце XIX в. в летней резиденции графа Юзефа Тышкевича в Троках вдоль главной, Княжеской аллеи, ведущей ко дворцу, стояли мраморные бюсты великих литовских князей³).

¹ Портреты выставлялись в специальных залах, свидетельствуя о древнем благородном происхождении знатных вельмож. Также портреты магнатов-фундаторов помещались в храмах. Например, в костеле Вознесения Пресвятой Девы Марии (г. Дятлово) сохранился труменный портрет Николая Фаустина Радзивилла (1688–1746), пожертвовавшего средства на восстановление храма после пожара 1743 г. Долгое время считался изображением неизвестного магната. Атрибутирован в 2006 г. Впервые выставлен в Национальном художественном музее Республики Беларусь в 2007 г.

² Труменный (пол. *trumna* – гроб) портрет после похорон прикрепляли к стене костела.

³ В советский период на аллеях славы, аллеях героев устанавливались памятники героям Великой Отечественной войны, а в современный – в честь знаменитых местных жителей.

1.2. Античный монумент, триумфальная арка, памятная колонна и мемориалы в стиле социалистического реализма

Античная классика в XVII в. стала предметом изучения, заимствования и подражания. Восходят к античности, памятникам Древнего Рима, триумфальные арки. Например, в Могилеве в 1780 г. установили триумфальную арку, через которую торжественно въехала в город Екатерина II¹. В советское время памятник переименован в Арку Славы и реставрирован (рис. 22): проход заложен кирпичом, установлены барельефы Ленина и Сталина, а также мемориальные доски в память о победе в Великой Отечественной войне².

Под античный монумент стилизована конная статуя Юзефа Понятовского, установленная у дворца Паскевичей в Гомеле.

Среди памятников царского периода – памятные колонны в честь 1500-летия Никейского собора (1826, рис. 25³, 26⁴), который дал название Юбилейной площади, бюст Александра II (1901) в Минске (рис. 27; см. также рис. 28); памятник Александру II в Заславле, посвященный 50-летию отмены крепостного права (1911)⁵; храм-памятник (мемориальная часовня в память о сражении в Северной войне петров-

¹ Могилев вошел в состав Российской империи в 1772 г. после первого раздела Речи Посполитой.

² В 2017 г. на въезде в г. Могилев началось строительство еще одной триумфальной арки, возведение которой было приурочено к 750-летию города. Памятник открыли к V Форуму регионов Беларуси и России в октябре 2018 г. (рис. 23). В 2020 г. в рамках подготовки к фестивалю «Дажынкi» в Витебске на входе в новый городской сквер установили арку с гербом города (рис. 24).

³ Источник фото: Шибeko З. В., Шибeko С. Ф. Минск. Страницы жизни дореволюционного города. Минск, 1990.

⁴ Отмечен на фотографии 1897 г. и плане города 1898 г. как памятник в честь битвы на Немиге в 1067 г., установленный в 1897 г. Однако на плане 1857 г. он назван «Памятник Юбилей» (1826 г.), вероятно, в честь 1500-летия в 1825 г. Никейского собора (325 г.). Достоверность сведений не установлена. Фото из фондов Национального исторического музея Республики Беларусь.

⁵ Частично сохранился. Памятник построили на собранные крестьянами средства, о чем свидетельствует надпись: «Царю освободителю. 1861 – 50 – 1911. Благодарные крестьяне Юрьевской волости». Памятники-бюсты императору Александру II в ознаменование 50-летия освобождения от крепостной зависимости соорудили на свои средства крестьяне Новогрудского уезда Минской губер-

ских войск при д. Лесной¹ и победе над шведами, 1708 г.) «Матери Полтавской баталии» (1908–1912, рис. 30, 31); памятники и памятные знаки героям Отечественной войны 1812 г. (место переправы через Березину у д. Студенка, 1901; сквер «Героям Отечественной войны» в Витебске, 1912 (архитектор И. А. Фомин); сквер в Верхнедвинске² и др.). К столетней годовщине присоединения белорусских земель к Российской империи в Вильне установили памятник Екатерине II (1904). Несколькими годами ранее был установлен памятник виленскому генерал-губернатору графу Муравьеву (1898). В 1914 г. на Дворцовой площади в Гродно открыт памятник-бюст Столыпину (скульптор Э. Ксименес, рис. 32³, П. А. Столыпин в 1902–1903 гг. являлся губернатором Гродненской губернии⁴). В этот период в городском пространстве репрезентировалось российское имперское господство, что и отражалось в названиях улиц, установке памятников, приоритете архитектурных стилей.

Ленинский план монументальной пропаганды (1918) – программа развития монументального искусства в качестве важнейшего агитационного средства революционной и коммунистической идеологии требовала революционного воплощения героев нового времени, которым стал авангард. Д. Якерсон, в 1919 г. познакомившись с системой К. Малевича в Витебске, берет супрематизм за основу при изготовлении монументальных произведений (памятник Карлу Либкнехту в Витебске в саду «Липки», 1920, рис. 34⁵). Реалистический портрет революционера выполнен из сырого цемента в технике прямой рубки, а белый постамент явился прообразом архитектонов, созданных

нии – Новая Мышь, Стволовичи, Дарев (рис. 29, источник: журнал «Огонек». 1912. № 1).

¹ В двух километрах от дороги Славгород – Могилев.

² До 1962 г. город назывался Дрисса. Памятник Александру I заложен на городском бульваре в 1912 г. к столетию Бородинского сражения. Представлял собой бюст императора на обелиске красного гранита. Обелиск сохранился, является памятником войны 1812 г.

³ Источник: Вечерний Гродно. 2010. 7 апр. – Электр. версия. Режим доступа: <https://vgr.by2010/04/07>nashli-stolyipina>.

⁴ В 2011 г. на здании Гродненского облисполкома установлена мемориальная доска с изображением П. А. Столыпина (скульптор А. И. Селятыцкий; рис. 33).

⁵ Источник: Краткий учебник по русскому авангарду // Arzamas : сайт. – Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/638>.

Малевичем в 1923 г. Модерн, однако, не получил дальнейшего развития, памятник Либкнехту в 1923 г. был снесен «за формализм».

Общий стиль советской эпохи характеризуется большим количеством памятников вождям, политическим деятелям, героям революции (рис. 34–40), героям Великой Отечественной войны, писателям, ученым и т. д., выполненных в стиле социалистического реализма. Традиционным атрибутом города является наличие площади с памятником Ленину¹, обязательным идеологическим элементом советской символики (рис. 41–45).

¹ Многие памятники Ленину, установленные в довоенный период, были уничтожены во время войны. После войны памятники Ленину устанавливались на площадях городов: 1945 г. – Минск (восстановлен по эскизам М. Манизера на месте уничтоженного в 1941 г.), 1947 – Мозырь, 1956 – Витебск, 1957 – Могилев, 1958 – Брест, Гомель, Вилейка, 1960 – Барановичи, 1966 – Добруш, 1969 – Бобруйск, 1970 – Пинск, Лепель, 1979 – Солигорск, 1986 – Борисов, 1987 – Гродно, Новогрудок, Орша и др. Самый большой 14-метровый памятник Ленину в БССР планировали установить на центральной площади Светлогорска. Скульптура была изготовлена в 1987 г., но так и не установлена в связи с началом перестройки, хотя на центральной площади в Поставах памятник Ленину установили в 1991 г. Через 20 лет светлогорский памятник был переплавлен: в городе открыты памятники «Молчащий колокол» (2005, скульптор В. И. Слободчиков, архитектор И. В. Морозов) в честь воинов-освободителей Светлогорска в 1943 г. и Роману Шатиле (2006, скульптор Э. Б. Астафьев, архитектор В. В. Скурчаев), посвященный первому известному жителю Шатилинского Острова XVI в. (поселение Шатилки, с 1961 г. – в границах г. Светлогорска). В Беларуси на 2016 г. сохранилось около 400 из 600 памятников Ленину, статус историко-культурной ценности имеют 8 (минский, пинский, брестский, витебский, гомельский, могилевский, солигорский и барановичский).

Самому известному памятнику Ленину у Дома правительства (скульптор М. Манизер, 1933) предшествовали скульптуры А. Грубе, установленные в Минске во второй половине 1920-х – 1930-е гг.: в клубе им. Карла Маркса (скульптура была создана в Краснополье в 1922 г.), в Коммунистическом университете им. В. И. Ленина (1925), во внутреннем дворике клуба пищевиков (1929), на Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставке (1930). До наших дней не сохранились многие работы А. Грубе: были уничтожены во время оккупации. В 1991 г. в Минске было 20 памятников Ленину [351, с. 4]. В основном все они находятся на территории предприятий, 5 были демонтированы в 2013–2016 гг. Из памятников довоенного периода сохранилась скульптура 1936 г. (скульптор А. Л. Котихин), установленная на территории городской клинической больницы № 3 им. Е. В. Клумова. В Мозыре из 17 памятников осталось 8. Уникальная форма коммеморации – высаженный из берез и сосен к 50-летию Октябрьской революции в виде имени вождя лесной участок между г. Иваново и д. Лясковичи

Томас Бон среди основных черт, присущих советской типологии города, выделяет такие, как «сооружение общественных мест церемониального характера» и «открытие парков культуры и отдыха с социалистическими памятниками»¹, тем самым указывая на важность использования в концепции формирования «социалистического города» определенных коммеморативных практик [44, с. 10].

В советский период укореняется практика увековечения памяти о Великой Отечественной войне в городских скверах и парках (воинские захоронения, братские могилы, мемориалы, обелиски и т. п.)². Современные практики коммеморации задействуют эту традицию, переосмысляя ее в символических формах. Парк Победы в Минске, расположенный вдоль проспекта Победителей, к 2013 г. преобразован в музейно-парковый комплекс «Победа», семантическое поле которого создают многочисленные «говорящие» названия: фонтаны «Победа» и «Вечность», скульптура «Дорога в будущее» (скульптор П. Войницкий), остров Комсомольцев и Комсомольское озеро. В парке Гомеля в рамках акции «Посади дерево Победы» 9 мая 2013 г. заложена Аллея Памяти.

Брестской области. Лесничий В. С. Подолинский занимался планированием и посадкой леса начиная с 1962 г., мечтая высадить Город Солнца, лучи которого были бы выполнены из разных пород деревьев. Геоглиф занимает около 26 гектаров, каждая буква имени – 5 гектаров (рис. 46).

¹ Например, 1940–1950-е гг. – памятник В. И. Ленину на центральной клумбе у входа в Гомельский парк, панно с изображением И. В. Сталина там же; статуя И. В. Сталина перед зданием дворца Румянцевых – Паскевичей (в то время – Дворца пионеров); памятник Сталину перед входом в Городской парк (ныне Парк Жилибера) в Гродно. Первый памятник Ленину в Борисове работы А. Грубе (автор скульптуры) и А. Бембеля (автор барельефов на трибуне у памятника), установленный у входа в Городской парк культуры и отдыха, был торжественно открыт 15 июля 1934 г. В мероприятии участвовал Янка Купала, который представил жителям города поэму «Барысаў» (опубликована в газете «Звезда» 11 июля 1934 г. с подзаголовком «Да адкрыцця помніка Леніну ў Барысаве»).

² В Минске в 1955 г. создан мемориал в Парке Челюскинцев на месте братской могилы; захоронения – в 1964 г. в Парке Горького бойца Красной армии Г. Иванкова, погибшего в 1944 г., в 1965 г. революционеров А. Даумана и И. Флакса, погибших в 1920 г.

1. 3. Национальный монумент

Возвращение к исторической символике белорусского города началось в конце 1990-х – 2000-х гг. Проблемы утраты историко-культурного наследия, сохранения культурного разнообразия становятся основополагающими в этот период. Белорусским городам были возвращены гербы, увековечена память о выдающихся деятелях, знаковых личностях, сыгравших важную роль в истории города и страны, появились объекты, маркирующие культурное пространство как национальное. В Щучине установлен памятник Алоизе Пашкевич (Цётке) (1991, рис. 47), в Орше – Владимиру Короткевичу (1992, рис. 51), в Витебске – Марку Шагалу (1992, 1997, рис. 48–50), Владимиру Короткевичу (1994, рис. 52), Евдокии Лось (1996, рис. 53), в Островце – памятник-бюст Иосифу Гошкевичу (1994, рис. 54), в Иваново – памятник Наполеону Орде (1997, рис. 55), в Слуцке – Софии Слуцкой, в Давид-Городке – князю Давиду (2000), в Полоцке – памятники славянскому племени кривичей (в образе княжны Рогнеды с сыном Изяславом и группы дружинников), которые считаются основателями города (2001), просветителям преподобной Евфросинии Полоцкой (2000, рис. 56) и Симеону Полоцкому (2003, рис. 57). К 900-летию Борисова воздвигнут памятник его основателю князю Борису Всеславичу (2002, рис. 58), к 1155-летию Полоцка установили композицию «Полоцк – колыбель белорусской государственности» (2017), на которой изображены портреты знаковых исторических личностей – от легендарного князя Рогволода и его дочери Рогнеды до Всеслава Чародея и Евфросинии Полоцкой (рис. 59, 60). В Светлогорске установлен памятник Роману Шатиле (2006, рис. 61), в Лепеле – гетману Великого Княжества Литовского Льву Сапеге (2010, рис. 62), в Заславле – князю Изяславу (2014, рис. 63), в Витебске – великому князю литовскому Ольгерду (2014, рис. 64), в Поставах – Антонию Тызенгаузу (2019, рис. 65).

Многие проекты по установке памятников реализуются за счет пожертвований и помощи спонсоров и меценатов, что свидетельствует об осознании в обществе консолидирующей роли культуры коммеморации национальных героев.

В Полоцке за счет пожертвований поставлен памятник легендарному правнуку Рогнеды князю Всеславу Чародею (2007, рис. 66).

В Заславле по частной инициативе установлена третья в городе скульптурная композиция, посвященная сыну Рогнеды князю Изяславу (2017). В Лиде на общественные средства ко Дню города на пересечении улиц Грюнвальдской и Замковой в 2019 г. установили памятник основателю Лидского замка великому князю литовскому Гедымину (рис. 67), а в Гродно в 2018 г. на пожертвования мецената – памятник Давиду Городенскому (рис. 68, 69), каштеляну гродненскому, одному из главных военачальников Гедымина, прославившемуся в битвах с крестоносцами.

В то же время в столице Беларуси, несмотря на усилия общественности, до сих пор нет памятников мифологическому герою, легендарному основателю города богатырю Менеску, первому князю Минского княжества Глебу Всеславичу и многим другим знаковым персонам.

Десоветизация белорусского города проявляется в пересмотре отношения к историческим деятелям и событиям.

В Минске в 2011 г. воссоздан мемориальный комплекс «Братское военное кладбище» для захоронения жертв Первой мировой войны (рис. 70).

В 2012 г. в Глубоком на месте памятника Ленину открыли Аллею знаменитых земляков, установив бюсты в честь Юзефа Корсака, Язепы Дроздовича, Игната Буйницкого, Вацлава Ластовского и др. (рис. 71). Памятник Ленину также перенесли с центральных площадей Горок, Городка и Лиды, в Кобрине и Браславе переместили из центра на край площади. В Новогрудке большой монумент Ленину убрали с центральной площади в 1998 г., позже на краю площади установили бюст. Перенесли бюст Ленина с центральных площадей Ошмян (2012) и Толочина (2015) в рамках подготовки к «Дажынкам». В сквере, выходящем на центральную площадь Добруша, предполагается перенос памятника Ленину ближе к зданию райисполкома, а на его месте – установка ко Дню белорусской письменности памятника уроженцу Добрушчины Ивану Шамякину.

В Свислочи на Аллее памяти (памятников) установлены все памятники, которые воздвигались в разное время и в разных местах, и сейчас монумент Ленина и бюст Сталина соседствуют с памятниками одному из руководителей восстания 1863–1864 гг. Ромуальду Траугутту, солдатам необъявленной войны – интернационалистам (рис. 72).

В 2019 г. на центральной площади в Сморгони демонтировали памятник Ленину. В Гродно по причине образовавшихся в конструкции памятника трещин демонтировали для реставрационных работ памятник Чапаеву (рис. 73) и не планировали его восстановление из-за петиции гродненцев об отсутствии связи легендарного комдива с историей Беларуси¹. Горожане предлагали установить на этом месте памятник Михасю Васильку, чье имя с 1994 г. носит улица, на которой находился памятник-бюст Чапаева. В 2022 г. памятник Чапаеву установлен в сквере на улице Щорса, недалеко от памятника еще одному герою гражданской войны Николаю Щорсу. В сквере создан небольшой мемориал, посвященный теме Первой мировой и Гражданской войн: урны выполнены в виде артиллерийских орудий, в лавочки вмонтированы копии револьвера системы наган и буденовка.

Демонтируются памятники, установленные на территории ликвидированных предприятий. В 2018 г. демонтировали памятник Ленину перед Могилевским заводом искусственного волокна, в 2021 г. – памятник Г. К. Орджоникидзе, установленный в 1962 г. на территории Минского завода счетных машин (рис. 75). Завод носил имя одного из руководителей Советского государства. Скульптуру – реплику оригинала 1937 г., созданного для выставки «Индустрия социализма», выполнил заводской художник Дегтярев.

Встречаются примеры того, как механизмы циркуляции культурной памяти при образовании новых объектов и памятных мест задействуют образы советского времени. Так, в 2006 г. в историко-культурном комплексе «Линия Сталина» под Заславлем установили бюст Сталина (рис. 76). Работа скульптора Заира Азгура когда-то находилась на центральной площади поселка Ивенец Воложинского района. Еще один пример – открытие памятника Ленину возле Минского тракторного завода 7 ноября 2016 г., приуроченное к презентации новой модели трактора «BELARUS» (рис. 77)².

¹ Памятники В. И. Чапаеву установлены в Мозыре (рис. 74) и Быхове.

² В 2020 г. первый в истории Западной Германии двухметровый памятник Ленину, созданный чешским скульптором в 1957 г. и приобретенный посредством сети Интернет за 16 тыс. евро, установили в г. Гельзенкирхе члены марксистско-ленинской партии Германии. Они выиграли суд у властей города, выступающих против установки памятника.

Создание мурала с портретом политического деятеля БССР, организатора комсомольского подполья С. Прицыцкого на фасаде дома¹ по улице, названной в его честь, в Минске было приурочено к празднованию 100-летия ВЛКСМ (2018) в рамках проекта «Мой родны кут», подготовленного администрацией Фрунзенского района и БРСМ (рис. 78). В Гродно ко Дню сотрудника органов государственной безопасности Республики Беларусь в гимназии № 6 открыли обновленный памятник одному из основателей советских органов безопасности и разведки Ф. Э. Дзержинскому (2018, рис. 79), в рамках Года исторической памяти гимназии № 6 присвоено имя Ф. Э. Дзержинского² (2022).

1.4. Памятные даты, имя как бренд

Наиболее распространенной формой коммеморации являются масштабно отмечаемые памятные даты. Традицией введения ключевых имен в пространство современного города становится празднование дня рождения знаковой личности. Например, в мае 2014 г. в учреждениях культуры и образования Островецкого района прошли мероприятия, приуроченные к 200-летию со дня рождения уроженца Минской губернии первого дипломатического представителя Российской империи в Японии, составителя первого японско-русского словаря Иосифа Гошкевича. В Островце на улице его имени установлен памятный знак. Памятник-бюст был открыт в 1994 г. В июне 2015 г. проходил фестиваль экспериментального искусства «ДАХ-XXVIII “Рэйтан”», посвященный 275-й годовщине со дня рождения Тадеуша Рейтана, имя которого вошло в историю благодаря его мужественному протесту во главе небольшой группы послов из белорусских земель Великого Княжества Литовского против первого раздела Речи Посполитой. С 2015 г. в Минске ежегодно 15 августа отмечается День Чапского, городского головы в 1890–1901 гг., способствовавшего расцвету столицы Минской губернии. Граффити-

¹ Ранее на этом здании была установлена мемориальная доска в его честь.

² Бронзовый бюст был установлен в 1985 г., в результате работ по обновлению часть фасада, колонны и памятник на новом гранитном постаменте образуют единый скульптурный комплекс. Гимназия расположена на ул. Дзержинского. Созданная в гимназии пионерская дружина носит его имя.

портрет Кароля Чапского на улице Октябрьской в Минске создан в 2014 г. в рамках фестиваля *Vulica Brasil* (рис. 80). 25 сентября 2015 г. в Молодечно у памятника всемирно известного композитора Михала Клеофаса Огинского (рис. 82) торжественно отметили его 250-летие (в XVIII в. одними из владений рода Огинских были молодечненские; с 1814 г. – в собственности Михала Клеофаса Огинского, который в Залесье, Сморгони, Молодечно на свои средства открывал школы).

Одна из популярных форм культурной памяти – наименование блюд национальной кухни. Например, в столичном ресторане «Литвины» одно из горячих блюд называется «Колдуны графа Тышкевича». Рецепт впервые опубликован в поваренной книге «Кухарка литовская» (1854), но, кому он принадлежал из шляхетского рода (среди представителей которого государственные деятели, меценаты, ученые, коллекционеры), неизвестно. Кафе в Быхове названо «Замок Сапеги». В минском ресторане «Кухмістр» есть мемориальный уголок, посвященный одной из главных резиденций рода Сапег в Ружанах. В ресторане готовят медальоны из говяжьей вырезки «Ружанские».

Примером того, как имя становится брендом, является продукция Минского завода игристых вин – шампанское «Радзивилл» (названное в честь знаменитого княжеского рода), пивоваренной компании «Аліварыя» – пиво «Karol Jan» (в честь легендарного мэра Минска графа Кароля Яна Чапского, который внедрял в городе европейские достижения и технологии, в том числе и на своем пивоваренном заводе «Богемия», рис. 81), Слуцкого сыродельного комбината под брендом «Ясь Белоус» (в честь знаменитого мастера-сыродела из легенды Яся, у которого один ус был белый).

В слоях культурной памяти современного города по-прежнему артикулируется память о победе над фашизмом, героях войны и жертвах. Организованы места памяти, несущие выразительный патриотический посыл, такие как музейно-парковый комплекс «Победа» в Минске (2013), включающий парк Победы, Музей истории Великой Отечественной войны (новое здание открыто 3 июля 2014 г. к 70-летию освобождения города) и мемориальный комплекс «Минск – город-герой», к которому ведет вторая основная магистраль города – проспект Победителей, в то время как главный проспект города – проспект Независимости ведет к площади Победы. Главный праздник белорусской государственности – День Независимости

восходит к памятной для города и страны исторической дате 3 июля 1944 г. – дню освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в 2015 г. завершены работы по созданию и установке скульптурной композиции «Врата памяти» на территории мемориального комплекса «Тростенец» (рис. 83).

1.5. Современные объекты-символы

Среди актуальных коммеморативных практик следует выделить создание особых объектов-символов, которые отличают город от других городов, способствуют образованию заложенных в истории и традиции новых культурных смыслов, формируя локальную идентичность: архитектурные памятники, например Национальная библиотека Беларуси в Минске (2006), скульптурные композиции, посвященные символу самобытности белорусской культуры букве «Ў» в Полоцке (2003, рис. 84), бобру в Бобруйске (2006, рис. 85), огурцу в Шклове (2007, рис. 86), яйцу перед зданием Солигорской птицефабрики (2008, рис. 87), сыру в Верхнедвинске (2012, рис. 88), вишне в Глубоком (2013, рис. 89), сгущенке в Рогачеве (2013, рис. 90), минеральной воде «Минская-4» в Минске (2014, рис. 91), шахматной ладье XII в. в Гродно (2016, рис. 92), лососю (кумже) в Островце (2018, рис. 93).

Со многими объектами-символами связаны традиционные городские праздники. Так, День огурца в Шклове – это ежегодное мероприятие (с 2006 г.), сопровождающееся выставками-ярмарками, концертами и театральными представлениями. В Глубоком с 2012 г. проходит «Вишневый фестиваль», в рамках которого местные жители zaloжили вишневый сад, высадив 1414 деревьев, символизирующих год основания города.

Также следует упомянуть о рождении оригинальных традиций, ставших брендом города. В Гродно ежедневно в полдень поднимается на старинную пожарную каланчу трубач, чтобы исполнить белорусскую мелодию. На центральной пешеходной улице Бреста фонарщик каждый вечер с наступлением сумерек зажигает и незадолго до рассвета гасит керосиновые уличные фонари (рис. 94). Специально установленные в начале улицы часы показывают время зажжения фонарей (рис. 95). В Витебске 17 марта 2016 г. введен новый городской праздник – День дарования городу магдебургского права (1597).

Наряду с созданием уникальных символов наблюдается присущая глобализации тенденция копирования знаковых объектов мировой культуры, например таких, как Эйфелева башня, уменьшенные копии которой украшают Гомель (2013, рис. 96), центры Слонима (2014) и Столина (2018, рис. 97). Мини-копии известных архитектурных сооружений мира, в числе которых Эйфелева башня, Колизей, Пизанская башня, Спасская башня Московского Кремля, Национальная библиотека Беларуси, Брестская крепость и др., установлены в сквере им. А. А. Громыко в Гомеле (2016, рис. 98, 99) в вечернее и ночное время превращают сквер в парк световых миниатюр.

Выводы к разделу 1

Таким образом, в культуре коммеморации белорусского города можно выделить следующие направления: увековечение памяти о личности; о событии; об общем прошлом локального сообщества; в ней отражаются социальные, идеологические, нравственные изменения. Вопросы значимых мест памяти сегодня приобрели особую актуальность. Ускорение исторического и социокультурного развития белорусского общества проявилось в постановке проблемы утраты культурного наследия, в том числе тоски по утраченному прошлому. Постепенно восстанавливаются утраченные памятники, складываются новые места памяти, а наиболее распространенной формой коммеморации становятся масштабно отмечаемые памятные даты, регулярные и юбилейные. 2018–2020 годы в Беларуси прошли под знаком Года малой родины, в рамках которого разработаны государственные программы, предусматривающие развитие белорусских регионов, малых и средних городских поселений. Артикулируются идеи города как самодостаточного культурного центра, построения общегородской идентичности с использованием национальных маркеров. 2022-й год объявлен Годом исторической памяти, что позволило выявить направления исторической политики, дальнейшего определения и формирования смыслов национально-культурного развития. Эти процессы проявляются как на государственном уровне, так и на уровне общественных и частных инициатив, влияя на модернизацию современного общества в сфере восстановления и сохранения культурно-исторической памяти.

Иллюстрации к гл. 2, разд. 1 (рис. 14–99)

Рис. 14. Курган дреговичей. X–XI вв. Минск

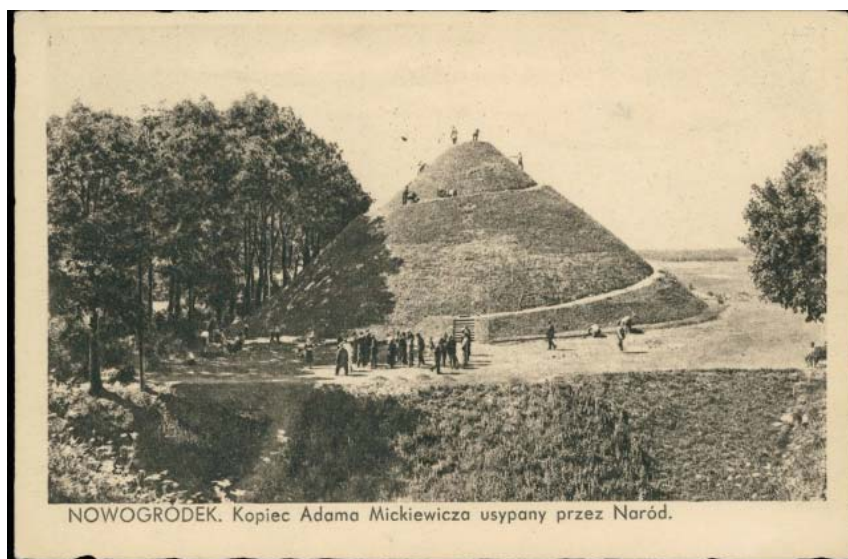

Рис. 15. Курган Бессмертия Адама Мицкевича. 1924–1931. Новогрудок

Рис. 16. Курган Бессмертия. 1966. Орша

Рис. 17. Курган Бессмертия. 1967. Лида

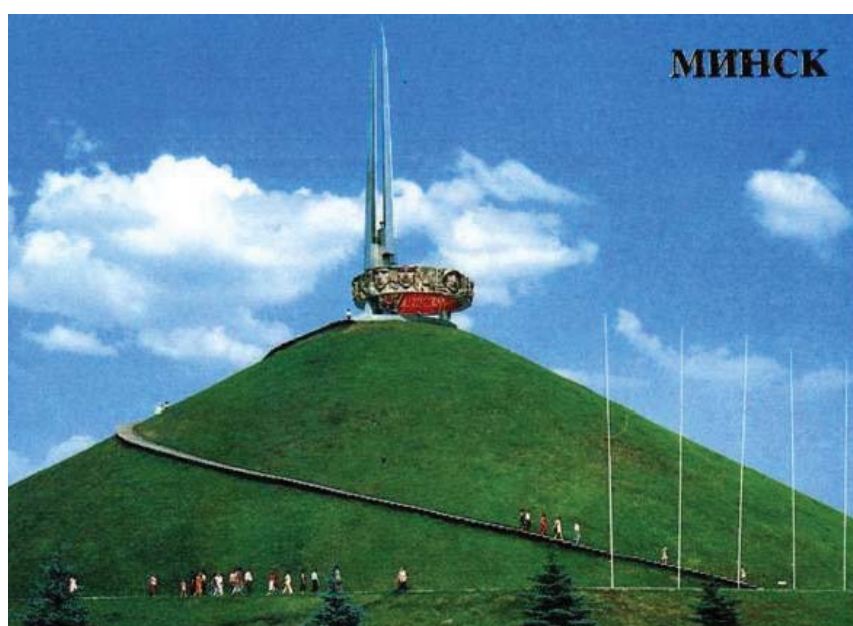

Рис. 18. Мемориальный комплекс «Курган Славы». 1967.
Смолевичский район, Минская область. Комплект открыток «Минск».
Издательство «Плакат». М., 1985. Фото Г. Костенко

Рис. 19. Погребальный портрет Николая Фаустина Радзивилла. Неизвестный художник. 1746. Металл, масло. Национальный художественный музей Республики Беларусь. Фото автора

Рис. 20. Барельеф Николая Криштофа Радзивилла (1549–1616) в костеле Божьего Тела. Несвиж

Рис. 21. Надгробие Павла Стефана Сапеги (1565–1635)
в костеле Святого Иоанна Крестителя. Гольшаны.
Музей древнебелорусской культуры НАН Беларуси

Рис. 22. Арка Славы. Могилев. Установлена в 1780 г.
как Триумфальная арка. Памятник реставрирован,
переделан и переименован в 1950–1960-е гг.

Рис. 23. Триумфальная арка. 2018. Могилев

Рис. 24. Арка на входе в городской сквер. 2020. Витебск

Рис. 25. Юбилейный памятник на одноименной площади.
Конец XIX – начало XX в. Минск. Фотография.
Рукописный отдел Вильнюсской университетской библиотеки

Рис. 26. Юбилейный памятник на улице Ново-Московской.
Конец XIX – начало XX в. Минск. Фотография.
Национальный исторический музей Республики Беларусь

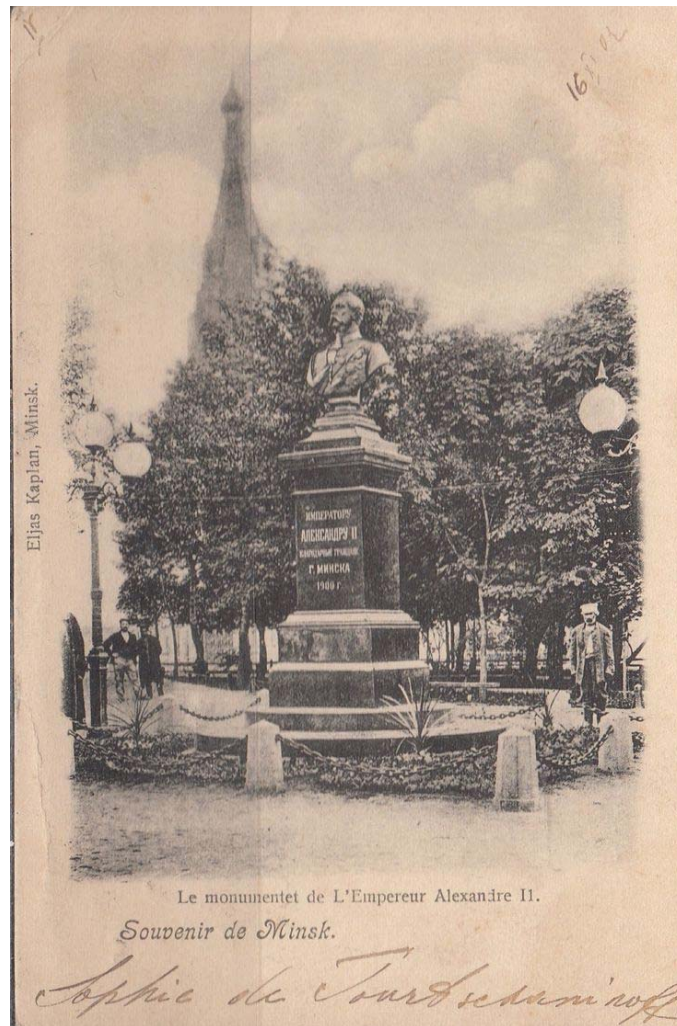

Рис. 27. Памятник Александру II на Соборной площади. 1901, демонтирован в 1915 г. Минск. Открытка

Рис. 28. Памятный знак Гиршу Леккерту
на месте памятника Александру II
на площади Свободы. Ноябрь, 1932 г. Минск

Рис. 29. Памятник-бюст Александру II в ознаменование
50-летия освобождения от крепостной зависимости.
Местечко Новая Мышь, Новогрудский уезд,
Минская губерния. Фотография. Журнал «Огонек». 1912. № 1

Храм-памятник при дер. Лѣсной, заложный на мѣстѣ побѣды надъ шведами.

Рис. 30. Храм-памятник «Матери Полтавской баталии». 1908 (заложен). Фотография. Журнал «Огонек». 1908. № 45

Рис. 31. Открытие храма-памятника «Матери Полтавской баталии». 1912 (освящен). Архитектор А. Гоген. Фотография. Журнал «Огонек». 1912. № 47

Рис. 32. Памятник П. А. Столыпину на Дворцовой площади в Гродно. 1914. Скульптор Э. Ксименес. Фото из коллекции Ф. Ворошильского

Рис. 33. Мемориальная доска на здании Гродненского облисполкома. 2011. Скульптор А. И. Селятыцкий

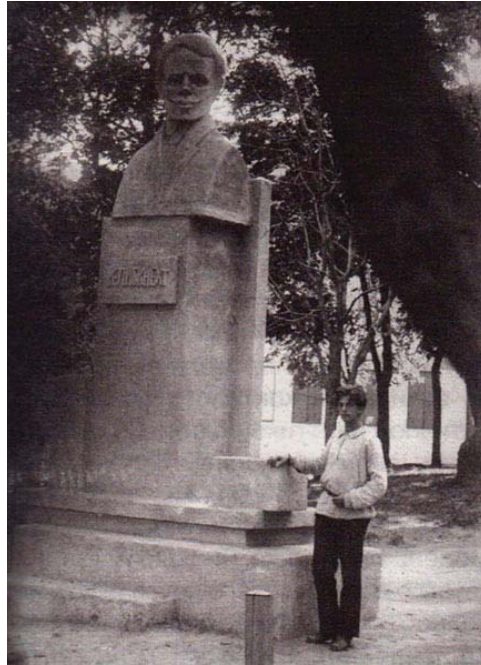

Рис. 34. Давид Якерсон у памятника Карлу Либкнехту.
1920. Витебск. Фото: evitebsk.com

Рис. 35. Открытие памятника Карлу Марксу.
7 ноября 1922 г. Минск. Фото: pastvu.com

Рис. 36. Памятник Ф. Держинскому. 1934. Держинск.
Скульптор фигуры А. Грубе. Скульптор барельефа А. Бразер.
Фотография. В. Прокопцов. В поисках красоты и гармонии. Минск, 1988

Рис. 37. Памятник жертвам Курловского расстрела в 1905 г.
Установлен на Привокзальной площади в Минске, 1928, стоял до 1941 г.

Рис. 38. Фрагмент памятника жертвам Курловского расстрела.
Фотография. Газета «Звезда». 31 кастрычніка 1935 г.

Рис. 39. Скульптурная композиция, посвященная В. И. Ленину и И. В. Сталину, у входа в Библиотеку им. В. И. Ленина на улице Красноармейской. Вторая половина 1930-х гг., разрушена в 1941 г. Минск

Рис. 40. Памятники К. Марксу и В. И. Ленину перед главным входом
в здание ЦК КПБ на улице Карла Маркса. 1980. Минск.
Скульптор З. Азгур, архитекторы Ю. Григорьев, Ю. Казаков.
Демонтированы в начале 1990-х гг.
Находятся в мемориальном музее-мастерской Заира Азгура

Рис. 41. Памятник В. И. Ленину на площади Независимости. 1933.
Минск. Скульптор М. Манизер. Комплект открыток «Минск».
Издательство «Плакат». М., 1985. Фото Г. Костенко

Рис. 42. Памятник В. И. Ленину
на одноименной площади. 1947. Мозырь. Скульптор А. Ковалев

Рис. 43. Памятник В. И. Ленину на одноименной площади. 1960. Барановичи. Скульптор М. Альтшулер, архитекторы С. Ожегов, Н. Миловидов, А. Макаров, А. Маренич. Фото автора

Рис. 44. Памятник В. И. Ленину на одноименной площади.
1966. Добруш. Скульптор Д. Попов

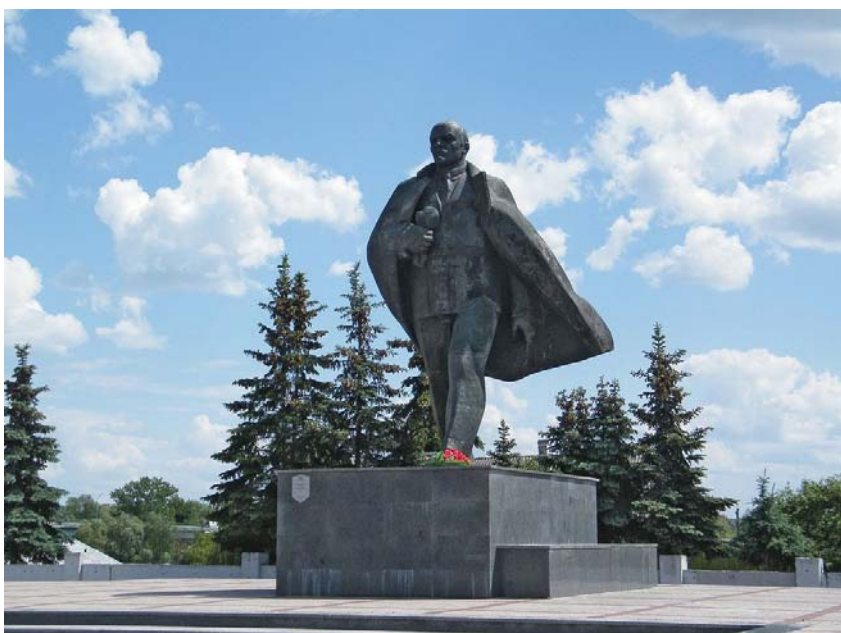

Рис. 45. Памятник В. И. Ленину на одноименной площади. 1970.
Пинск. Скульптор М. Альтшулер, архитектор Н. Миловидов

Рис. 46. Лесной участок, высаженный лесничим В. С. Подолинским в виде имени вождя. 1962. Иваново, Брестская область

Рис. 47. Памятник Алоизе Пашкевич (Цётке). 1991.
Щучин. Скульптор Алесь Липень

Рис. 48. Памятник Марку Шагалу. 1992. Витебск. Скульптор А. Гвоздиков

Рис. 49. Фрагмент памятника Марку Шагалу в Витебске

Рис. 50. Памятник Марку Шагалу
«Витебская мелодия на французской скрипке». 1997. Витебск.
Скульптор В. Могучий. Дом-музей Марка Шагала (задний дворик)

Рис. 51. Памятник Владимиру Короткевичу.
1992. Орша. Скульптор И. Голубев

Рис. 52. Памятник Владимиру Короткевичу. 1994. Витебск.
Скульптор И. Казак, архитектор В. Рыбаков

Рис. 53. Памятник Евдокии Лось. 1996. Витебск.
Скульптор В. Могучий, архитектор В. Рыбаков.
Фото: boris-mavlyutov.livejournal.com

Рис. 54. Памятник Иосифу Гошкевичу. 1994. Островец. Скульптор В. Янушкевич

Рис. 55. Памятник Наполеону Орде. 1997. Иваново. Скульптор И. Голубев, архитектор В. Косяк. Фото Алексея Тэрро, 2014. Источник: fgb.by

Рис. 56. Памятник преподобной Евфросинии Полоцкой.
2000. Полоцк. Скульптор И. Голубев

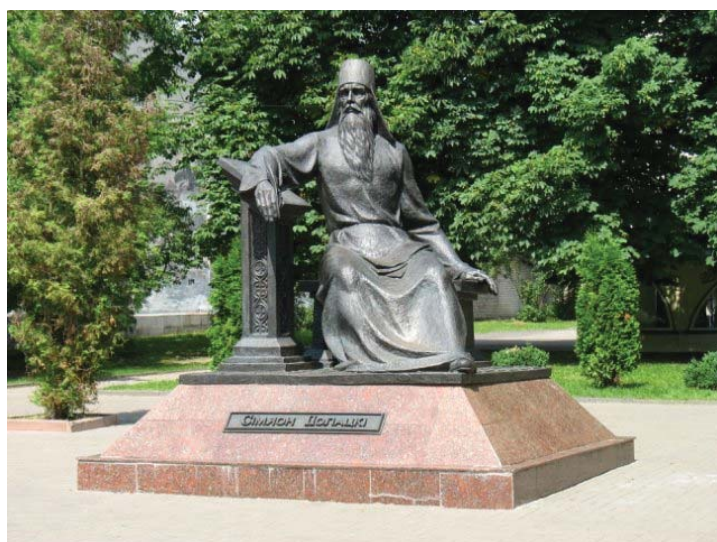

Рис. 57. Памятник Симеону Полоцкому. 2003. Полоцк.
Скульптор А. Финский, архитекторы Н. Цавик, Г. Федоров

Рис. 58. Памятник князю Борису Всеславичу. 2002. Борисов.
Скульптор А. Артимович, архитекторы И. Морозов, Е. Ковалевский

Рис. 59. Памятник «Полоцк – колыбель белорусской государственности».
2017. Скульптор В. Пипин, архитектор А. Сардаров

Рис. 60. Фрагмент памятника
«Полоцк – колыбель белорусской государственности»

Рис. 61. Памятник Роману Шатиле. 2006. Светлогорск. Скульптор Э. Астафьев

Рис. 62. Памятник Льву Сапеге. 2010. Лепель. Скульптор Л. Оганов

Рис. 63. Памятник князю Изяславу.
2014. Заславль. Скульптор А. Прохоров

Рис. 64. Памятник великому князю литовскому Ольгерду. 2014. Витебск. Скульптор С. Бондаренко

Рис. 65. Памятник Антонию Тызенгаузу. 2019.
Поставы. Скульптор А. Финский

Рис. 66. Памятник князю Всеславу Чародею. 2007. Полоцк.
Скульпторы А. Прохоров, С. Игнатъев,
Л. Минкевич, архитектор Д. Соколов

Рис. 67. Памятник великому князю литовскому Гедимину. 2019. Лида.
Скульпторы О. Нечай, С. Оганов, архитектор С. Багласов. Фото автора

Рис. 68. Памятник Давиду Городенскому. 2018.
Гродно. Скульптор С. Оганов. Фото автора

Рис. 69. Фрагмент памятника Давиду Городенскому

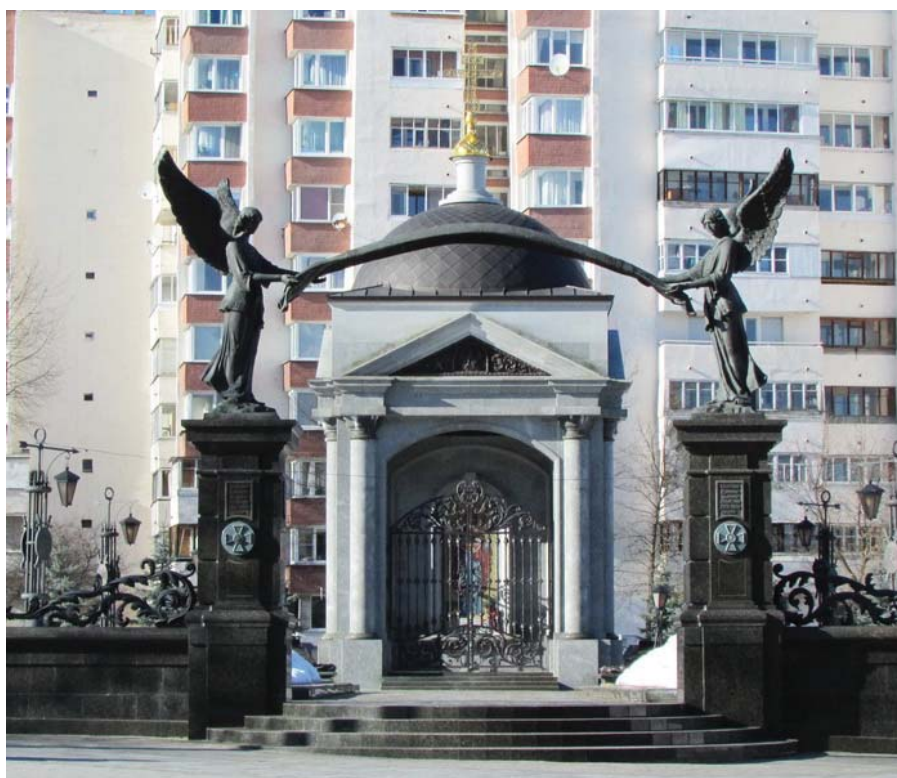

Рис. 70. Мемориальный комплекс «Братское военное кладбище»
для захоронения жертв Первой мировой войны. 2011.
Минск. Скульпторы А. Лыщик, С. Галузо, С. Алишевич,
Д. Аганов, А. Павлючук, архитектор Н. Дятко

Рис. 71. Аллея знаменитых земляков. 2012. Губокое.
Авторы бюстов – скульпторы В. Могучий,
А. Гвоздиков, И. Казак, А. Тарасян и др. (Продолжение на с. 123)

СПЕЦИФИКА
КОММЕМОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ
БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА

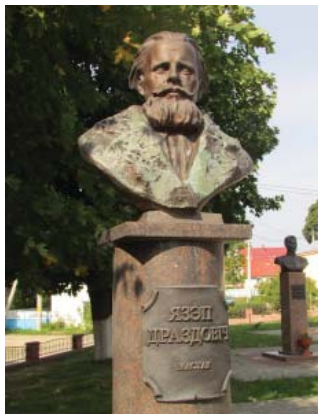

Рис. 72. Аллея памяти (памятников). Начало 2000-х гг.
Свислочь (Продолжение на с. 125)

СПЕЦИФИКА
КОММЕМОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ
БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА

Рис. 73. Памятник В. И. Чапаеву. Гродно

Рис. 74. Памятник В. И. Чапаеву. Мозырь

Рис. 75. Памятник Г. К. Орджоникидзе. 1962.
Оригинал 1937 г. Демонтирован в 2021 г. Минск

Рис. 76. Бюст Сталина. До середины 1950-х гг. – на центральной
площади Ивенца, в 2006 г. установлен у входа в Историко-
культурный комплекс «Линия Сталина». Скульптор З. Азгур

Рис. 77. Открытие памятника В. И. Ленину
в сквере «70 лет МТЗ». 2016. Минск

Рис. 78. Мурал с портретом С. Притыцкого. 2018. Минск

Рис. 79. Торжественное открытие памятника
Ф. Э. Дзержинскому. 2018. Гродно. Фото: grodnnews

Рис. 80. Граффити-портрет Кароля Чапского на улице Октябрьской. 2014. Минск. Художник С. Русак

Рис. 81. Барельеф, посвященный Каролу Яну Чапскому у входа в музей ОАО «Оливария». 2014. Минск. Скульптор П. Войницкий

Рис. 82. Памятник Михалу Клеофасу Огинскому. 2001. Молодечно. Скульптор В. Янушкевич

Рис. 83. Скульптурная композиция «Врата памяти» – главный элемент мемориального комплекса «Тростенец». 2015. Минск. Скульптор К. А. Костюченко, архитекторы А. А. Аксенова и др.

Рис. 84. Скульптурная композиция, посвященная букве «Ÿ»,
в сквере по проспекту Франциска Скорины. 2003;
реконструкция – 2014 г. Полоцк. Художник И. Куржалов

Рис. 85. Скульптура «Бобер».
2006. Бобруйск. Скульптор
В. Н. Гавриленко

Рис. 86. Скульптура «Огурец». 2007.
Шклов. Скульптор А. Воробьев

Рис. 87. Скульптура
«Яйцо». 2008.
Установлена перед
зданием Солигорской
птицефабрики.
Агродорок
Краснодворцы.
Скульптор В. Ломейко

Рис. 88. Скульптура «Ян Сыродел».
2012. Верхнедвинск. Изготовлена
компанией «Литейный двор»

Рис. 89. Скульптура «Глыбоцкая вишня».
2013. Глубокое. Скульптор И. Казак

Рис. 90. Скульптура, посвященная сгущенному молоку. 2013. Рогачев. Скульптор Г. Отчик

Рис. 91. Скульптура, посвященная минеральной воде «Минская-4». 2014. Парк Горького, Минск. Фото автора

Рис. 92. Памятник шахматной ладье XII в. 2016.
Гродно. Скульптор В. Пантелеев

Рис. 93. Скульптура «Кумжа». 2018. Островец. Скульптор А. Шомов

Рис. 94. Брестский фонарщик с 2009 г. ежедневно зажигает и гасит старинные фонари на улице Советской

Рис. 95. Часы, показывающие время зажигания фонарей. Брест

Рис. 96. «Эйфелева башня». Мини-копия. 2013. Гомель. Автор идеи
Кристина Левшук, учащаяся дорожно-строительного колледжа

Рис. 97. «Эйфелева башня». Мини-копия. 2018. Столин.
Автор идеи Нина Слабко, мастер Столинского ЖКХ

Рис. 98. Макет Спасской башни Московского Кремля в сквере им. А. А. Громыко. 2016. Гомель. Фото автора

Рис. 99. Макет Пизанской башни в сквере им. А. А. Громыко. 2016. Гомель. Фото автора

2. Памятники и памятные места: особенности формообразования

2.1. Знаково-символический подход к формированию памятных мест

Интегративная функция культуры ярче всего проявляется в общем мемориальном знаково-символическом пространстве. Иеротопическое творчество¹, создание особых мест памяти, которое воплощается в формах сакрально-мемориального зодчества, монументального искусства, способствует сплочению, единению людей. В каждом сакральном пространстве «можно выявить архетипический пласт, который является общим для всех традиций. Например, архетип Святой Горы, неизменно присутствующий в самых разных культурах» [254, с. 27].

Сакрализация (от лат. *sacra* – освящать, объявлять священным) – надделение священным содержанием, наполнение новым смыслом объектов, событий, воспоминаний [442]. В рамках нашего исследования под сакрализацией понимается символизация материальных объектов, а понятие «сакральный» рассматривается как «достойный поклонения, почитания, освященный традицией, личной памятью о значимом человеке, явлении, событии». Согласно Эмилю Дюркгейму, идея священного выражает коллективистскую сущность бытия человека в отличие от индивидуальной (эгоистической). По мнению ученого, «общество может существовать, только порождая у своих членов чувство священного... при помощи периодически повторяющихся специальных ритуалов, воссоздающих совместное сакральное прошлое» [60, с. 146].

Образы прошлого – устойчивые абстрактно-символьные модели исторической реальности, сложившиеся в массовом сознании. Эмоционально наиболее значимый образ общей памяти, превратив-

¹ Иеротопия (греч. «иерос» – священный, «топос» – место, пространство) – особый вид творческой деятельности по созданию сакральных пространств и предмет историко-культурных исследований. Термин предложен А. М. Лидовым [254, с. 11, 26–28].

шийся в сакральный архетип, – подвиг в Великой Отечественной войне.

Монументальная скульптура, посвященная Победе, в аспекте традиций и актуальных задач отечественной мемориальной политики играет важную социальную роль – в патриотическом воспитании, формировании и обосновании идентичности.

Визуализация памяти проявляется в создании общественных монументов: «Пространство памяти и физическое пространство пересекаются между собой: память визуализируется, а пространство, прежде аморфное и безымянное, семантизируется. ...Город получал новый смысл после появления памятников, свидетельств общей памяти, связанной с данным местом» [166, с. 906].

Обращаясь к истории создания монументов, следует отметить, что монументальная пропаганда была известна в Древнем Египте, Древней Греции и Риме и оказала влияние на последующие эпохи. В форме египетских обелисков выполнены многие памятники, символизирующие победу: памятник героям Отечественной войны 1812 г. в Витебске (1912, рис. 100, 101); монумент Победы в Минске (1954, рис. 102–104), обелиск Славы в центре мемориального комплекса в память операции по форсированию Днепра в Лоеве (1966, рис. 105, 106) и др. По подобию триумфальной римской колонны Траяна (113 г. н. э.) создана Вандомская колонна («колонна Побед») (1810) в Париже в память одержанных Наполеоном I побед в кампании 1805 г.; знаменитая Александровская колонна в Санкт-Петербурге (1834) установлена в память о победе Александра I над Наполеоном.

Сакрализуется гигантская фигура, определяющая ценность пространства. Со времен Античности широко используемой формой скульптуры являлась конная статуя. Например, знаменитый Медный всадник – памятник Петру I в Санкт-Петербурге (1782) или конный памятник королю-солнцу Людовику XIV (1822) в Париже на площади Побед, который был установлен на месте первой статуи короля (1687), разрушенной во время Французской революции в 1792 г. Сакрализация событий Французской революции воплощена в Пантеоне выдающихся французов в скульптурной композиции «Республиканский алтарь» (1913).

В Российской империи традиция увековечения в памятниках сложилась к середине XIX в., когда в городах по указу Екатерины II стали формироваться площади. В книге «Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятнейших русских событий и в честь замечательных лиц» А. Долгова (СПб., 1860) отмечается, что памятники возводятся «также на местах одержанных побед над неприятелем...» [153, с. 29]. Так, по проекту Николая I (1835) предполагалось создание комплекса памятников – 16 типовых чугунных монументов на местах боев, в воспоминание Отечественной войны 1812 г. На Витебщине в Полоцке (1850, рис. 107–109) и Клястицах¹ (1857) были установлены наподобие часовни (в византийском стиле) восьмигранные остроконечные пирамиды, увенчанные куполом в виде луковицы с позолоченным крестом; вокруг пирамид стояли восемь чугунных колонн с главками, на которых восседали золоченые двуглавые орлы [552]².

¹ Клястицы – ныне агрогородок в Россонском районе Витебской области.

² В 1930-е гг. памятники были разрушены.

В 1962 г. в Клястицах примерно на месте разрушенного монумента установили бетонную стелу, в 1990-е гг. ее демонтировали как пришедшую в негодность; в 1992 г. в ином месте установили монумент в память двух войн – 1812 г. и 1941–1945 гг.

Фундамент памятника-часовни 1857 г. в Клястицах обнаружен краеведами Андреем и Алексеем Буховецкими в 2013 г. Памятная табличка в закладной нише под фундаментом монумента с текстом о том, что «1854 года мая 21-го дня... заложен Памятник сей по Высочайшему Его Величества повелению въ воспоминаніе отечественной войны и победы надъ французскими войсками, одержанной 19-го Іюля 1812 года при Клястицахъ...» была найдена краеведами в 2015 г. Кроме пластины, в фундаменте обнаружены закладные предметы: два пушечных ядра и шестиконечный жестяной с серебряным напылением крест. Артефакты переданы в Клястицкий школьный музей.

В 2016 г. по инициативе краеведов установили памятную табличку на каменном караульном доме, построенном в 1912 г. для охраны памятника-часовни. Такие дома, сначала деревянные, были построены и при других подобных памятниках.

В Полоцке в 1932 г. на месте монумента был установлен памятник Ленину. В 2010 г. памятник героям войны 1812 г. восстановлен по архивным данным и фотографиям.

Сохранилась фотография памятника, выполненная в цвете в 1912 г. С. М. Прокудиным-Горским, благодаря работам которого можно увидеть изображения Полоцка более чем столетней давности.

2.1.1. Сакрализация памяти о Великой Отечественной войне

Смена культурной парадигмы в советский период способствовала смещению ценностного вектора мемориальных практик: разрушение священного пространства храмов, уничтожение памятников прошлого замещалось сакрализацией новых мест памяти об Октябрьской революции и Великой Отечественной войне.

Наиболее яркий и впечатляющий образец мемориала, который до сих пор остается узнаваемым и понятным для широкой аудитории, был предложен советским искусством.

Традиционные монументы, выполненные в эстетике соцреализма, образно и аллегорически передающие идеи исторической и общественной значимости, до сих пор находят отклик, апеллируя к категориям сопричастности, эмпатии. Такие монументы и мемориалы, посвященные подвигу белорусского народа, как «Мужество» (главный монумент мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»), «Непокоренный человек» (центральная скульптура мемориального комплекса «Хатынь»), Курган Славы, «Родина-мать» у подножия стелы¹ (скульптура мемориального комплекса «Минск – город-герой»), обелиск Победы (основа ансамбля площади Победы в Минске), – узнаваемые символы величия, стойкости человеческого духа, сплоченности и нравственных скреп белорусского общества.

Созданные советскими и современными скульпторами образы интерпретируют архетипы традиционной культуры. Курган в системе религиозно-мифологических представлений тождествен архетипу Святой Горы. В образе Родины-матери воплощается архетип Матери: скульптура женщины с высоко поднятыми, возносящимися к небу фанфарами – символ Победы и Славы (г. Минск, Беларусь, 1985, рис. 110); «Родина-мать зовет!» с занесенным над головой мечом (г. Волгоград, Мамаев курган, Россия, 1967); «Родина-мать» с мечом и щитом (г. Киев, Украина, 1981); монументы вечного горя матерей, не дождавшихся с войны своих сыновей, – «Мать-патриотка»

¹ 45-метровый обелиск (в форме стелы) с изображением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» на мемориальной доске установлен в честь присвоения Минску звания «Город-герой»; мемориальный комплекс открыт в 1985 г. к 40-летию окончания Великой Отечественной войны [28, с. 98–99].

(г. Жодино, Беларусь, 1975, рис. 111; пос. Алексеевка, Россия, 1995) и «Скорбящая мать» (г. Задонск, Россия, 2005; г. Минск, пр-т Дзержинского, Беларусь, скульптура венчает мемориал «Память», 2013, рис. 112).

Изучая практики коммеморации Победы в Великой Отечественной войне, О. В. Головашина отмечает победу реалистичного, величественного и монументального образа сильного, несломленного народа-миротворца над нетрадиционными образами [130]. Исследователь приводит в пример возведение в 2015 г. стелы «Скорбящая мать» в г. Рассказово (Тамбовская обл.). «Авангардное» воплощение образа (фигура в плаще без лица как символ каждой женщины, чьих сыновей, мужей забрала война) вызвало возмущение горожан, которые посчитали авторское видение кощунственным надругательством над Победой, приводили как образцы привычные советские монументы, например скульптуру «Развітанне» (2014, рис. 113) у входа в музей Великой Отечественной войны в Минске. В результате стела в Рассказово была демонтирована.

Архетип воина/героя, внушающего гордость, отражен в памятниках «Воин-освободитель» в Берлине (1949), советскому солдату-освободителю в Болгарии (Пловдив) – «Алеша» (1954). Среди наиболее узнаваемых белорусских – скульптурное воплощение воина-победителя (монумент «Мужество») в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» (1971, рис. 114, 115).

Общественный резонанс вызвал в 2014 г. конфликт с американской компанией CNN, опубликовавшей список самых уродливых памятников мира, среди которых была названа скульптура «Мужество», входящая в мемориальный комплекс «Брестская крепость». Это вызвало волну патриотизма. Пользователи Интернета с негодованием восприняли подобную информацию. Признаваясь в любви к Беларуси, они писали о незыблемости исторической памяти о Подвиге, гордости за страну и ее героическое прошлое. Компания извинилась и удалила список.

В рейтинге памятников Великой войны, которые стали частью мировой культуры, опубликованном на одном из российских сайтов в 2015 г., мемориальный комплекс «Брестская крепость» назван как один из самых известных в мире памятников [151].

Таким образом, на первый план выступают не художественное и эстетическое измерения памятника, а заключенная в нем символика, смысловая нагрузка, важная для субъектов, разделяющих ценности, ментальные категории, присущие определенной культуре.

Проблема переосмысления монументального искусства в современном культурном пространстве, рассматриваемая в публикациях последних лет, связана с репрезентацией нефигуративных контрпамятников и антимонументов, характерной для Европы и США [168; 228]. Обратим внимание на памятник расстрелянным в 1941 г. польским профессорам, установленный в 2011 г. в украинском Львове. Монумент представляет собой арку из десяти кубов с римскими цифрами, символизирующими десять заповедей Божьих. Один из кубов с цифрой V («Не убей») сдвинут, что создает впечатление неустойчивости конструкции, готовой вот-вот рухнуть. Известный антимонумент установлен в немецком Гамбурге в 1980-е гг. Он был выполнен в виде 12-метровой четырехгранной стальной колонны, уходящей постепенно под землю по мере нанесения на нее подписей: люди как бы подписали коллективное письмо в знак противодействия фашизму [228, с. 47]. Сейчас от памятника осталось только небольшое возвышение. Необычный мемориал в память о погибших моряках возведен в Пёрл-Харборе (остров Оаху, Гавайи, где находится крупнейшая военно-морская база США) в 1962 г. на месте затонувшего от взрыва японской бомбы в 1941 г. линкора «Аризона».

К актуальным коммеморативным практикам можно отнести и памятник подвигу женщин во Второй мировой войне, открытый в 2005 г. в Лондоне. Монумент выполнен в виде объемной черной каменной плиты, на которой «висят» семнадцать комплектов одежды: рабочая спецодежда, халат медсестры, военная форма и т. п. Памятник открывала Елизавета II, которая в 1945 г. служила в женском вспомогательном отряде британской армии и прошла подготовку как механик-водитель санитарного автомобиля, получив воинское звание лейтенанта.

В пространстве постсоветских стран доминируют традиционные монументы, хотя встречаются и новые художественные интерпретации. К таким объектам, на наш взгляд, можно отнести памятник, посвященный жертвам нацизма в гетто, «Разбитый

очаг» (2008, рис. 116) на месте бывшего еврейского кладбища на улице Сухой в Минске. Венский стул и расколотый круглый стол с подломленными ножками из бронзы установлены на постаменте из красного гранита, символизирующем фундамент. Это создает образ разрушенного дома, в котором когда-то счастливо жила семья.

В особую малочисленную группу можно выделить так называемые народные мемориалы. Один из подобных мемориалов находится в Минске по адресу ул. М. Богдановича, 23 (здание построено в 1936 г. для семей командиров Красной армии, значилось под названием «3-й Дом Советов»). Напротив 1-го подъезда местные жители установили памятный камень с надписью: «24 июня 1941 г. 146 чел.» – в память погибших в убежище, находящемся под домом, выход из которого заблокировал огонь от взрыва немецкой бомбы.

В современный период прослеживается тенденция сакрализации памяти о войне в такой художественной форме, как храм-памятник, например: Свято-Воскресенский собор – храм-памятник в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне (Брест, 1995, рис. 117), Храм-памятник в честь Всех святых и в память о жертвах, спасению Отечества нашего послуживших (Минск, 2010, рис. 118).

Мемориализация осуществляется в интернет-пространстве. Так, в 2019 г. Национальное кадастровое агентство запустило проект по сбору пространственных данных о памятниках и местах захоронений, итогом которого стало нанесение на Публичной кадастровой карте Республики Беларусь, размещенной на сайте агентства, сведений о воинских захоронениях и захоронениях жертв войны (слой «Памятники Великой Отечественной войны», содержащий информацию о местоположении более чем 3300 памятников: стел, обелисков, памятных мест, монументов, мемориальных комплексов, бюстов, воинских захоронений и кладбищ, братских и индивидуальных могил, в том числе их фотографии). На портале Министерства обороны создан автоматизированный банк данных «Книга памяти Республики Беларусь», посвященный увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн XX в.

Мемориал «Память во имя живых» в виде электронного ресурса, где размещен список погибших в годы войны сотрудников и студентов, создан в Белорусском государственном университете (2017).

Дальнейшая исследовательская работа в архивах по поиску информации позволит вносить новые имена мемориала.

В официальном дискурсе Великая Отечественная война продолжает оставаться важным компонентом современных коммеморативных практик, является одним из ключевых событий в истории Беларуси и важным компонентом политики национальной памяти. С событиями периода Великой Отечественной войны связаны государственные праздники, такие как День Победы 9 мая, День Независимости Республики Беларусь 3 июля¹ [329] – день освобождения Минска в 1944 г. от нацистских оккупантов.

Репрезентация образа войны в соответствии с национальными приоритетами свойственна политике памяти на постсоветском пространстве [215, с. 72].

Обращение к памяти о подвиге в Великой Отечественной войне поддерживается не только на государственном уровне, проявляясь в организации праздников и создании новых мест памяти. Изучая срез современного общества в связи с процессами мемориализации, Г. Е. Гун отмечает активный интерес социума к советскому прошлому: все поколенческие страты интересуются прошлым и транслируют свое понимание прошлого; «многослойность исторических представлений разных поколений и демократичность памяти, артикулируемой в разных формах, связаны с возникающими противоречиями между официально признанными способами трансляции памяти и неофициальным желанием помнить». Одним из свидетельств формирования исторического общественного сознания, по мнению исследователя, является акция «Бессмертный полк» [146, с. 49] – это общественное гражданско-патриотическое движение по сохранению памяти о поколении Великой Отечественной войны, вышедшее на международный уровень, охватывающее более 80 государств. Беларусь участвует в акции с 2012 г. В День Победы ежегодно с 2016 г. проводится институционально закреплённая республиканская акция «Беларусь помнит».

Как подчеркивает А. Г. Васильев, «один из важнейших (и далеко не в полной мере усвоенных) уроков Дюркгейма для современных теоретиков и практиков политики памяти заключается в том,

¹ Дата выбрана по результатам референдума 1996 г.

что с образами коллективной памяти следует обращаться не как с научными концепциями и точками зрения, подлежащими дискуссии. Это “священные вещи”, абсолютная истинность и значимость которых установлена для данного сообщества раз и навсегда и не может обсуждаться. <...> ...“Священные вещи” можно видеть по-разному... набор этих “священных вещей” у Другого может выглядеть иначе, чем у тебя, и что следует раскрыть основания того, как, исходя из какой картины мира, можно видеть их так или иначе. Тем самым становится возможным перестать считать иное видение “кощунством”, “святотатством”, “фальсификацией” и принять его возможность наряду со своим собственным» [60, с. 162].

В России сегодня существует более 20 тыс. памятников героям Великой Отечественной войны, около 4 тыс. находятся в Европе [130]. В Беларуси в 1941–1990 гг. возведено 8808 памятников, в то же время в Государственный список историко-культурных ценностей включены лишь 1102 памятника и захоронения [439, с. 14, 15].

Памятники как выразители общего прошлого играют ведущую роль в формировании и поддержании веры в идею, исторической преемственности, идентичности, солидарности, единства и стабильности социума. Создание памятников и памятных мест стимулирует развитие культуры, способствует передаче и усвоению аксиологического знания, системы смысловых представлений.

Для культуры постсоветского пространства значимым и вызывающим отклик остается монументальное искусство, передающее мощь и величие Великой Победы, неразрывно связанное с сакрализацией общей героической памяти.

Иллюстрации к гл. 2, разд. 2 (2.1, 2.1.1) (рис. 100–118)

Рис. 100. Памятник героям Отечественной войны 1812 года в честь 100-летия победы в сражениях под Витебском. 1912. Витебск. Архитектор И. Фоменко

Рис. 101. Фрагмент памятника героям Отечественной войны 1812 года

Рис. 102. Монумент-обелиск Победы. 1954. Минск.
Архитекторы Г. Заборский, В. Король

Рис. 103. Фрагмент обелиска. Орден Победы

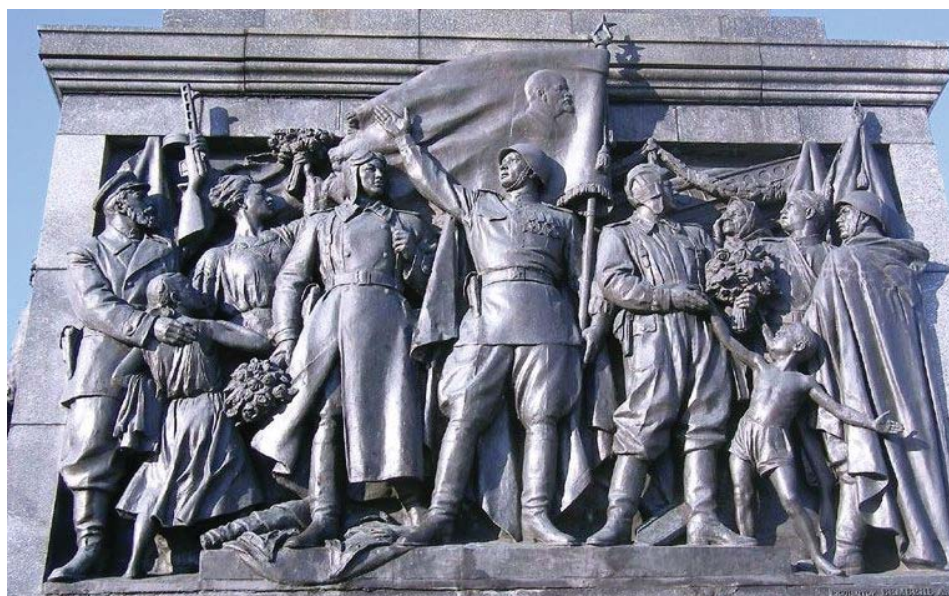

Рис. 104. Фрагмент обелиска. Горельеф
«9 мая 1945 года». Скульптор А. Бембель

Рис. 105. Обелиск Славы в центре мемориального комплекса в память операции по форсированию Днепра. Установлен в 1966 г., реконструирован в 2015 г. Гомельская обл., г. п. Лоев

Рис. 106. Фрагмент обелиска. Горельеф

Рис. 107. Памятник-часовня героям Отечественной войны 1812 г.
1850. Полоцк. Архитектор Антонио Адамини.
Фото С. Прокудина-Горского, 1912

Рис. 108. Граффити с изображением памятника-часовни.
Полоцк. Художник С. Тимохов

Рис. 109. Памятник-часовня. Полоцк, угол Рынковой площади
и улицы Спасской. Открытка 1906 г.

Рис. 110. «Родина-мать» – скульптура мемориального комплекса «Минск – город-герой». 1985. Минск.
Скульптор В. Занкович

Рис. 111. Монумент «Мать-патриотка» в честь Анастасии Куприяновой и ее пяти погибших сыновей. Жодино. 1975. Скульпторы А. Заспицкий, И. Миско, Н. Рыжанко. Фото: www.zhodinonews.by

Рис. 112. Мемориал «Память». 2013. Минск. Скульптор А. Шаппо, архитектор Л. Левин

Рис. 113. Скульптурная композиция «Развітанне». 2014. Минск, у входа в Музей Великой Отечественной войны. Скульптор А. Шатерник

Рис. 114. Монумент «Мужество» – мемориальный комплекс
«Брестская крепость-герой». 1971. Брест. Скульпторы
А. Кибальников, В. Занкович, О. Стахович

Рис. 115. Фрагмент монумента «Мужество»

Рис. 116. Скульптурная композиция «Разбитый очаг». 2008.
Минск. Скульптор М. Петруль, архитектор Л. Левин

Рис. 117. Свято-Воскресенский собор – храм-памятник
в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. 1995. Брест

Рис. 118. Храм-памятник в честь Всех святых и в память о жертвах, спасению Отечества нашего послуживших. 2010. Минск. Архитектор Л. Н. Погорелов. Фото: <https://hramvs.by>

2.1.2. Победа как стилеобразующая константа города

Художественно-исторический стиль «Победа» как один из ведущих общественных коммеморативных практик, вводящих в городское пространство образы Великой Победы, которые и в наши дни являются актуальными ценностными ориентирами социума, сформировал облик послевоенного Минска. Воплощенный в архитектуре и монументальном искусстве столицы он сыграл значимую социальную роль в развитии белорусской культуры, послужив одним из базовых критериев национальной идентичности. Созданные М. Парусниковым, Г. Бадановым, Г. Заборским, В. Королем, А. Духаном, В. Ершовым, М. Лившицем и другими архитекторами здания и памятники составляют уникальный, стилистически выверенный и завершенный ансамбль, воплощенный прежде всего в едином проектном решении центрального минского проспекта.

Архитектурное тело послевоенного Минска создавалось в неоклассическом стиле, восходящем к палаццо Палладио, на основе неоренессансных идей школы академика И. Жолтовского.

В Минске была осуществлена идея идеального города – единого городского пространства, подчиненного символике триумфа народа-победителя. Реализовать подобный проект позволяло то, что разрушенный во время Великой Отечественной войны город был выстроен фактически заново.

Воплощение в пространстве Минска советского монументально-го классицизма было вдохновлено архитектурными поисками уроженца Пинска, крупнейшего представителя неоклассицизма и неоренессанса в архитектуре Москвы И. Жолтовского, в числе которых построенный в 1932–1934 гг. Дом на Моховой в Москве – «ключевой памятник в развитии советского неопалладианства» [30, с. 23], ознаменовавший переход от конструктивизма к неоклассицизму.

Конструктивизм с его строгой геометричностью и лаконичностью форм в 1940-е гг. объявляется в СССР буржуазным стилем. Возводятся пышно декорированные, нарядные дворцы культуры, воспроизводящие образ античного храма с помпезными колоннами, символизирующие мощь, надежность и вечность советской

власти. Подобные дворцы по проекту И. Жолтовского, оригинально интерпретировавшего античные классические образцы, созданы в Сочи (Дом Управления уполномоченного Совета Министров СССР по Сочи–Мацеста, 1935; больница моряков, 1936), в Гомеле (Гомельский областной драматический театр, 1949–1954¹), Евпатории (Профсоюзный санаторий имени XX съезда КПСС, 1956) и других городах.

В Минске такой переход был осуществлен в послевоенный период, когда на смену конструктивистским² архитектурным решениям И. Лангбарда (географический факультет БГУ, 1931; ансамбль Дома правительства, 1930–1934; Оперный театр, 1933–1937; Дом офицеров, 1934–1939; Академия наук, 1935–1939) пришел неоклассический стиль учеников И. Жолтовского – М. Парусникова и М. Барща, создавших совместно с белорусскими зодчими ансамбль проспекта Сталина³ в Минске.

В 1952 г. на Центральной площади установлен монументальный 9-метровый памятник вождю на 8-метровом постаменте (скульпторы З. И. Азгур, А. К. Глебов, А. О. Бембель, С. И. Селиханов, архитекторы Г. В. Заборский, В. А. Король, рис. 119)⁴.

Центральный проспект Минска задумывался как «триумфальная арка, величественные врата к идеальному Городу» – Москве, в кото-

¹ Проект гомельского театра, сделанный И. Жолтовским накануне войны, стал основой для послевоенной постройки. Строительством руководил один из его учеников – архитектор А. Тарасенко.

² В Минске 1920–1930-х гг. в стиле конструктивизма были выполнены клуб пишевиков (архитектор А. Буров), клуб металлистов (архитектор А. Васильев), Белорусская контора Госбанка СССР (архитекторы Г. Гольц, М. Парусников), Дом специалистов (архитектор Н. Маклецова) и др. Практически все они в военные 1940-е были разрушены, сохранились здания Библиотеки им. Ленина (архитектор Г. Лавров) и обсерватории (архитектор И. Володько).

³ Улица Советская переименована в проспект Сталина в 1952 г. С 1961 г. – Ленинский проспект. В 1991 г. переименован в проспект Франциска Скорины, в 2005 г. – в проспект Независимости.

⁴ Памятник Сталину на Центральной площади Минска демонтирован 3 ноября 1961 г. Были демонтированы также скульптурная композиция Ленина и Сталина, установленная возле Библиотеки им. Ленина на улице Красноармейской (скульптуры были обезглавлены в 1941 г. и восстановлены после войны), монумент Сталину в Парке Горького, барельефы на колоннаде перед входом в Ботанический сад [11, с. 179].

рой замысел главного города идеального государства должен был реализоваться наиболее масштабно¹ [212, с. 12].

«Проспект стал доминирующей осью в композиции города, исходя из отношения к которой формировалось все его пространство. Новый проспект нес в себе триумфальные интонации Победы – как в своем прямом движении, так и в торжественных архитектурных формах и символических образах», – отмечает И. Н. Духан [162, с. 170].

Стиль «Победа» повлиял на формирование силуэта, образа города, обусловив его статус, смысловое наполнение и восприятие.

Чтобы восстановить разрушенные войной постройки, в 1944–1951 гг. задействовали ресурсы пленных.

Одним из первых сооружений в стиле сталинского неоклассицизма стало напоминающее античный храм монументальное здание Министерства государственной безопасности БССР (1945–1947, архитекторы М. Парусников, Г. Баданов, рис. 120), запроектированное как композиционный центр участка главного проспекта между площадями Ленина (ныне – Независимости) и Центральной (ныне – Октябрьской), которое определило стилистический характер застройки главного проспекта столицы. Монументальный портик министерства повторяет фасад Дома уполномоченного в Сочи (архитектор И. Жолтовский).

На здании министерства была установлена башенка (рис. 121), послужившая высотной композицией части проспекта от площади Ленина до площади Победы. Все работы по возведению сооружения выполнялись под контролем министра Л. Цанавы, с именем которого связаны городские легенды о строительстве башенки для того, чтобы из нее можно было наблюдать за футбольными матчами на стадионе «Динамо», и об установке часов на угловой башенке жилого дома² напротив (рис. 122–125), чтобы он мог сверять время прямо из окна своего кабинета [81; 83].

¹ В Москве неоклассическая застройка отличалась фрагментарностью, что не позволило сложиться целостному ансамблю [30, с. 29].

² Жилой дом по проспекту Независимости, 16 построен в 1948–1953 гг. для работников Министерства госбезопасности БССР (архитекторы М. Парусников, Г. Баданов). Часы были привезены в качестве трофея из Кёнигсберга.

Здание клуба им. Дзержинского – боковой фасад здания Комитета государственной безопасности (рис. 126), в архитектурном решении которого использованы образы палаццо дель Капитанио (1565–1571) и палаццо Вальмарана (1565) в Виченце, напоминает архитектуру Дома на Моховой (Москва) И. Жолтовского. Подобная архитектура отличает расположенные вдоль проспекта здания Национального банка (1947–1952, архитектор М. Парусников, рис. 127) и Главпочтамта (1949–1953, архитекторы В. Король, А. Духан, рис. 128) [525, с. 80–81]. Здание банка было задумано как часть ансамбля с расположенным на противоположной стороне универмагом «ГУМ» (1951, архитекторы Л. Мелеги, Р. Гегарт, рис. 129).

Организация пространства Главпочтамта отсылает к Античности. Центральная ось здания акцентирована аркой со сдвоенными колоннами, напоминая Золотые ворота в Пуле (Хорватия, I в. до н. э.) – триумфальную арку в римском стиле [33, с. 126].

Палаццо Медичи-Риккарди (1444–1460, архитектор Микелоццо ди Бартоломео) во Флоренции – прообраз жилого дома на Большой Калужской в Москве (1949, архитектор И. Жолтовский), в свою очередь послужившего мотивом для архитектурного решения жилого дома с кинотеатром «Центральный» (1950–1954, архитекторы М. Осмоловский, Г. Баданов, рис. 130–132)¹ и домов на пересечении проспекта с улицей Козлова в Минске.

Главный проспект, «широкая улица-эспланада, начало которой фланкировано симметричными и торжественными домами» (рис. 133), пересекаясь с другой композиционной осью – водно-зеленым диаметром, ведет к площади Победы (рис. 134), главному месту действия – «общения, ликования, скорби, памяти», ключевым центром которого является обелиск [27, с. 18].

В установке обелисков наблюдается отсылка к Античности и Ренессансу. В ансамблях площадей Рима обелиски, привезенные из Египта, использовались в качестве композиционного акцента. В форме обелисков выполнены многие советские памятники, символизирующие Победу в Великой Отечественной войне.

¹ Стилистика здания отсылает также к архитектуре Дома работников НКВД на Смоленской площади в Москве, построенного в 1940–1948 гг. по проекту И. Жолтовского.

Идейно-структурированное место памяти о войне – площадь Победы (1950, архитекторы М. Барщ, Л. и Г. Аранаускасы, рис. 135) – ключевой символ послевоенного Минска. Это площадь-памятник с 38-метровым обелиском, увенчанным трехметровым орденом Победы (1954, архитекторы Г. Заборский, В. Король). На четырех гранях гранитного постамента размещены бронзовые горельефы: «9 мая 1945 г.» (скульптор А. Бембель), «Слава павшим героям» (скульптор З. Азгур), «Советская армия в годы Великой Отечественной войны» (скульптор С. Селиханов), «Партизаны Беларуси» (скульптор А. Глебов). На постаменте у основания обелиска символ триумфа – меч Победы, обвитый лавровой бронзовой веткой. Вокруг обелиска расположены четыре бронзовых венка, символизирующие четыре фронта, бойцы которых освобождали Беларусь. Венки – знак памяти молодого поколения о заслугах предшественников. У подножия памятника горит Вечный огонь (1961). В 1984 г. на нижнем уровне площади, под землей, построена кольцевая галерея, которая переходит в мемориальный зал в честь 566 героев Советского Союза, погибших в боях за освобождение Беларуси. В специальные постаменты площади заложены капсулы с землей из Брестской крепости и городов-героев Москвы, Ленинграда (ныне Санкт-Петербург), Волгограда (ранее Сталинград), Киева, Одессы, Севастополя, Керчи, Новороссийска и Тулы.

Парадный силуэт монумента раскрывается к набережной реки Свислочь и прибрежному парку, гармонично вписываясь в природный ландшафт.

Ансамбль формируют дугообразные дома (1939–1947, архитектор Р. Столлер), обрамляющие площадь Победы. Буквы над ними складываются в надпись: «Подвиг народа бессмертен».

Возведенные позднее рядом жилые дома по углам увенчаны башенками, украшены лепными карнизами, портиками, майоликовыми голубями с оливковыми ветвями в клювах, на четной стороне проспекта богато декорированные, с вазами и рогами изобилия над соединяющей дома колоннадой арки (1952, рис. 136–141), на нечетной стороне выглядят более скромными. На их упрощенное архитектурное решение повлияла борьба с излишествами (постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4 ноября 1955 г.).

В 1952 г. в фундамент дома 31 на пересечении проспекта Сталина и улицы Коммунистической (рис. 142), который строился на будущей площади Победы, были заложены кирпичи из легендарного дома Павлова в Сталинграде (рис. 143). Этот символический эпизод отражен в документальных фильмах «Новый Минск» (1954) и «Дом на Проспекте» (1962).

Среди архитектурных сооружений 1950-х гг. особо выделяется богато декорированный, щедро украшенный лепниной Дворец культуры профсоюзов (1954, архитектор В. Ершов, рис. 144). В стиле античного храма-ротонды выполнено здание цирка (1958, архитектор В. Жуков, рис. 145).

В классическом декоративном оформлении зданий Минска активно используются знаки советскости: в лепнине, в межоконных медальонах с изображением паровоза «И. Сталин», мчащегося по молоту сквозь серп, в оформлении дверей монументальных 11-этажных сталинских башен – привокзальных парадных ворот города в стиле ар-деко (1947–1953, архитекторы Б. Рубаненко, Л. Голубовский, А. Корабельников, рис. 146–149).

Парадные фасады украшают декоративные элементы классического наследия, выполненные согласно канонам эстетики социализма: в растительный узор в стиле ар-деко вплетены серп и молот – сакральные символы государства рабочих и крестьян. Герб советской Беларуси с серпом и молотом расположен на одной из башен (рис. 150), а также используется в оформлении карниза главного универмага (ГУМа) и в его интерьере (рис. 151, 152). В декоративном оформлении лестниц встречаются красные звезды¹, а верхушка световой в бронзовом обрамлении колонны украшена бронзовыми скульптурными группами. В интерьере широко используются лепные детали и витражи. Архитектурно-художественный облик ГУМа характеризуется арочными проемами, образующими парадный вход, сложным декором – многочисленными фронтонами, лепнина, вставки, геральдические пояски, майоликовые детали, парапеты.

¹ Красная звезда – одна из первых советских эмблем (1918), символ стремления к высоким идеалам, с 1923 г. использовалась в гербе СССР как дополнение к девизу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», пять лучей олицетворяли солидарность трудящихся пяти континентов.

Звезда, украшенная лавром, венчает дом «под шпилем» на углу улиц Коммунистической и Красной (рис. 153–156). Дом построен в составе комплекса домов для офицерских семей (1953–1956, архитекторы М. Лившиц, Э. Гольдштейн, В. Исаченко, консультант М. Барщ). Они были возведены недалеко от здания штаба Белорусского военного округа (ныне – Министерство обороны Республики Беларусь), выполненного в единой классицистической стилистике (1947, архитектор В. Гусев, рис. 157), что обусловило целостность архитектурно-пространственной среды.

Жилая застройка улиц Коммунистической, Красной и Киселева отсылает к наследию И. Жолтовского, напоминая жилые дома на Смоленской площади и Большой Калужской улице в Москве.

Пилястры, декоративные вазы с плодами и цветами на фасаде, величественные ворота в арках домов, декоративные резные решетки со звездами создают торжественный характер жилой застройки.

Дом «под шпилем» – одна из первых высоток послевоенного Минска, в башне размещался вышковый разведывательный пункт, были смонтированы сирены противовоздушной обороны. В его архитектурном решении используется прием башенно-ярусного построения углового высотного объема, который доминирует в композиции, вызывая ассоциации с элементами завершенных сталинских высоток в Москве [560, с. 108]. Дом располагается в ансамбле набережной Свислочи заречной части центра Минска.

Архитектурно-художественная стилистика зданий – это отражение духа времени, эпохи триумфа в классических образцах и в то же время становление национального в архитектуре. Так, в декоративно-художественном оформлении фасада дома «под шпилем» используется мотив случких поясов (рис. 158).

Жилая застройка (проспект Независимости, 91 и 93), так называемый «генеральский» дом (1940 г., архитектор В. Гусев; 1948–1950-е гг., архитектор М. Лившиц, рис. 159, 160), от улицы Калинина до часового завода «Луч», – ансамблевая композиция с единым архитектурно-художественным замыслом на тему Победы. Походит на палатцу: центральная часть с треугольным фронтоном, колоннами ионического и коринфского ордера и эркерами.

Эти дома, как и здание Министерства обороны, – образцы культурно-исторического наследия русского классицизма XVIII – начала XX в.

Память о победе в Великой Отечественной войне сохранена в архитектуре многих минских послевоенных сооружений. Тема Победы материализована в зданиях вдоль центрального проспекта – от площади Победы до площади Калинина, а также вдоль улиц Кирова¹, Свердлова², Карла Маркса³ и Ленина, несущих выразительный патриотический посыл. Их архитектурная морфология построена на использовании треугольных фронтонов, эркеров, помпезных колонн, балюстрад, советской атрибутики (снопы урожая, гирлянды, венки) в декоре.

В создании триумфального образа значимую роль играет скульптура. Скульптурные композиции на портике и крыше Дворца культуры профсоюзов (1954, скульпторы А. Глебов, В. Попов, С. Селиханов, рис. 168, 169), на башнях – «ворота города» на Привокзальной площади (рис. 170), по углам фронтона Суворовского училища (1953, архитектор Г. Заборский, скульпторы В. Попов, А. Заспицкий, рис. 171, 172), техникумов на улицах З. Бядули, Захарова, Партизанском проспекте и др. стали неотъемлемой частью образа Минска.

Триумфальный характер придают группы декоративных элементов над балюстрадой (жилые дома на проспекте Независимости, 22 и 23, архитекторы Г. Заборский, М. Парусников, 1949–1954, рис. 173), напоминающие устремляющиеся ввысь салюты, колонны-светильники и торжественные монументальные ворота (главные входы

¹ Единый стилистический ансамбль улицы Кирова создают здания Министерства сельского хозяйства и продовольствия (1952, архитектор П. Иванов, рис. 161, 162) и бывшего Областного комитета Коммунистической партии (1953–1956, архитекторы А. Воинов, Л. Усова, рис. 163, 164).

² Изогнутый «подковой» жилой дом на улице Свердлова, 22 возведен в 1952 г. по проекту архитекторов Б. Рубаненко, Л. Голубовского и А. Корабельникова (рис. 165, 166), которые являются также авторами проектов жилых домов на улице Кирова.

³ Главное производственное управление энергетики и электрификации Белорусской ССР, ныне – «Белэнерго», пересечение улиц Карла Маркса и Комсомольской, 1950–1952 или 1955. Архитектор Р. Гегарт (рис. 167).

в Парк Горького (рис. 174), Парк Челюскинцев, Ботанический сад, на стадион «Динамо» (рис. 175, 176)).

Наиболее целостно и выразительно архитектурное единство прочитывается от Центрального почтамта до площади Победы, но и дальше ансамбль формируют яркие памятники сталинской архитектуры.

Органично вписано в ансамбль проспекта здание Белорусского политехнического института (ныне Белорусский национальный технический университет, рис. 177), строилось в 1932–1933 гг. в стиле конструктивизма (архитектор Г. Лавров, реконструкция – 1936 г., архитектор Н. Маклецова). Разрушенные во время войны здания были отстроены заново в олицетворявшем победу неоклассическом стиле. Главный корпус возведен в конце 1940 – начале 1950-х гг. по проекту Л. Рыминского¹ и Л. Усовой. Позже ансамбль был дополнен корпусами общежитий, также спроектированными и построенными в неоклассическом стиле (архитекторы С. Мусинский, Г. Сысоев, А. Кудрявцев).

Послевоенная застройка в стиле сталинского ампира находится в разных частях Минска.

Градостроительные идеи архитекторов-неоклассиков впитал и продолжил М. Бакланов, по проектам которого осуществлена реконструкция здания синагоги (1906) для Русского театра (1948–1950, рис. 178), построено здание Государственной картинной галереи БССР (1954–1957; ныне Национальный художественный музей Республики Беларусь, рис. 179) и другие крупные общественные здания. Главный фасад музея представляет собой синтез архитектуры и скульптурной пластики (скульптуры «Слава», «Живопись», «Скульптура» работы

¹ В 1938 г. Л. Рыминский был приговорен к 5 годам исправительных лагерей по обвинению за рассказанный анекдот в антисоветской пропаганде. Когда Сталин поручил отстраивать Минск, М. Парусников попросил вернуть из заключения своего ученика Л. Рыминского, находившегося на поселении. На тот момент он не закончил университет, и у него не было диплома. Рыминскому предоставили возможность защитить диплом в политехническом институте на строительном факультете, темой которого и был проект главного корпуса. Проект Л. Рыминского был успешно защищен в 1947 г., а в 1950 г. главный корпус отстроили таким, каким мы его сейчас знаем. Позднее в стенах построенного им института Л. Рыминский преподавал. Источник: <https://times.bntu.by/s/6765-glavnyy-korpus-do-i-posle>.

А. Бембеля, П. Белоусова, С. Адашкевича, Л. и М. Роберманов)¹, переданных с высокой эстетической выразительностью.

В стиле сталинского ампира выполнены кинотеатр «Победа»² (1949–1950; архитекторы И. Лангбард, М. Бакланов, рис. 181) и центральный вокзал Детской железной дороги (1949–1955, архитектор Г. Заборский, рис. 182).

Как отмечает Т. Л. Астраханцева, этот сложный и изысканно-монументальный стиль гармонировал с духом эпохи, был народным, но вместе с тем элитарным [27, с. 16, 18], свидетельствовал о вновь обретенном единстве среды, нарушенном войной.

Стиль «Победа» повлиял на современный облик города и в монументально-художественной, и в идейной тематике, которая получила дальнейшее развитие в новой архитектурно-пространственной среде.

В современном Минске по-прежнему артикулируется память о победе над фашизмом, героях войны и жертвах. Концепция «Минск – город-герой»³ является одной из основополагающих в образе города. Множество улиц названы в честь Героев Советского Союза, организованы места памяти, такие как музейно-парковый комплекс «Победа» (2013), включающий Парк Победы (1945), Музей истории Великой Отечественной войны (новое здание открыто 2 июля 2014 г. к 70-летию освобождения города) и мемориальный комплекс «Минск – город-герой» (1985), к которым ведет вторая основная магистраль города – проспект Победителей. Об этом свидетельствует и строительство на проспекте Победителей Дворца Независимости, и формирование площади Государственного флага.

Образ города-победителя ассоциируется с Минском не только в восприятии его жителей и гостей, но и воссоздается в городах стран-соседей. Например, в марте 2017 г. в Москве открыли новую станцию метрополитена, названную «Минской», что обусловлено ее расположением на улице Минской возле Парка Победы и недалеко от Центрального музея Великой Отечественной войны. Стилистическое

¹ Авторы «Скульптуры» (рис. 180) С. Адашкевич и П. Белоусов, «Живописи» – М. и Л. Роберманы, «Славы» – А. Бембель (<https://artmuseum.by>).

² Кинотеатр построен на месте сгоревшего во время войны клуба пиццевиков, выполненного в стиле конструктивизма.

³ Почетное звание «Город-герой» присвоено Минску 26 июня 1974 г. по случаю 30-й годовщины освобождения Беларуси от немецких захватчиков.

оформление станции, ее графические композиции посвящены военной технике, находящейся на открытой площадке музея.

Для культуры постсоветского пространства значимым и вызывающим отклик остается монументальное искусство, выполненное в эстетике соцреализма, транслирующее мощь и величие Великой Победы и неразрывно связанное с сакрализацией общей героической памяти.

Архитектурный стиль «Победа» встречается во многих городах постсоветского пространства, однако в каждом из них его художественно-эстетическая трактовка сохраняет черты индивидуального почерка.

Яркий своеобразный силуэт Минска носит индивидуальный характер, сочетающий национальную самодостаточность с почитанием наследия советских времен. Ансамбль главной артерии столицы, ее парадной магистрали – архитектурный символ Победы создает уникальный идейно-художественный образ города, не имеющий аналогов в мировой архитектурной практике¹.

Героизм и величие Победы и подвига обрели монументальную форму и глубоко укоренены в культурный код белорусского города.

¹ Ансамбль проспекта Независимости включен в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь с присвоением статуса 1-й категории как ценности, имеющей международное значение.

Иллюстрации к гл. 2, разд. 2 (2.1.2) (рис. 119–182)

Рис. 119. Памятник Сталину на Центральной площади. 1952. Минск.
Фотография. В. И. Кириченко. Минск.
История послевоенного восстановления. 1944–1952.
Издательство «Беларусь», 2004

Рис. 120. Здание Министерства государственной безопасности БССР
(ныне – Комитет государственной безопасности Республики Беларусь).
1945–1947. Минск. Архитекторы М. Парусников, Г. Баданов

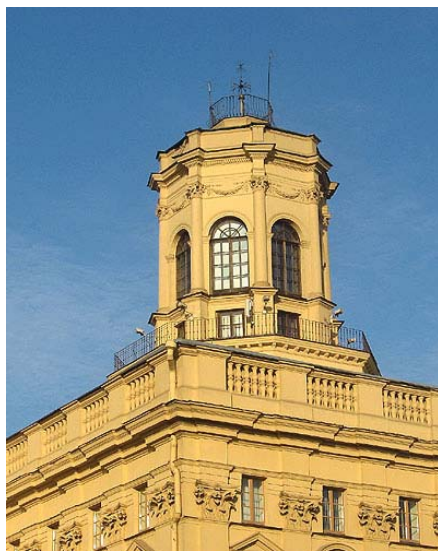

Рис. 121. Башенка на здании КГБ Республики Беларусь

Рис. 122. Дом на проспекте Независимости, 16. 1950-е гг.
Минск. Архитекторы М. Парусников, Г. Баданов

Рис. 123. Башенка с часами
украшает жилой дом на проспекте Независимости, 16

Рис. 124. Бульвар-сквер имени Ф. Э. Дзержинского по ул. Комсомольской (пересечение с проспектом Независимости, 16). Середина 1950-х гг. Минск

Рис. 125. Памятник Ф. Э. Дзержинскому. Установлен в одноименном сквере по ул. Комсомольской. 1953. Минск. Скульптор Э. Азгур, архитектор В. Волчек

Рис. 126. Клуб им. Дзержинского – боковой фасад здания Комитета государственной безопасности. Фото автора

Рис. 127. Национальный банк Республики Беларусь.
1947–1952. Минск. Архитектор М. Парусников

Рис. 128. Главпочтамт. 1949–1953. Минск.
Архитекторы В. Король, А. Духан

Рис. 129. ГУМ. 1951. Минск. Архитекторы Л. Мелеги, Р. Гегарт

Рис. 130. Жилой дом с кинотеатром «Центральный». 1950–1954.
Проспект Независимости, 13. Минск.
Архитекторы М. Осмоловский, Г. Баданов

Рис. 131, 132. Фрагменты декоративно-художественного
оформления жилого дома, проспект Независимости, 13

Рис. 133. Проспект Независимости. Центральная часть. 1955.
Минск. Магистральный архитектор М. Парусников

Рис. 134. Мост к площади Победы (Захарьевский мост). 1952. Минск.
Проект М. Парусникова, Г. Баданова. Фотография. Альбом «Мінск
у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958

Рис. 135. Площадь Победы в 1960-е гг. Минск.
Проект площади – 1950 г. Архитекторы М. Барщ, Л. и Г. Аранаускасы,
корректировка – 1954 г. Г. Заборского и Л. Мацкевича

Рис. 136. Дома на площади Победы. Проспект Независимости, 36, 38.
1952. Минск. Архитекторы М. Барщ, Л. и Г. Аранаускасы

Рис. 137. Проспект Независимости, 36

Рис. 138, 139. Фрагменты декоративно-художественного оформления дома по проспекту Независимости, 36

Рис. 140, 141. Фрагменты декоративно-художественного оформления дома по проспекту Независимости, 36

Рис. 142. Проспект Независимости, 31. 1950-е гг.
Минск. Архитектор М. Барщ

Рис. 143. Памятная доска, посвященная защитникам дома Павлова

Рис. 144. Дворец культуры профсоюзов. 1954.
Минск. Архитектор В. Ершов

Рис. 145. Белорусский государственный цирк.
1958. Минск. Архитектор В. Жуков

Рис. 146. Жилые дома-башни («Ворота Минска») – вид с Привокзальной площади. 1947–1953. Минск. Архитекторы Б. Рубаненко, Л. Голубовский, А. Корабельников

Рис. 147. «Ворота Минска» – вид с улицы Кирова. 1950-е гг.

Рис. 148, 149. Фрагменты декоративно-художественного оформления домов-башен в стиле ар-деко на Привокзальной площади

Рис. 150. Фрагмент – герб советской Беларуси в декоративно-художественном оформлении дома-башни на Привокзальной площади

Рис. 151, 152. Фрагменты декоративно-художественного оформления ГУМа (карниз и интерьер)

Рис. 153. Вид на Коммунистическую улицу – в начале улицы дом «под шпилем». Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958

Рис. 154. Дом «под шпилем» на углу улиц Коммунистической и Красной (фасад). 1953. Минск.
Архитекторы М. Лившиц, Э. Гольдштейн, В. Исаченко

Рис. 155. Фрагмент дома «под шпилем» – башня, увенчанная «иглой» с пятиконечной звездой

Рис. 156. Спуск к набережной Свислочи от дома «под шпилем». Памятник сотрудникам милиции, погибшим в мирное время. 2003. Минск. Фото автора

Рис. 157. Здание штаба Белорусского военного округа (ныне – Министерство обороны Республики Беларусь). 1947. Архитектор В. Гусев

Рис. 158. Фрагмент декоративно-художественного оформления фасада дома «под шпилем»

Рис. 159, 160. «Генеральский» дом на пересечении проспекта Независимости и улицы Калинина. Минск. 1940 г. – архитектор В. Гусев, 1948–1950-е гг. – архитектор М. Лившиц

Рис. 161. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. 1952. Минск. Архитектор П. Иванов

Рис. 162. Главный фасад здания Министерства сельского хозяйства и продовольствия – в центре фасада размещен рельефный герб БССР

Рис. 163. Здание Областного комитета Коммунистической партии БССР (ныне – Исполкома СНГ). 1953–1956. Минск. Архитекторы А. Воинов, Л. Усова. Фотография, 1950-е гг. В. И. Кириченко. Минск. История послевоенного восстановления. 1944–1952. Издательство «Беларусь», 2004.

Рис. 164. Современный вид здания Исполкома СНГ

Рис. 165, 166. Здание жилого дома по улице Свердлова, 22 (пересечение с улицей Кирова) – передний и боковой фасад. 1952. Минск. Архитекторы Б. Рубаненко, Л. Голубовский, А. Корабельников

Рис. 167. Государственное производственное объединение
электроэнергетики «Белэнерго». 1950–1952 или
1955. Минск. Архитектор Р. Гегарт

Рис. 168, 169. Скульптурные композиции на крыше и портике Дворца культуры профсоюзов. 1954. Минск. Скульпторы А. Глебов, В. Попов, С. Селиханов

Рис. 170. Скульптуры, украшающие «Ворота Минска» –
дома-башни на Привокзальной площади.
Первоначальные бетонные скульптуры заменены
на силуминовые в 2004 г.

Рис. 171. Минское суворовское военное училище.
1953. Минск. Архитектор Г. Заборский

Рис. 172. Скульптуры на фронте Минского суворовского
военного училища. Скульпторы В. Попов, А. Заспицкий

Рис. 173. Жилой дом на проспекте Независимости, 23. 1949–1954. Минск. Архитекторы Г. Заборский, М. Парусников. Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958

Рис. 174. Центральный вход в Парк Горького. 1950-е гг.
Минск. Архитектор Г. Заборский

Рис. 175. Центральный вход на стадион «Динамо». 1950-е гг.
Минск. Архитектор М. Барщ. Фотография. Альбом «Мінск
у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958

Рис. 176. Стадион «Динамо» в 1958 г. Фотография. Альбом
«Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король.
Издательство «Звезда». 1958

Рис. 177. Главный корпус Белорусского политехнического института им. И. В. Сталина (ныне – БНТУ). 1946–1952. Архитекторы Л. Рыминский, Л. Усова. Фото: <https://times.bntu.by/news/6765-glavnyy-korpus-do-i-posle>

Рис. 178. Здание Национального академического
драматического театра им. М. Горького.
Реконструкция 1948–1950 гг. Минск. Архитектор М. Бакланов

Рис. 179. Здание Национального художественного музея Республики Беларусь. 1954–1957. Минск. Архитектор М. Бакланов. Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звязда». 1958

Рис. 180. Изваяние «Скульптура». Фасад здания Национального художественного музея. Фото автора

Рис. 181. Кинотеатр «Победа». 1949–1950. Минск. Архитекторы
И. Лангбард, М. Бакланов. Фотография. Альбом «Мінск
у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958

Рис. 182. Центральный вокзал Детской железной дороги на станции «Парк культуры» (в 1971 г. переименована в «Заслоново»). 1949–1955. Минск. Архитектор Г. Заборский. Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958

2.2. Аксиологический подход к созданию мемориалов

Ключевыми функциями памятников являются мемориальная, монументальная, социальная, культурно-просветительная, эстетическая, аксиологическая и др. Среди них как одна из важнейших выделяется аксиологическая функция, когда памятник выступает в качестве транслятора общечеловеческих ценностей: витальных, социальных, политических, моральных, религиозных, эстетических¹, – заложенных в каждой этнической и национальной культуре. Эти ценности могут заимствоваться у других культур. Их освоению, приятию, усвоению и воспроизведению в своей социокультурной среде способствует культурное взаимодействие.

2.2.1. Трансляторы политических ценностей

Политические ценности, такие как гражданские свободы, законность, конституция, мир и др., воплощаются в монументах, призванных выражать национальную гордость: Июльская колонна в Париже (1835–1840), колонна Конгресса в Брюсселе (1850–1859), памятник королю в честь объединения Италии – Витториано в Риме (1885–1935), памятник Конституции в Мадриде (1982) и мн. др.

В конце XVIII в. распространение получили уникальные объекты польско-белорусского культурного наследия – мемориальные колонны в честь принятия (завещания потомкам) Конституции Речи Посполитой 3 мая 1791 г. (колонны Славы), символизирующие развитие гражданского общества нации [263; 418].

Значение Конституции 1791 г. как второго в мировой истории кодифицированного национального акта после Конституции США 1787 г. подтверждается внесением данного документа в Польский государственный список программы ЮНЕСКО «Память мира» (2014), в список Европейского наследия (2015).

Монументы в честь Конституции устанавливались по инициативе прогрессивно настроенной шляхты и магнатов (Немцевичей,

¹ Группы ценностей приводятся согласно классификации Б. С. Ерасова [160, с. 122].

Радзивиллов, Лопатинских, Тызенгаузов, Ходкевичей, Пусловских, Сапег и др.) в их владениях. Такие колонны сохранились в Глубоком (рис. 183), Петрикове, Дятлово и др.

Две колонны Славы в Петрикове «были специально установлены на расстоянии всего нескольких метров друг от друга, и должны были символизировать близость Короны и Великого Княжества Литовского» [185, с. 35].

Формы и идеи памятника восходят к традиции возведения колонн в честь или в связи с важным событием: римским триумфальным колоннам, вотивным (посвятительным) колоннам Античности и Средневековья.

На территории современной Беларуси сохранилось 12 колонн [467], по другим источникам 18 [185].

Самая величественная из сохранившихся 10-метровая колонна была установлена рядом с д. Леонполь (рис. 184, 185) на границе первого раздела Речи Посполитой по инициативе вице-маршала Верховного Трибунала Великого Княжества Литовского Яна Никодима Лопатинского, чтобы, по его словам, «увековечить здесь, на границе Речи Посполитой, перед лицом нашего грозного врага, великое дело Конституции 3 мая 1791 года. ...Выстроить большой столб по моему эскизу на открытом месте, почти над самой Двиной, чтобы он был издали виден нашим несчастливым братьям за кордоном (в Российской империи. – *О. С.*) и укреплял их сердца надеждой» [цит. по: 472, с. 224].

Историческая фиксация некоторых колонн изменялась под влиянием происходивших на территории, где были установлены монументы, событий. Например, колонны в Могилевцах и Полонске в разное время именовались местным населением колоннами Калиновского, позднее – колоннами Траугутта [190, с. 29].

Со временем значение монументов забывалось. Естественная жизнь памятника сменялась культурной катастрофой: бывшее значение утрачивалось, наступала семиотическая пауза, обусловленная утратой ценности в глазах общества. Так, в деревне Фащевке когда-то была установлена на вершине колонны деревянная статуя святого, к настоящему времени почти полностью разрушена; о ней упоминает В. Короткевич в романе «Черный замок Ольшанский»: «Благодарный

народ, забыл, кто это: святой или какой-то государственный деятель, но прочно закрепил в словаре слова “ёлуп хвашчоўскі” (олух, болван хвощевский) для определения чего-то глупого и бесполезного¹. Таким образом в своем жизненном цикле памятник переходит на уровень мифопоэтического восприятия.

2.2.2. Символы веры

Колонны Славы служили символом веры.

Выполненный в виде часовни монумент в местечке Бездеж, в одной из аркад которого находилась скульптура святого, венчал крест с гербом Речи Посполитой. Навершие в виде креста было на колонне в Новоельне, сохранилось на монументах в Петрикове и Дятлово. Первоначальный декоративный элемент венца колонн, вероятно, включал герб Речи Посполитой. Таким образом, раскрывалась идеологическая составляющая монументов как политического заявления о независимости государства.

Установка крестов вместо креста с гербом может быть объяснена тем, что в период вхождения земель в состав Российской империи в большинстве случаев колонны становились частью освященных католических кладбищ, которые создавались рядом с монументами, чтобы подчеркнуть сакральность места и защитить памятники от уничтожения. Также в ряде случаев в связи с неблагоприятной политической ситуацией колонны переименовывались местным населением в честь святых, что спасало памятники от разрушения.

В традиции установки крестов (надмогильных, поклонных (рис. 186, 187), обителей (рис. 188), придорожных и др.), теснейшим образом связанной с древними дохристианскими языческими верованиями [468], проявляется синтез культовой, мемориальной и аксиологической функций. Ставили кресты на месте триумфальных и трагических событий.

Современные территории Гродненской, Брестской, Минской областей Беларуси, восточная часть Литвы (Виленщина, Паневежский и Каунасский регионы), Белосточчина Польши до XIV в. «являли со-

¹ Короткевич В. Черный замок Ольшанский : роман ; Дикая охота короля Стаха : повесть / пер. с бел. В. Щедриной. Минск, 1984. С. 112.

бой единое пространство бытования деревянных крестов особого типа, в искусствоведении они известны под названием литовских» [185]. В видовом многообразии форм воплотился опыт народных мастеров, которые особенным образом переосмыслили и отражали языческие и христианские взгляды на жизнь и смерть. Традиционное литовское искусство обработки и украшения крестов – криждирбисте включено ЮНЕСКО в Список нематериального культурного наследия человечества (2008).

Расширение территорий Российской империи способствовало культурной экспансии в Северо-Западном крае, что привело к запрещению установки и уничтожению (вследствие начавшейся в 1839 г. ликвидации Брестской церковной унии) придорожных и кладбищенских крестов, украшенных резьбой и тканью, на основании подозрения в их польско-католическом происхождении [185]. Циркуляром виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева от 8 июля 1864 г. запрещалось устанавливать «кресты на полях, дорогах и, вообще, вне костелов, а также упавших вследствие обветшалости: “Дабы католическое духовенство не совершало к ним торжественных процессий и крестных ходов, с целью воспоминания о политических событиях и возбуждения патриотизма”» [97, с. 145]. Такие памятники после восстания 1863–1864 гг. воспринимались как акты политически-религиозной пропаганды. Императорским указом от 14 марта 1896 г. сельскому католическому населению Виленской, Ковенской и Гродненской губерний кресты и другие священные изображения вне кладбищ, храмовых оград и усадеб разрешалось ставить только с позволения губернского руководства (что происходило на практике редко), также вводилось ограничение на сооружение крестов из прочных материалов.

А. И. Ганчар на основании архивных документов приводит многочисленные примеры уничтожения памятников, наказания ксендзов, помещиков и крестьян за неповиновение в виде денежных штрафов. Так, в 1864 г. в Белостоке за одну ночь были выкопаны 200 римско-католических железных крестов, а в Гродно все кресты. «Виленский генерал-губернатор не разрешил в 1899 г. дворянину И. Дзеконскому поставить два деревянных креста в урочищах Заось и Уска Брестского уезда, так как они могли бы послужить воспоми-

нением о событиях 1863–1864 гг. (в ходе опроса местных крестьян выяснилось, что в этих урочищах укрывались польские повстанцы). Крестьянин Н. Болкунов возле деревни Беневцы Гребеневской волости Сокольского уезда поставил каменный памятник с железным крестом, а ксендз Сташкевич освятил этот памятник. Виленский генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский счел, что крестьянин поставил памятник по неведению и освободил Болкунова от взыскания. Он также согласился, что, возможно, и ксендз Сташкевич мог не знать правил, изложенных в высочайшем повелении от 14 марта 1896 г., но все же подверг ксендза штрафу в 50 рублей» [97, с. 146].

В то же время устанавливались памятники, способствующие утверждению православия. Так, М. М. Король приводит пример, когда помещик Давыдов в своем имении Тераполь Витебского уезда установил мраморный памятник с медным кубком для церковных пожертвований в память о совершении купчей крепости по передаче имения «з польскіх рук у русскія, і служыць “забытай справе праваслаўя” ў паланізаванай “Белоруссии”» [202, с. 184].

Несмотря на все ограничения местные жители без согласия властей восстанавливали срубленные кресты или делали новые, устанавливая их вдоль дорог и в полях.

Описывая полесскую деревню, Якуб Колас отмечал: «На кожnym перакрэстку вуліц стаялі высокія крыжы, павязаныя хвартушкамі з чырвонаю стужкаю»¹.

В культурном пространстве Беларуси наблюдается возрождение традиции установки придорожных крестов, которые часто традиционно украшаются рушниками, фартушками, лентами и др.

Кресты – важная часть сакральной культуры: места паломничества в Литве – гора Крестов, в Польше – гора Крестов, или Грабарка. В Беларуси большое количество поклонных крестов было установлено в Куропатах – месте памяти жертв политических репрессий 1930–1940-х гг. Первый крест – «Крыж пакуты» установлен на Деды в 1989 г. В 1993 г. урочищу Куропаты придан статус историко-культурной ценности.

Также памятные кресты установлены в 1990-е гг. на Кобыляцкой горе под Оршей – месте массовых расстрелов 1930-х гг. Памятный

¹ Колас Я. Палеская вёска // Збор твораў : у 14 т. Т. 4. Апавяданні 1906-1907 гг. Мінск, 1973. С. 260-261.

крест, украшенный рушником, на месте расстрелов 1919–1940 гг. под Гомелем открыт на Деды 2 ноября 1994 г. Памятные кресты жертвам большевистского террора установлены в Копыле (1993), Лошицком парке в Минске (1995) и др.

Событиям восстания 1863–1864 гг. под руководством Кастуся Калиновского на Клетчине посвящены памятник-крест, установленный у д. Заостровечье (1937 и 1993) в память о 40 повстанцах, которые погибли здесь в бою (рис. 189), а также крест-меч на холме рядом с д. Слободка Островецкого района (2013) в честь 150-летия восстания¹.

Нередко в белорусских деревнях католические и православные кресты стоят на перекрестке рядом. Мирно сосуществующее конфессиональное многообразие воплощается в памятных знаках. Например, на окраине Клецка на берегу реки Лань в 1996 г. в честь победы над крымскими татарами (Клецкая битва, 1506 г.) установлены православный и католический мемориальные кресты, между которыми расположен памятный валун с мемориальной доской (рис. 190). Под католическим крестом в 2011 г. перехоронили останки 149 человек, которые были найдены рядом с древним детинцем Клецка. Среди костей нашли несколько полугрошей Александра Ягеллончика, что позволило датировать захоронение началом XVI в. – временем, когда Клецк оказывался на пути татарских набегов. Мемориальный комплекс включает камень с барельефом князя Михаила Глинского, возглавившего войско Великого Княжества Литовского в Клецкой битве, и силуэтом средневекового города (установлен в 2015 г., рис. 191).

Поле битвы под Клецком с изображением памятника-креста можно увидеть на рисунке Эразма Рудольфа Фабиянского в издании «Tygodnik Ilustrowany» № 150 за 1862 г. (nr 150 z 9.08.1862. S.57).

¹ Воткнутый в землю меч – символ оконченной битвы и памяти о погибших в ней; долга и завершенности. Кроме того, в Средневековье, воткнув меч в землю, рыцарь молился на него, как на крест, им проводили в последний путь умерших. Два креста – католический и православный – на рукояти меча-памятника имеют общую перекладину, символизируя единство христиан Беларуси, которые вместе сражались за ее свободу, а надписи на лезвие: «Kaho lubiš? – Lublu Bielaruś! – To ūzajemna!» («Каго любіш? – Люблю Беларусь! – То ўзаемна!») – это пароль, которым обменивались между собой косинеры.

В Заславле (городище «Замэчек» на месте древнего города-крепости Изяславля) в виде каменного креста на круглом постаменте выполнен мемориальный знак в честь 1000-летия христианизации (1992, рис. 192).

Валуны часто становятся основой того или иного памятника¹.

Один из самых древних феноменов белорусской культуры – Борисовы камни – Рогволодов камень (рис. 193–196), на которых были высечены кресты – памятники эпиграфики XII в., свидетельствующие о христианизации восточнославянских земель и просветительской роли князей как поборников православия.

Предки белорусов в дохристианской традиции поклонялись валунам. Почитаемым камням и деревьям (например, дубам), расположенным на месте капищ – своеобразных сакральных комплексов, жертвовали рушники и другие тканые изделия. Территории одного из таких культовых святилищ на берегу Свислочи в Минске (X – начало XX в.) присвоен статус историко-культурной ценности (2007), установлен памятный знак «Малельня ля каменя» (2019). Камень «Дед», или «Старец», с места капища перенесен в 1980-х гг. в Музей валунов.

Сегодня особенно большие валуны признаются памятниками природы. В Минске и Вороновском районе Гродненщины созданы Музеи валунов.

В виде валунов с мемориальными надписями выполнены памятники жертвам репрессий («Пакутнікам за волю і незалежнасць Беларусі», Молодечно, 1990; «Жертвам необоснованных репрессий», Бобруйск, 1998; «Месца памяці і смутку», Кобыляцкая гора, 1990-я гг.). Мемориальный камень «Пакутнікам за волю і незалежнасць Беларусі» находился на Центральной площади Молодечно. Кроме доски с надписью, на камне установлено изображение креста Евфросинии Полоцкой. Во время торжественного открытия возле валуна была проведена первая в истории Беларуси совместная служба священниками разных конфессий: православной, католической и униатской. Демонтирован в связи с планом постройки на этом месте к «Дажынкам» фонтана со скульптурой молодых людей, ищущих «папараць-кветку». Установлен возле городского Парка Победы.

¹ Традиция устанавливать камни – одна из древнейших и наиболее устойчивых. В культуре неолита, медного и бронзового веков распространение получили менгиры – установленные вертикально вытянутые каменные глыбы.

В Бобруйске гранитный валун с памятной надписью «Жертвам необоснованных репрессий» установлен в центральной части города – в скверике на площади Победы (1998). Памятник был поставлен в память о погибших во время сталинских репрессий и первоначально назывался «Жертвам политических репрессий». Название изменено по решению городской администрации.

В Ивье из валунов сложен рукотворный круг «Колесо истории» (2013): 14 камней символизируют 14 значимых дат в истории Ивья – от первого упоминания (1444) до придания статуса города (2000). В Ракове в рамках праздника культур «Раковский фэст» был открыт посвященный уроженцу белорусских Ляхович польскому писателю Сергею Песецкому памятник-камень, на котором изображено созвездие Большой Медведицы (2019, рис. 197, 198) как знак самого популярного его романа «Любовник Большой Медведицы» (пер. с пол.), сделавшего известным далеко за пределами Отечества Раков – в то время приграничное местечко, центр контрабандистов.

Валуны с памятными табличками отмечают места утраченных памятников (Гомель – памятник-валун фиксирует утраченный исторический центр города с детинцем X–XIII вв. и замком XIV–XVIII вв.), используются в качестве пьедесталов (памятник Адаму Мицкевичу в Новогрудке, 1992, рис. 199), памятных знаков (Софье Гольшанской в Гольшанах, 2006, рис. 200; Тадеушу Костюшко в Коссово, 1999, рис. 201; Игнату Домейко в аг. Крупово, 2002, рис. 204; предкам-гомелянам в Гомельском парке, 2011, рис. 202; в честь основания Лиды, 2008, рис. 203), являются частью монумента (памятник Франтишеку Богушевичу в Сморгони, 2009, рис. 205–207).

Цикл образов православных святых на камнях создал художник А. Кузнецов. Выполненные им камни-иконы с изображениями лиц святых, в том числе белорусских священников, расстрелянных в Минске в 1937 г., находятся на территории столичного храма Воскресения Христова и урочища «Куропаты».

Традицией становится установление скульптур святых при въезде в города: Молодечно (монументальная стела с фигурой Богородицы, композиция «Покров Пресвятой Богородицы», 2011), Логойск (образ Логойской иконы Божией Матери «Знамение», 2016, рис. 208), Жодино (скульптурная композиция Божией Матери, 2021, рис. 209);

на центральных улицах: Гродно (скульптура святого Губерта, 2020, рис. 210, 211), Ивье (статуя Иисуса Христа¹, 2002, рис. 212). Библейские сюжеты памятников Молодечно и Гродно отражены в гербах этих городов.

На берегу Днепра в Речице установлена каплица Евфросинии Полоцкой (1995, рис. 213). Согласно легенде, Евфросиния Полоцкая во время паломничества в Иерусалим останавливалась на отдых в Речице. В 1910 г. во время перенесения мощей святой из Киева в Полоцк Речица стала первым белорусским городом, где была назначена остановка. Памятник назывался Юбилейная каплица, так как его возведение было приурочено к 1000-летию крещения Руси, 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, а также в память погибших воинов-интернационалистов и жертв чернобыльской катастрофы. В четыре опоры каплицы вписаны лики белорусских святых и просветителей: епископов Мины и Дионисия, Кирилла Туровского, преподобного Елисея Лавришевского, философа Сымона Будного, гуманиста-просветителя Василия Тяпинского, церковного деятеля, просветителя Симеона Полоцкого, государственного деятеля, создателя Статута ВКЛ Льва Сапегы, православного мученика младенца Гавриила Белостокского, первопечатников Франциска Скорины, Ивана Федорова и пресвятой Евфросинии Полоцкой, изображение которой, держащей в руках крест, направленный в небо, венчает композицию. Благодаря образу великой святой утвердилось в народе название – каплица Евфросинии Полоцкой. В центре каплицы между опорами на камне-валуне находится крест из мореного дуба.

Такая доминантная ценность белорусов, как толерантность, воплощена в памятнике «В честь дружбы и согласия конфессий Ивьевщины», установленном в центре Ивья (2012). Четыре стелы с полукруглыми арками расположены на небольшом постаменте, каждая из сторон смотрит в сторону храма соответствующей конфессии. На католической части монумента размещена греческая анаграмма Христа, изображение святого Иоанна Павла II и его слова «Адчыніце дзверы Хрысту!», на православной – изображение Спаса Нерукотворного, иконы «Покров Пресвятой Богородицы» и цитата

¹ Прототипом послужила статуя Кришту Рей (Христос-Царь), установленная в г. Алмада (Португалия).

из Евангелия «Я есть путь, и истина, и жизнь», на иудейской – менора и приветствие «Мир вам!», а на исламской¹ – полумесяц и Коран. Мультикультурность стала брендом города. Познакомиться с его многонациональной историей можно в Ивьевском музее национальных культур (2009).

Скульптурная композиция «Иисус Христос и самарянка» (2014, рис. 214)², расположенная между церковью и костелом на Соборной площади в Глубоком, символизирует духовность, мир между верующими разных конфессий.

2.2.3. Трансляторы социальных ценностей

Среди скульптурных композиций, транслирующих социальные ценности, памятник хлебу в Пинске (2014)³, символизирующему жизнь и благополучие. Городская скульптура, посвященная профессиям – дворнику (скульптор В. Андриянов, 2008, рис. 215), милиционеру (скульптор В. Кондратенко, 2017, рис. 216) в Гомеле, балеринам (скульпторы Л. и С. Гумилевские, 2006, рис. 217; В. Слободчиков, 2008, рис. 218), учителю (художник А. Шомов, архитектор Д. Бубновский, 2014, рис. 219), лесничему (скульптор В. Занкович, 2015, рис. 220) в Минске и др., – выступает репрезентантом ценности труда.

Установка памятника семье на центральной площади в Глубоком, приуроченная к празднованию «Вішнёвага фэсту» в 2016 г. (рис. 221), свидетельствует о брендировании территории как места трансляции прежде всего социальных ценностей.

Благосостояние, благополучие, а также связь исторических эпох символизирует скульптура «Монета» (скульптор К. Костюченко, 2020, рис. 222, 223) возле головного офиса банка «Дабрабыт» в Минске. Выполненная из бронзы скульптура высотой 3 м, весом около 2 тонн содержит фрагменты ходивших на территории современной Беларуси денежных знаков: серебряного арабского дирхема (IX в.), серебряных пенязей Ягайло (около 1390–1392) и Витовта

¹ Особенностью Ивья является компактное проживание на его территории на протяжении столетий татар.

² Установлена по случаю 600-летия Глубокого.

³ Открытие было приурочено к празднику «Дажынкi».

(нач. XV в.)¹, золотых дукатов Жигимонта Августа и Стефана Батория (XVI в.), серебряных талеров Жигимонта III Вазы (XVII в.) и Станислава Августа Понятовского (паттерн 1766 г.), золотого нидерландского дуката (XIX в.)², 10 копеек советского времени и современных 2 рублей.

Патриотизм как ценность символизируют памятники пинчуку (Пинск, 2017, установлен к Дню города, рис. 224) и деду-глубочанину (Глубокое, 2015, установлен к Дню Независимости, рис. 225). Прототипом скульптурной композиции «Дед-глубочанин», расположенной в центре города на берегу оз. Кагальное (сидящий в лодке рыбак пишет книгу об истории, местных традициях и обычаях, знаменитых людях родного края), стал местный педагог и краевед Александр Соболевский, который в 87 лет начал писать книгу о Глуботчине и через четыре года перед уходом в мир иной успел ее издать.

Ценность науки символизирует созданная в сквере на территории Академии наук аллея, посвященная выдающимся ученым – «Золотое кольцо белорусской науки» (архитектор А. Сардаров, скульпторы Е. Хараберюш, Л. Покульницкий, 2021–2022, рис. 226, 227). Облик Академического городка дополнен знаковыми элементами: в скульптуре воплощен собирательный образ ученого, прототипами которого выступают реальные исторические персонажи. На данный момент установлены скульптуры Франциска Скорины, Казимира Семеновича, Симеона Полоцкого и Евстафия Тышкевича. Идея проекта – олицетворение преемственности белорусской науки и культуры.

Отношение к традиции как ценности транслируют памятники «Возрождение слущкого пояса» (в основе композиции скульптуры – василек, который используется в орнаменте поясов) и «Ткач». Скульптуры установлены возле фабрики «Слущкие пояса» в 2013 г. (рис. 228, 229). Слущкий пояс – национальный символ, кроме того

¹ Изображения этих монет приведены в статье В. Юргенсона [584, с. 64, 65].

² О. Галкин полагает, что скульптор изобразил монету восстания 1830–1831 гг., которая стилистически напоминала дукат Нидерландов. Литовско-белорусская шляхта принимала активное участие в восстании и охотно пользовалась «мятежными» деньгами. После задушения восстания большинство таких монет пошло в переплавку, однако некоторые находились в обращении до 1838 г. [94, с. 90].

олицетворяющий ценность диалога культур и взаимообогащения художественных традиций.

Исторические ресурсы городской среды активно используются в формировании современного облика города, являясь источником его социально-культурного развития, ценностного наполнения.

Мемориальные знаки сохраняют память об утраченных храмах, замках и пр. Например, деревянная часовня в Житковичах (1990-е гг.) является копией пришедшей в разрушение Крестовоздвиженской часовни в Ленине, построенной в 1863 г. в честь отмены крепостного права (в 2019 г. началась реставрация). Памятный знак в виде полуразрушенных арок из гранита с изображением католического и православного крестов установлен на месте взорванного властью в 1961 г. костела Пресвятой Девы Марии (Фары Витовта, вторая половина XIV в.) в Гродно (2014). Памятными знаками отмечены утраченные детинец Пинска (выполнен в виде часовни к 900-летию города в 1997 г., рис. 230), Немецкая слобода и лютеранская церковь в Минске (сделан в виде открытой книги, на страницах которой изображено немецкое поселение с кирхой в центре, 2019, рис. 231).

Памятники фиксируют важнейшие в социокультурной динамике города события. Скульптура «Глашатай» на площади Старое Место в Молодечно (2011, рис. 232) символизирует первое документальное упоминание о городе. Памятный знак в центре Клецка (2017) посвящен первому упоминанию в письменных источниках, получению городом герба и деятельности философа, просветителя Сымона Будного. Скульптура из металла в виде черного рога барана в Рогачеве (2016, установлена к Дню белорусской письменности, художественнаяковка Д. Мартынкова, рис. 233) отсылает к гербу города.

Актуализация исторических имен в городском пространстве обладает мощным патриотическим посылом. Мемориализированный символический герой может послужить маркером городской идентичности и памяти, инструментом качественного обновления пространства.

Доминантой в культурном ландшафте центра Вильнюса стал памятник основателю города великому князю литовскому Гедымину (создан литовским скульптором Витаутасом Кашубой, который родился в Минске в 1915 г.; отлит в Беларуси, установлен в 1996 г. на

Кафедральной площади Старого города, рядом в 2002–2016 гг. воссоздан Дворец великих князей литовских).

Памятник Гедымину установили на общественные средства к Дню города на пересечении улиц Грюнвальдская и Замковая в Лиде в 2019 г. у стен реставрированного и реконструированного в последнее 20-летие Лидского замка, основанного князем в 1323 г.

В 2017 г. в Лиде на здании художественной галереи на бульваре Гедымина (бульвар Чапаева переименован в 2010 г.) был создан мурал с изображением князя (рис. 234). На постаменте памятника размещен символ «Колюмны» (Гедыминовы столбы), догеральдический и геральдический знак ВКЛ. Согласно легенде XVI в., с целью доказательства происхождения литовской знати от римлян и литовской государственности от римской герб привез из Рима родоначальник династии литовских князей Палемон [90], один из родственников которого жил в Риме около Траяновой колонны и поместил ее изображение на свой герб. Этот символ встречается на монетах, печатях XIV в., флагах литовских хоругвей, сражавшихся под Грюнвальдом. При раскопках Старого замка в Гродно в 2018 г. был найден кирпич с клеймом «Колюмны», датированный концом XIV в. – временем, когда замок в Гродно перестраивал Витовт.

Памятники великому князю литовскому Витовту установлены в Каунасе¹, Тракае и Гродно. Скульптурное изображение князя является частью монументов в Нижнем Новгороде и Кракове.

Деревянная скульптура Витовта в Гродно² (1993, рис. 235), выполненная из цельного дуба, была передана городу Литовским фондом культуры. Подобный памятник установлен в Тракае. Обе скульптуры – произведения литовского народного мастера И. Ушкурсниса.

В Гродно в 2014 г. был создан мурал с изображением князя Витовта (рис. 236), с 2019 г. собираются подписи под петицией за установку нового памятника Витовту.

¹ Памятник Витовту в Каунасе рядом с центральным зданием мэрии (1932) был уничтожен во время Великой Отечественной войны и восстановлен в 1990 г.

² Памятник Витовту установлен в Гродно рядом с мостом, ведущим в Старый замок. Витовт, до того как стать правителем ВКЛ, был гродненским князем. Во время его правления Гродно считался второй столицей ВКЛ после Вильни.

Скульптурное изображение Витовта является частью монумента «Тысячелетие Бреста» (2009, рис. 237), представляющего собой модель города в исторических образах. На высокой колонне на вершине памятника находится ангел-хранитель Бреста со щитом и крестом в руках. Обращаясь к этому памятнику, нельзя не упомянуть монумент «Тысячелетие России», воздвигнутый в Великом Новгороде в 1862 г., одним из авторов которого является один из самых знаменитых в XIX в. белорусский скульптор М. О. Микешин. Среди множества исторических деятелей на памятнике изображены выдающиеся личности, тесно связанные с историей Белой Руси: Гедымин, Кейстут, Ольгерд, Витовт, Константин Острожский, Георгий Конисский, Иван Паскевич. Во время Великой Отечественной войны захватившие город немцы планировали отправить монумент в Германию и демонтировали его, частично разрушив, но после освобождения Новгорода, несмотря на то, что еще шла война, монумент восстановили и в ноябре 1944 г. торжественно открыли.

Особое место занимают памятники Второй мировой войны, являющиеся национальными монументами для многих стран (например, Национальный военный мемориал в Оттаве, 1939¹, Национальный монумент в Амстердаме, 1956, Национальный мемориал Второй мировой войны в Вашингтоне, 2004).

Патриотическое наполнение монументов, посвященных Великой Отечественной войне, героям, олицетворяющим самопожертвование, отвагу, верность Родине, выводит их в национальные, делая актуальным инструментом нациотворения, современного национального дискурса (рис. 238, 239). Героизм и величие победы и подвига обрели монументальную форму и глубоко укоренились в культурный код белорусского города.

¹ Первоначально посвящен участникам и жертвам Первой мировой войны. С 1982 г. стал также памятником канадцам, павшим во время Второй мировой и Корейской войн. В 2000 г. перед мемориалом сооружена могила неизвестного солдата.

Выводы к разделу 2

Таким образом, в монументах аккумулируется исторический опыт ценностного познания. Памятники служат увековечению лиц или событий, которые олицетворяют в каждый конкретный временной период важнейшие витальные, социальные, политические, моральные, религиозные, эстетические ценности, которые формируются, как отмечал Аллан Мегилл, через отношение к репрезентации прошлых событий, разделяемое членами сообщества, для подтверждения чувства единства и общности, упрочивая внутренние связи [295, с. 116]. Памятник как инструмент социальной коммуникации сообщает о ценностях и сам обладает коммуникационной ценностью.

Согласно концепции Генриха Риккерта («О системе ценностей»), культура, с одной стороны, – процесс реализации всеобщих социальных ценностей в течение исторического развития, а с другой – «совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и реализуемых ради этих ценностей» [421, с. 59]. Ценность, являясь универсальной системообразующей категорией, становится фильтром для выяснения значимости тех или иных событий в прошлом. Эволюция коммеморативных практик фиксирует конфликты ценностей, интересов, эстетических представлений и вкусов, техник и методик воплощения памятников.

Иллюстрации к гл. 2, разд. 2 (2.2) (рис. 183–239)

Рис. 183. Колонна в честь Конституции 3 мая 1791 г.
Конец XVIII в. Глубокое, Витебская обл.

Рис. 184. Колонна в честь Конституции 3 мая 1791 г. Установлена в 1792 г. шляхтичем Яном Лопатинским. Леонполь, Витебская обл.

Рис. 185. Фрагмент колонны в Леонполе. Капитель, декорированная лепными головками путти. Фото: radzima.org

Рис. 186. Поклонный крест. Предположительно XVII в. Один из двух найденных в 2018 г. в окрестностях монастыря. Находятся на территории Свято-Елисеевского Лавришевского мужского монастыря. Фото автора

Рис. 187. Поклонный крест при въезде в г. Поставы. 2015. Установлен по случаю 1000-летия преставления святого равноапостольного князя Владимира. Источник: postavy.of.by. Фото М. Ян

Рис. 188. Кресты-обереги в д. Угляны Каменецкого р-на. Самому старому предположительно 150–200 лет, последний установлен в начале 1990-х гг.

Рис. 189. Памятник-крест возле д. Заостровечье
40 погибшим здесь участникам восстания 1863–1864 гг.
Установлен в 1993 г. Фото С. Яроховича

Рис. 190. Памятник битве под Клецком, 1506 г. Открыт в 1996 г.

Рис. 191. Камень с барельефом князя Михаила Глинского, возглавившего войско ВКЛ в Клецкой битве, 1506 г., и силуэтом средневекового города. Установлен в 2015 г.

Рис. 192. Памятный крест в честь 1000-летия христианизации.
Городище «Замэчек» на месте древнего
города-крепости Изяславля. Заславль, 1992

Рис. 193. Рогволодов камень XII в. Церковь возле с. Голошевка, Могилевская губерния, Оршанский уезд. Фотография 1896 г. Взорван в 1930-х гг. Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 31 (Вопросы реставрации, вып. 3). Тип. Гл. упр. уделов, 1909. С. 23

Рис. 194. Уменьшенная копия Рогволодова камня, выполненная по фото и установленная возле Музея истории и культуры Орши к Дню белорусской письменности в 1998 г.

Рис. 195, 196. Памятник «Рогволодов камень» в открытой экспозиции Музея истории дорожного хозяйства. 2005. Минск. Скульптор А. Тухто. Фото Н. Соколова. Текст на памятнике: «Гэты камень усталяваны ў памяць вялікага Рагвалодава камяня XII ст., які існаваў на пуці з Друцка да Оршы і быў узарваны ў час будаўніцтва шашы Мінск–Масква». Камень-валун прывезен из д. Куренец Вилейского р-на. Вес 15 тонн

Рис. 197. Памятник Сергею Песецкому.
2019. Раков. Фото автора

Рис. 198. Фрагмент памятника Сергею Песецкому

Рис. 199. Памятник Адаму Мицкевичу. 1992.
Новогрудок. Скульптор В. Янушкевич

Рис. 200. Памятны камень в честь Софьи Гольшанской в год 600-летия со дня ее рождения в Гольшанах. 2006. Гольшаны. Автор барельефа (металл) – скульптор А. Крохолов

Рис. 201. Памятный камень с барельефом Тадеуша Костюшко от благодарных потомков. 1999. Косово, урочище Меречёвщина. Скульптор Р. Груша

Рис. 202. Памятный камень на месте раскопок
«Памяти наших предков-гомелян...». 2011. Гомель.
Дворцово-парковый ансамбль. Фото автора

Рис. 203. Памятный камень в честь основания Лиды.
2008. Лида. Скульптор Р. Груша. Фото автора

Рис. 204. Памятный камень с барельефом Игната Домейки.
2002. Крупово (возле Лиды). Скульптор Р. Груша

Рис. 205. Памятник Франтишеку Богушевичу. 2009. Сморгонь.
Скульпторы Л. и С. Гумилевские, архитектор Е. Митько

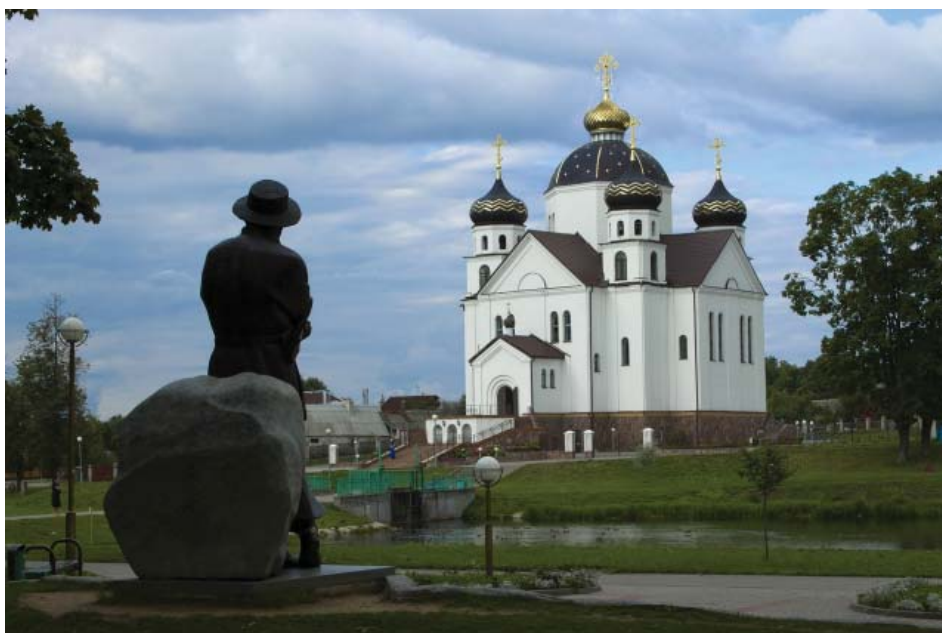

Рис. 206. Памятник Франтишеку Богушевичу
и Собор Преображения Господня (2009). Сморгонь

Рис. 207. Фрагмент памятника Франтишеку Богушевичу.
Памятная табличка

Рис. 208. Скульптура по мотивам Логойской иконы Божией Матери «Знамение». 2016. Логойск. Скульптор В. Слободчиков

Рис. 209. Скульптура Божией Матери. 2021. Жодино.
Скульпторы М. Рогатко, А. Дранец

Рис. 210. Памятник святому Губерту. 2020.
Гродно. Скульптор В. Пантелеев

Рис. 211. Люк, на котором изображен герб Гродно
со скачущим в поле щита оленем святого Губерта. 2018. Гродно

Рис. 212. Скульптура Иисуса Христа. 2002. Ивье.
Копия статуи Кришту Рей. 1959. Алмада. Скульптор
Франциско Франко де Соуза. Архитектор Антонио Лино

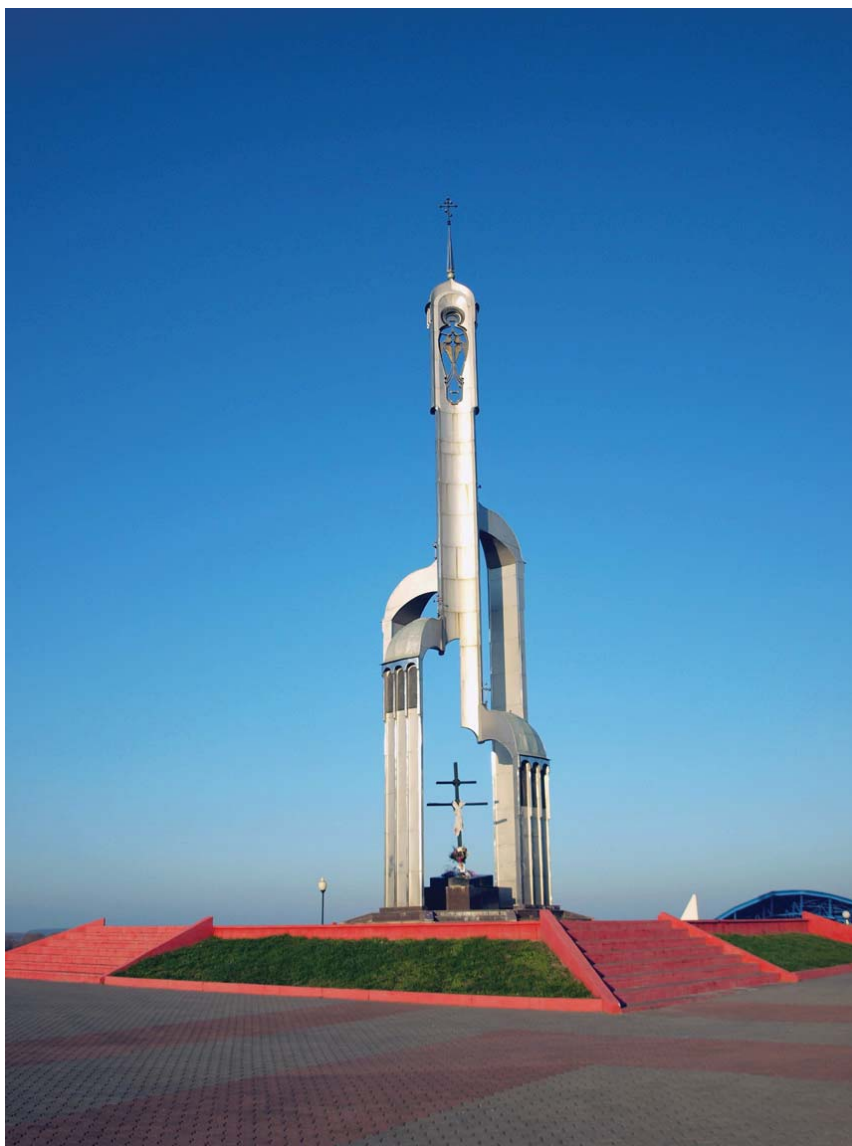

Рис. 213. Каплица Евфросинии Полоцкой. 1995.
Речица. Автор проекта Э. Агунович

Рис. 214. Скульптурная композиция
«Иисус Христос и самарянка». 2014. Глубокое. Скульптор В. Долгов

Рис. 215. Скульптура, посвященная дворнику. 2008.
Гомель. Скульптор В. Андриянов. Фото автора

Рис. 216. Памятник «100 год беларускай міліцыі». 2017.
Гомель. Скульптор В. Кондратенко. Фото автора

Рис. 217. Скульптурная композиция «Балет». 2006.
Минск. Скульпторы Л. и С. Гумилевские

Рис. 218. Скульптурная композиция «Антракт».
2008. Минск. Скульптор В. Слободчиков

Рис. 219. Скульптура «Учительница первая моя». 2014. Минск.
Архитектор Д. Бубновский, художник А. Шомов

Рис. 220. Скульптура «Лесничий». 2015. Минск. Скульптор В. Занкович

Рис. 221. Скульптурная композиция «Семья».
2016. Глубокое. Скульптор И. Казак

Рис. 222, 223. Скульптура «Монета». 2020. Минск.
Скульптор К. Костюченко. Фото Сергея Судаса

Рис. 224. Скульптура «Пинчук». 2017. Пинск. Скульптор А. Павлючук

Рис. 225. Скульптура «Дед-глубочанин». 2015.
Глубокое. Скульптор А. Тухто

Рис. 226. Скульптурная композиция «Золотое кольцо белорусской науки». 2021–2022. Минск. Архитектор А. Сардаров. Скульпторы Е. Хараберюш, Л. Покульницкий

Рис. 227. Фрагмент композиции «Золотое кольцо белорусской науки». Памятник Евстафию Тышкевичу. 2022

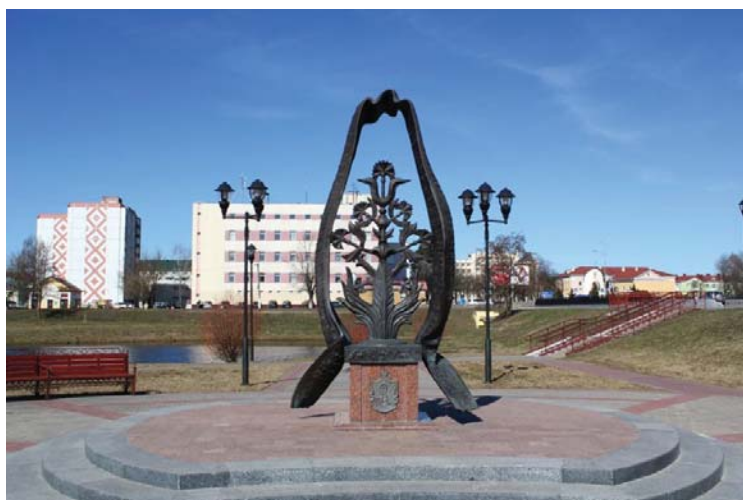

Рис. 228. Скульптурная композиция «Возрождение слущкого пояса». 2013. Слущк. Скульптор С. Гумилевский

Рис. 229. Скульптура «Ткач». 2013. Слущк. Скульптор С. Гумилевский

Рис. 230. Памятный знак к 900-летию Пинска.
1997. Пинск. Архитектор О. Б. Василенко

Рис. 231. Памятный знак Немецкой слободе.
2019. Минск. Фото Никиты Соколова

Рис. 232. Скульптура «Глашатай» на площади Старое Место.
2011. Молодечно. Скульпторы В. Жбанов, Я. Филиппович

Рис. 233. Скульптура «Рог» – символ Рогачева. 2016.
Рогачев. Художественнаяковка Д. Мартынова

Рис. 234. Мурал с изображением князя Гедымина. 2017.
Лида. Художник С. Русак. Фото: <https://www.behance.net/gallery/60333181/Gedimin-portrait-in-Lida>

Рис. 235. Скульптура великого князя литовского Витовта. 1993. Гродно. Скульптор И. Ушкурнис

Рис. 236. Мурал с изображением великого князя литовского Витовта. 2014. Гродно. Художник В. Силен

Рис. 237. Монумент «Тысячелетие Бреста». 2009. Брест.
Скульптор А. Павлючук, архитектор А. Андреюк

Рис. 238. Фрагмент мемориала в честь воинов, погибших при освобождении Бобруйска в июне 1944 г. 1999. Бобруйск. Художественная концепция Э. Агуновича, скульптор Г. Буралкин

Рис. 239. Скульптура «Асілак» – символ захисника Отчизни. 1989. Свислочь. Скульптор П. Цомпель, архітектори Ю. Казаков, М. Карпюк

ГЛАВА 3. ТЕНДЕНЦИИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

1. Законодательное регулирование коммеморативных практик в монументальном искусстве

Определение коммеморативных практик как «деятельности, осуществляемой посредством публичных воспоминаний (а также их селекции или предания забвению) значимых событий, дат, образов или акторов прошлого с учетом современного социально-политического контекста и текущих потребностей общественности и властных структур» [215, с. 60], выявляет проблемы конструирования национальных стратегий политики памяти, их законодательного закрепления и регулирования.

Данная проблематика разрабатывается исследователями в контексте охраны историко-культурного наследия. Например, правовому статусу и развитию правовых форм защиты историко-культурного наследия Беларуси посвящены работы И. Э. Мартыненко [289; 290]. Однако анализа отдельных аспектов белорусского законодательства по отношению к объектам, специально созданным для увековечения события или личности, пока не предпринималось.

1.1. Нормативное правовое регулирование и государственный учет объектов историко-культурного наследия

Коммеморация рассматривается как часть государственной политики, направленной на сплочение, построение общегражданской идентичности, прогрессивное общественное развитие и позитивное позиционирование в системе международных отношений.

Согласно Конституции Республики Беларусь [223, ст. 15, 54], государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, которое каждый обязан беречь.

Историко-культурное наследие, его гуманистическое, социокультурное содержание выступает как фактор развития, социального и экономического прогресса, национальной безопасности государства, поэтому выявление и фиксация историко-культурных ценностей являются важными аспектами нормативно-правового механизма осуществления практических действий по их сохранению и актуализации.

Наиболее значимые объекты наследия включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [152] – основной документ их государственного учета, который ежегодно расширяется.

Список памятников стал наиболее распространенным инструментом в мировой практике управления культурным наследием начиная с 1840 г., когда во Франции Комиссия по историческим памятникам опубликовала первый список французских исторических памятников.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 9 января 2006 г. «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» [1], согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 14 мая 2007 г. № 578 «Аб статусе гісторыка-культурных каштоўнасцей» [2], на основании решений Белорусского республиканского научно-методического совета по вопросам историко-культурного наследия при Министерстве культуры создан перечень материальных объектов и нематериальных проявлений творчества че-

ловека, которым присвоены статус и категория историко-культурной ценности Республики Беларусь.

С 3 февраля 2017 г. государственный учет историко-культурных ценностей, лишение объекта статуса памятника, а также ведение Госсписка регулируются согласно Кодексу Республики Беларусь о культуре [217].

Историко-культурные ценности (ИКЦ) «могут быть включены в Список всемирного культурного и природного наследия, Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, в порядке, установленном Конвенцией ЮНЕСКО “Об охране всемирного культурного и природного наследия” от 16 ноября 1972 г., или в другие списки в соответствии с другими международными договорами Республики Беларусь.

<...>

Согласно требованиям ст. 99 Кодекса, определение ИКЦ, которые могут быть предложены для включения в указанные списки, осуществляется Советом Министров Республики Беларусь. <...> Для ИКЦ, включенных в Список всемирного культурного и природного наследия или Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, устанавливается режим специального управления согласно с международными обязательствами Республики Беларусь» [289, с. 28].

Сохранение и использование, распространение и популяризация, приумножение историко-культурных ценностей как основы национальной идентичности и государственности, социальной стабильности, формирования гражданственности и патриотизма являются приоритетными направлениями культурной политики, что отражено в Кодексе Республики Беларусь о культуре, Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы.

Проблемами сохранения и реставрации исторических объектов Беларуси занимались общественные организации, например Белорусский комитет ICOMOS, созданный в 2002 г. в рамках Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест ICOMOS, основанного в 1965 г. В июне 2020 г. по

инициативе комитета была организована конференция «“Права на спадчыну” і Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей: выклікі і рашэнні», итогом которой стало издание сборника статей, освещающих вопросы ведения и систематизации Госсписка, национальной и международной проблематики охраны памятников и реставрации, а также функционирования государственных и общественных институтов охраны культурного наследия [398].

1.2. Памятники, посвященные Великой Отечественной войне

Самый обширный вид мемориалов, представленных в Госсписке, посвящен событиям Великой Отечественной войны.

Для Беларуси, как и всех стран, переживших войну, «репрезентация коммемораций о войне, восстановление памяти о забытых национальных героях, создание и поддержание мест памяти становится информационно-стратегическим ресурсом... Сохранение памяти о Великой Отечественной войне рассматривается как укрепление национальной историографии страны и поддержание единства...» [215, с. 71]. На современном этапе государственная политика увековечения памяти о событиях и погибших в годы Великой Отечественной войны отражена в Указе Президента Республики Беларусь от 24 марта 2016 г. № 109 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» [333], постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 17.09.2018 г. № 675 «Об утверждении Правил благоустройства мемориалов, памятников воинской славы, воинских захоронений и захоронений жертв войн».

На территории Беларуси находятся более 9 тыс. мемориальных комплексов, памятников воинской славы и воинских захоронений. Более тысячи из них присвоен статус историко-культурной ценности.

Статус историко-культурной ценности 1-й категории (международное значение) имеют, например, мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», включающий главный монумент, скульптурную композицию «Жажда», штык-obelisk (Брест); монумент Победы,obelisk «Минск – город-герой» (Минск).

Статусом историко-культурной ценности 3-й категории (региональное значение) обладает большинство мемориальных комплексов, братских могил, памятников воинам и партизанам, могил жертв фашизма, например: монумент «Мать-патриотка» в Жодино, мемориальные комплексы «Память» в Барановичах, «Катюша» в Орше, в честь воинов-освободителей, партизан и подпольщиков на площади Победы в Витебске, памятник К. С. Заслонову в Орше и др.

1.3. Мемориалы и места памяти XIX–XX вв.

В Госсписок включены немногочисленные сохранившиеся мемориалы и места памяти XIX – начала XX в. Например, статус 1-й категории получил комплекс Кальварийского кладбища в Минске. Статус 2-й категории как объекту национального значения присвоен Александровскому скверу с декоративной скульптурной группой «Мальчик с лебедем» – в Минске, часовне-усыпальнице рода Завишей – в Узде, бюсту А. В. Суворова (в Парке им. А. В. Суворова) – в Кобрине, 3-й категории – месту, где стоял дом, в котором родился Максим Богданович, – в Минске, и др.

Более широко в списке представлены памятники, созданные в советский период.

Так, например, статус 2-й категории присвоен ансамблю Дома правительства с памятником Ленину на площади Независимости (до 1991 г. пл. Ленина) в Минске, памятникам Ленину на Центральной площади в Солигорске, на пл. Ленина в Бресте, Пинске; Максиму Богдановичу (на пл. Парижской Коммуны, рис. 240), Янке Купале (в Парке им. Янки Купалы, рис. 241), Якубу Коласу (на пл. Якуба Коласа, рис. 242), Марату Казею (в сквере по ул. Янки Купалы), М. И. Калинину (на пл. Калинина) в Минске; Сымону Будному в Несвиже и др. Историко-культурными ценностями национального значения также признаны бульвар с бюстом Ф. Э. Дзержинского, бульвар с бюстом С. И. Грицевца, Военное кладбище (в том числе находящиеся на его территории надмогильные памятники Янке Купале и Якубу Коласу), надмогильные памятники значимым для белорусской культуры личностям на Восточном кладбище в Минске.

Памятники, включенные в Госсписок, находятся под охраной государства, это значит, что такой объект наследия нельзя снести. Например, памятники Ленину на пл. Ленина в Барановичах, Витебске как историко-культурные ценности, имеющие региональное значение, не могут быть снесены. В то же время демонтируются разрушающиеся и не являющиеся ценностью памятники, например памятники Ленину в Сморгони (2019), Орджоникидзе в Минске (2021).

Отдельные памятники демонтируются и переносятся в музеи.

Бюсты Карла Маркса и Ленина (скульптор З. Азгур), установленные перед главным входом в здание ЦК КПБ на улице Карла Маркса в Минске, были демонтированы в 1990-е гг. и перенесены в Мемориальный музей-мастерскую З. Азгура. Музей (зданию, ограждению, дворику) присвоена 3-я категория историко-культурной ценности; музейные предметы, согласно Кодексу Республики Беларусь о культуре (ст. 155, п. 2), являются культурной ценностью.

1.4. Установка памятников и их обновление в контексте реновации городов

Наиболее масштабная реновация городского центра, в контексте которой осуществляются обновление и установка памятников, проходит в рамках подготовки к празднованию Дней славянской письменности, «Дажынак» (Столин, 1996, Мозырь, 2001, Пружаны, 2003, Волковыск, 2004, Слуцк, 2005, Бобруйск, 2006, Орша, 2008, Кобрин, 2009, Лида, 2010, Молодечно, 2011, Горки, 2012 и т. д.) – данной проблематике посвящено исследование С. Стурейко [492], – а также проведению республиканской акции «Культурная столица Беларуси». Акция, организованная по инициативе Министерства культуры Республики Беларусь в 2010 г., идейно продолжает проект Евросоюза «Культурные столицы Европы», который проводится с 1985 г. Она призвана развивать и креативно сохранять городскую среду, обогащать культурное пространство регионов. Вопрос о придании статуса культурной столицы года рассматривается на заседании коллегии Министерства культуры, куда поступают заявки и презентационные материалы от городов различных областей Беларуси. За время проведения акции таким статусом обладали Полоцк, Гомель, Несвиж,

Могилев, Гродно, Брест, Молодечно, Бобруйск, Новополоцк, Пинск, Лида, Борисов. В 2022 г. культурной столицей стала Орша.

1.5. Правила реализации коммеморативных практик в монументальном искусстве

Организационно-управленческая сторона и правила реализации практик увековечения памяти (о важнейших исторических и общественных событиях, знаменательных датах мировой и отечественной истории и культуры, известных государственных, политических, общественных, военных деятелях, народных героях, деятелях науки, искусства и культуры), выраженных в монументальной (монументально-декоративной) скульптуре, монументальной живописи, выполняются согласно Положению о порядке создания (реконструкции) и приемки произведений монументального и монументально-декоративного искусства на территории Республики Беларусь (далее – Положение) [347].

На установление практически всех видов произведений монументального, монументально-декоративного искусства (мемориальных ансамблей, монументов-памятников, памятников-бюстов, памятников-стел и обелисков, памятных знаков, мемориальных и памятных досок, монументально-декоративной скульптуры), которое осуществляется по решению местных исполнительных и распорядительных органов, требуется заключение Министерства культуры (п. 4, 6 Положения).

Согласование монументально-декоративной скульптуры, которая создается и устанавливается за счет средств бюджета, осуществляется Министерством культуры; если процедуры проводятся за счет спонсорских средств, то их согласовывает исполком.

Целесообразность создания (реконструкции) и установки произведений определяется рядом характеристик: связь произведения монументально-декоративной скульптуры с национальной культурой Беларуси; значение для Беларуси лица (исторического события), в честь которого планируется установить произведение монументальной скульптуры; увековечение памяти о данном человеке (историческом событии) в существующих произведениях монументального искусства.

тальной скульптуры, названиях улиц, парков, скверов, населенных пунктов и др.; возможность финансирования создания (реконструкции) и монтажа произведения монументальной скульптуры; другие обстоятельства.

Установка наиболее значимых объектов (мемориальных ансамблей, монументов-памятников, памятников, памятников-бюстов, надмогильных памятников в областных центрах и Минске) согласуется с Президентом Республики Беларусь (п. 4, 9, 11 Положения).

Действие Положения не распространяется на надмогильные памятники, которые устанавливаются по желанию физических лиц за свой счет, за исключением установленных на территории мемориальных комплексов, охраняемых зон историко-культурных ценностей (п. 3 Положения).

Решение о памятниках, установленных на территории предприятий и военных частей или рядом с ними (большинство памятников советского периода), принимают данные организации.

В случае создания значимых для города произведений управление культуры горисполкома организует конкурс эскизных проектов.

Этапы работы над проектом произведения монументального или монументально-декоративного искусства включают разработку художественно-идеологической концепции, содержанием которой выступает идеологическое обоснование создания произведения (соответствие времени, духу нации, традициям или современности), а также культурно-социальное значение (роль влияния на визуальное восприятие в культурно-просветительном аспекте).

Внешний вид и архитектурное решение произведения утверждает художественно-экспертный совет по монументальному и монументально-декоративному искусству (Республиканский, Минский городской и областные). В состав Республиканского совета входят известные скульпторы, архитекторы, искусствоведы, а также представители органов государственного управления. Положение о порядке работы Республиканского совета утверждается Министерством культуры Республики Беларусь, областных и Минского городского художественно-экспертных советов – распоряжением председателя областного (Минского городского) исполнительного комитета по согласованию с Министерством культуры (п. 21 Положения).

1.6. Актуальные проблемы создания и обеспечения сохранности мемориальных объектов

Несоблюдение местными органами власти требований законодательства приводит к распространению в городском пространстве скульптур низкого художественного уровня.

Среди насущных проблем, которые обозначают специалисты: отсутствие плана развития монументальной скульптуры; стихийная разработка памятников, когда решение принимается на местном уровне руководством города или района без утверждения проекта на совете; отсутствие районных архитекторов; разработка и утверждение эскизов монументальных произведений людьми без специального образования [397].

Незаконно возведенные произведения подлежат сносу, однако на практике прецедентов демонтажа практически не наблюдается. Например, одним из единичных случаев является снос деревянной скульптуры туриста в Гродно (скульптура, установленная к 890-летию города в 2018 г. на пешеходной улице Советской, спустя полгода была демонтирована и принято решение о ее переносе из центра в другой район города).

Еще одной нерешенной проблемой является передача большинства памятников в ведение жилищно-коммунальных хозяйств, в которых отсутствуют специалисты, умеющие обращаться с материалами, из которых выполнены скульптуры. Работы, отлитые в бронзе и чугуне, покрывают масляной краской.

Не регулируются законодательством действия по созданию и охране муралов.

От вмешательства непрофессионалов страдают и объекты, включенные в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, которые находятся под охраной государства, когда реставрационные работы выполняются на низком уровне, приводят к повреждению, нарушению целостности памятника, искажению идеи скульптора и т. п. Законом Республики Беларусь от 21 июля 2022 г. № 201-З «Аб змяненні законаў па пытаннях культуры» устанавліваецца забарона на выкананне рэстаўрацыйных работ

на материальных историко-культурных ценностях без осуществления авторского надзора.

Выводы к разделу 1

Таким образом, модернизация городских общественных пространств детерминирует проблемы целесообразности создания и обеспечения сохранности мемориальных объектов. Сложности выделения критериев, которые служат основанием для принятия решения об установке памятников, конфликты интересов представителей разных страт общества при реализации коммеморативных практик, проблемы регулирования отношений собственности, правоотношений, связанных с процедурами создания, согласования, установки и дальнейшего бытования памятников, координация правовых оснований демонтажа, переноса и восстановления утраченных монументов обуславливают необходимость совершенствования правоприменительной практики.

Активная коммеморативная деятельность в современных белорусских городах нуждается в уточнении отдельных аспектов и модернизации законодательства. Высокая динамика коммеморативных процессов требует аналитического освоения и научного обоснования в контексте междисциплинарных исследований.

2. Топонимы как часть культурного ландшафта

Историко-культурными памятниками, по которым можно изучать историю, социокультурную динамику, мировоззрение, фольклор, язык, являются топонимы. В мировой практике топонимы определяются как часть нематериального культурного наследия человечества, что отражено в резолюции 11-й Конференции ООН по стандартизации географических названий (2017). Основные тенденции законодательного процесса, регулирующего сферу топонимики в культурном ландшафте современного белорусского города, обусловлены развитием культуры коммеморации – сознательного целенаправленного увековечения памяти о тех или иных исторических событиях и выдающихся личностях.

В Республике Беларусь деятельность в области наименований географических объектов, к которым относятся в том числе такие составляющие городского ландшафта, как элементы улично-дорожной сети (улицы, переулки, проспекты, проезды и т. п.), приравненные к ним элементы градостроительной планировочной структуры (микрорайоны, набережные, кварталы и др.), «базируется на принципах законности; учета общегосударственных интересов, географических, исторических, природных, национальных, этнографических и других условий, а также мнения граждан, проживающих на территории, относящейся к соответствующему географическому объекту; охраны государством географических наименований как неотъемлемой части нематериального историко-культурного наследия республики» [412].

Вопросы коммеморации рассматриваются на заседаниях комиссий по топонимике и увековечению исторического и культурного наследия. В Беларуси функционируют городские топонимические комиссии при горисполкомах и Республиканская топонимическая комиссия при Национальной академии наук. Областные топонимические комиссии создавались в областных центрах до 2015 г. В настоящее время их учреждение не является обязательным, но и законодательно не запрещается.

Единым межведомственным органом является Топонимическая комиссия при Совете Министров (далее – Топонимическая комиссия), которая состоит из специалистов республиканских органов управления, местных исполнительных и распорядительных органов, Национальной академии наук и ведущих учреждений высшего образования Беларуси, картографов, специалистов по кадастру и геоинформационным системам [45, с. 8].

Статус топонимов как памятников историко-культурного наследия закреплен Кодексом Республики Беларусь о культуре (2016); с его принятием утратил силу Закон от 9 января 2006 г. «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь».

Введение в действие Закона от 16 ноября 2010 г. № 190-3 «О наименованиях географических объектов», Указа Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2012 г. № 160 «Об адресной системе» и Инструкции о порядке ведения адресной системы, утвержденной постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 15 августа 2012 г. № 27, ставило целью формирование единого подхода к выявлению, нормализации, присвоению наименований объектам и их переименованию, государственному учету и использованию. Однако этот сложный трудоемкий процесс до сих пор порождает много вопросов и дискуссий. В частности, проблемы вызывают ошибки в оформлении уличных указателей и аншлагов (адресных табличек)¹, разночтение в наименованиях на русском и белорусском языках, отсутствие тождественности в написании одного и того же наименования улицы в различных источниках; наличие вариантности при обозначении одноименных улиц в разных населенных пунктах.

Ситуация, когда название географического объекта давалось по-русски, а потом транслитерировалось на белорусский язык, породила множество недоразумений, путаницу и способствовала разрушению национальной топонимии. Сегодня порядок присвоения данных наименований прописан Законом «О наименованиях географических объектов»: «1. В Республике Беларусь наименования географическим

¹ Адресные таблички на объектах жилого фонда находятся в зоне ответственности ЖЭУ, куда могут обращаться граждане для исправления некорректных наименований.

объектам присваиваются на белорусском языке, с которого способом транслитерации передаются на русский язык¹. Наименование географического объекта подлежит государственному учету на белорусском и русском языках. 2. Правила и способы передачи наименований географических объектов с белорусского языка на русский, с русского языка на белорусский, а также с белорусского и русского языков на другие языки определяются Государственным комитетом по имуществу Республики Беларусь» [330, ст. 17].

Действие ст. 17 не распространяется на наименования, присвоенные географическим объектам до вступления в силу Закона (до 2 марта 2011 г.). В данном случае ранее присвоенные наименования на русском языке сохраняются, а белорусское присваивается дословным переводом с русского на белорусский язык [413].

Учет наименований географических объектов ведется в Государственном каталоге наименований географических объектов Республики Беларусь. Законодательно утвержденные названия улиц, проспектов, площадей и др. элементов улично-дорожной сети можно найти в Реестре наименований улиц и дорог на сайте Национального кадастрового агентства.

Рассмотрением наименований и переименований физико-географических объектов, районов, городов областного подчинения и города Минска, железнодорожных станций, портов и аэропортов, административно-территориальных единиц, территориальных единиц, являющихся населенными пунктами, а также разрешением споров в данной сфере занимается Топонимическая комиссия при Совете Министров.

Присвоение наименований и переименование элементов улично-дорожной сети осуществляют местные Советы депутатов без учета мнения Топонимической комиссии, но в рамках установленного ею единого подхода к такой деятельности. С учетом устройства населенных пунктов, особенностей местности, общественного мнения местные органы самоуправления определяют наиболее подходящее наименование для того или иного элемента улично-дорожной сети.

¹ Такое правило присвоения наименований соответствует международным стандартам, согласно которым имена собственные должны читаться на всех языках мира одинаково, а не переводиться на другой язык.

Процедура общественного обсуждения освещается в средствах массовой информации. Решение о переименованиях принимается с учетом общественного мнения. Например, в Могилеве в 2014 г. депутаты и городские власти поддержали общественную инициативу по переименованию центральной площади исторического центра города из Советской в площадь Славы. Обсуждение переименования проходило и в 2007 г., предлагалось дать название «площадь Героев», но в тот период оно не получило одобрения. Тогда же рассматривалось предложение переименовать бульвар Ленина в бульвар губернатора Александра Дембовецкого, что тоже не было поддержано горожанами.

В 2019 г. топонимическая комиссия при Могилевском горисполкоме не поддержала предложение Могилевской областной организации ветеранов о переименовании парка «Подниколье» в Парк Победы, а также создания на территории парка мемориального комплекса, посвященного погибшим воинам, завоевавшим Победу в Великой Отечественной войне, предложив сохранить исторически сложившееся название парка, а имена защитников Отечества увековечить на площади Славы.

Обращения с предложениями о наименованиях и переименованиях, в тексте которых содержится обоснование причин увековечения (например, к юбилейным датам), могут поступать от общественных организаций. Мингорисполком направляет такое обращение в управление культуры Мингорисполкома, на которое возложены функции, связанные с реализацией Закона Республики Беларусь «О наименованиях географических объектов», по вопросам присвоения наименований составным частям г. Минска (решение Мингорисполкома от 25.08.2011 № 2495). В свою очередь, рассмотрев обращение, управление культуры направляет предложение в комиссию по наименованию и переименованию проспектов, улиц, площадей и иных составных частей г. Минска для дальнейшего обсуждения. Так, на октябрь 2021 г. в списке предложенных организациями названий для новых улиц г. Минска значатся имена Василя Быкова, Эдварда Войниловича, Рыгора Бородулина, Геннадя Буравкина, Тадеуша Рейтана, Алеся Адамовича, Нила Гилевича и др.

Единый подход к наименованиям и переименованиям сложился не сразу, ему предшествовала большая работа по упорядочению белорусской топонимии.

В 2014 г. на заседании Топонимической комиссии при Совете Министров рассматривался вопрос о выработке единых требований, норм и правил по присвоению наименований составным частям населенных пунктов (элементы улично-дорожной сети и приравненные к ним элементы градостроительной планировочной структуры) в честь выдающихся государственных или общественно-политических деятелей, деятелей культуры и искусства, их учету и употреблению. Было принято решение о наименовании улиц в честь знаменитых людей по полному имени и фамилии (ул. Марка Шагала в Витебске, 2016, ул. Игоря Лученка, ул. Михаила Савицкого в Минске, 2020) или полному псевдониму, а также недопущении параллельного использования псевдонима выдающейся личности и ее настоящих имени и фамилии в пределах одного населенного пункта, как это встречается в современных городах. Например, в Минске улица Ленина пересекается с Ульяновской. В Гомеле площадь и проспект названы в честь Ленина, а также есть улица Ильича. В Копыле сосуществуют улицы Дмитрия Жилуновича и Тишки Гартного. В Минске наблюдалась та же ситуация до 2004 г., когда улица Тишки Гартного была переименована в Ельницкую.

Указание в наименованиях элементов улично-дорожной сети инициалов собственных имен и отчеств не допускается. Это правило относится к названиям, присвоенным после принятия Инструкции о порядке ведения адресной системы (2012), т. е. к новым, а также, по решению местных исполнительных органов, к переименованию существующих, однако выполняется оно не всегда. Например, решением Гомельского городского Совета депутатов от 10 сентября 2014 г. № 17 «О переименовании элементов улично-дорожной сети города Гомеля» наименование «улица Пенязькова Д. Н.» присвоено новой улице в Советском районе г. Гомеля. В 2015 г. в этом микрорайоне улицы получили следующие названия: ул. Полины Гельман, ул. Серегина В. Г. и ул. Денисенко Г. К. (решение Гомельского городского Совета депутатов от 27 февраля 2015 г. № 45 «О переименовании элементов улично-дорожной сети города Гомеля»).

В 2015 г. решением Гомельского городского Совета депутатов от 27 ноября № 63 «О нормализации наименований элементов улично-дорожной сети города Гомеля» установлено наименование «ул. Григория Денисенко». Наименования двух других улиц, в которых использовано сочетание фамилии и инициалов, не изменились.

Таким образом, используемый ранее дифференцированный подход, когда наименование могло состоять из фамилии (ул. Короткевича, ул. Кулешова в Минске, ул. Ожешко в Гродно, пр-т Шмидта, ул. Миколуцкого, ул. Богдановича в Могилеве, ул. Булгаковская в Гомеле, ул. Скорины в Витебске и Могилеве), имени и фамилии (ул. Аркадия Кулешова, ул. Николая Гортынского в Могилеве, ул. Франциска Скорины в Гомеле, Минске, Бресте, ул. Ивана Науменко, ул. Ивана Хруцкого в Минске, ул. Максима Богдановича в Гродно, Бресте), фамилии и инициалов (ул. Каленикова И. Е., ул. Калача Б. Ф., ул. Бородин Т. С. в Гомеле), титула/звания/профессии и фамилии (ул. Князя Паскевича в Добруше, ул. Лейтенанта Акимочкина в Бресте, ул. Академика Жебрака в Минске, ул. Архитектора Заборского в Минске), псевдонима (ул. и пл. Якуба Коласа, ул. Янки Купалы в Минске, Гомеле, Бресте, Витебске, Могилеве, пр-т Янки Купалы и ул. Якуба Коласа в Гродно, ул. Артема в Минске, Гомеле, Гродно), сохраняется и продолжает применяться.

Внедряемый в последнее пятилетие унифицированный подход решает также образовательно-воспитательные задачи, позволяет идентифицировать личность, в честь которой названа улица, необходим для правильного написания имени и фамилии на русском и белорусском языках, помогает избежать грамматических ошибок, ситуаций, когда происходит ошибочная идентификация. Так, в 2015 г., когда названия улично-дорожных элементов приводили в соответствие с Инструкцией, в Речице улицу и переулок, названные в 1959 г. в честь Евгения Петровича Мицкевича, командира Речицкого красногвардейского отряда (1917–1918), председателя исполкома Речицкого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (1918–1921), ошибочно переименовали в честь Адама Мицкевича. Только в 2019 г. при обращении в исполком местного жителя, который рассказал, что на доме по улице Мицкевича висит мемориальная

доска в честь Е. П. Мицкевича (рис. 243) и потребовал, чтобы улицу переименовали снова, ошибка была исправлена.

Во избежание подобных ситуаций Госкомимущество выступило инициатором возвращения практики принятия решений о присвоении наименований улицам с указанием в тексте полных имени, фамилии и отчества (если имеется) личности, достойной увековечения, и заслуг перед обществом. Подобные документы помогают без обращения к справочным источникам информации определить, в честь кого названа улица, идентифицировать однофамильцев, соотнести псевдонимы и сохранить официальные сведения об истории наименования улиц. Следует отметить, что адресные таблички на объектах жилого фонда находятся в зоне ответственности ЖЭУ, куда могут обращаться граждане для исправления некорректных наименований.

Актуальной в топонимической деятельности остается проблема несоблюдения местными органами самоуправления установленного порядка присвоения наименований и переименования географических объектов. Она выражается в принятии местными Советами депутатов соответствующих решений до согласования наименований с Топонимической комиссией, вследствие чего на рассмотрение членов комиссии местными органами самоуправления направляются уже принятые и вступившие в силу решения. В некоторых областях и районах по-прежнему принимаются решения по наименованиям улиц с учетом их прямого перевода на русский язык. Игнорируется специфика локальной топонимии, происходит деструкция национального топонимического ландшафта, теряются уникальная историко-культурная информация, своеобразие белорусского этнокультурного ландшафта. Обозначенные аспекты определяют необходимость детальных лингво-культурологических исследований, которые предусматривали бы комплексный сбор и фиксацию локальных топонимов, осмысление их литературной и диалектной семантики, установление причин смысловых преобразований, уточнения региональной специфики топонимики как комплекса элементов культурно-исторического и природного ландшафта.

Нормализация названий географических объектов, элементов улично-дорожной сети Беларуси в контексте культуры коммемора-

ции требует повышенного внимания в любых социокультурных условиях.

Среди эффективных современных практик актуализации культурной памяти об исторических названиях улиц – указание на табличках наряду с современным названием улицы ее прежних имен в хронологическом порядке (такая практика осуществлена в исторических центрах Могилева, Баранович, Минска, Гродно); установка на фасадах зданий – памятниках архитектуры информационных табличек с QR-кодами, содержащими сведения об объектах историко-культурного наследия, архивные фотографии (например, проекты «Зандажы і міражы Мінска», 2016, рис. 244; «Открой Гомель», 2021, рис. 245). Осуществляется цифровизация наследия. В 2020 г. созданы публичная кадастровая карта со сведениями о воинских захоронениях и захоронениях жертв Великой Отечественной войны, автоматизированный банк данных «Книга памяти Республики Беларусь», национальная база данных и нормативные справочники топонимов и др. Формирование электронных каталогов историко-культурных памятников для обеспечения свободного доступа к информации предусмотрено в Программе социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 годы.

Выводы к разделу 2

Топонимы рассматриваются в качестве знаков культуры, которые входят в топонимические системы, являясь одним из способов фиксации культурно-исторической памяти и ее носителями. Как маркеры культуры, идеологии, самосознания, они отражают национальную, региональную, локальную идентичность. Особенности топонимики в культурном ландшафте современного белорусского города обусловлены национально-культурной спецификой двуязычия, проблемами стандартизации белорусских топонимов – приведения наименований к нормативной форме на белорусском и русском языках; особенностями формирования в разные социокультурные периоды.

Коммеморативная деятельность регламентируется и поддерживается многими законодательными актами на республиканском и региональном уровнях. С помощью нормативных актов органов государ-

ственного управления формируется политика памяти. Государство и властные институты аккумулируют, сохраняют и репрезентируют наследие, применяя технологии реализации политики памяти, в том числе в контексте информационной безопасности страны.

Тенденция сохранения и трансляции памяти с помощью цифровых технологий (медиатизированные и виртуальные формы и инструменты репрезентации и рекоммеморации историко-культурного наследия, трансляция культурной памяти и конструирование образов прошлого с помощью медиатехнологий) особенно актуальна в условиях претерпевания обществом сильнейших трансформаций.

Рис. 240. Памятник Максиму Богдановичу. 1981. Минск. Скульптор С. Вакар, архитекторы Ю. Казаков, Л. Москалевич. Фото автора

Рис. 241. Памятник Янке Купале в одноименном парке.
1972. Минск. Скульпторы Л. Гумилевский, А. Аникейчик,
А. Заспицкий, архитекторы Л. Левин, Ю. Градов

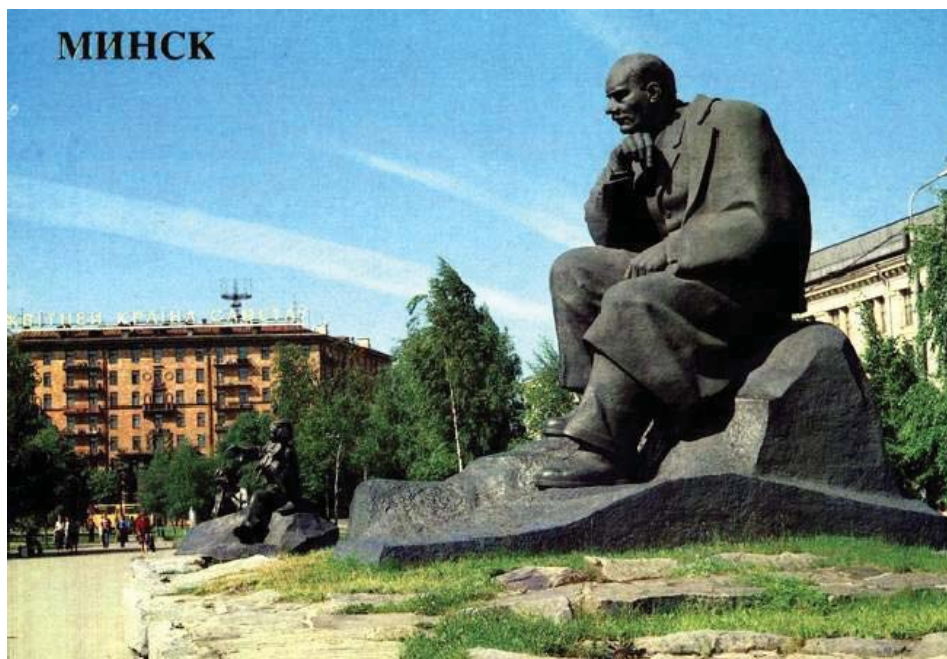

Рис. 242. Памятник Якубу Коласу на одноименной площади. 1972. Минск.
Скульптор З. Азгур, архитекторы Ю. Градов, Г. Заборский, Л. Левин

Рис. 243. Мемориальная доска в честь Е. П. Мицкевича. 1959. Речица

Рис. 244. Информационная табличка с историческими названиями улиц. Проект «Зандажы і міражы Мінска». 2016. Фото автора

Рис. 245. Информационная табличка с QR-кодом, содержащим сведения об объекте историко-культурного наследия. Проект «Открой Гомель». 2021. Фото автора

ГЛАВА 4. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА

1. Особенности морфологии исторических образов

1.1. Образ прошлого как социокультурный конструкт

Память культуры функционирует в виде образов, которые создаются субъектами (ее носителями) на основе полученных знаний, впечатлений, сформированных в процессе коммуникации с культурной информацией. В результате складывается оторванный от реальности образ события или личности. Наиболее полно представить культурное пространство помогает дискурсивно-семиотическая модель понимания города, состоящая из исторических образов, воплощенных в топонимах, памятниках, мемориалах, памятных знаках, художественных произведениях и др.

Исследователи обращаются к образу прошлого как одной из важнейших категорий современной науки, самостоятельному исследовательскому направлению [314], выявляя его сущностные характеристики. «Память – это образ прошлого, субъективно сконструированный в настоящем», – отмечает Аллан Мегилл [295, с. 124]. Согласно Морису Хальбваксу, образ прошлого – это социокультурный конструкт [547, с. 119–151].

В качестве объектов модели «образа прошлого» выступают «образы времени (например, “образ Средневековья”, “современное общество”), образы пространства (“территория пограничья”, “партизанский край” и др.), образы конкретных исторических событий (войн, восстаний, революций и т. д.), образы Другого (“образ врага”, “образ союзника”), а также образы исторических персонажей, собирательные образы» [314, с. 160].

Актуальность проблемы увековечения, напрямую связанной с проблемой культурной идентификации, обусловила формирование в культурологии таких направлений, как «историческая персонология» (С. Н. Иконникова [188]) и «новый историзм» (направление в современной гуманитарной науке США), по А. Эткинду, – история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу [582].

Автор концепции локальных цивилизаций «вызов-и-ответ» Арнольд Тойнби в работе «Роль личности в истории» [516] показывает, что процесс исторического развития персонифицирован.

Интерес к личности проявляется как на уровне медиакультуры в повседневных практиках (очерки в журналах, телевизионные передачи, специализирующиеся на биографиях знаменитых людей и т. п.), так и на уровне институализации, создания биографических институтов, например: Русский биографический институт (РУБИН) – основанная в 1992 г. неправительственная некоммерческая организация, которая занимается исследованием российского общества сквозь призму деятельности его наиболее активной части – элиты; Американский биографический институт (1967–2012).

Культура сознательного увековечения определенных лиц и их достижений, введения их в современную культуру является важной составляющей культуры памяти. Исторический образ как результат отражения того или иного объекта в сознании человека является формой сохранения традиций и передачи опыта.

В каждой культуре есть свои герои, через образы которых она идентифицирует себя. Франциск Скорина, Евфросиния Полоцкая, Тадеуш Костюшко, Игнаци Домейко, Иосиф Гошкевич, Адам Мицкевич, Кастусь Калиновский, Радзивиллы, Сапеги, Тышкевичи, Огинские и многие-многие другие знаковые фигуры создают тот фундамент, на котором зиждется и укореняется национальная идея.

Некоторые из них выходят за пределы (границы) национального мира и исторического времени – «становятся персонажами Большого времени культуры» [7, с. 7]. В этих образах воплощается содержание, созвучное другим времени и топосу, которое находит отклик в настоящем.

Внимание к этому аспекту коммеморативной культуры обусловлено актуальностью проблемы формирования и существования в городском культурном пространстве знаковых исторических образов в контексте взаимодействия официальной мемориальной политики и коллективной памяти.

Представление о культурном пространстве возникает из образов прошлого – устойчивых абстрактно-символических моделей исторической реальности, сформированных в массовом сознании. Структура образа прошлого включает знак/имя; форму/описание; пространство, в котором он существует [277, с. 251]. Специфика определяется следующими признаками: отнесенность к конкретному времени и пространству; отнесенность к конкретной группе и воссоздание [392, с. 8].

Влияние образа на восприятие определяется его внутренней противоречивостью. Многие исторические образы противоречивы и поэтому полярно отражаются в сознании. Кроме того, исторический материал интерпретируется в зависимости от политических, идеологических установок. Как отмечает А. В. Святославский, прошлое представляет интерес для настоящего только в рамках конкретных утилитарных потребностей современности, поэтому допускаются забвение и любые интерпретации образов истории [463, с. 289].

Множество примеров конструирования «новой» памяти культуры дает советский период: невыгодные для власти события и люди подвергались забвению, и, наоборот, актуальными становились те, которые работали на политическую идею [277, с. 249].

Поиск адекватных потребностям культуры-реципиента образов исторических личностей и событий происходит как на уровне государственной политики, так и социальных групп и индивидов. Не утихают дискуссии, посвященные формированию исторических образов в памяти культуры Беларуси. Например, информационные войны идут вокруг фигуры К. Калиновского [140; 476].

Обращение к образу Калиновского явилось потребностью белорусской культуры в разные периоды ее развития – белорусизация 1920–1930-х гг.: спектакль «Кастусь Калиновский» (автор и режиссер Е. Минович, 1923), фильм «Кастусь Калиновский» (режиссер В. Гардин, 1928), увековечение памяти о нем в 1960-е гг.: в Свислочи – памятник (скульптор З. Азгур, 1958, рис. 246; памятная табличка, рис. 247, 248), улицы его имени в Минске (1963), Гродно, Жодино, Свислочи.

Через осознание знаковой личности постигается развитие культурно-исторического национального пути. Это проявилось в поисках национальных героев на уровне законодательства. В 1996 г. в систему государственных наград Беларуси как высшие были внесены ордена Кастуса Калиновского и Франциска Скорины [334]. В законодательстве с 1999 г. орден Кастуса Калиновского не зафиксирован [335] (упразднен в 2004 г. Законом от 18 мая 2004 г. № 288-З).

Наивысшее положение в иерархии знаковых для Беларуси личностей занимает образ Франциска Скорины. Его создание и укоренение в памяти общества как одного из главных символов белорусской культуры и государственности началось в 1920-е гг. В 1925 г. в разных городах страны отмечался юбилей белорусского книгопечатания (в 1525 г. вышло первое точно датированное издание на белорусских этнических землях – «Апостол» Ф. Скорины). В 1967 г. широко отмечалось 450-летие белорусского книгопечатания (в 1517 г. Скорина издал «Псалтырь» в Праге): праздничные мероприятия прошли в Минске и Полоцке. На протяжении 1970–1990-х гг. осуществлялась мифологизация образа первопечатника в художественных произведениях: фильм «Я, Франциск Скорина» (режиссер Б. Степанов, 1969), пьесы А. Петрашкевича «Напісанае застаецца: Францыск Скарына» (1978, поставлена на сцене в 1979 г.), «Прарок для Айчыны» (1990). 500-летие со дня рождения Франциска Скорины ознаменовалось многочисленными конференциями, публикациями, памятниками и памятными знаками; осуществлено факсимильное воспроизведение его пражских изданий [496].

Именем Скорины названы многие учреждения и организации, улицы в Полоцке, Барановичах, Пинске, Березе, Бресте, Ивацевичах. Улица Франциска Скорины существовала в Минске в разное вре-

мя в разных частях города (1926–1933, 1967–1989, 1989–1997). В 1991–2005 гг. имя Франциска Скорины носил главный столичный проспект. С 2005 г. в улицу Франциска Скорины переименован Староборисовский тракт. Памятники просветителю установлены в Минске, Полоцке, Лиде (рис. 249, 250).

К 500-летию белорусского книгопечатания в 2017 г. снят фильм «Франциск Скорина» (режиссер А. Ракович, 2017), поставлен спектакль по пьесе В. Мартиновича «Кар’ера доктара Рауса» (режиссер А. Гарцуев, 2017). Проект по полному факсимильному воссозданию наследия Скорины инициирован и реализован Национальной библиотекой Беларуси (2012–2017).

Увековечение памяти о магнатском роде Сапег в Беларуси приходится на постсоветский период и обусловлено национализацией прошлого, объективацией национальной идеи и выбором нациоформирующего пантеона героев и деятелей культуры. Однако началом этого процесса можно считать опубликование мемуаров Леона Потоцкого «Pamiętniki pana Kamertona: szkice» (Poznań, 1869, 3 t.) и «Wspomnienia o Świsłoczy Tyszkiewiczowskiej, Dereczynie i Różanie» (Wilno, 1910) [382], в которых описываются исторические места и памятники, магнатские резиденции и их владельцы, представлена история древних родов.

Деречин, Ружаны, Слоним, Лепель, Гольшаны, Быхов, Береза, Молодечно, Мядель и др. – на белорусских землях Сапегам принадлежали усадьбы, дворцы, замки, возводились фундированные ими храмы [92], что во многом определило социокультурную динамику этих мест.

Созданию памятных мест предшествовала работа археологов, краеведов, историков в архивах, способствующая обоснованию включения памятников в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь и проведению мероприятий по сохранению и восстановлению наследия.

В 1990–2000-е гг. публикуются статьи и книги о представителях рода, большая часть из которых посвящена одному из самых влиятельных государственных деятелей конца XVI – первой трети XVII в. в Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой, инициатору создания Статута ВКЛ 1588 г. Льву Сапеге. Отдельные публи-

кации появлялись в 1970–1980-е гг., но они немногочисленны и посвящены в основном памятникам архитектуры¹. Библиография по истории рода Сапег и их книжных собраний с 1790 г. по июнь 2010 г. составляет 582 источника [42].

В первые годы независимости имя Льва Сапегі вернул в отечественную культуру доктор филологических наук И. В. Саверченко [437; 438], автор книг о выдающихся деятелях Беларуси.

Биографии 39 наиболее известных представителей рода написал для 18-томной «Беларускай энцыклапедыі» доктор исторических наук А. П. Грицкевич [141; 142].

В 1992 г. по инициативе местных Советов Минска, Витебска, Гомеля, Бреста, Могилева, Гродно и других городов создано просветительное общественное объединение «Фонд імя Льва Сапегі». В 1995 г. была выпущена посвященная канцлеру почтовая марка. С 1999 г. проводятся международные «Сапежанскія чытанні» [89].

В 1999 г. в костеле Деречина была открыта памятная доска в честь Евстафия Каетана Сапегі (1797–1860), владельца Деречина в начале 1830-х гг., который заложил родовое имение в Пружанах, чтобы направить деньги на национально-освободительное восстание 1831 г. По приказу Николая I Деречин был конфискован, а все огромные семейные ценности вывезены в петербургский Эрмитаж и императорскую библиотеку. На открытие мемориальной доски приезжал правнук Евстафий Северин Сапега (1916–2004) [282; 283].

¹ Например: Сідарэвіч А. Чытайма Льва Сапегу // Літаратура і мастацтва. 1989. 18 жн. (№ 33). С. 7; Яніцкая М. Каштоўнасці з Дзярэчынскага палаца князёў Сапегаў // Голас Радзімы. 1995. 7 верас. (№ 34). С. 8; Саверченко И. В. Блестящий канцлер: [Лев Сапега] // Советская Белоруссия. 1990. 9 окт.; Сакоўскі В. Канцлер Вялікага княства: [Леў Сапега] // Літаратура і мастацтва. 1992. 16 кастр. (№ 43). С. 6–7; Дубатоўка В. Я. Архіпелаг Сапегаў: гіст. нарысы. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002. 171 с.: іл.; Грыцкевіч А. Леў Сапега (1557–1633) // Славутыя імёны Бацькаўшчыны: зб. / рэдкал.: А. П. Грыцкевіч (гал. рэд.) [і інш.]; уклад.: У. Гілеп [і інш.]. Мінск, 2000. Вып. 1. С. 100–114; Падокшын С. А. Леў Сапега // Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С. А. Падокшын; НАН Беларусі, Ін-т філасофіі. Мінск, 2003. С. 266–280; Лазутка С. Леў Сапега (1557–1633). Жыццё, дзяржаўная дзейнасць, палітычныя і філасофскія погляды / пер. з літ. В. Люкевіч. Магілёў: Магілёўс. тав-ва гуман. інтэлект. і культ. ініцыятыў «Брама», 2004. 104 с. и др.

В 2006 г. для белорусов, которые вносят вклад в развитие гражданского общества (ученых, писателей и др.), университеты Варшавы, Вроцлава, Кракова, Познани, Белостока под кураторством президента Польши учредили ежегодную премию имени Льва Сапегы.

Следующий этап коммеморации относится к 2007–2011 гг.

К 450-летию со дня рождения Льва Сапегы на его родине (ныне – агрогородок Островно) открыт памятный знак, изготовленный в 2003 г. по инициативе просветительного фонда, носящего имя канцлера. Однако потребовалось несколько лет, прежде чем по решению местных властей в 2007 г. он был установлен. Юбилейной дате были посвящены конференции, выставки публикаций в библиотеках, экспозиции в музеях, творческие конкурсы, ряд телепередач, опубликованы сборники научных статей [253] и пр.

В Минске (2007), Могилеве (2011) его именем названы улицы, в Слониме переименована площадь Горького. В коллекции изобразительного искусства Национального исторического музея Республики Беларусь представлен единственный сохранившийся прижизненный портрет Льва Сапегы, созданный неизвестным художником предположительно в 1617 г. Произведения этой коллекции находились в собрании Виленского белорусского историко-этнографического музея имени Ивана Луцкевича в Вильно (1921–1944). В ее основе были экспонаты из личной коллекции Луцкевича, который завещал их музею. После расформирования музея портрет оказался у белорусского художника из Вильнюса П. Сергиевича, который передал его в музей в 1968 г. [395].

В 2007 г. Гольшанскому замку, Ружанскому дворцовому комплексу Сапег и дворцово-парковому ансамблю Сапегов – Потоцких в г. Высокое (Каменецкий район) присвоен статус историко-культурной ценности 2-й категории как ценностям, имеющим национальное значение.

В этот период началась реставрация Ружанского дворцового комплекса Сапег, консервация руин Гольшанского замка, чему предшествовали научные исследования, комплекс подготовительных, проектных, архивных работ, археологические изыскания по реконструкции, шел поиск иконографии замков. Благодаря акварелям Наполеона

Орды, информации, найденной в оцифрованных фондах польских архивов, осуществлялась мемориализация культурного пространства.

(Следует отметить, что попытки изучения и реконструкции дворца в Ружанах фрагментарно предпринимались на протяжении XX в. Исследовательская фотофиксация была проведена в 1930-е гг., когда Западная Беларусь находилась в составе Польши и Ружаны были возвращены роду Сапег, однако в 1939 г. эти территории вошли в состав БССР, а их владельцы были высланы. Во время Великой Отечественной войны сгорело и было разобрано здание бывшего театра. В 1945 г. обследование памятника архитектуры проводила группа из Московского археологического института. Под охраной государства памятник находится с 1953 г. Исследование дворца проходило в 1970-е гг. В 1988 г. он объявлен памятником республиканского значения, началась его реконструкция, которая была остановлена в 1995 г. из-за недостатка средств [399].)

С 2009 г. у исторических стен в Гольшанах, а с 2011 г. в Ружанах (фестиваль «Ружанская брама») проводятся театрализованные представления, ярмарки мастеров, пленэры, выступления творческих коллективов и пр. Фестиваль средневековой культуры «Гольшанский замок» традиционно открывается театральным представлением «Сапега праз стагоддзі вітае гасцей».

В 2010 г. у входа в Центральный парк Лепеля установили памятник Льву Сапеге (скульптор Л. Оганов). Торжественное открытие приурочили к празднованию Дня города 2 сентября. В этом же году выпущена в обращение серебряная монета «Лев Сапега» (рис. 251).

В 2011 г. осуществлен совместный проект Российской национальной библиотеки, Национальной библиотеки Беларуси и Брестской областной библиотеки им. М. Горького под эгидой Национального комитета по делам ЮНЕСКО – создан электронный ресурс «Сапегиана: книжное собрание рода Сапег», включающий каталог книг, а также оцифрованные некоторые наиболее ценные издания из библиотеки Сапег [444].

В 2012 г. дворец рода Сапег в Ружанах и Гольшанский замок включили в программу «Замки Беларуси», что способствовало дальнейшей реставрации и консервации комплексов. В Ружанах были восстановлены брама с двумя боковыми проходами и центральными

въездными воротами, а также примыкающие к ней два боковых флигеля, в одном из которых открыли музей. Историко-культурное наследие активно популяризировалось в СМИ.

Коммеморация повлияла на формирование культурного ландшафта Ружан и Гольшан. Была обустроена прилегающая территория.

Реставрационные работы и мероприятия по консервации продолжались в рамках более масштабной государственной программы «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы, частью которой стала программа «Замки Беларуси».

Дворец Сапегов – Потоцких в Высоком был продан на аукционе в 2013 г. Владелец, директор минской фирмы, планировал к весне 2020 г. превратить усадьбу в отель-музей, для чего собрал старинные фотографии усадьбы и архивные документы, а также согласовал проект реконструкции. Однако проект не был реализован и усадебный комплекс с пейзажным парком, в котором когда-то был дендрарий, с февраля 2020 г. снова выставлен на продажу под гостинично-музейный бизнес.

В рамках реализации международного «Комплексного проекта поддержки туристического сектора белорусско-польского пограничья», предусмотренного Программой трансграничного сотрудничества «Польша–Беларусь–Украина 2007–2013», была проведена консервация въездной браны Высоковского замка.

Работа над совместным проектом продолжилась в контексте программы «Польша–Беларусь–Украина 2014–2020». Пружанский район и гмина Ботьки Бельского повета организуют совместные мероприятия, посвященные сохранению исторического и культурного наследия рода Сапег в белорусско-польском пограничьи. Таким образом, решаются проблемы формирования коллективной памяти.

Мероприятия по сохранению и популяризации историко-культурного наследия связаны с юбилейными датами.

В 2017 г. в Витебске состоялась конференция, посвященная 460-летию канцлера ВКЛ «Лев Сапега – человек третьего тысячелетия». В этом же году вышли книги и сборники статей, посвященные Льву Сапеге [88; 158], а также своеобразная энциклопедия рода «Гісторыя Сапегаў: жыццяпісы, маёнткі, фундацыі», которая содержит 85 био-

грамм представителей рода, описание 72 фамильных усадеб, фундаментов и храмов, очерки по генеалогии и геральдике Сапег и др. [121].

В 2018 г. по материалам международной научной конференции «Сапегі: асобы, кар’еры, маёнткі», которая прошла в Минске 8–9 сентября 2016 г., был издан сборник статей исследователей из Беларуси, Польши и Литвы [445].

В этом же году в Березе по инициативе местных краеведов и при содействии Министерства культуры и национального наследия Польши восстановили стелу-памятник над могилой, где захоронены останки представителей рода Сапег, в том числе основателя монастыря картезианцев Казимира Льва Сапег (1609–1656) – сына Льва Сапег. Крипта монастырского костела Святого Креста служила усыпальницей для княжеского рода, но в 1866 г. разрушающийся костел был закрыт, а в 1869 г. останки перенесены на расположенное рядом кладбище.

От монастыря картезианцев – памятника архитектуры барокко XVII в. остались руины. К 2014 г. восстановили въездную браму, которая изображена на гербе Березы. Также создан виртуальный музей монастыря, в залах которого можно узнать об истории его основания и деятельности.

Памятник Льву Сапеге установили к Дню белорусской письменности в 2019 г. на площади Слонима (рис. 252). (Отметим, что, как упоминалось выше, в городе есть площадь Сапег, однако памятник установили на площади Ленина как центральной, обозначив историческое значение Льва Сапег в развитии города. В 1950–1960-е гг. на площади стоял памятник Сталину, который после XX съезда Коммунистической партии снесли. Таким образом, можно проследить изменение приоритетов, обусловленных влиянием социокультурных трансформаций.)

На современном этапе коммеморативных практик по увековечению памяти о магнатском роде Сапег продолжаются реставрационные и восстановительные работы на объектах со статусом историко-культурной ценности. На территории Гольшанского замка идут реставрационные работы, фиксирующие руины с последующей консервацией. К 2020 г. завершена наружная реставрация наиболее сохранившегося фрагмента Гольшанского замка – северной башни,

в помещениях которой планируется осуществить внутреннюю отделку, воссоздать камины и полы, создать тематические музейные экспозиции.

По сохранившимся в Варшавской национальной библиотеке чертежам саксонского архитектора Яна Самуэля Беккера, который в 1770-е гг. (по 1786 г.) отстроил Ружанский дворец, полуразрушенный за время междоусобиц и Северной войны, идут работы по восстановлению театрального корпуса дворца.

В 2021 г. по инициативе кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств и при участии кафедры истории Беларуси и музееведения в Ружанском дворцовом комплексе рода Сапег состоялась научно-практическая конференция «Гісторыка-культурная спадчына магнацкіх родаў Тышкевічаў і Сапегаў : культурна-антрапалагічны аспект» в рамках традиционных Тышкевичских чтений.

Ружанские дворец, церковь и монастырь, костелы, синагогу, ружанский «палацкык», расположенную неподалеку деревню Лысково с остатками храмов католиков и миссионеров, усадьбу Костюшко и Коссовский дворец Пусловских планируют включить в туристический маршрут «Золотое кольцо Беларуси» (Брестчина).

Таким образом, объективация памяти происходит в нескольких направлениях: мемориальные мероприятия, появление музеев, работа в архивах, виртуальная реконструкция наследия и др., подтверждающая гипотезу современных исследователей о «нарастающей мемориализации культуры» [146, с. 48].

1.2. Коммеморация знаковых личностей в практике общественных инициатив

В культуре коммеморации важную роль играют общественные инициативы. Новый белорусский менталитет обязывает обращаться к своим корням. На уровне топонимии таких примеров много. В 2007 г., после перезахоронения возле костела Святых Симеона и Елены праха Эдварда Войниловича, фундатора и инициатора возведения костела, католическая община обратилась к властям Минска с предложением переименовать улицу Берсона в улицу

Эдварда Войниловича. Однако Коммунистическая партия Беларуси выразила протест. Ее представители предлагали увековечить имена Ю. Семеняки или Р. Ширмы, которые жили в соседнем доме. Общественность продолжала добиваться переименования. Дискуссии велись на страницах газет. Так, в газете «СБ. Беларусь сегодня» за январь 2017 г. была опубликована статья Л. Рублевской, в которой содержалось обращение к Мингорисполкому назвать именем Эдварда Войниловича небольшую площадь возле Красного костела с установкой на ней памятного знака, «чтобы создать еще одно легендарное место, где бьется сердце города» [429]. Несогласие против именованья высказали друзья городской организации «Справедливый мир» Белорусской партии левых, предложив назвать сквер «Юность» по названию размещенной тут скульптурной группы А. Аникейчика и С. Мусинского [337]. Предложения были рассмотрены Комиссией по наименованию и переименованию проспектов, улиц, площадей и других частей Минска. В результате Минский городской Совет депутатов принял решение назвать сквер за костелом Святых Симеона и Елены в честь Эдварда Войниловича. Таким образом, улица Берсона сохранила свое название, а имя основателя Красного костела с 2017 г. носит расположенный рядом сквер. Именем Войниловича в 2010 г. к 100-летию минского костела была названа улица в Копыле.

Благодаря обращению Товарищества белорусского языка им. Франциска Скорины к депутатам Несвижского райсовета в сентябре 2020 г. к 120-летию со дня рождения поэта Владимира Жилки, репрессированного в 1931 г. по делу «Союза освобождения Беларуси», его именем названа проектируемая улица Несвижа.

Проблема формирования исторических образов осложняется тем, что культурные ценности и достижения наших соотечественников осмысляются как достижения соседей – Польши, Литвы, России и других стран. Так, общественный резонанс вызвала установка на средства белорусской диаспоры памятника Костюшко в г. Залатурн (Швейцария), где он завершил жизненный путь. Изначально планировалось написать на табличке памятника: «Выдатнаму сыну Беларусі ад удзячных суайчыннікаў», но по просьбе польской стороны упоминание о белорусском происхождении трансформировалось в сухое изложение фактов: «Тадэвуш Касцюшка. 1746–1817. Ад Беларускага

аб'яднання ў Швейцарыі. 2017 год». 2017 г. по инициативе ЮНЕСКО объявлен годом памяти Тадеуша Костюшко. Такие личности, как Костюшко, который входит в пантеон героев Беларуси, Польши, США, является почетным гражданином Франции, – мультинациональные и принадлежат «большому времени» культуры – по Бахтину, таким значительным явлениям культуры, которые воспринимаются, наследуются другой культурой, воспринимаются людьми последующих эпох. В Беларуси именем Костюшко названы улицы в Гродно, Бресте, Барановичах, Косово, Лиде, Ивацевичах. Восстановлен музей-усадьба в урочище Меречёвщина возле г. Косово Ивацевичского района (2002–2004). На территории усадьбы на собранные общественные средства открыт памятник Костюшко (скульптор Г. Лойка, 2018, рис. 253).

Маркировка культурного пространства как национального происходит и в культуре повседневности, например, с помощью названий кофе в меню городских кафе в честь известных деятелей и событий: «кава па-паўстанцку» в Гродно в честь восстания 1794 г. (кафе «Наша кава»), «кава па-касцюшкоўску» в Минске (кафе «Sorso»). Как известно, Костюшко был одним из авторов идеи открытия «Дома кофе» в Варшаве.

Таким образом осуществляется коммерциализация образов. Как отмечает Н. Л. Мысливец, «историческая память в эпоху постмодерна выступает уже не просто как средство идентификации сообщества и индивида, а как важный источник коммерциализируемых образов», которые приносят прибыль, обеспечивая «имиджевые дивиденды» [315, с. 111].

Образы истории и культуры воплощаются в особых традициях современных городов, например, традиции устанавливать скульптуры святых на въезде в город: Молодечно, Логойск, Жодино и др.

Значимую роль в формировании исторических образов играют литература и искусство. Как отмечает философ В. Б. Микушевич, еще Аристотель различал поэзию, провозглашающую то, что могло бы быть, и историю, рассказывающую о том, что было, так что история – это лишь литературный жанр, в котором высказывается мнение: было то, о чем свидетельствует история, потому что невозможно определить, что было, а чего не было, и поэтому поэзия достовернее истории [301].

Эффект видимой, «живой» исторической реальности, визуализацию образов создает кинематограф, обладающий высокой степенью эмоционального воздействия на зрителя. Соединение документального и художественного текстов в воплощении образа-символа беды и страдания – Хатынь в фильме «Иди и смотри» (режиссер Э. Климов, 1985), литературной основой которого послужили «Хатынская апопея» А. Адамовича и документальный сборник воспоминаний «Я з вогненнай вёскі» А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника – позволило создать синергетический эффект присутствия, личностного переживания трагедии Великой Отечественной войны. Немаловажное значение при формировании образа имеет обращение к библейским сюжетам, прочно вошедшим (устойчиво закрепившимся) в память мировой культуры. В данном случае название фильма восходит к образу всадника по имени «Смерть» из «Апокалипсиса».

Образы города, «прорастающего» из деревни, нового горожанина, вчерашнего сельчанина, процесс «поглощения» культуры деревенской культурой городской с щемящим юмором показаны в фильме «Белые Росы» (режиссер И. Добролюбов, 1983). В Гродно улица на месте бывшей деревни Девятровка, где снимался фильм, названа «Белые Росы», установлены скульптуры героев фильма (2018, рис. 254).

Категории пространства и времени четко выражены в фотоальбомах. Обобщенный образ жителя белорусского провинциального городка-деревни середины XX в. возникает из архивных фотографий, собранных в фотокнигу «Найлепшы бок», изданную при помощи краудфандинга (коллективного добровольного финансирования). Жителей Глубокого, Бобруйска, Барановичей, Червеня, других городов и особенно сел объединяет уникальная национальная традиция фотографирования на фоне домотканых покрывал и ковров [316].

Память о великом князе литовском Витовте воплотилась в балете «Витовт» (композитор В. Кузнецов, постановщик Ю. Троян, 2013), премьера которого состоялась в Большом театре Беларуси. В его честь установлен памятник в Гродно (1990-е гг.). Образ белорусской Жанны Д'Арк – княгини Анастасии Слуцкой, возглавившей войско защитников родного города от нашествий татар, создан в одноименном фильме (режиссер Ю. Елхов, 2003). Памятник национальной

героине установлен в Слуцке (скульптор С. Аганов, архитектор С. Багласов, 2016, рис. 255), создан балет «Анастасия» (композитор В. Кузнецов, постановщик Ю. Троян, 2018).

Выводы к разделу 1

Исторические образы играют огромную роль в формировании мировоззрения, системы ценностей, идеалов, политических взглядов. Обострение в обществе политических, экономических, экологических и гуманитарных проблем приводит к активному поиску выхода и избегания угроз путем обращения к прошлому. Проблемы формирования исторических образов всегда были и особенно с 1990-х гг. стали решающим идентификатором суверенитета.

Из образов складывается память культуры, средства конструирования которой разнообразны, они эффективно сочетают черты массовости, характеризуя социальные стереотипы и образцы, и художественной самобытности, создавая образные ряды национального культурного пространства. Совокупность образов создает «карту памяти», в которой «отражаются условно постоянные исторические явления и их образы, составляющие ее координатную сетку, и переменные, подверженные забвению и соответственно организованной или спонтанной актуализации» [314, с. 163].

Коммеморация исторических персонажей в процессе формирования коллективной культурно-исторической памяти помогает сохранять в общественном сознании ориентиры идентификации, отождествления себя с совокупностью исторических нарративов; создавать и воспроизводить городские идентичности; выстраивать диалог между эпохами, развивать чувства единства и общности или, напротив, разобщенности в контексте конкуренции нарративов; способствует коммуникации и солидарным действиям горожан и в то же время отчуждению от городского пространства, обусловленным различной смысловой нагрузкой для разных групп людей.

Специфика сложившейся социально-культурной структуры памяти белорусского города состоит в увязывании образа прошлого с идеологическими конструктами, с одной стороны, и активным

стремлением горожан и городских сообществ к гуманизации, коррекции и трансформации пространства – с другой.

Фрагментированность и гибридность памяти ярко характеризуют многочисленные примеры: установка памятника Всеславу Чародею в Полоцке на пересечении улиц Октябрьской и Евфросинии Полоцкой (2007), памятника Льву Сапеге на площади Ленина в Слониме (2019), памятников Рыгору Бородулину и Василю Быкову на углу Советской и Ленинской улиц в Ушачах (2021) и мн. др. Сообщение на новостном портале Добрушчины в контексте благоустройства центральной площади Добруша и установки на ней памятника Ивану Шамякину к Дню белорусской письменности (2022): «Таким образом в пределах площади будут находиться памятники знаковым для нас личностям: князю Паскевичу, Ивану Шамякину, Владимиру Ленину»¹, – является одним из примеров локальной специфики и ламинальности актуальной социальной ситуации.

¹ Чайдак С. В Добруше планируют перенести памятник В. И. Ленину // Новостной портал Добрушчины. – Добруш, 2022. – Режим доступа: <https://vdobrushe.by/articles/v-dobrushe-planiruyut-perenesti-pamyatnik-vi-leninu>. – Дата доступа: 15.04.2022.

Иллюстрации к гл. 4, разд. 1 (рис. 246–255)

Рис. 246. Памятник Кастусю Калиновскому. 1958.
Свислочь. Скульптор З. Азгур. Фото Д. Герасимёнка

Рис. 247. В 1847–1852 гг. здесь учился Кастусь Калиновский. Здание бывшей Свислочской гимназии, основанной в 1804 г. владельцем местечка Винцентом Тышкевичем (проект землемера Виленского университета Яна Шантара). После восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. – статус училища. Здание разрушено в годы Великой Отечественной войны; сохранился правый флигель

Рис. 248. Памятная табличка на здании бывшей Свислочской гимназии

Рис. 249. Памятник Франциску Скорине. Лида. 1992.
Скульптор В. Янушкевич. Фото автора

Рис. 250. Фрагмент памятника
Франциску Скорине

Рис. 251. Памятная монета, посвященная Льву Сапеге. 2010. Дизайн С. Заскевич. Фото: <http://mgroshi.by>

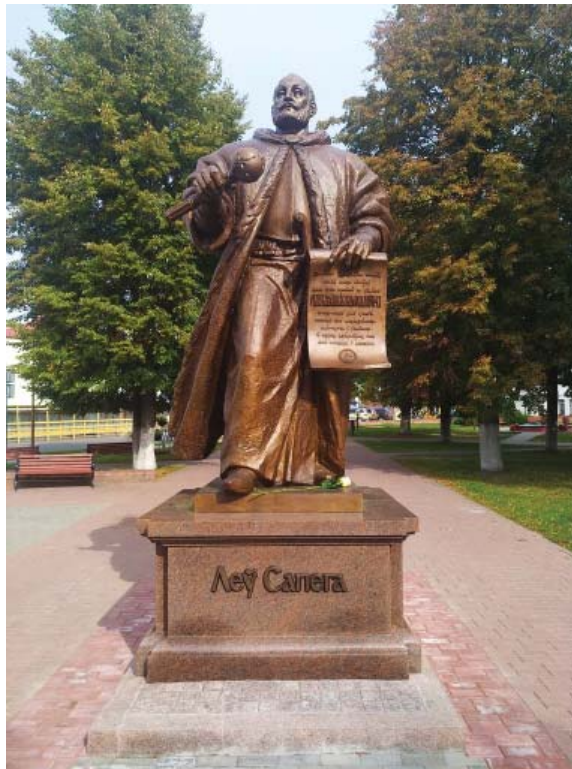

Рис. 252. Памятник Льву Сапеге. 2019. Слоним. Скульпторы И. Миско, В. Пипин, С. Логвин. Фото: <https://s13.ru/archives/pamyatnik-lvu-sapege-ustanovili-v-centre-slonima>

Рис. 253. Памятник Тадеушу Костюшко. 2018. Коссово, урочище Меречёвщина. Скульптор Г. Лойка. Фото автора

Рис. 254. Скульптуры героев фильма «Белые Росы». 2018. Гродно. Скульптор – резчик по дереву В. Булак

Рис. 255. Памятник княгине Анастасии Слуцкой. 2016.
Слуцк. Скульптор С. Аганов, архитектор С. Багласов

2. Принципы формирования образов прошлого

При исследовании динамики культуры используется биографический подход, который описан в работе «Культура и взрыв» Ю. М. Лотмана. Пространство взрыва – это пространство собственных имен. Автор видит закономерность в том, что «исторически взрывные эпохи выбрасывают на поверхность “великих людей”, то есть актуализируют мир собственных имен» [267, с. 119].

Таким образом, анализ формирования конкретных образов прошлого осуществляется в свете принципа историзма, при этом социокультурное явление и культурный деятель оцениваются с учетом специфики исторического периода, условий развития общества, а не с позиций современности. В соответствии с названным принципом, принимающим во внимание достижения деятелей прошлого на определенных стадиях динамики культуры, сохраняются, например, памятники советского времени; устанавливаются памятники, фиксирующие исторический опыт и актуализирующие исторические сюжеты. Создание живых образов прошлого решает задачу формирования культурной памяти социума как с точки зрения достижений, так и в зависимости от травматического опыта.

Значимая личность, наравне с событием и местом, выступает составной частью коммеморативного ядра культуры памяти, однако важным является не событие (биография), а тот смысл, который его сопровождает, т. е. ценностный посыл коммеморативного символа, апеллирующий к эмоционально-чувственной сфере [570, с. 162–163]. Следовательно, в основе отбора коммеморативных символов лежит нравственный принцип. Важнейшее назначение коммеморативных практик – это нравственное воспитание человека с позиций вечных нравственных ценностей, таких, как ценность человеческой жизни, в частности, ценность труда (памятники людям некоторых профессий), подвиг во имя Родины (памятники героям военных сражений) и др.

С принципом историзма тесно связан принцип идеологической обоснованности, в соответствии с которым выбор образа прошлого обуславливается идеологической конъюнктурой, также учитывают-

ся только определенные характеристики исторического образа, соответствующие официальным концепциям и установкам властных структур.

Наряду с обозначенными принципами важное значение имеет и этнический принцип. При конструировании образов прошлого этноцентризм, свойственный локальным культурам, способствует проработке травматического исторического опыта, преодолению травматического сознания, заполнению культурологических лакун.

Формирование образов прошлого белорусской культуры детерминировано ее полиэтничным характером и многоконфессиональной структурой. Принцип учета конфессиональной принадлежности проявляется в религиозной символике и стилистике коммеморативных практик. Этнокультурные и конфессиональные компоненты, обусловленные проживанием на территории Беларуси этнических групп (немецкой, еврейской, татарской), представлены в топонимике белорусского города, архитектурном наследии, памятниках и скульптурных композициях. Например, бронзовая скульптура бобра в костюме городского франта начала XX в., выполненная с еврейскими мотивами в облике, установлена на пешеходной части улицы Социалистической в Бобруйске (рис. 85) и приурочена к «Дажынкам-2006». Местные жители данную скульптуру называют «Бобёр Самуилович». В 2017 г. на пешеходной улице Ленина в день празднования 920-летия Пинска установлена скульптура, в которой воплощен собирательный образ пинчука-полешука (рис. 224).

Дуальный характер принципа идентификации (образы идентифицируемые и идентифицирующие) позволяет проследить формирование образа на разных уровнях. Например, возрастающее символическое значение Великой Отечественной войны как конститутивного фактора советской идентичности детерминирует маркеры участия в ней (изображение лавровых ветвей, армейских звезд, якорей, танков, самолетов и др.).

Эстетический принцип подразумевает облагораживание городской среды с помощью искусства (памятники героям литературных произведений¹ и др.), воздействующего на эмоциональную сферу.

¹ Например, сказочным персонажам: «Звездочет» в Могилеве (2004), «Гулливер» в Гомеле (2007) и Орше (2008), «Старик Хоттабыч» и «Золотая рыб-

Государственными институтами, индивидуальными акторами и социальными группами осуществляется осознанное формирование культурной памяти общества, ее инструментализация, при этом на индивидуальную память оказывается давление со стороны коллектива.

Работа, направленная на создание образов и их воплощение в контексте перечисленных принципов рассматривается нами на примерах практик увековечения памяти о деятелях прошлого в ракурсе социокультурной динамики белорусского города, культурно-символической бифуркации, вызванной изменением дискурса памяти.

2.1. Исторические личности в контексте современной Беларуси: конфликты памяти

Восприятие памятников определяется разной политикой памяти, а также различным отношением к истории. В обществе не утихает полемика о навязывании памяти, идентичности, пустоте и захвате пространства.

Например, установка бюста-памятника Николаю II в Крайске (Минская обл., Логойский р-н) возле церкви Святого Николая Чудотворца (скульптор В. Зелянка, 2008, рис. 256) неоднозначно оценивается в обществе. Планы по созданию в Витебске памятника русскому князю Александру Невскому вызвали острую критику в культурных и научных кругах, поэтому на протяжении 2009–2015 гг. его установка откладывалась, хотя постамент был возведен в 2011 г. Чтобы обосновать связь указанной исторической личности с Беларусью, в 2016 г. на площади 1000-летия, доминантами которой являются Благовещенская церковь и церковь Святого князя Александра Невского, была установлена скульптурная композиция «Князь Аляксандр Неўскі з жонкай, віцебскай княжнай Аляксандрай, і сынам Васілём» (рис. 257).

ка» в Витебске (2017). Создатель Хоттабыча Лазарь Лагин родился в Витебске. А. С. Пушкин бывал в городе проездом. Скульптуры установлены к Дню города; символично, что золотая рыбка держит ключ от города. Скульптура, посвященная герою романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» Шуре Балаганову, установлена в Бобруйске (2012).

Исторические личности, вызывающие неоднозначные оценки в контексте истории Беларуси, порождают конфликты памяти.

В то же время история периодов Российской империи и СССР, отраженная в памятниках и оцениваемая многими исследователями как травматическая, становится основой формирования городского бренда в пространстве белорусского города.

Ранее были рассмотрены этапы увековечения памяти о знаковых личностях Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой – представителей магнатского рода Сапег, на образе которых строятся бренды Ружан, Гольшан, Слонима.

Идентичность Гомеля, Добруша, Кобрин тесно связана с личностями русских полководцев и государственных деятелей.

Ревитализация памяти о Румянцевых и Паскевичах в Гомеле, о Паскевичах в Добруше имеет устойчивый характер, фиксируется и исследуется как важный составной элемент истории города и основная тема для восприятия городской идентичности.

Как отмечает А. Грицкевич, свыше 40 % белорусских городов в XVI–XVIII вв. находились в частном владении [139, с. 5].

Например, владельцами Гомельского староства в XVI–XVII вв. были Сапег, Слушки и другие представители магнатских родов.

После присоединения белорусских земель к Российской империи Екатерина II жаловала русским вельможам владения, конфискованные у шляхты. Среди частновладельческих городов и местечек, перешедших в собственность дворян, Кобрин – А. В. Суворова, Кричев со староством – Г. А. Потемкина, Чечерск со староством и Жлобин – З. Г. Чернышева [557, с. 45]. Гомель и бывшее Гомельское староство были подарены в вечное потомственное владение генерал-фельдмаршалу князю П. А. Румянцеву-Задунайскому.

В 1834 г. владельцем земель, в числе которых была и Добрушчина, становится генерал-фельдмаршал князь И. Ф. Паскевич, который задумал устроить в Добруше фабрику для изготовления писчей бумаги, что было позже осуществлено его сыном.

Увековечение памяти о Румянцевых и Паскевичах прошло несколько этапов.

Первый этап приходится на период Российской империи.

Главные улицы уездного Гомеля носили имена его владельцев. Парадная магистраль – Румянцевская улица (1861–1919) была названа в честь русского полководца князя Петра Александровича Румянцева-Задунайского (1725–1796) и трех его сыновей, двое из которых, Николай Петрович и Сергей Петрович, были хозяевами Гомеля: Николай Петрович до своей смерти в 1826 г., Сергей Петрович до продажи имения в 1834 г.

Центральная улица в Спасовой слободе, первоначально отделенном от Гомеля поселении, называлась Фельдмаршальской. В начале XIX в. граф Н. П. Румянцев при перепланировке слободы дал улице такое название в честь своего отца, фельдмаршала П. А. Румянцева [422, с. 139]. В середине XIX в. Спасова слобода вошла в городскую черту.

Благодаря Н. П. Румянцеву произошли масштабные культурные и социально-экономические изменения. В центре Гомеля была сформирована площадь, к которой вели три главные улицы. На ней возведены общественные здания: училище, костел, гостинный двор. Также были открыты аптека, больница, ланкастерская школа. Основаны спиртзавод, ткацкая фабрика и другие предприятия.

Знаковым объектом наследия является дворцово-парковый ансамбль, вокруг которого выстраивается городская идентичность.

После смерти Н. П. Румянцева в 1826 г. согласно завещанию его прах был погребен в Петро-Павловском соборе, сооруженном стараниями графа. На месте погребения установлены бронзовые бюсты Н. П. Румянцева и статуя «Богиня мира».

Память о многогранном наследии Н. П. Румянцева сохранялась на протяжении XIX – начала XX в. Многие места и здания в Гомеле в народе называли его именем. В 1900 г. издана книга Л. Виноградова «Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900 гг.» (Москва: тип. Н. Н. Шарапова), в которой деятельность Н. П. Румянцева в становлении города была высоко оценена.

При Паскевичах, следующих владельцах Гомельской резиденции, в 1852 г. Гомель приобрел статус города и стал центром одноименного повета. Этому способствовал экономический рост (открыты стекольная мануфактура, сахарный завод, лесопильные предприятия и пр.), который обусловил рост населения.

Память об отце, фельдмаршале князе Иване Федоровиче Паскевиче (1782–1856), увековечил его единственный сын Федор Иванович Паскевич-Эриванский (1823–1903), который после выхода в отставку занялся обустройством имения в Гомеле. В конце 70-х гг. XIX в. он соорудил на территории дворца фамильную часовню-усыпальницу, куда из Демблина был перевезен прах И. Ф. Паскевича и его супруги. Позже перед северным крылом дворца Ф. И. Паскевич в честь отца установил белый мраморный бюст на квадратной колонне-цоколе [469]. Одна из улиц Гомеля носила имя князя Паскевича до переименования в 1919 г.

Улица Ирининская (конец XIX в. – 1919 г.) названа в честь Ирины Ивановны Паскевич-Эриванской (урожденной Воронцовой-Дашковой, 1835–1924), жены Ф. И. Паскевича, последней владелицы гомельского имения. Расположившиеся на этой и соседних улицах здания были построены на ее средства, в том числе приют для престарелых женщин и Федоро-Ирининская глазная лечебница (функционировала с 1904 г. по 1941 г.).

После Октябрьской революции память о Румянцевых и Паскевичах советская власть постаралась либо уничтожить, либо придать ей классовый характер. Были переименованы улицы, закрыт Петро-Павловский собор, исчезло надгробие Н. П. Румянцева (статую и бюст перенесли в музей). Памятник-бюст И. Ф. Паскевича демонтировали. Дальнейшая его судьба неизвестна. С 1945 г. во дворце функционировал историко-краеведческий музей, большую часть музейных предметов которого составляли предметы историко-революционного, производственного содержания, а также раскрывающие историю Великой Отечественной войны и партизанского движения. В 1950–1980-е гг. экспозиции музея были посвящены социалистическому строительству.

Скульптурные изображения И. Ф. Паскевича и П. А. Румянцева-Задунайского в годы советской власти сохранялись на монументе «Тысячелетие России» (Великий Новгород, 1862).

Новый этап начался в 1980-е гг., когда был поднят вопрос об увековечении памяти о Румянцевых: установке памятного знака в честь Николая Румянцева, возвращении улице Советской наименования «Румянцевская» и т. п. Ревитализационные мероприятия проходили

достаточно долго, многое было осуществлено только через несколько лет или так и не осуществлено.

К 850-летию Гомеля в 1992 г. планировалось установить памятник Н. П. Румянцеву, это произошло в 1996 г.; поставлен памятник напротив главного входа во дворец (рис. 258, 259).

В память о просветительской деятельности Ирины Паскевич, много сделавшей для развития образования и культуры города, именем княгини в 1997 г. названа гимназия в Новобелицком районе Гомеля.

В 2003 г. на бывшей улице Ирининской, переименованной в 1919 г. в Первомайскую, установлен памятник Ирине Ивановне Паскевич (скульптор Д. Попов, рис. 260, 261) с табличкой «Благодарные гомельчане» в память о благотворительной деятельности княгини, которая помогала приютам попечительства о бедных, основала приюты для сирот, училища в деревнях, больницы, родильный дом; каждый год на ее средства училось более 20 детей из малообеспеченных семей. В 2003 г. у стен Свято-Петро-Павловского собора установили бюст Ирины Паскевич и мемориальную доску (скульптор В. Долгов, рис. 262). В 2013 г. части улицы возвращено название «Ирининская».

В мае 2019 г. в Гомеле у стен дворца Румянцевых – Паскевичей к 100-летию музея высадили сорт сирени, названный «Княгиня Ирина», выведенный в Центральном ботаническом саду Национальной академии наук Беларуси в 2016 г. Характеризуя новый сорт, его автор, ведущий научный сотрудник Н. В. Македонская, отмечает: «Посмотрите, насколько широко лепестки этой сирени распахнуты миру, у нее все сердцевинки открыты... Так же, как и Ирина Паскевич была открыта сердцем миру. Каждое соцветие показывает, что она была проста и внутренне богата» [489].

Памятник Ф. И. Паскевичу установлен в Гомеле на набережной Сожа (2015, рис. 263).

История Добруша, расположенного на одной из самых красивых рек страны – Ипути (из-за большого количества мостов и мостиков, соединяющих ее берега, город называют маленькой белорусской Венецией), тесно переплетена с историей Добрушской бумажной фабрики – старейшего градообразующего предприятия Беларуси, считающегося уже 150 лет.

Большинство рабочих составляли католики – белорусы и поляки. Ф. Паскевич нанимал их в знак примирения за деяния отца, которого многие на белорусско-литовских и польских землях считали палачом [548, с. 68, 69].

Наивысшего подъема фабрика достигла в 1913 г. По объему производства, численности рабочих, технической оснащенности предприятие занимало 3-е место в Российской империи и 1-е в Северо-Западном крае. Оно имело торговые представительства в Варшаве, Вильне, Киеве, Минске, Одессе, Ростове-на-Дону, Саратове, Харькове.

Предприятие дважды в своей истории перешагивало границы веков. Основанной в XIX в. Добрушской бумажной фабрике в XX в. присвоено почетное звание «Герой труда» (1922), а в 1927 г. Добруш получил статус города. В XXI в. старинные стены фабрики, сложенные из красного кирпича, – памятник промышленной архитектуры.

Памятник-бюст князю Ф. И. Паскевичу был открыт в Добруше в 2004 г. (рис. 264, 265) перед зданием бывшей школы для детей работников писчебумажной фабрики, построенной в начале XX в. на средства Ирины Паскевич [501] (с 2003 г. здесь находится районный краеведческий музей), а центральная улица города, носившая имя Карла Маркса, переименована в улицу Князя Паскевича.

Белорусскими историками неоднозначно воспринимается культ в городских практиках образов Румянцевых и Паскевичей [126]. Однако их наследие популяризируется и, более того, на нем строится туристический бренд, что вызывает в том числе противоречивые реакции в обществе, проявляющиеся и в отношении к памятникам, например, к памятникам Суворову, на образе которого построен бренд Кобрина.

2.2. Преодоление травматического сознания

Память о русском полководце А. В. Суворове, решение об установке памятника которому в Санкт-Петербурге было принято еще при его жизни¹, активно воспроизводилась в советский период.

¹ Памятник установлен в 1801 г. А. В. Суворов стал первым человеком в России, в честь которого был специально построен мемориальный музей (основан в 1900 г. в Санкт-Петербурге).

Если в 1920 г. памятник Суворову, установленный в 1903 г. в имении Суворовых (село Суворово Пензенской губернии), был разрушен большевиками, то уже с середины 1930-х гг. образ полководца причислен к пантеону героев, символизирующих государственный патриотизм.

С целью морально-психологической подготовки населения к грядущей войне с фашизмом были частично реабилитированы отдельные страницы русской военной истории. Началась массовая пропаганда образа непобедимого Суворова (создавались произведения искусства, устанавливались памятники, основывались музеи), усилившаяся в военный¹ и послевоенный период.

Кобрин, в котором генералиссимус жил непродолжительное время в 1797 и 1800 гг. (Екатерина II за подавление восстания под предводительством Тадеуша Костюшко в 1794 г. подарила Суворову имение Кобринский ключ), представлен как город А. В. Суворова. В честь полководца установлено три памятника (1949, 1950, 1964, рис. 266–268), открыт дом-музей², названы пешеходная улица, парк и военно-исторический музей³. Кроме того, в городе функционируют магазин «Суворовский» и отель с таким же названием.

Кобрин, являясь частью западных белорусских земель, в первой половине XX в. входил в состав II Речи Посполитой. На ее территории начали устанавливать памятники в честь Тадеуша Костюшко. Он был причислен к пантеону национальных героев, а его имя стало синонимом мужества, патриотизма и любви к родине. В начале 1930-х гг. в Кобрине открыли один из памятников Костюшко (скульптуру изваяла местная художница Бальбина Свитич-Видацкая), в его честь была переименована улица. Кроме того, на месте памятника к 100-летию ознаменования первой победы русских войск в 1812 г., представлявшего собой двуглавого орла, разрывающего лавровый

¹ Мемориальный музей полководца на Новгородчине открыт 25 октября 1942 г.

² Музей включен в Список историко-культурных ценностей Беларуси.

³ Несмотря на дискуссии о том, нужен ли в Кобрине музей оружия, который охватывал бы всю историю войн на белорусских землях, Кобринский военно-исторический музей им. А. В. Суворова был построен в 1990-х гг. Его согласились открыть при условии, что внутри не должно быть упоминания об А. В. Суворове. Вопреки этому музей носит имя полководца.

венок с вензелем Наполеона (во время Первой мировой войны орел и мраморные доски с памятными надписями сняли немецкие солдаты), также был установлен памятник-бюст Тадеушу Костюшко. В 1940-х гг. его убрали в подсобку местного музея, а на его месте в 1951 г. установили одноглавого орла, держащего в лапах и клюве венок.

Из фондов кобринского музея бюст Костюшко отправили в Брестский областной краеведческий музей. Только в 1988 г. его установили у здания школы в Малых Сехновичах Жабинковского района. Эта деревня до начала XIX в. принадлежала Костюшкам-Сехновичским, здесь находилась их родовая усадьба, в которой между 1784 и 1790 гг. жил Костюшко. Также в его честь в 1994 г. в местной школе была создана комната, а в 2011 г. открылся Жабинковский районный историко-краеведческий музей, один из залов которого посвящен роду Костюшко-Сехновичских.

Бывший посол США в Беларуси Дж. Крол сообщил журналистам в 2006 г. в канун дня рождения Тадеуша Костюшко, что на территории американского посольства в Минске в 2005 г. был открыт первый в истории Беларуси памятник-бюст Тадеушу Костюшко. Еще один памятник до 1939 г. стоял на площади в поселке Мир¹ Кореличского района Гродненщины [410, с. 241]. По воспоминаниям жителей, «у цэнтры мястэчка, на рынкавай плошчы, “за польскім часам” стаяў помнік Т. Касцюшку (раней тут быў помнік цару). Потым помнік Касцюшку ў 1939 г. скінулі, а Сталіну паставілі» [410, с. 17].

В советский период активно популяризировался образ А. В. Суворова. В 1952 г. в Витебске перед зданием горвоенкомата на пешеходной улице, носящей его имя, был установлен бюст полковника (рис. 269).

Социальная энтропия приводит к ксенофобии, деструктивному обращению с памятниками. Так, в 2000 г. вышеназванный памятник А. В. Суворову был похищен, позже найден в изуродованном состоянии. Работники военкомата его отреставрировали и вернули

¹ В XV в. Мир был городом. С 1579 г. пользовался неполным магдебургским правом; в составе Российской империи – местечко, центр волости Новогрудского повета Минской губернии. С 1921 г. по 1939 г. был частью Польши, центр гмины Столбцовского повета Новогрудского воеводства, с 1939 г. по 1991 г. входил в БССР. С 1956 г. Мир является городским поселком.

на прежнее место. В 2008–2009 гг. проведена реконструкция данного памятника: бюст установлен на более высокий новый постамент, а также заменена ограда. В 2015 г. на памятниках полководцу, открытых в Кобрине, появились таблички, обличающие А. В. Суворова в оккупации и участии в захватнических войнах. Подобный инцидент произошел с памятником А. С. Пушкину в 2020 г. в Минске: вандал покрыл красной краской руки скульптуры.

Открытие в 2015 г. в Могилеве бюста А. С. Пушкина (рис. 270, эту скульптуру городу подарил фонд «Аллея российской славы» в честь 70-летия Великой Победы) вызвало негативную реакцию, поскольку на постаменте памятника был размещен отрывок из стихотворения «Клеветникам России», написанного в связи с подавлением восстания 1830–1831 гг. В результате дискуссий строки с памятника были удалены.

В 2013 г. в Минске состоялась конференция «Династия Романовых в исторической судьбе Западной Руси», посвященная 400-летию дома Романовых, после проведения которой к городским властям поступило обращение с вопросом о восстановлении памятника Александру II. С 1901 г. по 1915 г. памятник находился в Минске в сквере на площади Свободы, был вывезен в Москву в связи с угрозой немецкого наступления. Дальнейшая его судьба неизвестна. Как предполагает К. Г. Сокол, памятник, как и ряд подобных, эвакуированных во время Первой мировой войны, был переплавлен в советское время [481, с. 69; 482, с. 100]. В ответе НАН Беларуси на запрос Мингорисполкома указывалось, что восстановление памятника может быть воспринято в обществе как демонстрация символизма российского самодержавия на белорусских землях.

Рис. 256. Бюст Николая II. Установлен возле церкви Святого Николая Чудотворца. 2008. Крайск, Логойский р-н, Минская обл. Скульптор В. Зелянко

Рис. 257. Скульптурная композиция «Князь Аляксандр Неўскі з жонкай, віцебскай княжнай Аляксандрай, і сынам Васілём». 2016. Витебск. Скульпторы А. Гвоздиков, И. Казак, Е. Колчев

Рис. 258, 259. Памятник Н. П. Румянцеву установлен перед дворцом Румянцевых – Паскевичей. 1996. Гомель. Скульптор Н. Рыженков. Фото автора

Рис. 260. Памятник Ирине Паскевич. 2003. Гомель. Скульптор Д. Попов, архитекторы С. Ковырев, Н. Барабанова. Фото автора

Рис. 261. Фрагмент памятника Ирине Паскевич

Рис. 262. Памятник-бюст Ирине Паскевич возле Свято-Петро-Павловского кафедрального собора. 2003. Гомель. Скульптор В. Долгов. Фото автора

Рис. 263. Скульптурная композиция «Прогулка с борзыми»
(Лордом и Марко), посвященная Ф. И. Паскевичу.
Гомель. 2015. Скульптор В. Долгов. Фото автора

Рис. 264. Памятник-бюст князю Ф. И. Паскевичу. 2004. Добруш. Скульптор Д. Попов, архитектор Е. Стоянова. Фото А. Дыбовского

Рис. 265. Памятник-бюст князю Ф. И. Паскевичу установлен у здания бывшей школы для детей работников бумажной фабрики

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА

Рис. 266. Бюст А. В. Суворова. 1949. Кобрин.
Скульптор П. Кюферле

Рис. 267. Бюст А. В. Суворова. 1950. Кобрин.
Скульптор А. Рукавишников

Рис. 268. Памятник А. В. Суворову. 1964. Кобрин. Скульптор В. Чеботарев

Рис. 269. Бюст А. В. Суворова. 1952.
Реконструирован в 2008–2009 гг. Витебск

Рис. 270. Бюст А. С. Пушкина. 2015. Могилев.
Скульптор А. Аполлонов. Фото Т. Алексо

3. Национальный образ как локальный императив

Идеологическая интерпретация Беларуси в русле общерусской исторической концепции постепенно нивелируется. Культура памяти задействует механизмы поиска национальных корней и национальной идентичности в контексте локальной истории. При организации современного городского пространства используется символический ресурс личности, прежде всего знаковой для местного сообщества.

Так, начиная с 2010 г. в Рогачеве и его окрестностях созданы четыре мемориала, связанные с именем Владимира Короткевича: на одном из домов размещен мурал с портретом писателя (2014, рис. 271); в его честь переименована улица; возле дедова дома, куда Короткевич приезжал в гости к бабушке и где писал свои лучшие произведения, установлен камень с мемориальной доской; именем писателя названа центральная районная библиотека. Известно, что прототипом персонажей в произведениях В. Короткевича «Колосья под серпом твоим» и «Нельзя забыть» («Леониды не вернутся к Земле») был Томаш Гриневич – белорусский шляхтич, участник восстания 1863 г., глава повстанческого отряда в Рогачевском уезде. По словам писателя, он был его родственником по материнской линии. В 2016 г. на предполагаемой могиле Гриневича установлены крест и камень. В качестве эпитафии на памятнике использовано высказывание Владимира Короткевича.

В 2014 г. в Мяделе открыли памятник, посвященный Максиму Танку (рис. 272). Скульптурная композиция включает памятный валун, на котором размещены строки поэта: «Ёсць адна песня песняў – пра Радзіму».

Также городское пространство осваивают граффити-художники. В Рогачеве на стенах домов, кроме портрета Владимира Короткевича, можно увидеть мурал, посвященный Боне Сфорца и ее мужу Сигизмунду (Жигимонту I) Старому.

В 2015 г. на стене школы в Щучине появилось изображение Франциска Скорины (приурочено ко Дню белорусской письменности).

Также портрет гуманиста украшает фасад первого учебного корпуса Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (2017, рис. 273), а на фасаде исторического музея в Чашниках Скорина изображен в «океане» музейного пространства верхом на большой рыбе (2019, рис. 274). В представлении художника, музей-«океан» полон Моби Диков и посетитель может «выловить» своего Моби Дика – найти в нем ответы на всевозможные интересующие его вопросы (marketing.by>novosti-rynka>minskiy-kreat). В Витебске среди современных работ можно увидеть настенные портреты Марка Шагала на улице Суворова (2015, рис. 275) и Василя Быкова на Московском проспекте (2017, рис. 276).

В основу сюжета граффити, изображенного на фасаде дома по улице Ленина, 12 в Новогрудке (2019), положена цветная литография «Адам Мицкевич в Новогрудке» (1993, художники Валентин и Лилия Варецы). В Волковыске на фасадах зданий по улице Социалистической появились сюжетные рисунки, один из которых – «Великий князь Витовт осматривает Волковысскую хоругвь» (2019) – актуализирует исторический образ периода ВКЛ.

Создание репродукций портретов представителей рода Сапег на фасадах домов в Ружанах было приурочено к празднованию фестиваля «Дажынкi-2019». Выполненные из дуба скульптуры Льва и Казимира Сапег, Владислава IV Вазы, Боны Сфорца и др., тематически связанные с вручением городу магдебургского права в 1637 г., украшают Ружанский сквер (рис. 277). Также скульптуры расположены на улице Советской – центральная улица современного городского поселка.

В Поставах на улице Советской открыли памятник Антонию Тызенгаузу (2019), обозначив таким образом историческое значение государственных и общественных деятелей ВКЛ в развитии городов.

Мотивы «маляваных дываноў» переосмыслены на муралах в Черее (2019) и Миорах (2020). На мурале в Черее изображена художник-примитивист Алена Киш на фоне расписного ковра (рис. 278). В Миорах в произведении стрит-арта, выполненном в память о Язепе Дроздовиче в виде стилизованного «дывана-маляванкі» (рис. 279), отражены десять достопримечательностей Миорского края (водопад

на Вяте, колокольня в Наволоке, колонна в честь Конституции 1791 г. в Леонполе и др.).

Опыт работы с культурным наследием, выраженный в современных формах, помогает выделить важное и включить его в актуальную жизнь.

В 2020 г. на располагающемся на улице Кузьмы Чорного в Минске фасаде дома по инициативе одного из его жильцов, пожелавшего остаться неизвестным, был изображен портрет к 120-летию со дня рождения этого белорусского писателя (рис. 280). В Орше на стене одного из домов создан мурал к 90-летию Владимира Короткевича¹. Задумывая нарисовать граффити-портрет Короткевича, художник Д. Толкачѳ использовал в эскизе рисунки и фрагменты рукописей писателя (рис. 281).

В 2021 г. портрет Язепа Дроздовича размещен на фасаде здания на улице Юбилейной в Дисне (рис. 282). Художник учился в Дисненской гимназии. Делая зарисовки местных пейзажей, а также собирая произведения фольклора, он начинал свой творческий путь.

В этом же году к Дню белорусской письменности были созданы муралы в Копыле с портретами поэта-песенника Адама Русака (рис. 283) и писателей Алеся Адамовича (рис. 284) и Кузьмы Чорного, а также установлена скульптура «Песня гарбара» (скульптор П. Войницкий), прототипом которой послужил образ Змитера Жилуновича (Тишки Гартного): его именем названы две улицы, одна из которых находится в центре города (бывшая Карла Маркса). В копыльском сквере обустроили Аллею писателей, установив 17 интерактивных букв-скамеек с QR-кодами, по которым можно узнать о писателях – уроженцах Копыльщины.

¹ Писатель родился в Орше. Стена с муралом многоэтажки выходит на улицу имени белорусского классика и находится в паре метров от дома, где он родился. Мурал появился по инициативе бизнесмена и мецената Андрея Балабина, который выкупил дом писателя в октябре 2018 г. В этом доме Владимир Короткевич написал одно из самых известных своих произведений «Дзікае паляванне караля Стаха». Предприниматель собирается привести в порядок дом, а рядом с ним построить современный музей белорусского классика.

В Ушачах¹ на средства, собранные с использованием крауд-фандинга, в 2021 г. установили памятники-бюсты Василю Быкову и Рыгору Бородулину (рис. 285, 286)².

На сайте Кобринского райисполкома (kobrin.brest-region.gov.by. – 21.05.2020) на общественное обсуждение был вынесен план размещения на фасадах домов центральных улиц города графических портретов Франциска Скорины, Боны Сфорца, Анны Ягеллонки, Антония Тызенгауза, Тадеуша Костюшко, Адама Мицкевича, Элизы Ожешко, Наполеона Орды, Павла Шпилевского, Кастуся Калиновского, Бальбины Свитич-Видацкой, Марии Родзевич, Василя Быкова, Алеся Адамовича, Нила Гилевича, Рыгора Бородулина и др.

В белорусской городской топонимике, менее подверженной изменениям, особенно в центральной части города, сохраняются советские названия, однако смысловой потенциал этих урбанонимов и памятников постепенно утрачивается: они воспринимаются как пространственные указатели, названия станций общественного транспорта, территориальные ориентиры.

Переименование происходит нечасто. Например, в Добруше ул. Карла Маркса стала называться ул. Князя Паскевича (2004), в Слониме площадь Горького – площадью Сапеги (2013), в Минске бульвар Луначарского переименован в бульвар Мулявина (2004; в 2017 г. установлен памятник песняру, рис. 287). Имена знаковых представителей белорусской культуры присваивают в основном улицам в новых микрорайонах городов. Например, в Минске в микрорайоне Михалово появились улицы Льва Сапеги (2007), Тышкевичей, Острожских (2014), Ельских (2016).

В современной культуре проявляется тенденция, свойственная культуре эпохи модерна, когда универсальной формой культурной

¹ В 1758 г. местечку Ушачи были дарованы магдебургское право и герб. Ушачи после первого раздела Речи Посполитой (1776) стали в составе ВКЛ центром земель бывшего Полоцкого воеводства, после второго раздела (1793), уже будучи частью Российской империи, – заштатным городом, центром Лепельского уезда Витебской губернии, с 1924 г. – центром района, с 1938 г. – городским поселком.

² Ранее памятник Рыгору Бородулину (валун с высеченным крестом Евфросинии Полоцкой) был установлен на могиле писателя в 2016 г. Камень для памятника обнаружили на Ушаччине около Кубличей, где в школе учился Василь Быков.

идентичности является нация, стремящаяся предстать исторически древней, что детерминирует востребованность образов прошлого.

Выводы к разделам 2, 3

Резюмируя, отметим: образ города, расширяющий его пространство в культурном смысле, определяется такими аспектами, как человек и определенная событийность, имеющая отношение к знаковым личностям. Культура сознательного увековечения конкретных людей и их достижений является важной составляющей культуры памяти современного общества. Механизмы циркуляции культурной памяти при образовании новых объектов и памятных мест активно задействуют образы прошлого, формирование которых происходит в соответствии с принципами историзма, идеологической обоснованности, учета конфессиональной принадлежности, идентификации, а также согласно нравственным, этническим и эстетическим принципам. Генерирование знаковых объектов-символов, отличающих один город от других, способствует воссозданию культурных смыслов, заложенных в истории и традиции. В настоящее время проблемы значимых мест памяти поднимаются как на уровне общественных инициатив, так и государственных программ, предусматривающих развитие белорусских городов, малых и средних городских поселений.

Значение коммеморативных практик, переосмысление исторических событий с точки зрения истории локального сообщества возрастает в периоды формирования и консолидации наций, оказывает влияние на идентификацию субъекта с нацией и осознание национальной монолитности. В этом случае памятник представляет собой универсальную форму воплощения и трансляции национальной идеи.

Иллюстрации к гл. 4, разд. 3 (рис. 271–287)

Рис. 271. Мурал с портретом Владимира Короткевича.
2014. Рогачев. Художник Алесь Благий (Kontra)

Рис. 272. Памятник Максиму Танку. 2014. Мядель.
Скульпторы И. Миско, А. Финский, архитектор А. Сардаров

Рис. 273. Мурал, посвященный Франциску Скорине. 2017. Гомель.
ГГУ им. Ф. Скорины, корпус 1. Создан архитектором Д. Козлюком
в преддверии празднования 500-летия белорусского книгопечатания

Рис. 274. Мурал, посвященный Франциску Скорине, на стене Чашникского исторического музея. 2019. Художник М. Осипов

Рис. 275. Мурал, посвященный Марку Шагалу. 2015.
Витебск. Коллектив граффитистов StreetSkills

Рис. 276. Мурал с портретом Василя Быкова. 2017.
Витебск. Коллектив граффитистов StreetSkills

Рис. 277. Скульптура Льва Сапегы, выполненная во время 11-го областного пленэра резчиков монументальной скульптуры. 2013. Ружаны. Резчик по дереву Н. Склад

Рис. 278. Фрагмент мурала, посвященного «маляваным дыванам» Алены Киш. 2019. Черяя. Художник М. Осипов

Рис. 279. Мурал, посвященный достопримечательностям Миорского края, выполненный в память о Язепе Дроздовиче в виде «маляванага дывана». 2020. Миоры. Художник Алесь Благий (Kontra)

Рис. 280. Мурал, посвященный Кузьме Чорному. 2020.
Минск. Выполнен граффитистами компании Zadelo

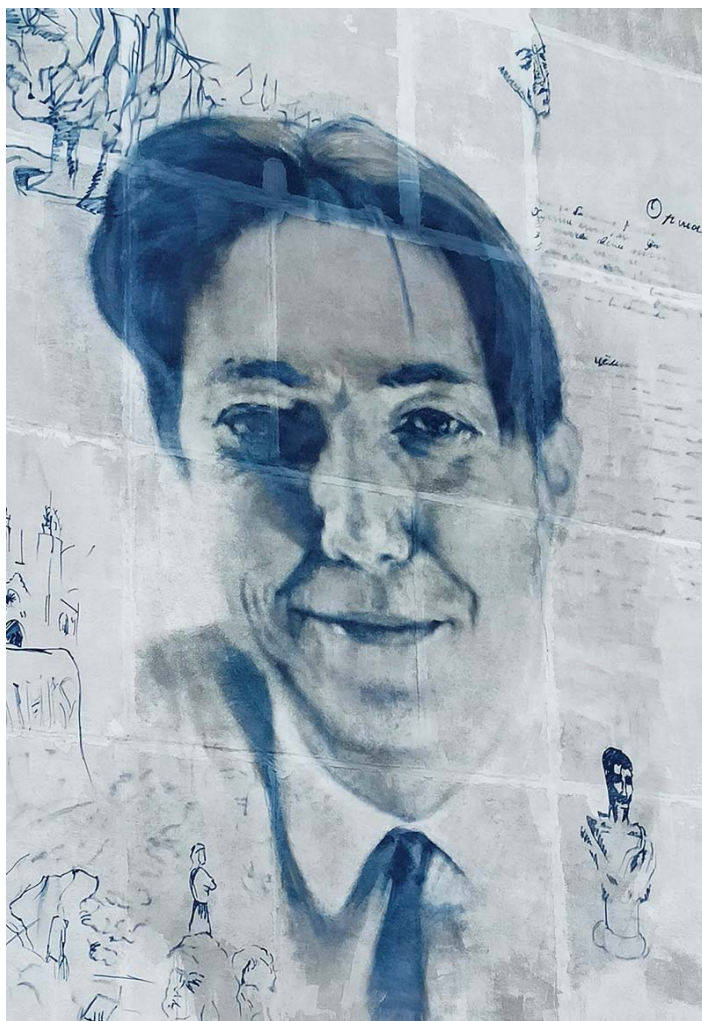

Рис. 281. Мурал, посвященный Владимиру Короткевичу. 2020. Орша. Художник Д. Толкачев. Фото: orshanka.by

Рис. 282. Мурал, посвященный Язепу Дроздовичу. 2021. Дисна.
Художники Алесь Благий (Kontra), Евгений Сосюра

Рис. 283. Мурал с портретом Адама Русака. 2021. Копыль. Выполнен граффитистами компании Zadelo. Фото: mlyn.by. Источник: Газета «Кур’ер». – <https://kurjer.info/2021/08/24/letter-day/>

Рис. 284. Мурал с портретом Аляся Адамовича. 2021. Копыль. Художник В. Буров. Фото Р. Березовского. Источник: Газета «Кур’ер». – <https://kurjer.info/2021/08/24/letter-day/>

Рис. 285. Памятник Василю Быкову. 2021. Ушачи.
Скульпторы И. Зосимович, А. Сорокин, архитектор В. Карако

Рис. 286. Памятник Рыгору Бородулину. 2021. Ушачи.
Скульпторы И. Зосимович, А. Сорокин, архитектор В. Карако

Рис. 287. Памятник Владимиру Мулявину. 2017.
Минск. Скульптор А. Кострюков

ГЛАВА 5. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КОММЕМОРАЦИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ

1. Коммеморативные практики в контексте идейного обоснования городского пространства

Развитие города во многом обусловлено идейным обоснованием его пространства, исходящим из определения концепта «город». Формирование культуры коммеморации зависит от осознания того, что делает город городом. Коммеморация в городском пространстве осуществляется во взаимосвязи с интерпретацией ответа на вопрос: как должен мыслиться город, чтобы в нем воспроизводились коммеморативные практики.

Характеристика понятия «город» определяется исследователями в зависимости от целеполагания, социальных ориентиров и методологических позиций.

В основу типологии городов Макса Вебера положено экономическое понимание города, т. е. классификация по преобладающему экономическому компоненту (город потребителей, город производителей, торговый город) [72, с. 339].

Льюис Мамфорд обращал внимание на такие основополагающие критерии, как воспроизводство культуры, воспроизводство культуры, происходящие в процессе развития общества видоизменения символов, культурных форм, эстетических замыслов и их художественного воплощения, т. е. на приоритет культурной функции в организации городской морфологии. Исследователь выдвинул гипотезу, что ос-

новой развития человека послужило создание важных типов символического выражения, а не более эффективных орудий труда. Среди факторов, которые предшествовали появлению городов, он называл необходимость регулярно возвращаться к захоронениям, священным строениям, церемониальным, сакральным местам [622; 623].

Луис Вирт в качестве сущностной характеристики города выделял критерий разнообразия: «...город все больше становится не просто местом, где современный человек живет и работает, но и стимулирующим и регулирующим центром экономической, политической и культурной жизни, вовлекающим в свою орбиту самые отдаленные сообщества земного шара и соединяющим в единый космос разные территории, народы и виды деятельности» [77, с. 93–94].

В. Л. Глазычев среди основных показателей города называл наличие публичного пространства, городского сообщества, наполняющего общее пространство, а также городского права и самоуправления [124, с. 9–10].

Поиск взаимосвязей между физическим, символическим и социальным пространствами в контексте социально-пространственного подхода к осмыслению города отражен в ряде концепций, в которых постулируется преобразовательная функция культуры по отношению к городскому пространству, таких как «место памяти» Пьера Нора [323; 324], «третье место» Рэя Ольденбурга («промежуточные пространства» в классической городской социологии)¹, «не-место» Марка Оже [590]. Оже полагает, что «понятие “пространства” само по себе более абстрактно, чем понятие “места”, которое как минимум отсылает нас к событию (имевшее место), мифу (который, говорят, имел место) или истории (большим значимым местам)» [340, с. 38].

Концепция креативного города, разрабатываемая теоретиками с конца 1980-х гг. [128], в 2000-е гг. активно развиваемая Чарльзом Лэндри [276], основана на задействовании историко-культурной уникальности места как ресурса реновации территорий. В современном креативном городе прошлое становится ресурсом и для творческо-интеллектуальной рефлексии (стрит-арт, монументальное искусство

¹ Oldenburg Ray. Celebrating the Third Place: Inspiring Stories about the «Great Good Places» at the Heart of Our Communities. New York : Marlowe & Company, 2000. 336 p.

и др.), и для извлечения экономической прибыли (туризм, джентрификация и др.), и для организации досуга (исторические реконструкции, фильмы, косплей и др.), и для обоснования идеологии и политических амбиций. Бережное отношение к истории города – одной из базовых ценностей – является практической необходимостью в создании его уникального образа. Сохранение следов прошлого в современных городах – лейтмотив, проходящий через всю книгу специалиста по городскому планированию Кевина Линча «Образ города» [255].

В контексте актуальных тенденций гуманизации городской среды, выявления уникальности и своеобразия культуры возрастает значение коммеморативных практик. По оценке Чарльза Лэндри, «культурное наследие и современное искусство по всему миру становятся инструментом обновления городов. ...Мы черпаем вдохновение в старинных зданиях, вещах, традициях, ценностях, навыках. Культура помогает найти опору, ощутить корни, показывает нам, что мы откуда-то пришли, что у нас есть история. Культура помогает обрести уверенность, чувство стабильности и безопасности в меняющемся мире. Культурное наследие – это не просто старинные здания, а своего рода доспехи всех культурных ресурсов, которые демонстрируют уникальность и своеобразие места» [276, с. 75].

Как отмечает Т. Н. Суминова, «одной из главных функций города как драйвера развития экономики страны и конкретных сфер деятельности является механизм трансляции культурного наследия, образов/стилей/культуры жизни» [495, с. 93].

Коммеморация как часть государственной культурной политики в ракурсе системы действий по сохранению памяти представляется определяющим условием приращения объектов историко-культурного наследия и креативным ресурсом, способствующим формированию уникального культурного ландшафта. В систему государственной политики памяти интегрируются празднование юбилеев и памятных дат, установка монументов, наименование улиц и пр.

Проблемы адаптивности стратегий мемориализации к национальным интересам страны, манипуляции образами прошлого, вопросы эффективной культурной политики, которая способствует включению культурного наследия города в процессы его социально-эко-

номического развития, в отношении к монументам, мемориальной скульптуре и памяти, вызывают дискуссии, «конфликты памяти», информационные войны. В современных условиях концептуальное обоснование коммеморации может послужить фундаментом нивелирования противоречий, устойчивого развития, межпоколенческой преемственности морально-этических ценностей.

Разработка эффективной системы действий по использованию коммеморативных практик и управлению ими предопределяет постановку ряда следующих задач:

- гуманизация общественных городских пространств;
- выявление уникальности места;
- трансляция множественных смыслов национальной, региональной и локальной духовной культуры;
- формирование ценностных ориентаций и моделей поведения;
- налаживание межкультурного взаимодействия (диалога культур);
- развитие деятельного патриотизма, единого гражданского самосознания.

1.1. Гуманизация пространства и право на город

Гуманизация общественных пространств отсылает к концепту «право на город», предложенному Анри Лефевром в 1960-е гг. [614].

В международных программах по содействию устойчивому развитию населенных пунктов право на город наравне с правом на жилище и чистую воду включено в список прав на предметы первой необходимости, определено как драйвер продвижения инклюзивности и установления справедливых отношений в обществе. В Новой программе развития городов – Habitat III (2016) декларируются поддержка использования культурного наследия в интересах устойчивого городского развития и признание его роли в стимулировании участия и ответственности; содействие новаторскому и устойчивому использованию архитектурных памятников и объектов с целью создания дополнительной стоимости, уважительной реставрации и адаптации; вовлечение коренных народов и местных общин в популяризацию и распространение знаний об объектах материального и немате-

риального культурного наследия и сохранение традиционных форм самовыражения и языков, в том числе путем использования новых технологий и методов [321, с. 36].

В качестве одной из четырех взаимосвязанных областей программы действий ЮНЕСКО «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» (2015) выделен такой аспект, как устойчивые и «умные» города для всех возрастов. В рамках включенной в Повестку программы Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН «Социально-умные устойчивые города» (2020) пропагандируется подход к устойчивому развитию, основанный на участии городов. Постулируется, что ««социально-умные устойчивые города» участвуют в обеспечении устойчивого развития на основе инклюзивного, совместного и справедливого подхода. Содействуя достижению устойчивости во всех его экологических, экономических, социальных и культурных измерениях, такие города создают условия и инфраструктуру для расширения возможностей своих граждан вносить вклад и пользоваться благами более благоустроенного, жизнестойкого и устойчивого городского развития. Такие города формируют среду для полноценного участия граждан в реализации своего права на город» [485].

Ценности и принципы устойчивого развития постепенно инкорпорируются в городское пространство, обуславливая в том числе перспективы развития коммеморативной культуры.

В Беларуси движение в сторону креативности, прогнозируемое в 2010-х гг. [155, с. 282], прослеживается сегодня в обновлении общественных пространств посредством коммеморативных практик.

В контексте гуманизации пространства и права на город памятники (так называемые народные) создаются по инициативе местных жителей, когда общество на местном уровне решает, кто из исторических личностей заслуживает включения в местный нарратив и каким образом его воплощать. В основном это памятные камни (например, камень во дворе «3-го Дома Советов» по ул. М. Богдановича в Минске в память о погибших в 1941 г. его жителях), однако устанавливаются и скульптурные композиции, например памятник Льву Толстому в Витебске, выполненный скульптором-самоучкой, бывшим машинистом депо П. У. Смоляковым (автор установил памят-

ник напротив своего дома, рис. 288); памятник на месте бывшего гетто в Новогрудке, посвященный 12-летней узнице Михле Сосновской (2017, скульптор В. Пантелеев), открыт по инициативе и за средства местного бизнесмена С. Коваля.

Памятники устанавливаются частными лицами на частных территориях. Например, в Стародорожском музее изобразительного искусства (основан в 1990 г., открыт в 1999 г.) – частном доме-музее белорусского ученого и коллекционера А. Е. Белого, в котором собраны старинные артефакты и художественные произведения (портреты князей Великого Княжества Литовского, белорусских просветителей и др.) – во дворе располагаются многочисленные памятники в честь белорусских исторических личностей, деятелей национального возрождения, классиков белорусской литературы и др., а также «камень Мовы» (со 100 именами белорусов – борцов за родной язык) и «камень Гісторыі» (со 100 именами белорусских историков и публицистов).

Наряду с правом участия в практиках по увековечению, включающим также право выбора того, что увековечивается, реализация права на город обеспечивается свободным доступом к историко-культурным ценностям, что на практике соблюдается не всегда (например, когда памятники расположены на территории учреждений и предприятий), вступая в противоречие с идеей открытости и доступности общественных пространств.

Так, ограничен доступ к памятникам, расположенным во внутреннем дворе БГУ в Минске (Николаю Гусовскому, Франциску Скорине, Евфросинии Полоцкой, Сымону Будному и Василю Тяпинскому, Кириллу Туровскому¹, а также Махатме Ганди и Конфуцию).

Выявление уникальности места может предопределяться не только обоснованием исторической ценности, но и ценности ментальной – культурных особенностей локального сообщества, например памятник на месте языческого капища на берегу Свислочи в Минске (2019).

¹ Памятники выдающимся деятелям белорусской культуры были установлены в 1999–2001 гг. по инициативе А. Е. Белого (1939–2011) и Минского общественно-просветительного клуба «Спадчына», который он возглавлял.

1.2. Паблик-арт и развитие деятельного патриотизма

Кроме коммеморативных практик, осуществляемых на уровне национальной и региональной духовной культуры, идет поиск по выявлению местных особенностей, локальной души города (духа места, «гения места», *genius loci* – Пётр Вайль). Помимо широко используемых образов-брендов для раскрытия потенциала места, туристической аттрактивности учитываются способные работать на образ территории дополнительные вспомогательные инструменты.

Например, популяризируемые образы Адама Мицкевича в Новогрудке¹, Марка Шагала в Витебске² пополняются нарративами о местных уникальных особенностях комплементарного характера. В 2011–2012 гг. сотрудниками Новогрудского райисполкома в процессе изучения архивных документов по истории города были найдены воспоминания белорусского историка и археолога М. Ткачева. Выяснилось, что в 1969 г. во время съемок фильма В. Турова «Сыновья уходят в бой» в Новогрудке и его окрестностях (в д. Литовка) провели несколько недель, в том числе посетили раскопки на Замковой горе, Владимир Высоцкий и Марина Влади. Поэт, легенда авторской песни, театра и кино написал здесь несколько песен, среди которых посвященная Влади «Лирическая» и песни военного цикла («Он не вернулся из боя», «Песня о земле», «Сыновья уходят в бой»). В городе был открыт памятник Высоцкому (2012, рис. 289), его именем назван сквер, в котором, по местной легенде, артист исполнял свои песни.

¹ Курган бессмертия Адама Мицкевича (насыпан в 1924–1931 гг., историко-культурное наследие международного значения), дом-музей Адама Мицкевича (1938 г., разрушен в 1941 г.; в 1955 г. возрожден в довоенном виде; 1989–1990 гг. осуществлена масштабная реконструкция усадьбы), улица Мицкевича (1954; до войны улица Мицкевича находилась недалеко от дома-музея, разрушена в 1941 г., в настоящее время на ее месте сквер), городские фестивали, международные праздники в его честь – дни Мицкевича, памятник Мицкевичу (установлен в 1992 г. на месте стелы с мозаичным портретом поэта, созданной в 1975 г.), граффити-портрет поэта (2019).

² Памятники Марку Шагалу (1992, 1997), дом-музей художника (1997), арт-центр Марка Шагала (1992, экспозиция работ художника – гравюры на дереве и металле, литографии, иллюстрации к поэме «Мертвые души» Н. Гоголя – открылась в 1998 г.), граффити-портрет Шагала (2015), улица Марка Шагала (2016).

В гостинице, где останавливались Высоцкий и Влади, создана мемориальная комната (2016). Ежегодно с 2014 г. в Литовке проводится региональный фестиваль-конкурс бардовской песни памяти артиста «Музыка сердец».

В концепции мемориализации все более широкое распространение получает символический ресурс, используемый в разных формах, таких как брендинг, паблик-арт и др., о чем свидетельствуют многочисленные примеры.

Визитной карточкой Баранович стал памятник воробью (2003). Скульптурная композиция сопровождается надписью: «2003 год – год вераб’я дамавога. Да вас я назаўсёды прыляцеў. Не вырай вабіць, а Радзіма» (рис. 290). Среди современных арт-объектов Солигорска – скульптура крота-шахтера, читающего газету «Калійшчык» (2018, рис. 291), установленная возле управления ОАО «Беларуськалий»; Минска – мурал «Мой Минск» (2020, рис. 292) с изображением девочки на фоне гравюры старого Минска 1772 г., обнаруженной в Краковской библиотеке.

Музей каменных скульптур под открытым небом располагается в Коложском парке в Гродно. Первое произведение «Песня о Коложе» (скульптор В. Пантелеев) было установлено в 2013 г., а к 16 июля 2014 г. в честь дня освобождения Гродно от немецко-фашистских захватчиков композицию дополнили еще 8 скульптур, посвященных истории города.

В Витебске фасады зданий украшают граффити-портреты Марка Шагала (2015) и Казимира Малевича (2016). В здании Витебского народного художественного училища (ВНХУ), где работали Марк Шагал, Казимир Малевич, Эль Лисицкий и др., открыли интерактивный музей истории ВНХУ (2018), возле которого, вдоль улицы Марка Шагала (2016), создано уникальное художественное пространство: в оформлении фасадов жилых домов использованы футуристические полотна, цитаты художников. Цитаты Шагала украшают забор вдоль улицы Покровской.

В Минске в 2022 г. на пешеходной улице Комсомольской в рамках проекта «Художник и город», который с 2011 г. осуществляется в формате public space, проходила выставка работ Л. Д. Щемелева. Посетители могли продолжить знакомство с искусством минских

художников, пройдя по указателям, расположенным рядом с экспозицией, к галереям Л. Щемелева и М. Савицкого. Пространство пешеходной улицы дополняют художественно оформленные люки, на которых изображены исторические объекты Минска XIX в.: утраченное здание первой минской электростанции и фонтан «Мальчик с лебедем», установленный в память о первом городском водопроводе (рис. 293, 294).

В контексте проекта «Зандажы і міражы роднага горада» (2022) в Раковском предместье установили информационный стенд (рис. 295) в память об истории Свято-Петро-Павловского собора, о создателе художественного образа Чебурашки Л. А. Шварцмане (на стенде представлены фрагменты его картин из серии «Старый Минск. Воспоминания детства»), а также о картине М. В. Данцига «Мой город древний, молодой».

Реализация проектов интеграции искусства в городскую среду позволяет подчеркнуть историко-культурный смысл конкретных мест, создавая пространства, отражающие своеобразие культуры города – дух места.

Знаковое свойство коммеморативных практик – учитывать способность памятников работать на образ территории и эмоциональное восприятие места. Помимо широко используемых образов-брендов для раскрытия потенциала места, туристической аттрактивности применяются дополнительные вспомогательные инструменты. Скульптурная композиция «Витебский великан» в честь уроженца Витебщины Ф. А. Махнова (1878–1912) – по ряду сведений, самого высокого в истории человека – установлена в городском сквере на пешеходной улице (2018), что добавляет пространству индивидуальность, зрелищные эмоции. Также в качестве примера можно привести скульптурные композиции «Посвящение поэту», прообразом которой стал Владимир Короткевич (Минск, 2017, рис. 296), пожарного-спасателя XIX – начала XX в. (Минск, 2019, рис. 297), князя Изяслава (Заславль, 2017, рис. 298).

Памятник П. И. Чайковскому, расположенный возле областного общественно-культурного центра в Гомеле, дополнен арт-объектом (2017), представляющим клумбу-рояль, при подходе к которому включается исполнение 12 произведений композитора.

Музыкальные скамейки установили в Минске к 250-летию Михала Клеофаса Огинского в Верхнем городе (2015, рис. 299), в память об Олеге Молчане в Раковском предместье, возле дома, где родился композитор (также на доме по улице Раковской установлена мемориальная доска, 2021, рис. 300, 301).

Современные технологии позволяют поместить памятник в виртуальную реальность. Среди виртуальных арт-объектов – AR-инсталляция, посвященная айтишнику, на пешеходной улице Комсомольской в Минске (2019, рис. 302). Использование приложения ArWall (2021), разработанного на основе технологии дополненной реальности, дает возможность при наведении смартфона «оживить» фотографии и рисунки на стене Цоя¹ в Ляховском сквере (рис. 303, 304), услышать песни легенды рок-музыки.

В ряду перечисленных тенденций следует сказать о практике создания памятников, предполагающих взаимодействие, тогда как традиционно памятники – это отчужденные сакральные объекты, предназначенные для отправления социальных практик: проведения ритуальных праздничных церемоний, официальных мероприятий и т. п. Многие современные объекты монументального и монументально-декоративного искусства, установленные в скверах, парках, на бульварах, служат для эстетизации пространства – важного ресурса повседневной жизни, например скульптуры В. Жбанова в Минске, Могилеве, Барановичах, Молодечно.

Во взаимосвязи с задачами гуманизации городских пространств, выявления уникальности места, трансляции множественных смыслов национальной, региональной и локальной духовной культуры в контексте концепции коммеморации решаются задачи воспитания, формирования ценностных ориентаций и моделей поведения.

В качестве примера можно привести мини-музей миниатюр «Утраченное наследие», созданный в центре Новогрудка под открытым небом (в 2018 г. его экспозиция насчитывала 9 экспонатов, в 2020 г. – 12). Макеты выполнены школьниками, которые проводили краеведческие исследования, собирая сведения об архитектурных памятниках Новогрудчины. В музей перенесен макет ратуши, установленный в 2014 г. к 970-летию города возле здания райисполкома.

¹ В 2021 г. 19-летним белорусским программистом Р. Сугако разработано приложение, позволяющее «оживлять» со звуком статичные изображения на стене.

В здании вокзала Барановичи-Полесские открыта выставка мини-макетов исторических зданий города, выполненных учащимися средних школ (2022, рис. 305).

В Гомельском парке на территории Петропавловского собора создан мини-музей миниатюр «Утраченные храмы Гомеля» (2020, рис. 306, 307), представляющий собой макеты навсегда утраченных пяти церквей.

Восстановление в миниатюре памятников утраченным архитектурным сооружениям используется как инструмент модернизации территории, способствует формированию нового качества исторического сознания.

Как отмечает М. Л. Шуб, «в основе коммемораций лежит глубокий педагогический, воспитательно-образовательный потенциал, реализация которого позволяет решать важные нравственные задачи, стоящие перед обществом в тот или иной период его развития. Когда общество или отдельная группа принимают решение о сохранении в коллективной памяти того или иного события или личности, они одновременно принимают решение и о формировании определенных ценностных ориентаций и моделей поведения у своих современников и потомков» [569, с. 80].

Образование новых городских пространств, доминантой которых выступает памятник, осуществляется в контексте диалога культур, например, установка памятника Владимиру Короткевичу у здания белорусского посольства в Киеве (2011, рис. 308) осуществлена в рамках совместного белорусско-украинского проекта, открытие бюста узбекского поэта Алишера Навои в сквере на улице Свердлова в Минске было приурочено к проведению I Форума регионов Беларуси и Узбекистана (2019). В 2018 г. в Ташкенте установлен памятник Якубу Коласу, также в честь поэта названа улица узбекской столицы.

В 2021 г. в Гродно открыли скульптурную композицию «Скамья архитекторов» (рис. 309), созданную в рамках проекта «Шляхам Тызенгаўза» Программы трансграничного сотрудничества «Польша – Беларусь – Украина» 2014–2020 гг., предусматривающего создание туристического маршрута с целью популяризации культурно-исторического наследия двух городов: Сокулки и Гродно.

Важным компонентом современных коммеморативных практик в дискурсе государственной культурной политики продолжают оставаться события Великой Отечественной войны и катастрофы на Чернобыльской АЭС. В истории Беларуси – это ключевые события и важный компонент политики национальной памяти.

Во многих белорусских городах установлены монументы, памятные знаки, храмы-памятники, посвященные чернобыльской трагедии, памяти об отселенных после аварии деревнях – в Наровле (рис. 310), Брагине, Ельске, Калинковичах, Славгороде, Гомеле, Минске и др.

С событиями периода Великой Отечественной войны связаны государственные праздники, такие как День Победы 9 мая, День Независимости Республики Беларусь 3 июля – день освобождения Минска в 1944 г. от нацистских оккупантов. Монументальная скульптура, посвященная Победе, в аспекте традиций и актуальных задач мемориальной политики играет важную социальную роль в патриотическом воспитании, формировании и обосновании идентичности. Среди современных тенденций – увековечение памяти о героях войны в граффити-изображениях, например, создание мурала с портретом генерал-лейтенанта Л. Петровского, под командованием которого в июле 1941 г. были освобождены Жлобин и Рогачев (Жлобин, 2021, художник С. Гавриков, рис. 311), мурала с портретом легендарного защитника Брестской крепости майора П. Гаврилова (Брест, 2021, художники А. Пармон, К. Кулаковский, рис. 312), с изображением Героя Советского Союза, партизанского командира И. Кожара (Гомель, 2022, художники А. Сороколетов, П. Ермоленко, Р. Яшутин).

Иллюстрации к гл. 5, разд. 1 (рис. 288–312)

Рис. 288. Памятник Льву Толстому. Витебск. Скульптор П. Смоляков

Рис. 289. Памятник Владимиру Высоцкому. 2012.
Новогрудок. Скульптор Г. Буралкин

Рис. 290. Памятник воробью. 2003 (год воробья домового).
Барановичи. Скульптор С. Целюк. Фото автора

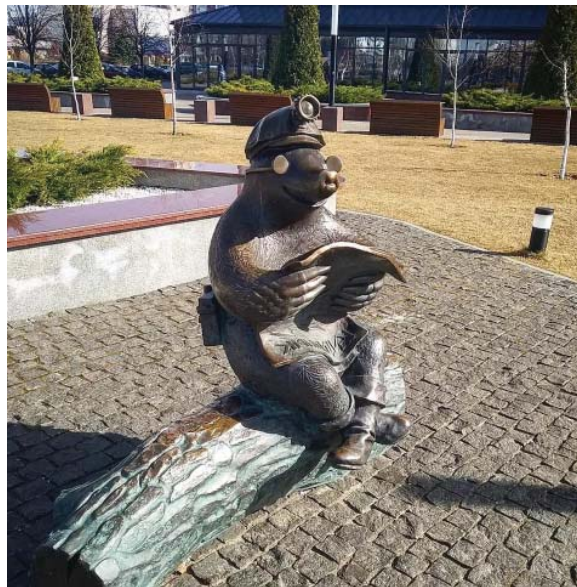

Рис. 291. Скульптура «Крот-шахтер», читающий газету
«Калійшчык Салігорска». 2018. Солигорск. Скульптор
К. Селиханов, архитектор Ю. Градов

Рис. 292. Мурал «Мой Минск» с изображением девочки на фоне гравюры Минска 1772 г., обнаруженной в Краковской библиотеке. 2020. Минск. Художник А. Благий. Фото автора

Рис. 293. Люк на пешеходной улице Комсомольской в Минске с изображением фонтана «Мальчик, играющий с лебедем» (1874), установленного в честь запуска первого минского водопровода. Фото автора

Рис. 294. Люк на пешеходной улице Комсомольской в Минске с изображением здания (предположительно по фото 1930-х гг.) первой минской электростанции (1895), разрушенного в 2011 г. Фото автора

Рис. 295. Информационный стенд в память об истории Свято-Петро-Павловского собора, о создателе художественного образа Чебурашки Л. А. Шварцмане, о картине М. В. Данцига «Мой город древний, молодой». 2022. Раковское предместье. Минск. Фото автора

Рис. 296. Скульптурная композиция «Посвящение поэту», прообразом которой стал Владимир Короткевич. 2017. Минск. Скульптор В. Слободчиков. Фото автора

Рис. 297. Скульптурная композиция, посвященная пожарным-спасателям. 2019. Минск. Скульптор Ю. Анушко. Фото автора

Рис. 298. Скульптурная композиция,
посвященная князю Изяславу. 2017. Заславль. Фото автора

Рис. 299. Музыкальная скамейка, установленная к 250-летию
Михала Клеофаса Огинского в Верхнем городе.
2015. Минск. Скульптор В. Мацкевич

Рис. 300. Музыкальная скамейка в память о композиторе Олеге Молчане в Раковском предместье. 2021. Минск. Художник М. Тарлецкая. Фото автора

Рис. 301. Мемориальная доска в память об Олеге Молчане на доме по ул. Раковской. Скульпторы О. Нечай, С. Оганов. Фото автора

Рис. 302. AR-инсталляция, посвященная айтишнику, на пешеходной улице Комсомольской. 2019. Минск. Создан виртуальный памятник в hoster.by. Фото автора

Рис. 303. Стена Виктора Цоя. Создана в 1990 г. на бетонных плитах-ограждениях стройплощадки на Октябрьской площади Минска. В 1997 г. ограждение было убрано, две плиты сохранены и перенесены на ул. Интернациональную, в 2008 г. – демонтированы. Восстановлена в Ляховском сквере в 2010 г. Фото автора

Рис. 304. Фрагмент стены Виктора Цоя. Фото автора

Рис. 305. Выставка мини-макетов исторических зданий Барановичей в помещении вокзала Барановичи-Полесские. На переднем плане – макет Крестовоздвиженского костела (1924). 2022. Фото автора

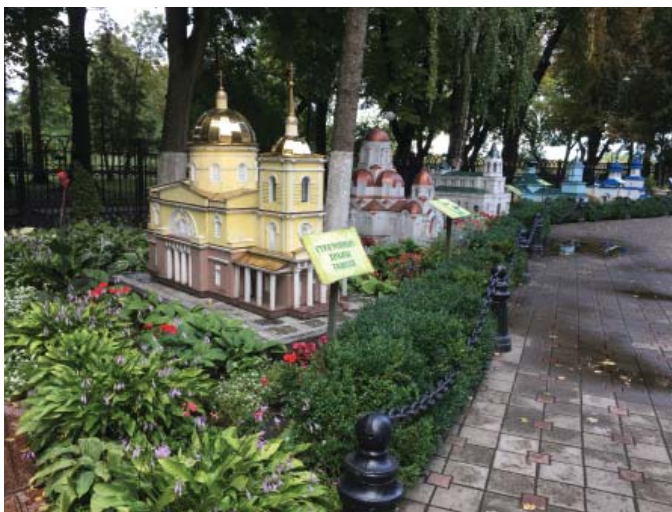

Рис. 306, 307. Мини-музей миниатюр
«Утраченные храмы Гомеля». 2020. Гомель. Фото автора

Рис. 308. Памятник Владимиру Короткевичу. 2011. Киев.
Скульпторы О. Варвашеня, К. Селиханов, архитектор А. Корбут

Рис. 309. Композиция «Скамья архитекторов» посвящена градостроителям исторического центра Гродно – Городницы (в образе архитекторов Иоганна Мёзера и Джузеппе Сакко, обсуждающих план застройки). 2021. Гродно, пл. Тызенгауза. Скульптор В. Мацкевич

Рис. 310. Скульптурная композиция в память о жертвах чернобыльской трагедии – «Памяці павысяляных вёсак раёна прысвячаецца». 1994. Реконструирована в 2009 г. Наровля

Рис. 311. Мурал, посвященный генерал-лейтенанту
Л. Петровскому. 2021. Жлобин. Художник С. Гавриков

Рис. 312. Мурал с портретом легендарного защитника Брестской крепости
майора П. Гаврилова. 2021. Брест. Художники А. Пармон, К. Кулаковский

2. Памятник как объект актуализации историко-культурного наследия: критерии ценностной характеристики

Критерии ценности того или иного памятника определяются каждым новым поколением, которое «проживает историю своим собственным способом, усматривая разные детали и их взаимозависимость в прошлом. При этом нельзя сказать, что взгляд на историю из начала XX века менее объективный, чем из конца этого столетия, история как нарратив каждый раз пересоздается в новой объективности» [70, с. 19].

Память не остается неизменной, появляются новые точки зрения и новые акторы, заинтересованные в присвоении этой памяти и/или ее переформатировании.

Памятником может стать любой объект, созданный человеком или природой. Одни объекты, например скульптуры исторических деятелей, мемориалы и монументы, создаются как памятники, другие – сооружения, природные объекты – становятся памятниками со временем. В значительной степени ценность старого в современном понимании определяется потребностью человека в наследии, детерминируется многовековой историей почитания знаковых городских объектов. Для современного общества сохранение, почитание и актуализация наследия являются неотъемлемыми составляющими представлений о качестве жизни [492, с. 93].

Охрана историко-культурного наследия определяется как одно из важных направлений в рамках национальных и международных программ и стратегий развития. В то же время включение в список историко-культурных ценностей, присвоение категории и наличие охранной таблички зачастую не спасают объект, признанный памятником, от вмешательства в изменение его облика, вплоть до разрушения.

Признание ценности памятника, которое формируется под влиянием многих социокультурных факторов, определяет его жизненный цикл: от создания, естественной жизни, в ряде случаев разрушения (культурной катастрофы) и забывания (семиотической паузы), до изучения, институционализации, легитимации в качестве объек-

та историко-культурного наследия и реставрации, нового функционального использования либо консервации [21].

В качестве критериев ценности исследователи выделяют хронологическую, сакральную, мемориальную, эстетическую, художественную характеристики памятника [581; 585, с. 95], а также его утилитарную ценность [402], уникальность и общественную значимость [452, с. 93–94]. Алоиз Ригль дифференцировал историческую – древность памятника, сохранность, ценность в памяти народа – и современную, т. е. значение для общества в настоящий момент, эксплуатационную ценность памятника [419].

Кроме перечисленных, представления об историко-культурной ценности памятников включают ландшафтно-средовую, градостроительную, строительно-технологическую, инженерно-техническую, научно-реставрационную характеристики [474]. Современные исследователи выделяют культурологическую ценность объектов наследия, которая охватывает такие характеристики, как научно-познавательная, учебно-педагогическая, художественно-эстетическая, социокультурная, публичная, общественная значимость, а также распространенность [183].

Функциональное применение памятника, в том числе при условии изменения его функций и нового утилитарного использования, способствует актуализации историко-культурного наследия. Критерии его ценностной характеристики могут быть как взаимодополняемыми, так и исключаящими те или иные аспекты. Памятники могут быть неэстетичными с точки зрения художественной реализации и в то же время нести важный смысловой посыл, обладать культурологической ценностью для общества.

При определении категорий исторической и эстетической ценности в монументальном искусстве мемориальное начало становится определяющим. Особенно это касается объектов монументально-декоративного искусства, жанровой городской скульптуры, которые, с одной стороны, могут служить свидетельством истории, иллюстрировать примеры работы с исторической памятью, с другой – олицетворять ценностные ориентации общества, стереотипы преемственности и передачи социокультурного опыта.

Героические монументы, обладающие сильным мемориальным посылом и оказывающие эмоциональное воздействие риторикой массивности, в ряде случаев могут являться свидетельством факта истории, а не художественной ценности.

Памятник (вновь созданная скульптура, монумент и т. п.) в публичном пространстве неизменно связан с понятием заказного искусства [14] и позиционирует современные приоритеты. Вопрос только в том, как он это делает. Какие критерии ценностной характеристики закладываются при его создании и конструировании места памяти.

Об относительной художественной ценности современной белорусской городской скульптуры, устанавливаемой к различным праздникам, пишет С. Стурейко на примере организации фестиваля «Дажынкi» [492]. Такая скульптура в ряде случаев не имеет привязки к истории города, однако несет определенное смысловое наполнение и служит для решения идеологических, образовательных и воспитательных задач.

Актуализация прошлого в современном воплощении зачастую ограничена изображениями основателей города (исторических персонажей) и геральдикой (изображением городского герба).

Большинство скульптур скорее относится к элементам благоустройства, не связанным с проявлениями городской идентичности (литературные персонажи, анималистика и т. п.). Историко-культурный потенциал городов не задействован в полной мере, что обесценивает культурное пространство, делая его обезличенным. Созданию продуманных мемориальных проектов и способов трансляции идентичности способствует восприятие среды как ценности и осознание ее уникальности.

Перспективные тенденции модернизации и реновации городской среды посредством коммеморативных практик включают следующие направления и аспекты деятельности:

– сохранение историко-культурного наследия (архитектурных ансамблей, памятников, являющихся генетическим кодом города) как средства гуманизации городской среды;

- ревитализация городского пространства с учетом его исторического характера: привлечение внимания к разрушающимся объектам, создание институтов, способных управлять мемориализацией;
 - достижение композиционной целостности восприятия, стилового единства и художественной выразительности образа исторических общественных пространств городов;
 - создание социально-эстетической информативности среды;
 - использование городской администрацией историко-культурного потенциала города, его символического ресурса (памятные события, исторические даты, легенды, значимые личности, символы города, образ города) с опорой на мнение специалистов, общественное обсуждение, привязку к местности;
 - осознанная коммеморация событий и исторических личностей, продуманное, качественное проектирование смыслово насыщенных культурных городских ландшафтов, в которых памятник гармонично связан с окружающей средой и участвует в создании ее индивидуального образа;
 - выявление новых качеств историко-культурного наследия, локального своеобразия, «духа места» средствами паблик-арта;
 - улучшение эстетических качеств пространства посредством включения дополнительных объектов, отражающих особенности истории, местных традиций, локальной специфики пространства;
 - расширение круга специалистов, работающих в сфере городского маркетинга;
 - поддержка проектов, увязанных с идентичностью города;
 - привлечение историков, культурологов, географов, других профессионалов из различных областей, широкой общественности, всех тех, кто заинтересован в эффективном решении задач по сохранению памяти, к подготовке основополагающих документов в этой сфере, к разработке и обсуждению проектов, принятие коллегиальных решений;
 - развитие культуры коммеморации посредством партнерского взаимодействия государства и гражданского общества, укрепления межпоколенческих связей и патриотического воспитания молодежи.
- Сегодня трансформация коммеморативных практик происходит в зависимости от изменения подхода к городу, который понимает-

ся как потенция – способность стать креативным пространством. Постоянно обновляемая и видоизменяемая городская среда, в которой осознанно задействуются социокультурные особенности развития территории, осуществляется продуманная коммеморация событий и исторических личностей, способна отражать и сохранять «дух места».

Выводы к главе 5

Для развития потенциала современных городов особенно важен историко-культурный контекст. Сегодня трансформация коммеморативных практик происходит в зависимости от изменения подхода к городу, который понимается как потенциально креативное пространство. Постоянно обновляемая и видоизменяющаяся городская среда, где осознанно задействуются социокультурные особенности развития территории, осуществляется продуманная коммеморация событий и исторических личностей, способна отражать и сохранять «дух места». Ревитализация культурного пространства города должна осуществляться с учетом его исторического характера, сохранения и поддержки уникальности места, использования форм и методов, учитывающих локальную специфику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многообразие посвященных памяти концепций (Эмиль Дюркгейм, Теодор Адорно, Аби Варбург, Морис Хальбвакс, Пьер Нора, Поль Рикёр, Алейда и Ян Ассманы, Патрик Хаттон, Эрик Хобсбаум, Аллан Мегилл и др.) обусловлено многоаспектностью исследуемой проблемы.

Изучение коммеморативной культуры городов – морфогенеза, форм и типов репрезентации памяти, содержательных аспектов, соотношения традиционного и инновативного, духовного и интеллектуального, воспроизводства ценностей и стереотипов – позволяет в ретроспекции проследить изменение культурных смыслов, аксиологических приоритетов и эстетических норм.

Одной из наиболее востребованных тем в современных исследованиях памяти является специфика национальной и региональной культуры коммеморации.

В культуре коммеморации белорусского города выделяются следующие направления: увековечение памяти о личности; о событии; об общем прошлом локального сообщества, – отражаются социальные, идеологические, нравственные изменения.

В формировании мировоззрения, системы ценностей, идеалов, политических взглядов ведущую роль играют исторические образы.

Проблемы формирования исторических образов всегда были и особенно с 1990-х гг. стали решающим идентификатором суверенитета. Обострение политических, экономических, экологических

**КОММЕМОРАЦИЯ В ГОРОДСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ГОРОД КАК МЕСТО
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

и гуманитарных проблем приводит к активному поиску выхода и избегания угроз путем обращения к прошлому.

Из образов складывается память культуры, средства конструирования которой разнообразны, они эффективно сочетают черты массовости, характеризуя социальные стереотипы и образцы, и художественной самобытности, создавая образные ряды национально-культурного пространства, совокупность которых образует карту памяти.

Коммеморация исторических персонажей в процессе формирования коллективной культурно-исторической памяти помогает сохранять в общественном сознании ориентиры идентификации, отождествления себя с совокупностью исторических нарративов; создавать и воспроизводить городские идентичности; выстраивать диалог между эпохами, развивать чувства единства и общности или, напротив, разобщенности в контексте конкуренции нарративов; способствует коммуникации и солидарным действиям горожан и в то же время отчуждению от городского пространства, обусловленному различной смысловой нагрузкой для разных социальных групп.

Специфика сложившейся социально-культурной структуры памяти белорусского города состоит в увязывании образа прошлого с идеологическими конструкциями, с одной стороны, и в активном стремлении горожан и городских сообществ к гуманизации, коррекции и трансформации пространства – с другой.

Механизмы циркуляции культурной памяти при образовании новых объектов и памятных мест активно задействуют образы прошлого, формирование которых происходит в соответствии с принципами историзма, идеологической обоснованности, учета конфессиональной принадлежности, идентификации, а также согласно нравственным, этническим и эстетическим принципам. Генерирование знаковых объектов-символов, отличающих один город от других, способствует воссозданию культурных смыслов, заложенных в истории и традиции. Все более широкое распространение получает символический ресурс, используемый в разных формах, таких как брендинг, публич-арт и др.

Среди современных тенденций – сохранение и трансляция памяти с помощью цифровых технологий (медиатизированные и вир-

туальные формы и инструменты репрезентации и рекоммеморации историко-культурного наследия, трансляция культурной памяти и конструирование образов прошлого с помощью медиатехнологий); особенно актуальны в условиях претерпевания обществом сильнейших трансформаций.

2018–2020 годы в Беларуси прошли под знаком Года малой родины, в рамках которого разработаны государственные программы, предусматривающие развитие белорусских регионов, малых и средних городских поселений. Артикулируются идеи города как самодостаточного культурного центра, построения общегородской идентичности с использованием национальных маркеров. 2022-й год объявлен Годом исторической памяти, что позволило выявить направления исторической политики, дальнейшего определения и формирования смыслов национально-культурного развития.

Модернизация городского пространства ориентирована на поиск образцов в прошлом. Основными формами коммеморации в белорусском городе на современном этапе являются создание официальных мемориалов и религиозное поминовение, однако наблюдается также образование памятных мест под влиянием общественных и частных инициатив. Приобретая городской статус, локальное сообщество стремится выразить особость города в культурных объектах, скульптурных композициях.

Несмотря на стремление к демонстрации уникальности в установке памятников и создании памятных мест, границы культурной локальности и универсальности часто оказываются размыты, процессы мемориализации в основном осуществляются в рамках традиционных коммеморативных практик, приуроченных к юбилейным датам, в контексте реновации городов к Дню белорусской письменности, фестивалю тружеников села «Дажынкi», в фокусе республиканской акции «Культурная столица Беларуси», Года малой родины, Года исторической памяти.

Формирование ретроспективного и прогностического образов города осуществляется в русле исторической преемственности ряда ключевых смыслов советского наследия, прежде всего выраженных в идее Великой Победы.

КОММЕМОРАЦИЯ В ГОРОДСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ГОРОД КАК МЕСТО
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Процессы мемориализации в белорусском городе отличаются фрагментированностью и гибридной, соединением сакрального и профанного, стихийного и официального, институционального и спонтанного. Посредством памятников и памятных мест преодолевается дистанцирование идентификации с национальной культурой, в общественное сознание закладывается сконструированный в национальных интересах мифосимволический комплекс: знаменательных исторических дат и событий, церемоний, праздников, сакральных мест, пантеона выдающихся деятелей отечественной истории. При этом акцентуация национальной идеи, ее практическая реализация в памятниках осуществляются под влиянием официально заданных характеристик, формализации мемориалов, создания единого канонического нарратива, вне контекста сосуществования в одном месте нескольких символических пространств и взаимодействия различных дискурсов.

В то же время изменение общественного сознания, тенденции гуманизации пространства направлены на преодоление исторических разрывов и отчуждения человека и общества от культуры, исторического наследия и языка, достижение широкого консенсуса в определении смыслоформирования мест памяти, выборе смыслообразующих символов в мемориальном нарративе.

В современных условиях концептуальное обоснование коммеморации может послужить фундаментом нивелирования противоречий, устойчивого развития, межпоколенческой преемственности морально-этических ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список использованных источников

1. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь, 9 студз. 2006 г., № 98-3. – Электронная версія. Рэжым доступу: <https://etalonline.by/document>.
2. Аб статусе гісторыка-культурных каштоўнасцей : пастанова Савета Міністраў Рэсп. Беларусь, 14 мая 2007 г., № 578. – Электронная версія. Рэжым доступу: <https://etalonline.by/document>.
3. *Абашев, В. В.* Неосязаемое тело города. Опыт работы со смыслом / Владимир Абашев // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 10–16.
4. *Агафонова, В. К.* Визуальные особенности военных памятников в России конца XIX – начала XX в. / В. К. Агафонова // Исторический журнал: научные исследования. – 2018. – № 3. – С. 13–23.
5. *Адорно, Т.* Что значит «проработка прошлого»? : пер. с нем. / Теодор Адорно // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40–41). – С. 36–45. – Электронная версия. Режим доступа: <https://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>. – Дата доступа: 21.11.2014.
6. *Айерман, Рон.* Культурная травма и коллективная память / Рон Айерман ; пер. с англ. Н. Поселягина // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 5. – С. 42–54. – Электронная версия. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171/. – Дата доступа: 20.10.2020.
7. *Акиндинова, Т. А.* Кольцо хронотопов: история – культура – искусство – история / Т. А. Акиндинова, Е. Н. Устюгова // Studia Culturae : науч. журнал кафедр культурологии, эстетики и философии культуры и Центра изучения культуры Санкт-Петербургского государственного университета. – 2014. – Вып. 19. – С. 7–14.
8. *Акройд, П.* Лондон: биография / Питер Акройд ; пер. с англ. В. О. Бабкова, Л. Ю. Мотылева. – М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2009. – 896 с.
9. Алейда Ассман. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика: стенограмма московской презентации книги // *urokiistorii* :

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

сайт. – 19 нояб. 2014 г. – Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/node/52273>. – Дата доступа: 26.09.2019.

10. *Александр, Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность / Джеффри Александр // Социологический журнал. – № 3. – С. 5–40.

11. *Алексейчик, Я.* Обелиск Победы на фоне статуи Генералиссимуса / Яков Алексейчик // Неман. – 2016. – № 7. – С. 147–184.

12. *Алмазов, Б.* Повести каменных горожан. Очерки о декоративной скульптуре Санкт-Петербурга / Б. Алмазов. – М. : Центрполиграф, 2012. – 432 с.

13. *Алякseeў, Л. В.* Гродна і помнікі Панямоння / Л. В. Алякseeў. – Мінск : Беларус. навука, 1996. – 191 с.

14. *Амбах, Маркус.* О хранении, памяти, повествовании: Культура памяти в искусстве между памятником и нарративом : [доклад художника из каталога выставки «900 и еще 26 000 дней», посвящ. памяти о блокаде Ленинграда] / Маркус Амбах // Colta.ru : сайт. – 2 февр. 2017 г. – Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/art/13797-o-hranenii-pamyati-povestvovanii>. – Дата доступа: 23.07.2020.

15. *Антипин, Н. А.* 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики, 1954–1955 / Н. А. Антипин // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – 2012. – № 40. – С. 79–93.

16. *Анциферов, Н.* Город как выразитель сменяющихся культур: Картины и характеристики / Н. Анциферов, Т. Анциферова. – Л. : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1926. – 224 с.

17. *Анциферов, Н. П.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. – Л. : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. – 148 с.

18. *Арендт, Х.* Истоки тоталитаризма / Ханна Арендт ; пер. с англ. И. В. Борисовой [и др.] ; послесл. Ю. Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. – М. : ЦентрКом, 1996. – 672 с.

19. *Арнаутова, Е. Ю.* Memoria: «Тотальный социальный феномен» и объект исследования / Е. Ю. Арнаутова // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени : антология / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2003. – С. 19–37.

20. Арт-гид. Кёнигсберг/Калининград сегодня / И. Д. Чечот [и др.] ; сост. и общ. ред.: Е. Цветаева. – Калининград : Янтарный сказ, 2005. – 344 с. – Электронная версия. Режим доступа: <http://art-guide.ncca-kaliningrad.ru/>. – Дата доступа: 15.10.2019.

21. Артефакты и памятники: цикл жизни памятника: тема № 1 сетевого образовательного курса «Наследие: ценности и практика» // fly-uni.org : сайт. – 8 окт. 2019 г. – Режим доступа: <https://dp.fly-uni.org/classes/1911/?id=1>. – Дата доступа: 15.12.2020.

22. *Ассман, А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

23. *Ассман, А.* Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
24. *Ассман, А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Алейда Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова ; пер. англ. цитат Д. Тимофеева. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
25. *Ассман, А.* Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти / А. Ассман ; пер. с нем. С. Эрлиха // Историческая экспертиза. – 2017. – № 4. – С. 9–30.
26. *Ассман, Ян.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – (Studia historica).
27. *Астраханцева, Т. Л.* Стиль великой эпохи / Т. Л. Астраханцева // Альбом. Каталог выставки «Победа. Стиль эпохи» / сост. и науч. ред. Т. Л. Астраханцева. – М., 2010. – С. 9–22.
28. Атлас памятников архитектуры и мемориальных комплексов Белоруссии / В. А. Чантурия [и др.] ; под общ. ред. В. А. Чантурия. – Минск : Выш. шк., 1988. – 101 с. : ил.
29. *Баранникова, А. А.* Маркирование социальной памяти в городском пространстве: мемориальные доски в формировании культурного ландшафта города / А. А. Баранникова // Социология власти. – 2017. – Т. 29, № 1. – С. 156–175.
30. *Бархин, А. Д.* Актуальное, ретроспективное и уникальное в творчестве И. В. Жолтовского 1930–1950-х годов / А. Д. Бархин // Academia. Архитектура и строительство. – 2015. – № 4. – С. 23–31.
31. *Басс, В. Г.* Монумент: who controls the past? Об одном механизме архитектурной коммеморации / В. Г. Басс // Социология власти. – 2017. – Т. 29, № 1. – С. 122–155.
32. *Без-Корнилович, М. О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии / сост. генерал-майором М. О. Без-Корниловичем. – СПб. : В тип. III Отд. Собст. Е. И. В. Канцелярии, 1855. – 355 с.
33. *Белла, Ф.* Минск: Архитектура столицы. 1917–1956 / Фабьен Белла. – М. : Кучково поле, 2020. – 192 с.
34. *Беляновский, А.* Выставка – дело государственное! К 120-летию крупнейшей в истории страны XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде / А. Беляновский // Экспо-Ведомости. – 2016. – № 2. – С. 32–39.
35. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Питер Бергер, Томас Лукман ; пер. с англ. Е. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
36. *Бердяев, Н. А.* Философия неравенства / Н. А. Бердяев ; сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2012. – 624 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

37. *Беседина, Е. А.* Коммеморативные знаки (на примере мемориальных досок) в правовом пространстве регионов Российской Федерации: к постановке проблемы / Е. А. Беседина, Т. В. Буркова // Гуманитарный научный вестник. – 2018. – № 1. – С. 1–12.
38. *Беседина, Е. А.* «От доски до доски»: конструирование мифа и поиск идентичности в знаках коммеморации (на примере мемориальных досок) / Е. А. Беседина, Т. В. Буркова // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2019. – № 12. – С. 178–186.
39. *Беседина, Е. А.* Реализация коммеморативной и информационно-коммуникативной функций мемориальных досок в начале XXI века / Е. А. Беседина, Т. В. Буркова // Світогляд – Філософія – Релігія. – 2014. – Вип. 6. – С. 146–155.
40. *Бешанов, В. В.* Брестская крепость / В. В. Бешанов. – Минск : Беларусь, 2004. – 158 с.
41. *Бёрк, П.* Что такое культуральная история? / Питер Бёрк ; пер. с англ. И. Полонской ; под науч. ред. А. Лазарева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 240 с. – (Исследования культуры).
42. Бібліяграфія па гісторыі роду Сапегаў і іх кнігазбораў (1790 г. – чэрвень 2010 г.) / склад. Т. С. Кавеньяка, А. П. Зайко ; пад агул. рэд. А. М. Мяснянкінай ; Брэсцкая абласная бібліятэка імя М. Горкага. – Электронная версія. Рэжым доступу: http://infobelarus.nlb.by/7n_2618dvd/fscommand/279.pdf. – Дата доступу: 22.03.2021.
43. *Бобровский, П.* [сост.]. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния : в 2 ч. / сост. член-сотрудник Импер. Рус. географ. об-ва Ген. штаба подполковник П. Бобровский. – СПб. : Тип. Департ. Ген. штаба, 1863. – Ч. 2.
44. *Бон, Т. М.* «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Томас М. Бон ; пер. с нем. Е. Слепович. – М. : РОССПЭН, 2013. – 416 с. ; ил. – (История сталинизма).
45. *Бородич, И. В.* Топонимическая комиссия: история и современность / И. В. Бородич // Земля Беларуси. – 2020. – № 4. – С. 6–9.
46. *Бохан, Д. Д.* Минские предания и легенды / Д. Д. Бохан. – Минск : Типолит. И. и В. Тасьмань, 1901. – 95, V с.
47. *Брагина, Н. Г.* Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 520 с. – (Studia philologica).
48. *Браточкин, А.* Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множественности памятей» / А. Браточкин // Історія, пам'ять, політика : зб. наук. ст. / упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай. – Київ, 2016. – С. 9–52.
49. *Браун, Дж.* Перформативная память: празднование Дня Победы в Севастополе / Джуди Браун ; пер. с англ. В. Макарова // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 101 (3). – С. 150–165. – Электронная версия. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/12b-pr.html#_ftnref8. – Дата доступа: 19.03.2019.

50. *Бринкман, А. Э.* Площадь и монумент как проблема художественной формы / Альберт Эрих Бринкман ; пер. с 3-го нем. изд. со вступ. статьей и комментариями Игнатия Хвойника. – М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1935. – 296 с.
51. *Бруй, М. Е.* Сучасны Тураў / М. Е. Бруй // Наш край. – 1930. – № 5-6. – С. 59–62.
52. *Булгаковский, Д. Г.* Исторический очерк Волковыска, уездного города Гродненской губернии / Д. Г. Булгаковский. – Вильна : Тип. М. Б. Жирмунского, 1882. – 19 с.
53. *Булыгина, Е. Ю.* Язык городского пространства: словарь, карта, текст / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 240 с.
54. *Быкова, С. И.* Визуальные свидетельства советского прошлого: особенности практик коммеморации в современном индустриальном городе / С. И. Быкова // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 6. – С. 50–58.
55. *Вайль, П.* Гений места / П. Вайль ; послесл. Л. Лосева. – М. : КоЛибри, 2008. – 488 с.
56. *Валлерстайн, И.* Конструирование народа: раса, нация, этническая группа / Иммануэль Валлерстайн // Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности / Этьен Балибар, Иммануэль Валлерстайн ; пер. с фр.: А. Кефал, П. Хицкий, при участии А. Маркова. – М., 2004. – С. 83–102.
57. *Васілеўскі, Д.* 3 гісторыі Воршы / Д. Васілеўскі // Наш край. – 1926. – № 2/3 (5/6). – С. 53–54.
58. *Васілеўскі, Д.* Помнікі старасвеччыны на Аршаншчыне / Д. Васілеўскі // Наш край. – 1927. – № 2 (17). – С. 40–43.
59. *Васілеўскі, Д.* Экскурсійныя аб'екты на акрузе (Аршаншчына) / Д. Васілеўскі // Наш край. – 1929. – № 4 (43). – С. 16–21.
60. *Васильев, А.* Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А. Васильев // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13, № 2. – С. 141–167.
61. *Васильев, А.* Западные «места» – восточные «узлы» памяти: в поисках методов анализа культур воспоминания / Алексей Васильев // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 3. – С. 325–336. – Рец. на кн.: *Memory and Theory in Eastern Europe* / eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – X, 279 p. ; *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / eds. M. Bernhard, J. Kubik. – New York : Oxford University Press, 2014. – XVIII, 362 p. – Электронная версия. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/3/zapadnye-mesta-8212-vostochnye-uzly-pamyati-v-poiskah-metodov-analiza-kultur-vospominaniya.html>. – Дата доступа: 30.09.2019.
62. *Васильев, А.* Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия / А. Васильев // Фундаментальные пробле-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

мы культурологии / отв. ред. Д. Л. Спивак. – М. ; СПб., 2009. – Т. 6 : Культурное наследие : От прошлого к будущему. – С. 56–68.

63. *Васильев, А.* Память в поисках памятников / А. Васильев // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 6. – С. 300–310. – Рец. на кн.: Rites of Place: Public Commemoration in Russia and Eastern Europe / eds. J. Buckler, E. D. Johnson. – Evanston (IL) : Northwestern University Press, 2013. – 348 p. ; Etkind, A. Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied / A. Etkind. – Stanford : Stanford University Press, 2013. – 328 p. – (Cultural Memory in the Present). – Электронная версия. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/6/pamyat-v-poiskah-pamyatnikov.html>. – Дата доступа: 30.09.2019.

64. *Васильев, А. Г.* Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А. Г. Васильев // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : кол. монография / Рос. ин-т культурологии ; отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М., 2012. – С. 3–30.

65. *Васильев, А. Г.* Мемориализация травмы в культурной памяти: «Падение Польши» в польской историографии XIX века / А. Г. Васильев // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Ин-т всеобщей истории РАН, О-во интеллектуальной истории ; под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2010. – С. 813–843.

66. *Васильев, А. Г.* Memory studies в контексте современных наук о культуре: демаркации и интерференции / А. Г. Васильев // Обсерватория культуры. – 2012. – № 5. – С. 11–16.

67. *Васильев, А. Г.* Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов / А. Г. Васильев // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 117. – С. 461–480. – Электронная версия. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2640>. – Дата доступа: 12.10.2019.

68. *Васильев, А. Г.* Пенять ли на зеркало? / А. Г. Васильев // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – С. 332–339. – Рец. на кн.: Святославский А. В. История России в зеркале памяти: Механизмы формирования исторических образов. – М. : Древлехранилище, 2013. – 592 с. – Электронная версия. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/125_nlo_1_2014/article/10826/. – Дата доступа: 26.11.2019.

69. *Васильева, Е. О.* Коммеморация в практиках современной живописи : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Е. О. Васильева. – Саранск, 2011. – 164 л.

70. *Вахштайн, В. С.* Коллективная память как ресурс концептуализации публичных и частных пространств в мегаполисе / В. С. Вахштайн. – М. : РАНХиГС, 2018. – 38 с.

71. Введение в храм : сб. ст. / под ред. Л. И. Акимовой. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 800 с.

72. *Вебер, М.* Город / М. Вебер // История хозяйства. Город : пер. с нем. / Макс Вебер ; под ред. И. Гревса ; коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. – М., 2001. –

С. 334–486. – (Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).

73. *Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии* : сб. ст. / под ред. И. В. Нарского. – Челябинск : Каменный пояс, 2004. – 543 с.

74. *Вельцер, Харальд*. История, память и современность прошлого / Харальд Вельцер ; пер. с нем. К. Левинсона // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа* / ред.-сост. М. Габович. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 51–63.

75. *Веселова, М. Н.* Роль культурной политики в сохранении исторических городов / М. Н. Веселова // *Труды Санкт-Петербургского университета культуры и искусств*. – 2013. – Т. 199. – С.12–16.

76. *Викери, Д.* Возрождение городских пространств посредством культурных проектов – синтез социальной, культурной и городской политики / Джонатан Викери ; пер. с англ. Ю. Мавриной, под ред. М. Ворона // *Визуальная антропология: городские карты памяти* / Центр социальной политики и гендерных исследований ; под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М., 2009. – С. 205–234. – (Библиотека Журнала исследований социальной политики).

77. *Вирт, Л.* Урбанизм как образ жизни / Луис Вирт // *Избранные работы по социологии* / Л. Вирт ; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М., 2005. – С. 93–118.

78. *Вицьбіч, Ю.* Наша спадчына прамаўляе / Ю. Вицьбіч // *Спадчына*. – 2000. – № 4. – С. 95–148 ; № 5-6. – С. 163–242.

79. *Вицьбіч, Ю.* Наша спадчына прамаўляе / Ю. Вицьбіч. – Мінск : Харвест, 2015. – 272 с.

80. *Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы* / А. Архипова [и др.] // *Антропологический форум*. – 2017. – № 33. – С. 84–122.

81. *Володин, М. Я.* Наш старый добрый Вавилон : Прогулка по городу в Минских историях = Our good old Babylon : A city tour in Minsk : Anecdotes / Михаил Володин. – Минск : МедиаЛ, 2014. – 165 с. : ил., фото.

82. *Воложинский, В.* Курганы – памятники прошлого тысячелетия / В. Воложинский // *Минск старый и новый: сайт*. – Режим доступа: <https://minsk-old-new.com/places/pamyatniki-i-skulptury/kurgany-pamyatniki-proshlogo-tysyachiletiya>. – Дата доступа: 21.04.2020.

83. *Воложинский, В. Г.* Минск в легендах, мифах и преданиях / В. Г. Воложинский. – Минск : Аиформ, 2012. – 345 с.

84. *Вольнец, А.* На пути к умному Минску / А. Вольнец // *Городские тактики*. – 2016. – № 7. – С. 23–27.

85. *Воронин, В. А.* Места памяти Полоцка: на перекрестках культурных традиций / Василий Воронин // *Rocznik Lituanistyczny*. – 2020. – № 6. – С. 235–265.

86. *Время. История. Память: Историческое сознание в пространстве культуры* : сб. ст. / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2007. – 319 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

87. *Врублевская-Токер, Т. И.* Коммеморативные практики современной Беларуси: опыт прочтения / Т. И. Врублевская-Токер // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 сент. 2019 г. / редкол.: Г. П. Коршунов (гл.ред.) [и др.] ; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск, 2019. – С. 215–218.
88. Вялікі беларус Леў Сапега : зб. – Мінск : Харвест, 2017. – 256 с.
89. Вялікі канцлер Вялікага княства. Да 450-годдзя з дня нараджэння Льва Сапегі : зб. матэрыялаў I Міжнар. Сапежанскіх чытанняў (3–4 снеж. 1999 г., Брэст), II і III Рэсп. Сапежанскіх чытанняў у Віцебску – Астроўне (28–29 чэрв. 2003 г., 28–29 кастр. 2006 г.) / склад. і рэд. Г. М. Праневіч. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2007. – 168 с. : іл.
90. *Вяроўкін-Шэлюта, У.* «Калюмны» / Уладзіслаў Вяроўкін-Шэлюта // Вялікае Княства Літоўскае. ВКЛ : энцыклапедыя : у 3 т. / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і архіўнай справы ; рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005–2010. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – 2006. – С. 21.
91. *Габовіч, М.* Памятник и праздник: этнография Дня Победы / М. Габовіч // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 3 (101). – С. 93–111.
92. *Габрусь, Т.* Мураваныя скарбы Сапегі / Т. Габрусь // Наша вера. – 2000. – № 2 (12). – С. 52–60.
93. *Габрусь, Т. В.* Традиции и современные тенденции сакрализации общественной памяти в монументальном искусстве и архитектуре Беларуси / Т. В. Габрусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. F, Строительство. Прикладные науки. – 2016. – № 8. – С. 2–11.
94. *Галкін, А.* Манета манет / А. Галкін // Наша гісторыя. – 2020. – № 12 (29). – С. 88–90.
95. *Галкін, Д. В.* Стратегии культурного развития городов: современные подходы / Д. В. Галкін // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII, № 4. – С. 41–57.
96. *Ганжын, А.* Мясцічка Чачэрска, Гомельскай акругі / А. Ганжын // Наш край. – 1927. – № 1. – С. 59–61.
97. *Ганчар, А. И.* Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905 гг.) : монография / А. И. Ганчар. – Гродно : ГГАУ, 2008. – 276 с.
98. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 1, кн. 1 : Гомельская вобласць / С. В. Марцэлеў ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2004. – 632 с. : іл.
99. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 2, кн. 2 : Гомельская вобласць / С. В. Марцэлеў ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2005. – 520 с. : іл.
100. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 3, кн. 1 : Брэсцкая вобласць / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2006. – 528 с. : іл.

101. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 4, кн. 2 : Брэсцкая вобласць / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2007. – 608 с. : іл.
102. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 5, кн. 1 : Магілёўская вобласць / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2008. – 728 с.
103. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 6, кн. 2 : Магілёўская вобласць / рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]. – 2009. – 592 с.
104. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 7, кн. 3 : Магілёўская вобласць / рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]. – 2009. – 544 с.
105. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 8, кн. 1 : Мінская вобласць / рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]. – 2010. – 736 с. : іл.
106. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 8, кн. 2 : Мінская вобласць / рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]. – 2011. – 464 с. : іл.
107. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 8, кн. 3 : Мінская вобласць / рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]. – 2012. – 624 с. : іл.
108. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 8, кн. 4 : Мінская вобласць / рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]. – 2013. – 528 с. : іл.
109. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 8, кн. 5 : Мінская вобласць / рэдкал.: У. Ю. Аляксандраў [і інш.]. – 2014. – 360 с. : іл.
110. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 9, кн. 1 : Гродзенская вобласць / рэдкал.: У. У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – 2015. – 656 с. : іл.
111. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 9, кн. 2 : Гродзенская вобласць / рэдкал.: У. У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – 2016. – 848 с. : іл.
112. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 9, кн. 3 : Гродзенская вобласць / рэдкал.: У. У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – 2017. – 792 с. : іл.
113. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 10, кн. 1 : Віцебская вобласць / рэдкал.: У. У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – 2018. – 696 с.: іл.
114. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2004. – Т. 10, кн. 2 : Віцебская вобласць / рэдкал.: У. У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – 2019. – 728 с.: іл.
115. *Гардзееў, Ю.* Тапанімія старажытнай Гародні (XII–XVIII стст.) / Ю. Гардзееў. – Wrocław : Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka Jeziorańskiego we Wrocławiu ; Гародня : Гарадзенская бібліятэка, 2013. – 189 с. – (Гарадзенская бібліятэка).
116. *Герман, Р. Э.* История как средство создания нации: анализ этноконструктивистских теорий / Р. Э. Герман // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (21) : в 3 ч. – Ч. 1. – С. 43–50.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

117. *Гидденс, Э.* Последствия современности / Э. Гидденс ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича ; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – М. : Праксис, 2011. – 352 с. – (Серия «Образ общества»).
118. *Гиляровский, В.* Москва и москвичи / Владимир Гиляровский. – М. : Азбука, 2019. – 448 с.
119. Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы ; рэдкал.: В. В. Даніловіч [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – 493 с.
120. Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. арт. удзельнікаў XI Міжнар. навук. канф., Магілёў, 20–21 чэрв. 2019 г. / уклад. А. М. Бацуюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2019. – 457 с.
121. Гісторыя Сапегаў: жыццяпісы, маёнткі, фундацыі : пер. з пол. мовы / уклад. Яўстах Сапега. – Мінск : Віктар Хурсік, 2017. – 583 с. : іл.
122. *Глазычев, В. Л.* Культурный потенциал городской среды : дис. ... д-ра искусствования : 17.00.08 / В. Л. Глазычев. – М., 1991. – 274 с.
123. *Глазычев, В. Л.* Монументы / В. Л. Глазычев // Урбанистика / В. Л. Глазычев. – М., 2008. – Ч. 1. – С. 189–204.
124. *Глазычев, В. Л.* Политическая экономия города : учеб. пособие / В. Л. Глазычев. – М. : Дело, 2011. – 192 с. – (Серия «Образовательные инновации»).
125. *Глазычев, В. Л.* Урбанистика / В. Л. Глазычев. – М. : Европа, 2008. – 3 ч.
126. *Глушаков, Ю.* Немного правды о бывших владельцах Гомеля / Юрий Глушаков // Краязнаўчы сайт Гомеля і Гомельшчыны. – Режим доступа: <http://nashkraj.info/nemnogo-pravdy-o-byvshih-vladeltsah-gomelya/>. – Дата доступа: 23.06.2021.
127. *Глущенко, Г. Ю.* Коммеморация как возможность истории. Анализируя Пьера Нора / Г. Ю. Глущенко // Молодой ученый. – 2015. – № 24. – С. 1172–1175. – Электронная версия. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/104/24502/>. – Дата доступа: 11.07.2019.
128. *Голованова, В. А.* Концепция креативного города как перспективный сценарий развития города в XXI в. / В. А. Голованова // Развитие экономико-географической школы Беларуси в XXI веке : материалы чтений, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора А. Я. Малышева, Минск, 5–6 дек. 2013 г. / редкол.: Е. А. Антипова (пред.), В. П. Сидоренко, И. И. Запрудский. – Минск, 2014. – С. 19–20.
129. *Головашина, О. В.* Неожиданные издержки Победы: 4 ноября в контексте политики памяти и массового исторического сознания / О. В. Головашина, Д. А. Аникин // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 429. – С. 66–73.
130. *Головашина, О. В.* Победа образа: идентификационные риски коммеморативных практик / О. В. Головашина // *Studia Humanitatis* : междунар. электрон. науч. журнал. – 2017. – № 1. – Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/golovashina>

ov-pobeda-obraza-identifikacionnyye-riski-kommemorativnyh-praktik. – Дата доступа: 19.03.2019.

131. Гольдин, П. З. Малые улицы исторических городов: музейные характеристики и перспективы музеефикации / П. З. Гольдин // Вопросы музеологии. – 2015. – № 1 (11). – С. 87–95.

132. Горад Святога Губерта : альманах лакальнай гісторыі / рэдкал.: І. Соркіна [і інш.]. – Гродна : Беларус. гіст. таварыства, 2016. – Вып. 10. – 157 с.

133. Горанская, Т. Г. Образ города в изобразительном искусстве Беларуси XX – начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Т. Г. Горанская ; НАН Беларуси, Центр исследований белорус. культуры, языка и литературы. – Минск, 2015. – 24 с.

134. Горнова, Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности / Г. В. Горнова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (15). – С. 18–20.

135. Город как социокультурное явление исторического процесса / В. Л. Глазычев, Г. А. Гольц, Э. В. Сайко, А. Л. Ястребицкая [и др.] ; редкол.: В. Л. Глазычев [и др.]. – М. : Наука, 1995. – 351 с.

136. Городовое положение с принадлежащими к оному узаконениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. – СПб. : Сенатская типография, 1817 г. – 96 с.

137. Грибан, И. В. Актуальное прошлое: веб-ресурсы как инструмент сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне / И. В. Грибан, О. Н. Грибан // Преподавание истории в школе. – 2016. – № 1. – С. 33–38.

138. Грыцкевіч, А. П. Древний город на Случи / А. П. Грыцкевіч. – Минск : Польша, 1985. – 158 с. – (По родному краю).

139. Грыцкевіч, А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. : (социально-экономическое исследование истории городов) / А. П. Грыцкевіч. – Минск : Наука и техника, 1975. – 248 с.

140. Гронский, А. Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя / А. Д. Гронский // Беларуская думка. – 2008. – № 2. – С. 82–87.

141. Грыцкевіч, А. П. Сапега Леў Іванавіч / А. П. Грыцкевіч // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – Т. 14. – С. 166.

142. Грыцкевіч, А. П. Сапегі / А. П. Грыцкевіч // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – Т. 14. – С. 167–171.

143. Гужаловский, А. А. Мифологизация историко-культурного наследия / А. А. Гужаловский // Исторические экспозиции региональных музеев в пост-социалистический период : сборник / отв. ред. И. В. Чувилова. – СПб., 2009. – С. 106–113.

144. Гужалоўскі, А. А. Музейная прастора Мінска як месца фарміравання культурнай памяці / А. А. Гужалоўскі // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беларусі / НББ ; склад.: Т. А. Сапега, А. А. Суша, К. В. Суша. – 2019. – Вып. 22. – С. 162–171.

145. *Гужалоўскі, А.* Фармаванне беларускага пантэона ў перыяд хрушчоўскай адлігі / А. Гужалоўскі // *Tożsamość Białoruska. Doświadczenia przeszłości i wyzwania teraźniejszości. W 30. rocznicę uzyskania przez Białoruś niepodległości.* Redakcja naukowa Joanna Getka, Jerzy Grzybowski. – Warszawa, 2021. – S. 75–91.

146. *Гун, Г. Е.* Процессы мемориализации в современной культуре / Г. Е. Гун // *Вестник культуры и искусств.* – 2018. – № 2 (54). – С. 46–52.

147. *Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Т. II (1772–1903 гг.) / пад рэд. Н. М. Нікольскага, Д. А. Дудкова, І. Ф. Лочмеля.* – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1940. – XVI, 939 с.

148. *Дахин, А. В.* Город как место памятования / А. В. Дахин // *Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительный альманах.* – 2006. – № 4. – С. 164–172. – Электронная версия. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-mesto-pamyatovaniya>. – Дата доступа: 17.10.2019.

149. *Дахин, А. В.* Имена городов в структуре локальных социокультурных пространств / А. В. Дахин // *Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России / проектные материалы под ред. А. Макарычева.* – Н. Новгород, 2004. – С. 24–30.

150. *Дахин, А. В.* Российский исторический «город» и проблема сохранения разнообразия культур в контексте глобализации / А. В. Дахин, Т. С. Рыжова // *Крупные города и вызовы глобализации : материалы российско-французского семинара, 2003, Москва / Фр.-рос. центр по обществ. и гуманитар. наукам в Москве, Ин-т географии РАН ; под ред. В. А. Колосова, Д. Эккерта.* – Смоленск, 2003. – С. 201–214.

151. 10 монументов Второй Мировой: памятники Великой войны, которые стали частью мировой культуры // *Sostav: сайт.* – 8 мая 2015 г. – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/pamyatniki-vtoroj-mirovoj-16442.html>. – Дата доступа: 20.03.2019.

152. *Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь // М-ва культуры Рэсп. Беларусь : сайт.* – Режим доступа: gossipisok.gov.by. – Дата доступа: 23.10.2021.

153. *Долгов, А.* Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятнейших русских событий и в честь замечательных лиц / А. Долгов. – СПб. : Тип. Рос. морского ведомства, 1860. – 48 с.

154. *Донован, В.* Рецензия / В. Донован // *Антропологический форум.* – 2015. – № 25. – С. 173–180. – Рец. на кн.: *Rites of Place: Public Commemoration in Russia and Eastern Europe / ed. by Julie Buckler, Emily D. Johnson.* – Evanston, IL: Northwestern University Press, 2013. – 348 p.

155. *Донских, С. В.* Фактор культуры и проблема формирования «креативного города» / С. В. Донских // *Технологии информатизации и управления : сб. науч. ст. / редкол.: А. М. Кадан (отв. ред.) [и др.].* – Минск, 2011. – Вып. 2. – С. 278–282.

156. *Донских, С. В.* Щучин: локальная история в контексте региональных процессов / С. В. Донских. – Минск : Четыре четверти, 2019. – 332 с.
157. *Дранкевич, О. Г.* Историко-культурное наследие малых городов Беларуси / О. Г. Дранкевич // Нарысы гісторыі культуры Беларусі : у 4 т. – Мінск, 2014. – Т. 2: Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / А. І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – С. 63–93.
158. *Дроздов, Л.* Ясновельможный пан Лев Сапега / Леонид Дроздов. – Б. м. : Издательские решения, 2017. – 339 с.
159. *Другомилов, Р. А.* Второй период – IX–XIII вв. Территория Беларуси в составе западных земель Древнерусского государства и во времена феодальной раздробленности / Р. А. Другомилов // Благоустройство территорий. Историческое развитие архитектурного благоустройства сельских поселений Беларуси : пособие / Р. А. Другомилов. – Горки, 2017. – С. 10–12.
160. *Дубин, Б.* Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий / Борис Дубин // Отечественные записки. – 2008. – № 4 (43). – С. 6–21.
161. *Дубин, Б. В.* Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь / Б. В. Дубин. – М. : РОССПЭН, 2011. – 391 с.
162. *Духан, И. Н.* Становление пространственно-временной концепции в искусстве и проектной культуре XX века / И. Н. Духан. – Минск : БГУ, 2010. – 223 с.
163. *Дюркгейм, Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Эмиль Дюркгейм ; пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 352 с. – (История социологии в памятниках).
164. *Ерасов, Б. С.* Социальная культурология : пособие : в 2 ч. / Б. С. Ерасов. – М. : Аспект-пресс, 1994. – Ч. 1. – 380 с.
165. *Еремеева, С. А.* Каменные гости: монументальные памятники коммеморации / С. А. Еремеева // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом : кол. монография в честь проф. И. М. Савельевой / А. Н. Дмитриев [и др.] ; отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М., 2012. – С. 499–532.
166. *Еремеева, С. А.* Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века / С. А. Еремеева // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Ин-т всеобщей истории РАН, О-во интеллектуальной истории ; под ред. Л. П. Репиной. – М., 2010. – С. 885–927. – (Образы истории).
167. *Еремеева, С. А.* Памяти памятников. Практика монументальной коммеморации в России XIX – начала XX в. / С. А. Еремеева. – М. : РГГУ, 2015. – 529 с.
168. *Ефимова, А. В.* Современные художественные практики в пространстве города как средство актуализации коллективной культурной памяти / А. В. Ефимова // Культура/Culture. – 2014. – № 6. – С. 107–117.
169. *Жучкевич, В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 448 с.
170. *Завадский, А.* Память о нацизме: между историзацией и морализацией (о книге Алейды Ассман «Новое недовольство мемориальной культурой»)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

/ А. Завадский // Colta.ru : сайт. – Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/literature/10800-pamyat-o-natsizme-mezhdu-istorizatsiey-i-moralizatsiey>. – Дата доступа: 18.10.2019.

171. *Загорульский, Э. М.* Археология Беларуси / Э. М. Загорульский. – Минск : БГУ, 2001. – 86 с.

172. Закон Беларускай ССР аб ахове і выкарыстанні помнікаў гісторыі і культуры = Закон Белорусской ССР об охране и использовании памятников истории и культуры : прыняты на дзесятай сес. Вярхоўнага Савета БССР дзесятага склікання 14 ліпеня 1978 г. – Мінск : Беларусь, 1978. – 64 с.

173. Закон Белорусской Советской Социалистической Республики об охране и использовании памятников ; Положение об охране и использовании памятников истории и культуры / Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, Республиканский Совет. – Минск : Полымя, 1986. – 31 с.

174. *Захарова, Е. Л.* Памятные места войны 1812 года на Полотчине / Е. Л. Захарова // Война 1812 года: события, судьбы, память : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 17–18 мая 2012 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Косов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2012. – С. 243–246.

175. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Брэсцкая вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, Беларуская савецкая энцыклапедыя ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1984. – 367, [1] с. – (Збор помнікаў гісторыі і культуры народаў СССР = Свод памятников истории и культуры народов СССР).

176. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, Беларуская савецкая энцыклапедыя ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1985. – 495, [1] с. – (Збор помнікаў гісторыі і культуры народаў СССР = Свод памятников истории и культуры народов СССР).

177. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1985. – 383 с.: іл.

178. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 369, [1] с. – (Збор помнікаў гісторыі і культуры народаў СССР = Свод памятников истории и культуры народов СССР).

179. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 407, [1] с. – (Збор помнікаў гісторыі і культуры народаў СССР = Свод памятников истории и культуры народов СССР).

180. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінск / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1988. – 330, [3] с. – (Збор помнікаў гісторыі і культуры народаў СССР = Свод памятников истории и культуры народов СССР).

181. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць : у 2 кн. / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1987. – 2 кн.
182. *Зебельшанский, Г. Б.* Город как архетип культуры / Г. Б. Зебельшанский // Проблемы истории архитектуры. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – С. 35–41.
183. *Зеленова, С. В.* Формирование системы критериев оценки историко-архитектурного наследия в России : дис. ... канд. архитектуры : 18.00.01 / С. В. Зеленова. – Н. Новгород, 2009. – 178 л.
184. *Зеленский, И.* [сост.] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния : в 2 ч. / сост. Ген. штаба подполковник И. Зеленский. – СПб. : печатано в Военной типографии, 1864. – Ч. 2.
185. *Зорина, Л.* Белорусские деревянные кресты / Любовь Зорина // Narodnia.com : сайт. – 7 апреля 2017 г. – Режим доступа: <https://narodnia.com/be/uczora/681-lyubov-zorina-belaruskie-derevyannye-kresty>. – Дата доступа: 11.11.2020.
186. Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси / науч. ред. и сост. Т. Водолажская. – Минск : И. П. Логвинов, 2009. – 220 с.
187. Иеротопия: сравнительные исследования сакральных пространств : мат-лы Междунар. симпозиума / Центр восточнохристианской культуры ; ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Индрик, 2009. – 383 с.
188. *Иконникова, С. Н.* Биография как средство исторического познания культуры / С. Н. Иконникова // Человек как творец и творение культуры : сб. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т ; редкол.: Л. К. Круглова, С. Н. Иконникова, Е. Г. Соколов. – СПб., 2009. – С. 159–166.
189. *Ильин, В. Г.* Город как концепт культуры : дис. ... д-ра социологических наук : 24.00.01 / В. Г. Ильин. – Ростов н/Д, 2004. – 331 л.
190. *Инеўска, Э.* Калоны Славы ў гонар Канстытуцыі 3 Траўня : каталог / Э. Инеўска ; пер. з пол. Ганны Цішук. – Мінск : Галіяфы, 2017. – 53 с. – Мовы пол., беларус., рус.
191. *Иноземцев, В.* Об истории и о памяти [Электронный ресурс] / В. Иноземцев // Сноб : сайт. – 15 мая 2019 г. – Режим доступа: <https://snob.ru/entry/176916/>. – Дата доступа: 21.10.2019.
192. Искусство как сфера культурно-исторической памяти : сб. ст. / под ред. Л. Ю. Лиманской. – М. : Изд. центр РГГУ, 2008. – 394 с.
193. *Исрапилова, З. А.* Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти / З. А. Исрапилова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 2 (64). – С. 70–73.
194. Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 сент. 2019 г. / редкол. : Г. П. Коршунов (гл. ред.) [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : СУГАРТ, 2019. – 360 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

195. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2006. – 768 с.
196. *Йейтс, Ф. А.* Искусство памяти / Френсис Йейтс ; пер. с англ. Е. Малышкина. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 480 с.
197. *Кабанова, Л. И.* «Наши пророки»: к вопросу о литературоцентричности русской культуры и мысли / Л. И. Кабанова // Вопросы культурологии. – 2011. – № 3. – С. 68–72.
198. *Каган, М. С.* Культура города и пути ее изучения / М. С. Каган // Город и культура : сб. науч. тр. – СПб., 1992. – С. 15–34.
199. *Каганович, А.* Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии / А. Каганович. – Иерусалим : [б. и.], 2007. – 447 с.
200. *Казак, О.* Официальные коммеморативные практики в Подкарпатской Руси в период венгерского господства (1939–1944 гг.) / Олег Казак // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Сер. : Культурологія. – 2016. – Вып. 17. – С. 31–41.
201. *Казакевич, А.* Символика места: забывание и фрагментация «советского» в ландшафте Минска / А. Казакевич // Непрокосновенный запас. – 2011. – № 6 (80). – С. 17–33.
202. *Кароль, М. М.* Палітыка расійскіх улад па трансфармацыі сацыякультурнага ландшафту ў беларускіх губернях пасля паўстання 1863–1864 гг. / М. М. Кароль // XIX Респ. науч.-практ. конф. молодых ученых, Брест, 12 мая 2017 г. : сб. материалов / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т. им. А. С. Пушкина ; под общ. ред. А. Е. Будько. – Брест, 2017. – С. 182–184.
203. *Кассирер, Эрнст.* Техника современных политических мифов / Эрнст Кассирер ; пер. с англ. Н. В. Егоровой // Феномен человека : антология / сост., вступ. ст. П. С. Гуревича. – М., 1993. – С. 108–123.
204. *Кауфман, С. А.* Погребальные сооружения / С. А. Кауфман, П. Б. Розентуллер // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В. Ф. Маркузона (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1973. – Часть 2 : Архитектура Древнего Рима. Глава 1 : Этруская архитектура. – С. 404–413.
205. Каштоўнасці мінуўшчыны – 6 : Гістарычныя цэнтры гарадоў Беларусі: праблемы і шляхі іх вырашэння : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 28 лістап. 2002 г. / Рэсп. савет Беларус. т-ва аховы помнікаў гісторыі і культуры ; пад агул. рэд. С. В. Марцэлева. – Мінск : Знамяне, 2003. – 206 с.
206. *Кёппен, П. И.* Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии / собранным и объясненным Петром Кёппеном. Напечатан иждивением его сиятельства графа Федора Андреевича Толстова. – М. : Тип. С. Селивановского, 1822. – VIII, 120 с.
207. *Кёппен, П. И.* О Роговолодом камне и Двинских надписях / П. И. Кёппен // Ученые записки Императорской академии наук по I и III отделениям. – СПб., 1855. – Т. III, вып. 1. – С. 50–70.

208. *Киселев, В. Н.* На истоках Нёманских / В. Н. Киселев. – Минск : Польша, 1985. – 112 с. – (По родному краю).
209. *Киштымов, А. Л.* Белорусский менеджер: директор-распорядитель Добрушской бумажной фабрики А. И. Стульгинский (70-е гг. XIX в. – 1915 г.) / А. Л. Киштымов // Иппокрена. – 2006. – № 4 (5). – С. 34–43.
210. *Кішык, Ю. Н.* Панарама старога Віцебска / Ю. Н. Кішык. – Минск : Польша, 1995. – 136 с.
211. *Клінаў, А.* Малая падарожная кніжка па Горадзе Сонца / А. Клінаў. – Мінск : Логвінаў, 2008. – 202 с. – (Кнігарня «Наша Ніва»).
212. *Клинов, А.* Минск: путеводитель по Городу Солнца / А. Клинов. – М. : Ad Marginem Press, 2013. – 128 с.
213. *Князев, К. Е.* Советские идеологемы во внутригородском языковом пространстве (на примере урбонимов г. Иваново) / К. Е. Князев // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 171–174.
214. *Коваленя, Е. Г.* Геокультурный потенциал городов Беларуси в контексте современных интеграционных процессов : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Е. Г. Коваленя ; Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск, 2018. – 25 с.
215. *Ковба, Д. М.* Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве / Д. М. Ковба, Е. Г. Грибовод // Дискурс-Пи. – 2020. – № 2 (39). – 59–77.
216. *Ковшаров, Н.* Добрушский целлюлозно-бумажный / Н. Ковшаров. – Минск : Беларусь, 1970. – 185 с. – (История фабрик и заводов).
217. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры : 20 ліп. 2016 г., № 413-3 : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэспублікі 30 чэрв. 2016 г. – Электронная версія. Рэжым доступу: <https://etalonline.by/document>.
218. *Колесников, А.* Невыносимый Франко: война памяти продолжается [Электронный ресурс] / А. Колесников ; Моск. Центр Карнеги // Газета.Ру : новостной сайт. – 29 октября 2019 г. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/12779102.shtml>. – Дата доступа: 24.03.2020.
219. *Колягина, Н.* Бюрократы, патриоты, аутсайдеры: стратегии взаимодействия с новыми российскими памятниками / Н. Колягина // Историческая разметка пространства и времени : матер. семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. И. И. Куриллы. – Волгоград, 2014. – С. 89–112. – (Волгоградский исторический семинар ; вып.5).
220. *Комарова, О. С.* Монументальная пластика в городской среде Барнаула XIX–XX столетий : дис. ... канд. искусств. : 17.00.04 / О. С. Комарова. – Барнаул, 2004. – 284 с.
221. Конвенции и рекомендации ЮНЕСКО по охране культурного наследия / Белорус. фонд культуры ; Науч.-техн. гос. предприятие «Белинформреставрация» ;

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- науч. ред. В. В. Глинник. – 2-е изд., доп. – Минск : Ред. журн. «Тыдзень», 2000. – 193 с. – (Культурная спадчына ; вып. 2).
222. *Конрадова, Н.* Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной / Н. Конрадова, А. Рылеева // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред.-сост. М. Габович. – М., 2005. – С. 241–261.
223. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Электронная версия. Режим доступа: <https://etalonline.by/document>.
224. *Корбут, В. А.* Минск : лучший вид на этот город / В. А. Корбут. – Минск : Звезда, 2013. – 264 с.
225. *Корево, А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния / сост. Ген. штаба капитан А. Корево. – СПб. : в тип. Иосафата Огризко, 1861. – 834 с.
226. *Кормина, Ж.* «Император осматривал город»: Сюрреалистический социализм и политика памяти / Ж. Кормина // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 4 (152). – С. 34–57.
227. *Кормина, Ж. В.* Православные версии советского прошлого: политики памяти в ритуалах коммеморации / Ж. В. Кормина, С. А. Штырков // Антропология социальных перемен : сб. ст. : к 70-летию В. А. Тимкова / РАН, Ин-т этнологии и антропологии ; отв. ред.: Э. М. Гучинова, Г. А. Комарова. – М., 2011. – С. 389–413.
228. *Котломанов, А. О.* Антифашистские мемориалы Западной Германии 1980-х годов: к проблематике антимонумента в современной скульптуре / А. О. Котломанов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 15. – 2011. – Вып. 3. – С. 44–49.
229. *Котломанов, А. О.* Паблик-арт: страницы истории. Феномен контрмонумента и кризис мемориальной традиции в современной монументальной скульптуре / А. О. Котломанов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 15. – 2015. – Вып. 1. – С. 54–71.
230. *Кравченко, И. Г.* Памятник как социокультурный феномен / И. Г. Кравченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. – 2008. – № 1 (7). – С. 60–63.
231. *Красильникова, Е. И.* Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Е. И. Красильникова. – Новосибирск, 2016. – 554 л.
232. *Красовский, К. К.* Геодемографическое развитие городских структур Беларуси в начале XXI в. / К. К. Красовский // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Сер. 3. – 2012. – № 3. – С. 35–39.
233. *Красовский, К. К.* Урбанизация в Беларуси: пространственно-временная динамика / К. К. Красовский // Вестник Белорусского государственного университета. Сер. 2, Химия. Биология. География. – 2002. – № 2. – С. 64–70.

234. *Крейчи, М.* Охрана памятников как этический императив: Макс Дворжак и становление системы охраны памятников в Центральной Европе / Марек Крейчи // Вопросы музеологии. – 2011. – № 2 (4). – С. 69–74.
235. *Криволап, А.* Конструируя новое пространство. Белорусский опыт визуализации Дня Независимости / А. Криволап // Палітычная сфера. – 2007. – № 8. – С. 81–93.
236. *Криволап, А.* Работа креативных индустрий с советскими эстетическими формами / А. Криволап // Человек в социокультурном измерении. – 2021. – № 2. – С. 75–80.
237. *Кривцова, Л. А.* Российский город: визуальные аспекты конструирования нации (Семиотический ракурс) / Л. А. Кривцова // Границы : альманах / Центр этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета. – Иваново, 2008. – Вып. 2 : Визуализация нации. – С. 215–230.
238. *Крогиус, В. Р.* Исторические города России как феномен ее культурного наследия / В. Р. Крогиус. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 312 с.
239. Кривашэй, З. Пінск: партрэт пасляваеннага горада / З. Кривашэй // АРСНЕ. – 2011. – № 3 (102). – С. 426–445.
240. *Куклинова, И. А.* Национальное наследие и памятник: к истории понятий во французской культуре конца XVIII в. / И. А. Куклинова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 15–21.
241. Культура памяти : сб. науч. ст. / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии ; под ред. Э. А. Шулеповой. – М. : Древлехранилище, 2003. – 275 с.
242. Культурный ландшафт как объект наследия / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева ; Е. Д. Андреева [и др.] ; науч. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. – М. : Институт Наследия ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
243. *Курилла, И.* Довоевать Гражданскую. Почему в США началась война памятников / И. Курилла // Ponars Eurasia. Online Academy. – 18 августа 2017 г. – Режим доступа: http://www.ponarseurasia.org/ru/article_20170818_Kurilla. – Дата доступа: 10.12.2019.
244. *Лабаденка, Г.* Костел Божьего Тела (1589–1593 гг.) / Г. Лабаденка // Приход «Божьего Тела» в г. Несвиже : сайт. – 5 июля 2014 г. – Режим доступа: <http://niasvzh-kasciol.by/index.php/istoriya>. – Дата доступа: 22.05.2020.
245. *Лабынцев, Ю. А.* Белорусский вектор кросскультурных исследований Н. П. Румянцева и его сподвижников / Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская // Н. П. Румянцев и полиэтнические проблемы современности : материалы Междунар. конф., 6–8 апр. 2010 г., Гомель / Рос. гос. б-ка [и др.] ; сост. Н. П. Игумнова ; ред. Н. Е. Добрынина. – М., 2010. – С. 25–28.
246. *Лавренова, О. А.* Семантика культурного ландшафта : дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / О. А. Лавренова. – М., 2010. – 353 л.
247. *Ластовский, А.* Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой [Электронный ресурс] /

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- А. Ластовский // Вестник общественного мнения. – октябрь–декабрь 2009. – № 4. – С. 88–99. – Электронная версия. Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>. – Дата доступа: 20.03.2018.
248. *Ластоўскі, А.* «Больш чыстыя» / А. Ластоўскі // Наша гісторыя. – 2019. – № 7. – С. 40–43.
249. *Ластоўскі, А.* Гістарычная памяць у Беларусі: адметнасці і праблемы [Электронны рэсурс] / А. Ластоўскі // Беларускі калегіум : сайт. – 28 сакавіка 2016 г. – Режим доступа: <https://belcollegium.by/alyaksej-lastouski-gistarychnaayaramuas-u-belarusi-admetnasci-i-prablemy-lekcyi-3-4/>. – Дата доступа: 08.08.2019.
250. *Ластоўскі, А.* Памяць пра Другую сусветную вайну ў гарадскім ландшафце Усходняй Еўропы / Аляксей Ластоўскі, Андрэй Казакевіч, Раса Балачкайце // Arche : е-часопіс. – 2010. – № 3 (90). – С. 251–300.
251. *Левинсон, А.* Память. Памятник. Мемориал / А. Левинсон // Опыт социологии : статьи / А. Левинсон. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – С. 244–256.
252. *Леонтьева, О. Б.* Память, время, мемориальная культура в работах Алейды Ассман / О. Б. Леонтьева // Историческая экспертиза. – 2017. – № 4. – С. 31–46.
253. *Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час : зб. навук. арт.* / Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы / рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2007. – 422 с.
254. *Лидов, А. М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования / А. М. Лидов // Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре / А. М. Лидов. – М., 2009. – С. 11–37.
255. *Линч, К.* Образ города / Кевин Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычева ; ред. А. В. Иконников. – М. : Стройиздат, 1982. – 328 с.
256. *Литвинов, В. А.* Румянцев и Гомель / В. А. Литвинов // Н. П. Румянцев на белорусской земле : материалы Междунар. круглого стола (Гомель, 26–27 дек. 1996 г.) / М-во культуры Респ. Беларусь, Нац. б-ка Беларуси. – Минск, 1997. – С. 38–41.
257. *Лихачев, Д. С.* О памяти / Д. С. Лихачев // Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев ; сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. – 3-е изд. – М., 1989. – С. 210–214.
258. *Лихачев, Д. С.* Память культуры / Д. С. Лихачев // Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев ; сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. – 3-е изд. – М., 1989. – С. 215–222.
259. *Лобанова, Ю. В.* Образ города в художественной культуре : дис. ... канд. культурологических наук : 24.00.01 / Ю. В. Лобанова. – СПб., 1998. – 134 л.
260. *Локотко, А. И.* Историко-культурные ландшафты Беларуси / А. И. Локотко. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 470 с.
261. *Локотко, А. И.* Историко-культурные регионы Беларуси / А. И. Локотко. – Минск : ЕГУ, 2002. – 226 с.

262. *Локотко, А. И.* Маршруты белорусского туризма: историко-культурные ландшафты Беларуси / А. И. Локотко. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 319 с.
263. *Ломоносов, А. Р.* Конституция 3 мая 1791 г.: опыт мемориализации в искусстве / А. Р. Ломоносов // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Сер. гуманитарных наук. – 2015. – № 3 (18). – С. 76–79.
264. *Лосев, А. Ф.* Диалектика мифа / А. Ф. Лосев ; сост., подгот. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – М. : Мысль, 2001. – 558 с.
265. *Лосев, А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.
266. *Лотман, Ю. М.* Миф–имя–культура / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 58–75.
267. *Лотман, Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб., 2001. – С. 12–150.
268. *Лотман, Ю. М.* Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 200–202.
269. *Лотман, Ю. М.* Память культуры / Ю. М. Лотман // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб., 2010. – С. 614–621.
270. *Лотман, Ю. М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков / Ю. М. Лотман // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб., 2010. – С. 400–416.
271. *Лотман, Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 129–132.
272. *Лотман, Ю. М.* Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 191–199.
273. *Лотман, Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. 18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. – Тарту, 1984. – С. 30–45. – (Ученые записки Тартуского государственного университета ; вып. 664).
274. *Лукашевич, А. М.* Увековечение событий войны 1812 года в Витебской губернии: планы, подготовка и реализация (30-е годы XIX в. – 1914 г.) / А. М. Лукашевич // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XVI Междунар. науч. конф., 6–7 сент. 2010 г. – Можайск, 2011. – С. 104–124.
275. *Лурье, В. Ф.* Памятник в городе: Ритуально-мифологический контекст / В. Ф. Лурье // Современный городской фольклор / редкол.: А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. – М., 2003. – С. 420–429.
276. *Лэндри, Ч.* Креативный город = The creative city / Чарльз Лэндри ; пер. с англ. В. Гнедовского, М. Хрусталевой. – М. : Классика–XXI, 2011. – 399 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

277. Мазур, Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 243–256.
278. Малинова, О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа / О. Ю. Малинова // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2017. – № 4. – С. 6–22.
279. Малинова, О. Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов / О. Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 37–56.
280. Малиш, М. А. Место историко-монументальных памятников в системе исторического знания / М. А. Малиш // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – № 3. – С. 93–95.
281. Малишэўскі, У. А. Нашы гарады / У. А. Малишэўскі, П. М. Пабока. – Мінск : Народная асвета, 1991. – 303 с.
282. Мальдис, А. Сапегі і іх сабранія ценнасцей. Ч. 1. / Адам Мальдис // СБ. Беларусь сегодня. – 2011. – 15 янв. – С. 30–31.
283. Мальдис, А. Сапегі і іх сабранія ценнасцей. Ч. 2. / Адам Мальдис // СБ. Беларусь сегодня. – 2011. – 22 янв. – С. 30–31.
284. Мальте, Р. Империя и мегаполис: пример Варшавы / Рольф Мальте // Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой / Р. Мальте ; пер. с нем. К. Левинсона. – М., 2020. – С. 269–361.
285. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М. : Гнозис, 2009. – 288 с.
286. Маркузон, В. Ф. Греция (480–400 гг. до н. э.) / В. Ф. Маркузон // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В. Ф. Маркузона (отв. ред. по Греции), Б. П. Михайлова (отв. ред. по Риму) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1973. – Часть 1. Архитектура Древней Греции. Глава 3. Архитектура эпохи расцвета (480–400 гг. до н. э.). – С. 131–135.
287. Маркузон, В. Ф. Сооружения Малой Азии / В. Ф. Маркузон // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В. Ф. Маркузона (отв. ред. по Греции), Б. П. Михайлова (отв. ред. по Риму) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1973. – Часть 1. Архитектура Древней Греции. Глава 4. Архитектура IV в. до н. э. (400–323 гг. до н. э.). – С. 283–290.
288. Марозаў, В. Ф. Палац у Гомелі = Дворец в Гомеле : гісторыка-архітэктурны нарыс / В. Ф. Марозаў. – Мінск : Полымя, 1991. – 93 с. – (Помнікі беларускага дойлідства).
289. Мартыненко, И. Э. Новый порядок государственного учета историко-культурных ценностей: юридические аспекты / И. Э. Мартыненко // «Права на спадчыну» і Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей: выклікі і рашэнні : зб. арт. – Гродна, 2021. – С. 19–30.

290. *Мартыненко, И. Э.* Правовой статус, охрана и восстановление историко-культурного наследия : монография / И. Э. Мартыненко. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 343 с.
291. *Мастеница, Е. Н.* Деятельность по сохранению и использованию культурного наследия: основания и смыслы / Е. Н. Мастеница // Основы культурологии : учеб. пособие ; отв. ред. И. М. Быховская. – М., 2005. – С. 337–361.
292. *Мастеница, Е. Н.* Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход / Е. Н. Мастеница // Петербургские исследования : сб. науч. ст. – СПб., 2011. – Вып. 3. – С. 128–147.
293. *Мастеница, Е. Н.* Музеефикация городской среды: подходы и методы / Е. Н. Мастеница // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 10, ч. 1. – С. 137–141.
294. *Мастеница, Е. Н.* Урбоскансен: pro et contra / Е. Н. Мастеница // Институты памяти в меняющемся мире : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., СПбГУ, 2012 / Санкт-Петербургский гос. ун-т, филос. фак., каф. музейного дела ; под ред. А. А. Никоновой, М. В. Бирюковой. – СПб., 2013. – С. 55–63.
295. *Мегилл, А.* Историческая эпистемология / Аллан Мегилл ; пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. – М. : Канон+, 2007. – 480 с.
296. *Меднис, Н. Е.* Венеция в русской литературе / Н. Е. Меднис ; отв. ред. Т. И. Печерская ; Ин-т филологии СО РАН, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : НГУ, 1999. – 392 с.
297. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) = International Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Sites, Venice Charter. – Электронная версия. Режим доступа: https://www.icomos.org/charters/venice_e. – Дата доступа: 28.06.2018.
298. *Мельник, А. Г.* Гробница святого в пространстве русского храма XVI – начала XVII века / А. Г. Мельник // Восточнохристианские реликвии : тез. докладов и материалы междунар. симпозиума «Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира» (Москва, 16–19 мая 2000 г.) / Центр восточнохрист. культуры ; ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Радуница, 2000. – С. 74–76.
299. Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / Ин-т науч. информ. по общест. наукам РАН ; Центр по изучению культурной памяти и символической политики Европ. ун-та в Санкт-Петербурге ; под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. – 224 с.
300. *Мікіцінські, У.* Дванаццаць дзён краязнаўчага вандравання: м. Старыя Дарогі / У. Мікіцінскі // Наш Край. – 1929. – № 3 (42). – С. 32–34.
301. *Микушевич, В. Б.* Достоверность поэзии [Электронный ресурс] / В. Б. Микушевич. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2016/09/11/8231>. – Дата доступа: 07.02.2019.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

302. *Миллер, А.* Россия: власть и история / А. Миллер // Россия–Украина: как пишется история : диалоги, лекции, статьи / Г. Касьянов, А. Миллер. – М., 2011. – С. 12–38.
303. *Миллер, А. И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А. И. Миллер // Политика. – 2016. – № 1 (80). – С. 111–121.
304. *Миц, М. М.* Винтер Дж., Прост А. Великая война в истории: дискуссии и споры, с 1914 г. до настоящего времени (Реферат) / М. М. Миц // Россия и современный мир. – 2014. – № 2 (83). – С. 120–132.
305. *Михайлова, М. Б.* Погребальные сооружения / М. Б. Михайлова // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В. Ф. Маркузона (отв. ред. по Греции), Б. П. Михайлова (отв. ред. по Риму) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1973. – Часть 2. Архитектура Древнего Рима. Глава 2. Архитектура Римской республики. – С. 477–478.
306. *Михайлова, М. Б.* Погребальные сооружения / М. Б. Михайлова // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В. Ф. Маркузона (отв. ред. по Греции), Б. П. Михайлова (отв. ред. по Риму) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1973. – Часть 2. Архитектура Древнего Рима. Глава 3. Архитектура Римской империи. – С. 643–661.
307. *Михайлова, М. Б.* Форумы / М. Б. Михайлова // Всеобщая история архитектуры. В 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / под ред. В. Ф. Маркузона (отв. ред. по Греции), Б. П. Михайлова (отв. ред. по Риму) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1973. – Часть 2. Архитектура Древнего Рима. Глава 3. Архитектура Римской империи. – С. 510–522.
308. *Михеева, И. В.* Охрана памятников в Российской империи: проблемы правового регулирования (историко-правовой аспект) / И. В. Михеева // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 428–430.
309. *Молева, Н. М.* История новой Москвы, или Кому ставим памятник / Н. М. Молева. – М. : АСТ : Олимп, 2008. – 219 с.
310. *Мороз, А. Б.* Зачем нужны памятники / А. Б. Мороз // Живая старина. – 2018. – №1. – С. 41–44.
311. *Морозов, В. Ф.* Гомель классический: Эпоха. Меценаты. Архитектура / В. Ф. Морозов. – Минск : Четыре четверти, 1997. – 335 с.
312. *Моррис, Ч. У.* Знаки и действия / Чарльз Уильям Моррис ; пер. с англ. В. П. Мурат // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. ; Екатеринбург, 2001. – С. 129–143.
313. *Москвина, И. К.* Политика и проблемы коммеморации в современной культуре России / И. К. Москвина // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2008. – Т. 180. – С. 268–274.
314. *Мысливец, Н. Л.* Образы прошлого в исторической памяти: теоретико-методологический аспект / Н. Л. Мысливец // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 157–164.

315. Мысливец, Н. Л. Память о прошлом в пространстве современного города / Н. Л. Мысливец // Социологический альманах. – 2018. – Вып. 9. – С. 107–113.
316. Найлепшы бок : фотаальбом / аўтары текстаў : В. Лабачэўская, Л. Міхеева. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. – 152 с.
317. Нарысы гісторыі культуры Беларусі : у 4 т. / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літаратуры ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – Т. 2 : Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / А. І. Лакотка [і інш.]. – 2014. – 575 с.
318. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] : одобр. протоколом заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа: 03.12. 2021.
319. НеОбъективные конфликты: Политические практики разделения общего прошлого. Россия, Украина, Молдова и Приднестровье (анализ и рекомендации) / ред. С. Румянцев. – Berlin : CISR e.V.corp, 2017. – 134 с.
320. Николай (Летуновский), иеромонах. Похоронные обряды христиан первых веков / Иеромонах Николай (Летуновский) // Московские епархиальные ведомости. – 2012. – № 11-12. – С. 122–135. – Электронная версия. Режим доступа: <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/64/1320/>. – Дата доступа: 07.09.2018.
321. Новая программа развития городов : принята на Конференции Организации Объединенных Наций по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III), 17–20 окт. 2016 г., г. Кито ; одобр. на 68-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 23 дек. 2016 г. – Нью-Йорк : ООН, 2017. – 69 с. – Электронная версия. Режим доступа: <https://uploads.habitat3.org/hb3/NUA-Russian.pdf>. – Дата доступа: 24.08.2021.
322. Новикова, И. И. Солдат возвращается снова: образы военной меморативной мужественности в странах Балтии и в России / И. И. Новикова // Границы : альманах / Центр этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета. – Иваново, 2008. – Вып. 2 : Визуализация нации. – С. 88–122.
323. Нора, П. Всемирное торжество памяти / Пьер Нора ; пер. с фр. Марии Сокольской // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). – С. 202–208. – Электронная версия. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. – Дата доступа: 20.05.2019.
324. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Франция-память / П. Нора [и др.] ; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб., 1999. – С. 17–50.
325. Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия : Конвенции. Протоколы. Резолюции. Рекомендации. – М. : ЮниПринт, 2002. – 224 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

326. *Носов, С.* Конспирация, или Тайная жизнь петербургских памятников-2. – СПб. : Лимбус Пресс, 2015. – 236 с. – (Другое краеведение).
327. *Носов, С.* Тайная жизнь петербургских памятников / Сергей Носов. – 4-е изд. – СПб. : Лимбус Пресс, 2015. – 240 с. – (Другое краеведение).
328. О Государственной программе «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 февр. 2021 г., № 117. – Электронная версия. Режим доступа: etalonline.by/document.
329. О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 марта 1998, № 157. – Электронная версия. Режим доступа: etalonline.by/document.
330. О наименованиях географических объектов : Закон Респ. Беларусь, 16 нояб. 2010 г., № 190-З. – Электронная версия. Режим доступа: <https://etalonline.by/document>.
331. О работе Центрального совета Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (1966–1971 гг.) : постановление II съезда Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры, 5 окт. 1971 г. – Минск, 1971. – 9 с.
332. Об охране историко-культурного наследия : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 1992 г., № 1940-XII. – Электронная версия. Режим доступа: <https://etalonline.by/document>.
333. Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 марта 2016 г., № 109. – Электронная версия. Режим доступа: <https://etalonline.by/document>.
334. Об утверждении описания орденов, медалей и нагрудных знаков к почетным званиям Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 янв. 1996 г., № 26. – Электронная версия. Режим доступа: <https://etalonline.by/document>.
335. Об утверждении описания орденов, медалей и нагрудных знаков к почетным званиям Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 сент. 1999 г., № 516. – Электронная версия. Режим доступа: <https://etalonline.by/document>.
336. Об утверждении программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292. – Электронная версия. Режим доступа: <https://etalonline.by/document>.
337. *Оболенская, Ю.* О доброй памяти / Ю. Оболенская // СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – 15 июня. – С. 5.
338. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Ин-т всеобщ. истории РАН, О-во интеллектуал. истори ; под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2010. – 960 с. – (Образы истории).
339. Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени : антология / Ин-т всеобщ. истории РАН, О-во интеллектуал. истории ; отв. ред. и сост. Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2003. – 408 с.

340. Оже, М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / Марк Оже ; пер. с фр. А. Ю. Коннова. – М. : НЛЮ, 2017. – 55 с. – (Studia Urbanica).
341. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях : в 3 кн. / сост. под ред. пред. Могилев. губерн. статист. комитета А. С. Дембовецкого. – Могилев на Днепре : Тип. губернского правления, 1882. – Кн. 2. – 832 с.
342. *Ортега-и-Гассет, Х.* История как система / Хосе Ортега-и-Гассет // Избр. труды / сост. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М., 2000. – С. 435–479.
343. *Оруэлл, Дж.* Заметки о национализме / Джордж Оруэлл // Лев и Единорог : эссе, статьи, рецензии / Джордж Оруэлл. – М., 2003. – С. 211–228.
344. Охрана памятников истории и культуры : сб. док. : декреты, постановления, распоряжения Правительства СССР и Правительства РСФСР, 1917–1968 / Ин-т истории АН СССР, Центр. совет Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры ; редкол.: Л. Г. Бескровный (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИИ АН СССР, 1968. – 232 с.
345. Очерк развития Добрушской писчебумажной фабрики князя Паскевича. 1882–1896. – СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1896. – 99 с. – Очерк составлен для Всероссийской промышленно-художественной выставки 1896 г.
346. *Павлова, Ю. В.* Роль школьного образования в процессе формирования социальной памяти и коммеморативной культуры [Электронный ресурс] / Ю. В. Павлова // Современные исследования социальных проблем = Modern Research of Social Problems : электрон. науч. журнал. – 2015. – № 10 (54). – С. 447–455. – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru/e-gu/. – Дата доступа: 27.09.2019.
347. Палажэнне аб парадку стварэння (рэканструкцыі) і прыёмкі твораў манументальнага і манументальна-дэкаратыўнага мастацтва на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь : зацв. пастановай Савета Міністраў Рэсп. Беларусь, 19 верас. 2008 г., № 1372. – Электронная версія. Рэжым доступу: <https://etalonline.by/document>.
348. Памятники Великой Отечественной войны в Беларуси, 1942–1991 гг. : документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. архив Респ. Беларусь ; сост.: Н. А. Денисова [и др.] ; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2015. – 287 с.
349. Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР : компьютерная база / Сахаровский центр. – Режим доступа: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=list>. – Дата доступа: 20.01.2021.
350. Памятники истории и культуры советского периода – летопись боевых и трудовых подвигов народа : материалы респ. науч.-практ. конф. – Минск : Польша, 1979. – 52 с.
351. Памятники Минска / авт.-сост. В. П. Шамов. – Минск : Польша, 1991. – 114 с.
352. Памятниковедение. Теория, методология, практика / НИИ культуры ; ред.-сост. П. В. Боярский. – М. : НИИК, 1986. – 141 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

353. Памяць о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред.-сост. М. Габович. – М. : НЛЮ, 2005. – 784 с.
354. Памяць: Бабруйск : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэд-кал.: В. П. Алімбакаў [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 1995. – 765 с.
355. Памяць: Баранавічы. Баранавіцкі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. М. І. Бернат. – Мінск : БЕЛТА, 2000. – 734 с.
356. Памяць: Барысаў. Барысаўскі раён : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / склад. Ж. В. Гілевіч ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1997. – 797 с. : іл.
357. Памяць Беларусі: 1941–1945 : рэспубліканская кніга / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005. – 592 с.
358. Памяць. Беларусь : рэспубліканская кніга / Беларуская Энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 1995. – 623 с.
359. Памяць: Брэст : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / уклад. А. П. Кондак ; рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 1997–2001. – 2 кн.
360. Памяць: Віцебск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / склад. А. І. Мацяюн. – Мінск : БелЭн, 2002. – 2 кн.
361. Памяць : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : Пінск / уклад.: В. М. Курсаў, С. Ф. Шапіра. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – 554 с.
362. Памяць: Гомель : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / уклад. П. П. Рабянок. – Мінск : БЕЛТА, 1998–1999. – 2 кн.
363. Памяць: Гродна : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / склад. і навук. рэд.: І. П. Крэнь [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1999. – 711 с.
364. Памяць: Добрушскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / уклад. П. П. Рабянок ; рэдкал.: В. Ф. Вайцянок [і інш.]. – Мінск : Мастац. літ., 1999–2001. – 2 кн.
365. Памяць: Жлобін. Жлобінскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. С. П. Самуэль ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2000. – 751 с.
366. Памяць: Заслаўе : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. Н. В. Мартынава. – Мінск : БЕЛТА, 2000. – 463 с.
367. Памяць: Ліда. Лідскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: В. Г. Баранаў [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – 566 с.
368. Памяць: Магілёў : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад.: Б. П. Гардзееў, М. П. Хобатаў. – Мінск : БелЭн, 1998. – 493 с.
369. Памяць: Мазыр. Мазырскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / уклад.: М. А. Капач, В. Р. Феранц. – Мінск : Мастац. літ., 1997. – 574 с.
370. Памяць: Маладзечна. Маладзечанскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. Л. І. Карповіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – 790 с.

371. Памяць: Мінск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 4 кн. / уклад.: А. А. Ляўшэвіч, В. С. Семенякоў ; навук. рэд. Г. В. Штыхаў ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Беларускае тэлеграфнае агенцтва, 2001–2005. – 4 кн.
372. Памяць: Мінск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад.: А. А. Ляўшэвіч, В. С. Семенякоў ; навук. рэд. Г. В. Штыхаў ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2006. – Кн. 5, ч. 1. – 445 с.
373. Памяць. Мінск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – Кн. 5, ч. 2. – 583 с.
374. Памяць: Орша. Аршанскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / уклад.: Т. Г. Ігнацьева [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1999–2000. – 2 кн.
375. Памяць: Полацк : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / склад. С. С. Чарняўская ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Мінск : БелЭн, 2002. – 908 с.
376. Памяць: Светлагорск. Светлагорскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / уклад. П. П. Рабянок ; рэдкал.: У. Дз. Бурачонок [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2000–2003. – 2 кн.
377. Памяць: Слуцкі раён. Слуцк : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / уклад. В. С. Відлога ; рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 2000–2015. – Кн. 1. – 2000. – 462 с. : іл. ; Кн. 2. – 2001. – 572 с. : іл. ; Кн. 3 : дадатак / гал. рэд. Г. М. Галаватая. – 2015. – 622 с. : іл., табл., партр., факсім.
378. Памяць: Смалявіцкі раён. Жодзіна : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад.: Ю. Я. Гіндзін, Г. У. Разумаў. – Мінск : БЕЛТА, 2000. – 766 с.
379. Памяць [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : вольная энцыклапедыя. – Рэжым доступу: <https://be-tarask.wikipedia.org/wiki/Памяць>. – Дата доступу: 16.10.2019.
380. *Паперный, В.* Культура Два / В. Паперный. – 4-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 416 с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
381. *Парч, С.* Домашний музей: История искусств от наскальной живописи до граффити / Сусанна Парч ; пер. с нем. Н. В. Матюхиной. – М. : Терра-Кн. клуб, 1999. – 368 с., ил.
382. *Патоцкі, Л.* Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану / Леан Патоцкі ; укл., прадмова, камент. А. М. Філатавай ; пер. з пол. І. У. Саламевіча. – Мінск : Польша, 1997. – 270 с. – (Літаратурныя помнікі Беларусі).
383. *Пахалюк, К.* Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы / Константин Пахалюк // Историческая экспертиза. – 2016. – № 3. – С. 33–48. – Электронная версия. Режим доступа: https://istorex.ru/page/pakhalyuk_ka_globalnaya_kultura_pamyati_v_poiskakh_teleologicheskoy_perspektivi. – Дата доступа: 27.09.2019.
384. *Пахалюк, К. А.* Хиросима: от стратегии развития города к глобальной культуре памяти / К. А. Пахалюк // Историческая экспертиза. – 2016. – № 4. – С. 7–16. – Рец. на кн.: Zwigenberg, R. Hiroshima. The Origins of Global Memory

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Culture / R. Zwigenberg. – New York : Cambridge University Press, 2014. – XIV, 332 p. – Электронная версия. Режим доступа: https://istorex.ru/page/pakhalyuk_ka_hirosima_ot_strategii_razvitiya_goroda_k_globalnoy_pamyati. – Дата доступа: 27.09.2019.

385. *Педашенко, С. А.* Памятники императору Александру I, а также героям и событиям Отечественной войны 1812 года / Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года ; сост. чл. Кружка С. А. Педашенко. – М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1912. – VIII, 60 с. : ил.

386. I Международные Паскевичские чтения в Гомеле : материалы конференции (21–22 нояб. 2019 г.) / под общ. ред. М. С. Рафеевой ; сост.: В. С. Ковалец, Д. Н. Лемтюгов. – Гомель : Барк, 2019. – 212 с.

387. *Пирс, Ч. С.* Начала прагматизма / Чарльз Сандерс Пирс ; пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб. : Лаборатория метафиз. исслед. филос. фак. СПбГУ : Алетейя, 2000. – 318 с. – (Приложение к альманаху «Метафизические исследования»).

388. *Пирумян, К. С.* Организация охраны памятников археологии на территории БССР (1965–1985 гг.): постановка проблемы / К. С. Пирумян // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. Исторические науки. – 2017. – № 9. – С. 94–99.

389. *Подлипский, А. М.* Памятник героям Отечественной войны 1812 года в Витебске / А. М. Подлипский // Война 1812 года: события, судьбы, память : материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 17–18 мая 2012 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Косов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2012. – С. 223–229.

390. *Полякова, Е. Б.* Деятельность государственных органов и общественных организаций города Москвы по созданию, сохранению и использованию произведений монументально-декоративного искусства (1991–2008) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Б. Полякова. – М., 2009. – 424 л.

391. Помнікі гісторыі і культуры Брэстчыны: праблемы вывучэння, аховы і выкарыстання : матэрыялы рэгіян. навук.-практ. канф., Брэст, 17 снеж. 1993 г. / рэдкал.: У. У. Мелішкевіч [і інш.]. – Брэст, 1993. – 93 с.

392. *Попова, В. Н.* Праздник как форма культурной памяти: проблема «забвения» и реконструкции прошлого / В. Н. Попова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 13, № 1 (87). – С. 6–16.

393. *Портнов, А.* Жуков против Бандеры, или Новые украинские игры в переименования [Электронный ресурс] / Андрей Портнов // Colta.ru [сайт]. – 10 июля 2019 г. – Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/specials/21826-zhukov-protiv-bandery-ili-novye-ukrainskie-igry-v-pereimenovaniya>. – Дата доступа: 30.09.2019.

394. *Портнов, А.* Упражнения с историей по-украински / Андрей Портнов. – М. : ОГИ : Полит.ру : Мемориал, 2010. – 224 с. – (История vs Политика).

395. Портрет Льва Сапеги начала XVII в. [Электронный ресурс] // Коллекция «Музейная сокровищница» / Национальный исторический музей Республики

Беларусь [сайт]. – Режим доступа: <http://histmuseum.by/ru/news/733>. – Дата доступа: 27.03.2021.

396. *Потаев, Г. А.* Города Беларуси как центры туризма / Г. А. Потаев // Архитектура и строительство. – 2008. – № 10. – С. 27–31.

397. Почему новые скульптуры не всегда получают высокую оценку профессионалов : беседа с народным художником Беларуси, скульптором Иваном Миско / Ирина Свирко // Рэспубліка. – 2019. – 17 мая. – С. 8–9.

398. «Права на спадчыну» і Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей: выклікі і рашэнні : зб. арт. / пад навук. рэд. С. А. Стурэйкі. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2021. – 210 с.

399. *Пракаповіч, Н. С.* Беларускі Версаль (з кнігі «Сведкі сівой даўніны») [Электронны рэсурс] / Н. С. Пракаповіч // Библиотека «Истоки» [сайт]. – Рэжым доступу: <https://sources.ruzhany.info/002.html>. – Дата доступу: 29.03.2021.

400. *Прасолов, Д.* Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии / Д. Прасолов // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 2. – С. 67–82.

401. Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст. : зб. навук. арт. / рэдкал.: Я. А. Роўба (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2010. – 389 с.

402. Приспособление памятников архитектуры // Реставрация памятников архитектуры : учеб. пособие для вузов / С. С. Подъяпольский [и др.] ; под общ. ред. С. С. Подъяпольского. – М., 1988. – С. 68–71.

403. Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города : сб. науч. ст. / под ред. М. Ю. Тимофеева. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. – 180 с.

404. *Прокопцов, В.* В поисках красоты и гармонии / В. Прокопцов ; Акад. наук Беларус. ССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. – Минск : Наука и техника, 1988. – 95 с.

405. *Пугаченкова, Г. А.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века / Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель ; Ин-т искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи М-ва культуры УзССР. – М. : Искусство, 1965. – 688 с.

406. *Пырлік, Г.* «Магіла бацькоў». Як Кыргызстан сабраў у адным месцы памяць пра нацыянальныя трагедыі цэлага стагоддзя / Г. Пырлік // Наша гісторыя. – 2020. – № 4 (21). – С. 47–49.

407. *Пярвышын, У. М.* Пружанскі палацык = Пружанский палацик : гістарычна-архітэктурны нарыс / У. М. Пярвышын. – Мінск : Полымя, 1992. – 79 с. – (Помнікі беларускага дойлідства).

408. *Рагойша, В.* Заходнебеларускае мястэчка як асяродак беларуска-польскага культурнага сумежжа (на прыкладзе Ракава) / В. Рагойша // На шляхах да ўзаемаразумення : навук. зб. : матэрыялы Міжнар. навук. канф. / рэдкал. А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2000. – С. 62–68. – (Беларусіка=Albaruthenica ; кн. 15).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

409. *Радина, Н. К.* Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений / Н. К. Радина. – Н. Новгород : ДЕКОМ, 2015. – 344 с.
410. *Раманава, I.* Мір. Гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / Iрына Раманава, Iрына Махоўская. – Вільня : ЕГУ, 2009. – 248 с.
411. *Ребрина, Л. Н.* Дискурсивное конструирование локального патриотизма прошлого в региональных СМИ: коммеморация / Л. Н. Ребрина, С. А. Чубай // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – № 4 (82). – Ч. 2. – С. 47–51.
412. Резюме доклада о ситуации в Республике Беларусь и о прогрессе, достигнутом в деле стандартизации географических названий, представленного на сессии Группы экспертов Организации Объединенных Наций по географическим названиям в 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unstats.un.org/unsd/ungegn/sessions/2nd_session_2021/documents/GEGN.2_2021_30_CRP30_4a_Belarus_Russian.pdf. – Дата доступа: 20.10.2021.
413. Рекомендации по принятию решений местными Советами депутатов в отношении присвоения наименований элементам улично-дорожной сети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nca.by/rus/geosystem/eva/rekomendacii_po_naimenovaniiu. – Дата доступа: 20.10.2021.
414. *Ренан, Э.* Что такое нация? / Эрнест Ренан // Собрание сочинений Эрнеста Ренана : в 12 т. / пер. с фр. под ред. В. Н. Михайлова. – Киев, 1902. – Т. 6. – С. 87–102.
415. *Репина, Л. П.* Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–51.
416. *Репина, Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЛКИ, 20009. – 320 с.
417. *Репина, Л. П.* Образы прошлого в памяти и в истории / Л. П. Репина // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории, О-во интеллектуальной истории ; отв. ред. и сост. Л. П. Репина. – М., 2003. – С. 9–18.
418. *Решецкая, Т.* Конституция Речи Посполитой 1791 года: значение и опыт мемориализации в Беларуси / Т. Решецкая, И. Хромцов, Е. Восковцова // Организационно-правовые аспекты инновационного развития агробизнеса. – 2018. – №1 (15). – С. 288–292.
419. *Ригль, А.* Современный культ памятников: его сущность и возникновение / Алоиз Ригль ; пер. с нем. Г. Гимельштейна. – М. : ЦЭМ : V-A-C press, 2018. – 96 с.
420. *Рикёр, П.* Память, история, забвение / Поль Рикёр ; пер. с фр. И. И. Блауберг. – М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с. – (Французская философия XX века).
421. *Риккерт, Г.* Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. / Генрих Риккерт. – М. : Республика, 1998. – 413 с. – (Мыслители XX века).

422. *Рогалев, А. Ф.* Гомель: страницы древней истории, формирование улиц, местные тайны и загадки / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2014. – 246 с.
423. *Рождественская, Е. Ю.* Перформативная память и памятник вианбу в Южной Корее / Е. Ю. Рождественская // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2018. – Т. 10, № 15. – С. 91–101.
424. *Романова, О.* Символ, «работа с памятью», медиасобытие: военный парад к 60-летию Победы в Беларуси и России / О. Романова // Белорусский формат: невидимая реальность : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Р. Усманова. – Вильнюс, 2008. – С. 358–367.
425. *Романовская, Е. В.* Идентичность и коммеморация / Е. В. Романовская, Н. Л. Фоменко // Власть. – 2015. – № 7. – С. 81–84.
426. *Романовская, Е. В.* Традиция как форма социальной памяти: герменевтический и институциональный горизонт : дис. ... д-ра философских наук : 09.00.11 / Е. В. Романовская. – Саратов, 2013. – 306 л.
427. Россия. Полное географическое описание нашего отечества : Настольная и дорожная книга для русских людей : в 19 т. / под ред. В. П. Семенова и под общ. руководством П. П. Семенова, вице-пред. Русского геогр. о-ва и проф. В. И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Русского геогр. о-ва ; предисл.: Вениамин Семенов. – СПб. : А. Ф. Девриен, 1899–1914. – Т. 9 : Верхнее Поднепровье и Белоруссия / сост.: В. П. Семенов, М. В. Довнар-Запольский, Д. З. Шендрик [и др.]. – 1905. – VIII, 620 с.
428. *Ростовцев, Е. А.* Направления исследований исторической памяти в России / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. – 2014. – Вып. 2. – С. 106–126.
429. *Рублеўская, Л.* Ля Чырвонага касцёла / Л. Рублеўская // СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – № 13 (25148). – С. 9.
430. Н. П. Румянцев и полиэтнические проблемы современности : материалы Междунар. конф., 6–8 апр. 2010 г., Гомель / Рос. гос. б-ка [и др.] ; сост. Н. П. Игумнова ; ред. Н. Е. Добрынина. – М. : Рос. гос. б-ка, 2010. – 56 с.
431. *Румянцева, М. Ф.* Проблема коммеморации: метанарратив – места памяти – ренарративизация / М. Ф. Румянцева // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 54. – С. 16–31.
432. *Савельева, И. М.* История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
433. *Савельева, И. М.* Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб. : Наука, 2003. – Т. 1 : Конструирование прошлого. – 632 с.
434. *Савельева, И. М.* Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб. : Наука, 2006. – Т. 2 : Образы прошлого. – 751 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

435. *Савельева, И. М.* Перекрестки памяти : [послесловие] / И. М. Савельева // История как искусство памяти / Патрик Хаттон ; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – СПб., 2004. – С. 398–421.
436. *Савельева, И. М.* Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : ГУВШЭ, 2004. – 56 с. – (Препринт WP6/2004/07).
437. *Саверчанка, I. В.* Канцлер Вялікага Княства : Леў Сапега / I. В. Саверчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 63 с. : іл. – (Нашы славытыя землякі).
438. *Саверченко, И. В.* Канцлер Лев Сапега / И. В. Саверченко. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2020. – 64 с. : ил.
439. *Савчук, Т. П.* Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. П. Савчук ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2013. – 21 с.
440. *Савчук, Т. П.* Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси : монография / Т. П. Савчук ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2013. – 168 с.
441. *Саенко, Н. Р.* Культурно-символическая политика в отношении городской скульптуры / Н. Р. Саенко, А. И. Шипицин // Вопросы культурологии. – 2010. – № 12. – С. 80–84.
442. Сакрализация // Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М., 1983. – С. 589–590.
443. *Самцэвіч, В.* Мясцічка Лагойск (Менскай акругі) / В. Самцэвіч // Наш край. – 1928. – № 4. – С. 25–32.
444. Сапегіана: кніжнае сабранне роду Сапег = Сапегіяна: кнігазбор роду Сапегаў [Электронны рэсурс] / Нац. б-ка Беларусі, Рос. нац. б-ка ; сост.: Л. Г. Кірюхіна, К. В. Суша ; пад навуц. рэд. Н. В. Ніколаева, Т. І. Роціной. – Электрон., текст., графіч. даныя і праграма (1,7 Гб). – Мінск : НББ, 2011. – 1 электрон. опт. дыск (DVD-ROM).
445. Сапегі: асобы, кар’еры, маёнткі : зб. навуц. арт. / Нац. акад. навуц Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад. А. А. Скеп’ян ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. – 320 с. : іл.
446. *Сапунов, А.* Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии / А. Сапунов, В. Друцкий-Любецкий. – Витебск : Губернская типолитография, 1896. – 262 + 144 с.; ил.
447. *Сапуноў, А. П.* Кароткі нарыс гісторыі Віцебску : (пасмертны твор) / А. П. Сапуноў // Віцебшчына : неперыядычны орган Віцебскага Акруговага Таварыства Краязнаўства : у 2 т. / пад рэд. М. І. Каспяровіча. – Віцебск, 1925. – Т. 1. – С. 7–17.
448. *Сардаров, А. С.* Летопись памяти поколений: мемориальная архитектура Беларуси / А. С. Сардаров. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 167 с. : ил.
449. *Сардиани, В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество / В. И. Сардиани. – М. : Мир-медиа, 2001. – 246 с.

450. Сборник докладов Междунар. науч.-практ. конф. «Сохранение архитектурно-исторического наследия – основа устойчивого развития городов» : подготовлен и издан Белорусским союзом архитекторов при поддержке Межгосударственного Фонда гуманитарного сотрудничества государств–участников СНГ (МФГС) и при содействии М-ва архитектуры и строительства, М-ва культуры Республики Беларусь и Минского горисполкома, Минск, Замковый комплекс «Мир» Гродненской обл., Респ. Беларусь, 3–5.11.2011. – Минск, 2011. – 80 с.
451. *Свенцицкая, И. С.* Культ императора в Римской державе: от персонального обожествления к формальному культу носителя власти / И. С. Свенцицкая // Сакрализация власти в истории цивилизаций : кол. монография. – М., 2005. – С. 237–254. – (Серия «Цивилизационное измерение» ; т. 12).
452. *Свичкарь, И. Г.* Теоретико-методологические основы сохранения историко-культурного наследия / И. Г. Свичкарь // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 12 (303). – Вып. 55. – С. 90–94
453. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. – Минск : БелСЭ, 1990. – 424 с.
454. *Святославский, А. В.* Глобализация как фактор изменений национальных культур / А. В. Святославский // Вопросы культурологии. – 2014. – № 6. – С. 76–80.
455. *Святославский, А. В.* Городской монумент как объект восприятия (Некоторые аспекты современной мемориальной культуры) / А. В. Святославский // Преподаватель XXI век. – 2010. – № 1. – С. 356–364.
456. *Святославский, А. В.* История России в зеркале памяти: Механизмы формирования исторических образов / А. В. Святославский. – М. : Древлехранилище, 2013. – 592 с.
457. *Святославский, А. В.* К проблеме формирования образов в коллективной памяти послевоенной Европы (По материалам работы Патрика Хаттона «Феномен памяти как нескончаемый рассказ») / А. В. Святославский // Вопросы культурологии. – 2011. – № 1. – С. 47–52.
458. *Святославский, А. В.* Проблемы коммеморативной политики в современных зарубежных социогуманитарных исследованиях / А. В. Святославский // Вопросы культурологии. – 2011. – № 6. – С. 52–56.
459. *Святославский, А. В.* «Советский»: знак качества или жупел (К вопросу о формировании исторических образов недавнего прошлого в массовой культуре) / А. В. Святославский // Вопросы культурологии. – 2015. – № 4. – С. 28–34.
460. *Святославский, А. В.* Социальная память и культура увековечения (Еще раз к вопросу о социальной роли прошлого) / А. В. Святославский // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2011. – Т. 35, № 6. – С. 80–88.
461. *Святославский, А. В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / А. В. Святославский ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2011. – 53 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

462. *Святославский, А. В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / А. В. Святославский. – М., 2011. – 506 л.
463. *Святославский, А. В.* Трансформация образа И. Сталина в коллективной памяти (с 1930-х годов до современности) / А. В. Святославский // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. чл.-корр. РАН Л. П. Репиной. – М., 2012. – С. 288–313.
464. *Святославский, А. В.* Формирование исторических представлений как результат взаимодействия политики и коллективной памяти (По материалам монографии И. Ирвин-Зарецкой «Рамки памяти: Динамика коллективной памяти») / А. В. Святославский // Вопросы культурологии. – 2011. – № 8. – С. 29–33.
465. Святые мощи Евфросинии Полоцкой [Электронный ресурс] // Монастырь у церкви Спаса : сайт Полоцкого Свято-Евфросиниевского монастыря. – Режим доступа: http://spas-monastery.by/shrines_of_the_monastery/holy_relics/. – Дата доступа: 22.05.2020.
466. *Седов, В. В.* Дреговичи / В. В. Седов // Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. – М., 1982. – С. 113–119. – (Серия «Археология СССР»).
467. *Сергачев, С. А.* Историко-культурный потенциал объектов народной архитектуры Белорусского Подвинья / С. А. Сергачев // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов : сб. ст. респ. науч.-практ. семинара, Новополоцк, 8–9 окт. 2015 г. / М-во образования Респ. Беларусь ; Полоц. гос. ун-т ; под общ. ред. В. Е. Овсейчика (отв. ред.), Г. И. Захаркиной, Р. М. Платоновой. – Новополоцк, 2015. – С. 3–11.
468. *Сергачев, С.* Придорожные кресты – традиционная малая архитектурная форма Беларуси / Сергей Сергачев // Архитектура и строительные науки. – 2013. – № 3, 4 (16, 17). – С. 35–37. – Электронная версия. Режим доступа: <https://ais.by/article/pridorozhnye-kresty-tradicionnaya-malaya-arhitekturnaya-forma-belarusi>. – Дата доступа: 02.01.2021.
469. *Сигов, А.* Замок князя Паскевича в Гомеле / А. Сигов // Исторический вестник. – 1915. – Т. 139. – С. 275–282.
470. Скідзель. 500 год гісторыі / І. Барысаў [і інш.]. – Гродна : Гродзен. абл. тып., 2008. – 248 с.
471. *Скиперских, А. В.* Старые и новые герои: особенности коммеморации в российской провинции / А. В. Скиперских // Материалы XXII Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» / редкол.: Е. В. Грунт, А. В. Меренков, Н. Л. Антонова. – Екатеринбург, 2019. – С. 1419–1435.
472. *Скороход, И. Г.* О памятниках Конституции Речи Посполитой 3 мая 1791 г. / И. Г. Скороход // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання : зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2018. – С. 223–225.

473. *Скрипачева, И. А.* Современный город как культурная система : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / И. А. Скрипачева. – М., 2010. – 457 л.
474. *Слабуха, А. В.* Установление историко-культурной ценности объектов архитектурного наследия (ч. 2): критерии и метод в современной экспертной практике / А. В. Слабуха // Человек и культура. – 2016. – № 6. – С. 9–22.
475. Слонім і наваколле праз прызму гістарычных дакументаў, паданняў, даследаванняў [Электронны рэсурс] / Нац. б-ка Беларусі, Слонім. цэнтр. раён. б-ка імя Якуба Коласа ; навук. рэд. Т. В. Кузьмініч. – Мінск : НББ, 2019. – 1 электрон. апт. дыск (DVD-ROM).
476. *Смалянчук, А.* Асоба Каліноўскага як даследчая праблема / А. Смалянчук // Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі : матэрыялы VII Міжнар. навук. канф. Беларускага Гістарычнага Таварыства, Менск, 25 верасн. 2009 г. / навук. рэд. А. Смалянчук. – Мінск, 2011. – С. 9–25.
477. *Смирнова, Т. А.* Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918–1939 гг. / Т. А. Смирнова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – Т. 1 : Гуманитарные науки. – С. 95–98.
478. *Смоленчук, А.* Память на Пограничье (на примере памяти о Второй мировой войне) / А. Смоленчук // Беларусь: нация Пограничья / А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть. – Вильнюс, 2011. – С. 159–206.
479. *Смолік, А. І.* Музеефікацыя помнікаў культуры Заходняга Паазер'я: праблемы, тэндэнцыі / А. І. Смолік // 90 гадоў Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30–31 кастр. 2008 г. / Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 4–8.
480. Советское законодательство о памятниках истории и культуры : сб. документов и материалов (1917–1972 гг.) / Белорус. добровольное об-во охраны памятников истории и культуры ; сост.: Ф. В. Борисевич [и др.] ; под ред. И. Ф. Климова. – Минск : Полымя, 1972. – 430 с.
481. *Сокол, К. Г.* Восточный фронт Первой мировой войны: отношение к старым памятникам и появление новых / К. Г. Сокол // Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны : материалы науч.-практ. круглого стола 12 окт. 2017 г. / М-во культуры РФ; Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва; ред.-сост. С. А. Мозговой. – М., 2019. – С. 68–76.
482. *Сокол, К. Г.* Монументальные памятники Российской империи : каталог. – М. : Вагриус Плюс, 2006. – 429 с.
483. *Сокол, К. Г.* Российские монументальные памятники конца XVIII – начала XX в. как объекты исторической географии : дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24 / К. Г. Сокол. – М., 2009. – 187 л.
484. *Соркіна, І.* Мясцэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / І. Соркіна. – Вільня : ЕГУ, 2010. – 488 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

485. Социально-умные устойчивые города [Электронный ресурс] / публикация Организации Объединенных наций, изданная Европейской экономической комиссией (ЕЭК ООН). – Женева, 2020. – Режим доступа: https://unece.org/sites/default/files/2021-04/ECE_INF_2020_3_RUS.pdf. – Дата доступа: 20.11.2021.
486. *Степанцевич, Т. В.* Трансформация практик коммеморации Великой Отечественной войны в современной России / Т. В. Степанцевич // Вестник гуманитарного образования. – 2021. – № 1 (21). – С. 119–129.
487. Столетний юбилей революций 1917 года и российская политика памяти: Коммеморации столетия революции в России: от памяти к политикам памяти [Электронный ресурс] : материалы заседания Группы ситуационного анализа Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН) // Гефтер : интернет-журнал. – 07.11.2017. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/23171>. – Дата доступа: 10.12.2019.
488. *Стрельбицкая, М.* Визуализация национального в городской среде. Варшава – опыт XX века / М. Стрельбицкая // Границы : альманах Центра этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета. – Иваново, 2008. – Вып. 2 : Визуализация нации. – С. 230–244.
489. *Стрельченко, Д.* «Княгиня Ирина» зацветет. В Гомеле высадили уникальный сорт сирени / Дарья Стрельченко // Гомельские ведомости [сайт]. – 20 мая 2019 г. – Режим доступа: https://newsgomel.by/news/society/irina-paskevich-zatsvetet-v-gomele-vysadili-unikalnyu-sort-sireni_39784.html. – Дата доступа: 20.11.2019.
490. *Стульгинский, А. И.* Восьми- и девятичасовой труд на Добрушской писчебумажной фабрике князя Паскевича / А. И. Стульгинский. – СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1895. – 14 с.
491. *Стурейко, С.* Антропология архитектурного наследия: взгляд на Беларусь / С. Стурейко. – Минск : Юнипак, 2010. – 183 с.
492. *Стурейко, С.* «Дожинки» и архитектурное наследие: возможности и испытания для белорусских городов / С. Стурейко // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego МСССХХХ. Prace Etnograficzne. – 2013. – Т. 41, z. 2. – S. 91–112.
493. *Стурейко, С.* Проблема выяснения истоков культа наследия / С. Стурейко // Антропология культурного наследия: взгляд на Беларусь. – Минск, 2010. – С. 6–21.
494. *Стычинский, М.* Кризис идентичности: механизмы забвения и мемориализации в условиях глобализации / М. Стычинский // Вопросы философии. – 2020. – № 7. – С. 35–39.
495. *Суминова, Т. Н.* Город в контексте экономики впечатлений / Т. Н. Суминова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 5 (97). – С. 90–96.
496. *Суша, А. А.* 500-годдзе беларускага кнігадрукавання як фактар развіцця айчынай культуры / А. А. Суша // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – 2015. – № 2 (24). – С. 165–173.
497. *Татаринев, Ю. А.* Белорусская старина: культура и традиции белорусов. Легенды. Архитектура: замки, дворцы, монастыри, храмы. Садово-парковая куль-

тура. Язычники. Христианские конфессии. Ордены. Евреи, татары, старообрядцы, поляки. Сведения об истории почти 100 местечек и городов / Ю. А. Татаринков. – Минск : Минсктиппроект, 2002. – 208 с. – (Беларусь историческая)

498. *Татаринков, Ю. А.* Города Беларуси. Брестчина / Ю. А. Татаринков. – Минск : Смэлток, 2010. – 172 с.

499. *Татаринков, Ю. А.* Города Беларуси: в некоторых интересных исторических сведениях / Ю. А. Татаринков. – Минск : Смэлток, 2019. – 867 с. – (Беларусь историческая).

500. *Татаринков, Ю. А.* Города Беларуси: в некоторых интересных исторических сведениях. Витебщина / Ю. А. Татаринков. – Минск : Энциклопедикс, 2006. – 206 с. – (Беларусь историческая).

501. *Татаринков, Ю. А.* Города Беларуси: в некоторых интересных исторических сведениях. Гомельщина / Ю. А. Татаринков. – Минск : Смэлток, 2010. – 167 с. – (Беларусь историческая).

502. *Татаринков, Ю. А.* Города Беларуси: в некоторых интересных исторических сведениях : города-музеи / Ю. А. Татаринков. – Минск : Смэлток, 2016. – 493 с. – (Беларусь историческая).

503. *Татаринков, Ю. А.* Города Беларуси: в некоторых интересных исторических сведениях. Гродненщина / Ю. А. Татаринков. – Минск : Смэлток, 2009. – 199 с. – (Беларусь историческая).

504. *Татаринков, Ю. А.* Города Беларуси: в некоторых интересных исторических сведениях : кто добавлял нам славы / Ю. А. Татаринков. – Минск : Смэлток, 2013. – 119 с. – (Беларусь историческая).

505. *Татаринков, Ю. А.* Города Беларуси: в некоторых интересных исторических сведениях. Минщина / Ю. А. Татаринков. – Минск : И. П. Логвинов, 2008. – 243 с. – (Беларусь историческая).

506. *Татаринков, Ю. А.* Города Беларуси: в некоторых интересных исторических сведениях. Могилевщина / Ю. А. Татаринков. – Минск : И. П. Логвинов, 2007. – 169 с. – (Беларусь историческая).

507. *Татаринков, Ю. А.* От Гродно и Каменца до Мстиславля : Белорус. старина / Ю. А. Татаринков ; Мин. междунар. образовательный центр. – Минск : Минсктиппроект, 1997. – 155 с.

508. *Татур, Г. Х.* Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение / составил и издал Г. Х. Татур. – Минск : Губернская типография, 1892. – [4], 276 с.

509. *Терентьев, Е. А.* Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор / Е. А. Терентьев // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Социология». – 2014. – № 3. – С. 73–86.

510. *Тимофеев, М. Ю.* «Войны памяти»: монумент «Родина-мать зовет!» в современной мемориальной политике / М. Ю. Тимофеев // Лабиринт : журнал социально-гуманитарных исследований. – 2017. – № 1. – С. 45–58.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

511. Тимофеев, М. Ю. Город красной зари. Иваново : неканонический путеводитель / М. Ю. Тимофеев. – Иваново, 2017. – 180 с.
512. Тимофеев, М. Ю. История формирования семиосферы города Иваново-Вознесенска/Иванова (1917–1991) / М. Ю. Тимофеев // Вестник Ивановского государственного университета. – 2005. – № 3. – С. 78–94.
513. Тимофеев, М. Ю. Монументальный образ Родины-матери в политиках памяти современной России // Вестник Пермского университета. Сер. «История». – 2016. – № 4 (35). – С. 86–94.
514. Тимофеев, М. Ю. Нациосфера : Опыт анализа семиосферы наций / М. Ю. Тимофеев. – Иваново : ИВГУ, 2005. – 279 с. : 45 ил.
515. Тимофеев, М. Ю. Самый советский город: архитектура и топонимия города Иванова (Россия) / М. Ю. Тимофеев // Miasta Nowych Ludzi . Architektoniczna i urbanistyczna spuscizna komunizmu. Obóz. – 2007. – № 49. Т. II. – S. 147–157.
516. Тойнби, А. Дж. Роль личности в истории / Арнольд Дж. Тойнби ; пер. с англ. Е. М. Доброхотовой-Майковой, И. Майгуровой, В. Алексеева. – М. : Астрель, 2012. – 224 с.
517. Тонди, Ахмад. Архитектурный декор Средней Азии эпохи Тимуридов : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / А. Тонди. – М., 2003. – 205 л.
518. Топоров, В. Н. Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста / отв. ред. Т. В. Цивьян. – М., 1987. – С. 121–132.
519. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс : Культура, 1995. – 624 с.
520. Топоров, В. Н. О динамическом контексте трехмерных произведений изобразительного искусства (семиотический взгляд). Фальконетовский памятник Петру I / В. Н. Топоров // Лотмановский сборник. – М., 1995. – Вып. 1. – С. 420–462.
521. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров // Избранные труды. – СПб. : Искусство-СПб, 2003. – 617 с.
522. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура : сб. ст. / Акад. Наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Т. В. Цивьян. – М., 1983. – С. 227–284.
523. Трушина, Л. Е. Образ города и городской среды : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.04 / Л. Е. Трушина. – СПб., 2000. – 205 л.
524. Туристическая мозаика Беларуси / А. И. Локотко [и др.] ; науч. ред. А. И. Локотко. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 640 с.
525. Турлай, И. Минск: малоизвестные страницы : (Посвящается 950-летию Минска. 1067–2017) / И. Турлай. – Минск : Четыре четверти, 2016. – 242 с. – (Минская городская библиотека).
526. Турчин, В. С. Монументы и города: взаимосвязь художественных форм монументов и городской среды / В. С. Турчин. – М. : Советский художник, 1982. – 160 с.

527. *Турчинович, И. В.* Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен / соч. И. В. Турчиновича. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1857. – 313 с.
528. 1000-годдзе Брэста: праз прызму старадаўніх дакументаў [Электронны рэсурс] / Нац. б-ка Беларусі [і інш.]; навук. рэд. Т. В. Кузьмініч. – Мінск : НББ, 2019. – 1 электрон. апт. дыск (DVD-ROM).
529. *Тяпкова, А. И.* Местечки Беларуси. Этнологическое исследование / А. И. Тяпкова; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исследований белорус. культуры, языка и литературы. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 189 с.
530. *Уваров, М. С.* Поэтика Петербурга : очерки по философии культуры / М. С. Уваров. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2011. – 252 с.
531. Увековечивание памяти защитников Отечества и жертв войны в Беларуси 1941–2008 гг. : документы и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 304 с.: ил.
532. Увековечение памяти о событиях войны 1812 г. на территории Беларуси // Беларусь и война 1812 года : сб. документов / сост. А. М. Лукашевич, Д. Л. Яцкевич; редкол.: В. И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2011.
533. *Уилкинсон, Т.* Люди и кирпичи: 10 архитектурных сооружений, которые изменили мир / Том Уилкинсон; пер. с англ. М. Десятовой. – М. : Альпина нон-фикшн, 2015. – 328 с.
534. *Уинтер, Д.* Места памяти и тени войны / Джей Уинтер, Ф. В. Николаи // Вестник Мининского университета : сетевое издание. – 2016. – № 1–2. – Режим доступа: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/163/164#>. – Дата доступа: 09.12.2019.
535. *Уйбо, А.* Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача / А. Уйбо // Труды по философии. XXXV, Смысловые концепты историко-философского знания. – Тарту, 1990. – С. 76–92. – (Ученые записки Тартуского ун-та).
536. *Успенский, Б. А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) / Б. А. Успенский // Избранные труды : в 3 т. – 2-е изд., испр. и перераб. – М., 1996. – Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. – С. 9–70.
537. *Федоров, Н. Ф.* Отношение торгово-промышленной цивилизации к памятникам прошлого / Н. Ф. Федоров // Собр. соч. : в 4 т. – М., 1995. – Т. 4. – С. 207–208.
538. *Федотова, Н. Г.* Перформативные практики коммеморации как инструмент формирования культурной памяти города / Н. Г. Федотова, Т. В. Ильина // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. – 2018. – Т. 8, № 2-1 (10). – С. 143–149.
539. *Федотова, Н. Г.* Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города / Н. Г. Федотова // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 39. – С. 130–143.
540. *Флиер, А. Я.* Современная культурология: объект, предмет, структура / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 124–147.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

541. *Флиер, А. Я.* Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ / А. Я. Флиер // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 1. – С. 166–183.
542. *Франция-память / Пьер Нора [и др.] ; пер. с фр. Д. Хапаевой.* – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.
543. *Фуко, М.* Археология знания / М. Фуко. – СПб. : Гуманитарная академия, 2004. – 412 с.
544. *Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак.* – СПб. : Алетейя, 2008. – Т. IV : Культурная политика. – 424 с.
545. *Фундаментальные проблемы культурологии : сб. ст. по материалам конгресса.* – М. : Новый хронограф : Эйдос, 2009. – Т. 6 : Культурное наследие: От прошлого к будущему / отв. ред. Д. Л. Спивак. – 376 с.
546. *Хальбвакс, М.* Коллективная и историческая память : пер. с фр. / Морис Хальбвакс // *Неприкосновенный запас.* – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27. – Электронная версия. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2-pr.html>. – Дата доступа: 14.10.2021.
547. *Хальбвакс, М.* Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.
548. *Ханецкі, В.* Ён першым увёў 8-гадзінны працоўны дзень (Антоній Стульгінскі – дырэктар, які зрабіў славаўтай Добрушскую папяровую фабрыку) / Вітольд Ханецкі // *Наша гісторыя.* – 2019. – № 1. – С. 68–71.
549. *Хаттон, П.* История как искусство памяти / П. Хаттон ; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 423 с.
550. *Хириш, М.* Что такое постпамять / Марианна Хириш ; пер. К. Харлановой // *Уроки истории XX век : интернет-журнал.* – 17 июня 2016 г. – Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/article/53287>. – Дата доступа: 29.11.2019.
551. *Хлевнюк, Д.* Бернард Гизен. Триумф и травма / Д. Хлевнюк // *Социологическое обозрение.* – 2010. – Т. 9, № 2. – С. 112–117. – Рец. на кн.: Giesen, V. *Triumph and trauma* / V. Giesen. – Boulder : Paradigm publishers, 2004. – 208 p.
552. *Хмельницкая, Л.* Монумент в память о войне 1812 г. в Клястицах / Л. Хмельницкая // *Planeta Belarus : информ. портал.* – Режим доступа: <https://planetabelarus.by/sights/monument-v-pamyat-o-voynе-1812-goda-v-klyastitsakh>. – Дата доступа: 20.03.2019.
553. *Хобсбаум, Э.* Изобретение традиций / Эрик Хобсбаум ; пер. с англ. С. Панарина // *Вестник Евразии.* – 2000. – № 1. – С. 47–62.
554. *Цітоў, А. К.* Геральдыка Беларусі / А. К. Цітоў. – Мінск : МФЦІТ, 2010. – 144 с.
555. *Цітоў, А. К.* Геральдыка беларускіх местаў: XVI – пачатак XX ст. / А. К. Цітоў. – Мінск : Польша, 1998. – 288 с.
556. *Чантурия, Ю. В.* Белорусское градостроительное искусство: средневековое наследие, ренессанс, барокко, классицизм в системе европейского зодчества / Ю. В. Чантурия. – Минск : Белорус. наука, 2017. – 503 с., ил.

557. *Чантурия, В. А.* Памятники и памятные места Беларуси / В. А. Чантурия, Ю. В. Чантурия. – Изд. перераб. и доп. – Минск : Харвест, 2015. – 416 с. : ил.
558. *Чепайтене, Р.* Город как миф: литовская столица в свете культуры воспоминания / Р. Чепайтене // *История, память, политика : зб. наук. ст. / упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай.* – Київ, 2016. – С. 243–276.
559. *Чепайтене, Р.* Культурное наследие в глобальном мире / Раса Чепайтене. – Вильнюс : ЕГУ, 2010. – 298 с.
560. *Чернатов, В. М.* Архитектор Марк Лившиц: творчество в зеркале эпохи / В. М. Чернатов // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.* – 2016. – № 1 (25). – С. 104–111.
561. *Чернатов, В. М.* Памятники воинской славы на белорусской земле (XIX – начало XX в.) / В. М. Чернатов. – Минск : Польша, 1976. – 36 с.
562. *Чернатов, В. М.* Сынам Отчизны: мемориальные сооружения воинской славы на территории Белоруссии / В. М. Чернатов. – Минск : Выш. шк., 1980. – 135 с.
563. *Шишигина, К. Я.* Музы Несвижа / К. Я. Шишигина ; под ред. А. И. Мальдиса. – Минск : Польша, 1986. – 141 с. – (По родному краю).
564. *Шнирельман, В. А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В. А. Шнирельман. – М. : ИКЦ Академкнига, 2003. – 592 с.
565. *Шпілеўскі, І.* Мясцэчка Койданава (гістарычныя весткі) / І. Шпілеўскі, Л. Бабровіч // *Наш край.* – 1929. – № 2 (41). – С. 24–35.
566. *Шпілеўскі, І.* Мясцэчка Койданава (гістарычныя весткі з 1917 г.) / І. Шпілеўскі, Л. Бабровіч // *Наш край.* – 1929. – № 3 (42). – С. 36–46.
567. *Шпілеўскі, І.* Сучасны стан м. Койданава і раёну / І. Шпілеўскі, Л. Бабровіч // *Наш край.* – 1929. – № 4 (43). – С. 32–45.
568. *Шуб, М. Л.* Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / М. Л. Шуб. – Челябинск, 2018. – 491 л.
569. *Шуб, М. Л.* Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал / М. Л. Шуб // *Челябинский гуманитарий.* – 2016. – № 3 (36). – С. 80–85.
570. *Шуб, М. Л.* Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) / М. Л. Шуб // *Обсерватория культуры.* – 2018. – Т. 15, № 2. – С. 161–169.
571. *Шулепова, Э. А.* Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе : дис. ... д-ра культурол. наук : 24.00.02 / Э. А. Шулепова. – М., 1998. – 292 л.
572. *Шулепова, Э. А.* Региональное наследие: опыт изучения и музеефикации памятников Дона / Э. А. Шулепова ; М-во культуры РФ, Рос. акад. наук, Рос. ин-т культурологии. – М., 1998. – 244 с.
573. *Шухободский, А. Б.* Памятник истории и культуры как специфический вид культурной ценности / А. Б. Шухободский // *Известия Российского государ-*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2009. – № 97. – С. 356–365. – Электронная версия. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ramyatnik-istorii-i-kultury-kak-spetsii-cheskiy-vid-kulturnoy-tsennosti>. – Дата доступа: 15.10.2018.
574. Шыбека, З. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет : курс лекцый / З. Шыбека. – Вільня : ЕГУ, 2009. – 372 с.
575. Шыбека, З. В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзя) / З. В. Шыбека ; Нац. навук.-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны пры М-ве адукацыі Рэсп. Беларусь. – Мінск : ЭўроФорум, 1997. – 319 с.
576. Шыбека, З. Роля сталіцы / З. Шыбека // Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет : курс лекцый / З. Шыбека. – Вільня, 2009. – С. 176–203.
577. Эверитт, Э. Как управлять культурой: Интегрированное культурное планирование и культурная политика / Энтони Эверитт // Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры : сб. материалов / Рос. нац. б-ка ; сост.: Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов ; пер. с англ. Н. С. Рогова. – М., 2002. – С. 100–123.
578. Эко, Умберто. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Умберто Эко. – СПб. : Symposium, 2006. – 544 с.
579. Элиаде, М. Гильгамеш в поисках бессмертия / Мирча Элиаде ; пер. с фр. Н. Н. Кулаковой, В. Р. Рокитянского, Ю. Н. Стефанова // История веры и религиозных идей. Т. 1. От каменного века до Элевсинских мистерий / М. Элиаде. – М., 2002. – С. 75–78.
580. Элиаде, М. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде ; пер. с англ. В. Р. Рокитянского. – М. : Ладомир, 1999. – 488 с.
581. Эстетические ценности предметно-пространственной среды / А. В. Иконников [и др.] ; под общ. ред. д-ра архитектуры А. В. Иконникова. – М. : Стройиздат, 1990. – 335 с.
582. Эткинд, А. Новый историзм, русская версия / Александр Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 1 (47). – С. 78–102.
583. Юнова, А. Н. К вопросу о превентивных мерах сохранения культурного наследия в Германии / А. Н. Юнова // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2012. – № 3(24). – С. 176–180.
584. Юргенсон, В. А. Денежное обращение на белорусских землях в XIV–XV вв. / В. А. Юргенсон // Банковский вестник. – 2008. – № 25. – С. 63–68.
585. Юрикова, А. Ю. Культурное наследие Русской православной церкви: практики взаимодействия церковных и художественных институтов : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / А. Ю. Юрикова. – Челябинск, 2019. – 171 л.
586. Ясперс, К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991. – С. 288–418.
587. Alexander, J. C. The meanings of social life: A cultural sociology / J. C. Alexander. – New York : Oxford University Press, 2005. – 296 p.

588. *Alexander, J. C.* Toward a Theory of Cultural Trauma / J. C. Alexander // Cultural Trauma and Collective Identity / J. C. Alexander [et al.]. – Berkeley, 2004. – P. 1–30.
589. *Assmann, A.* The Holocaust – a Global Memory? Extensions and Limits of a New Memory Community / A. Assmann // Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories / Aleida Assmann, Sebastian Conrad (editors). – Palgrave Macmillan, 2010. – P. 97–117.
590. *Auge, Marc.* Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity / Marc Auge ; translated by John Howe. – New York ; London : Verso, 1995. – 123 p.
591. *Bergson, Henri.* Matter and Memory / Henri Bergson. – New York : Zone Books, 1988. – 284 p.
592. *Burgin, V.* In/Different Spaces: Place and Memory in Visual Culture / V. Burgin. – Berkeley : University of California Press, 1996. – 329 p.
593. Cultural memory studies : an international and interdisciplinary handbook / ed. by Astrid Erll, Ansgar Nunning. – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2008. – 441 p.
594. Cultural Trauma and Collective Identity / J. C. Alexander [et al.]. – Berkeley : University of California Press, 2004. – IX, 314 p.
595. *Czarnowski, S.* Kult bohaterów i jego społeczne podłożo, święty Patryk bohater narodowy Irlandii / S. Czarnowski // Dzieła. T. IV. – Warszawa : PWN, 1956. – 255 s.
596. Dialog kultur pamięci w regionie ULB / pod red. A. Nikžentaitisa, M. Kopczyńskiego. – Warszawa : Muzeum Historii Polski, 2014. – 355 s.
597. *Dvořák, M.* Katechismus der Denkmalpflege / M. Dvořák. – Wien : J. Bard, 1916. – 140 S.
598. *Etkind, A.* Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied / Alexander Etkind. – Stanford : Stanford University Press, 2013. – 328 p. – (Cultural Memory in the Present).
599. *Famielec, M.* Главные тенденции в развитии урбанонимии Бреста и Гродно – сопоставительное описание / M. Famielec, H. Duszyński // Białorutenistyka Białostocka / Uniwersytet w Białymstoku ; red. H. Twaranowicz. – Białystok, 2010. – T. 2. – S. 179–188.
600. *Fedor, J.* Introduction: War and Memory in Russia, Ukraine, and Belarus / Julie Fedor, Simon Lewis, Tatiana Zhurzhenko // War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus / ed. by Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, Tatiana Zhurzhenko. – Palgrave Macmillan, 2017. – P. 1–40. – (Palgrave Macmillan Memory Studies).
601. *Geddes, P.* Civis as Applied Sociology. Part II / P. Geddes // Sociological Papers 2. – 1905. – P. 55–111.
602. *Giddens, A.* The Consequences of Modernity / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press in Association with Blackwell, 1990. – IX, 186 p.
603. *Giesen, B.* Triumph and Trauma / B. Giesen. – Boulder : Paradigm publishers, 2004. – 208 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

604. *Halbwachs, Maurice*. La Mémoire collective [1950] / Maurice Halbwachs // The Collective Memory / Translated by F. J. and V. Y. Ditter. – New York, 1980. – P. 50–87.
605. *Halbwachs, M.* Les Cadres Sociaux de la Mémoire / M. Halbwachs. – Paris : Presses Universitaires de France, 1925. – 211 p.
606. *Hobsbawm, E.* Inventing Traditions / E. Hobsbawm // The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge, 2002. – P. 1–15.
607. *Hutton, Patrick H.* History as an Art of Memory / Patrick H. Hutton. – Hanover, London : University of Vermont, 1993. – 255 p.
608. *Hutton, Patrick H.* The Memory Phenomenon as a Never-Ending Story / Patrick H. Hutton // History and Theory. – 2008. – № 47. – P. 584–596.
609. *Hutton, Patrick H.* The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing: How the Interest in Memory Has Influenced Our Understanding of History / Patrick H. Hutton. – New York : Palgrave Macmillan, 2016. – XII+234 p.
610. *Huyssen, A.* Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory (Cultural Memory in the Present) / Andreas Huyssen. – Stanford University Press, 2003. – 192 p.
611. *Huyssen, A.* Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia / A. Huyssen. – New York : Routledge, 1994. – 302 p.
612. *Jaspers, K.* Die geistige Situation der Zeit / K. Jaspers. – B.-Leipzig : Gruyter, 1932. – 191 p.
613. *Landry, C.* The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators / C. Landry. – L. : Earthscan Publications Ltd., 2001. – 324 p.
614. *Lefebvre, H.* Le Droit à la ville / H. Lefebvre. – Paris : Anthropos, 1968. – 159 S.
615. Les Lieux de Mémoire : 3 vol. / ed. Pierre Nora. – Paris : Edition Gallimard, 1984–1992. – 3 vol.
616. *Levy, D.* The Holocaust and Memory in the Global Age / Daniel Levy, Natan Sznaider. – Philadelphia : Temple University Press, 2006. – 240 p.
617. *Loewen, J. W.* Lies Across America: What Our Historic Sites Get Wrong / by James W. Loewen. – New York : The New Press, 1999. – 480 p.
618. *Markov, I.* Метаморфозы русского Сцеволы (К вопросу о коммеморации народного героизма в Отечественной войне 1812 года) / I. Markov // Zeitschrift für Slavische Philologie. – 2015. – Vol. 71, № 1. – P. 73–91.
619. Memory and Political Change / eds. A. Assmann, L. Shortt. – New York : Palgrave Macmillan, 2012. – XVIII, 223 p. – (Palgrave Macmillan Memory Studies).
620. Memory and Theory in Eastern Europe / eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – X, 279 p.
621. Memory: History, Culture and the Mind / ed. by T. Butler. – Oxford ; New York : Blackwell, 1989. – IX, 189 p.
622. *Mumford, L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects / L. Mumford. – New York : Harcourt, Brace & World, 1961. – IX, 657 p.
623. *Mumford, L.* The Culture of Cities / L. Mumford. – San Diego ; New York ; London : A Harvest/HBJ Book Harcourt Brace Jovanovich, Publishers, 1970. – 586 c.

624. *Nora, P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire / P. Nora // Representations. – 1989. – Vol. 26. – P. 7–24.
625. *Osborne, B. S.* Landscapes, memory, monuments, and commemoration: Putting identity in its place / B. S. Osborne // Canadian Ethnic Studies. – 2001. – № 33 (3). – P. 39–77.
626. *Parr, Adrian.* Deleuze and Memorial Culture: Desire, Singular Memory and the Politics of Trauma / Adrian Parr. – Edinburgh University Press, 2008. – 216 p.
627. *Piaget, J.* La construction du réel chez l'enfant / J. Piaget. – 6 éd. – Neuchâtel, 1977.
628. *Piaget, J.* The invented reality: how do we know what we believe we know? / J. Piaget. – New York : Norton, 1984. – 347 p.
629. *Piaget, J.* Writing culture: the poetics and politics of ethnography / J. Piaget. – Berkeley, Calif.: University of California Press, 1986. – 305 p.
630. *Radley, Alan.* Artefacts, Memory and a Sense of the Past / Alan Radley // Collective Remembering / ed. by D. Middleton and D. Edwards. – London, 1990. – P. 46–59.
631. Rethinking France: Les Lieux de mémoire / ed. Nora Pierre. – Chicago : University of Chicago Press, 1999. – Vol. 1 : The State. – 516 p.
632. Rethinking France: Les Lieux de mémoire/ ed. Nora Pierre. – Chicago : University of Chicago Press, 2006. – Vol. 2 : Space. – 300 p.
633. Rethinking France: Les Lieux de mémoire / ed. Nora Pierre. – Chicago : University of Chicago Press, 2009. – Vol. 3 : Legacies. – 520 p.
634. Rethinking France: Les Lieux de mémoire / ed. Nora Pierre. – Chicago : University of Chicago Press, 2010. – Vol. 4 : Histories and Memories. – 504 p.
635. *Riegl, A.* Der Moderne Denkmalkultur: Sein Wesen und seine Entstehung / A. Riegl. – Wien und Leipzig : W. Braumüller, 1903. – 145 S.
636. Rites of Place: Public Commemoration in Russian and Eastern Europe / ed. by Julie Buckler, Emily D. Johnson. – Evanston, IL : Northwestern University Press, 2013. – 348 p.
637. *Saito, H.* Reiterated Commemoration: Hiroshima as National Trauma / H. Saito // Sociological Theory. – 2006. – № 24 (4). – P. 353–376.
638. *Schwartz, B.* History, Commemoration, and Belief: Abraham Lincoln in American Memory, 1945–2001 / B. Schwartz // The American Sociological Review. – 2005. – № 70 (2). – P. 183–203.
639. *Schwartz, B.* The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory / B. Schwartz // Social Forces. – 1982. – Vol. 61, № 2. – P. 374–402.
640. *Sherman, D. J.* The Construction of Memory in Interwar France / D. J. Sherman. – Chicago : The University of Chicago Press, 1999. – 448 p.
641. *Shwed, V.* Ethnic Groups, History, and Memory in Grodno / V. Shwed // Politics, History and Collectuve Mermory in East Central Europe. – Warszawa, 2012. – С. 387–400.
642. *Simpson, D.* 9/11: The Culture of Commemoration / D. Simpson. – Chicago&London : The University of Chicago Press, 2006. – 176 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

643. *Szpunar, Piotr M.* Monuments, mundanity and memory: Altering 'place' and 'space' at the National War Memorial (Canada) / Piotr M. Szpunar // *Memory Studies*. – 2010. – № 3(4). – P. 379–394.
644. *The Invention of Tradition* / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 320 p.
645. *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* / ed. by Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, Tatiana Zhurzhenko. – Palgrave Macmillan, 2017. – XXVII, 506 p. – (Palgrave Macmillan Memory Studies).
646. *War memory and popular culture : essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by Michael Keren and Holger H. Herwig. – Jefferson, N. C. : McFarland, 2009. – VI, 206 p.
647. *Weiss, M.* Bereavement, commemoration, and collective identity in contemporary Israeli society / M. Weiss // *Anthropological Quarterly*. – 1997. – Vol. 70, № 2. – P. 91–101.
648. *Winter, J.* The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present / J. Winter, A. Prost. – Cambridge etc. : Cambridge Univ. Press., 2005. – VIII, 250 p.
649. *Working Through 9/11: Literature, Film, and Memorial Culture* [Electronic resource] // Universiteit Leiden. Prospectus Course 2021–2022. – Mode of access: <https://studiegids.universiteitleiden.nl/courses/70655/working-through-911-literature-film-and-memorial-culture>. – Date of access: 29.01.2022.
650. *Yates, F. A.* The Art of Memory / F. A. Yates. – London : Routledge and Kegan Paul, 1966. – 400 p.
651. *Zelizer, B.* Reading the Past Against the Grain: The Shape of Memory Studies / B. Zelizer // *Critical Studies in Mass Communication*. – 1995. – Vol. 12, № 2. – P. 214–239.
652. *Zwigenberg, R.* Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture / R. Zwigenberg. – New York : Cambridge University Press, 2014. – XIV, 332 p.

Список публикаций автора

Монографии и монографические сборники

1. *Соколова, О. М.* Минский текст: проблематика культурной памяти столичного города в условиях цивилизационного помежья / О. М. Соколова ; М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2017. – 417 с.

Статьи в научных рецензируемых журналах

2. *Соколова, О. М.* Культура коммеморации городской цивилизации в Беларуси: генезис и эволюция / О. М. Соколова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2018. – № 2 (30). – С. 35–43.

3. *Соколова, О. М.* Город умный и культурный: коммеморативные практики в современном культурном пространстве белорусской столицы / О. М. Соколова // Современная молодежь и общество. – 2018. – Вып. 6 : Историческая память и преемственность. Диалог поколений. – С. 70–75.

4. *Сакалова, В. М.* Фарміраванне гістарычных вобразаў у культурнай прасторы беларускага горада / В. М. Сакалова // Роднае слова. – 2019. – № 6. – С. 84–87.

5. *Соколова, О. М.* Величие подвига: сакрализация памяти о Великой Отечественной войне / О. М. Соколова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2019. – № 2 (32). – С. 22–28.

6. *Сакалова, В. М.* Гістарычны вобраз: мадэлі інтэрпрэтацыі ў какемаратыўным дыскурсе / В. М. Сакалова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2019. – № 3 (33). – С. 5–10.

7. *Соколова, О. М.* Культура коммеморации в контексте мемориальных исследований XX – начала XXI в. / О. М. Соколова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2020. – № 1 (35). – С. 17–28.

8. *Соколова, О. М.* Проблемы сохранения и интерпретации памяти в исследованиях городского пространства / О. М. Соколова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2020. – № 4 (38). – С. 19–27.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

9. Соколова, О. М. Детерминанты становления и развития коммеморативной культуры города / О. М. Соколова // Обсерватория культуры. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 127–139.

10. Сакалова, В. М. Каштоўнасны падыход да стварэння мемарыялаў / В. М. Сакалова // Роднае слова. – 2021. – № 12. – С. 80–83.

11. Соколова, О. М. Образы прошлого в культуре белорусского города: принципы формирования / О. М. Соколова // Человек в социокультурном измерении. – 2021. – № 2. – С. 49–56.

12. Соколова О. М. Культура коммеморации в креативном городе: закономерности и перспективы развития / О. М. Соколова // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2021. – № 6. – С. 66–73.

13. Соколова, О. М. Законодательное регулирование топонимов в культурном ландшафте белорусского города / О. М. Соколова // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2021. – № 4. – С. 96–100.

14. Соколова, О. М. Коммеморативные практики в городском пространстве Беларуси: законодательный аспект / О. М. Соколова // Искусство и культура. – 2022. – № 1 (45). – С. 47–51.

15. Соколова О. М. Методология исследования коммеморативной культуры города // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2022. – № 1 (43). – С. 5–12.

Статьи в научных сборниках

16. Соколова, О. М. Город с 950-летней историей: образно-символьная интерпретация культурной памяти Минска / О. М. Соколова // Культура. Наука. Творчество : XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4 мая 2017 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Беларус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: Ю. П. Бондарь [и др.]. – Минск, 2017. – С. 31–40.

17. Соколова, О. М. Тышкевичи в истории города Минска / О. М. Соколова // Гісторыка-культурная спадчына Свіслацкага краю (да 760-годдзя горада Свіслач) : Шостыя Тышкевіцкія чытанні, Свіслач, 2 верасня 2016 г. : зб. арт. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, Ін-т гісторыі НАН Беларусі, Свіслац. райвыканкам ; рэдкал.: А. І. Смолік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2018. – С. 34–39.

18. Соколова, О. М. Солнце над городом: Минск в художественном и документальном кино периода «хрущевской оттепели» / О. М. Соколова // Кострома.

Genius Loci : альманах / сост. и отв. ред. Т. А. Ёлшина. – Кострома, 2018. – Вып. 1. – С. 58–63.

19. *Соколова, О. М.* Коммеморативные практики в монументальном искусстве: воплощение подвига в Великой Отечественной войне / О. М. Соколова // Культура. Наука. Творчество : XIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, Минск, 16 мая 2019 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: А. А. Корбут [и др.]. – Минск, 2019. – С. 31–35.

20. *Соколова, О. М.* Коммеморативные практики в культурном пространстве современного белорусского города / О. М. Соколова // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2019. – № 1 (3). – С. 97–108.

21. *Соколова, О. М.* Борисов: коммеморативная культура современного белорусского города / О. М. Соколова // Гісторыка-культурная спадчына Барысаўскага рэгіёна паводле працы Я. Тышкевіча «Апісанне Барысаўскага павета» : Сёмыя Тышкевіцкія чытанні, Барысаў, 15 мая 2018 г. : зб. арт. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, Барыс. райвыканкам ; рэд-кал.: А. І. Смолік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2020. – С. 62–78.

22. *Соколова, О. М.* Добруш в историко-культурном измерении / О. М. Соколова // Культура. Наука. Творчество : XIV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Великой Победы и 45-летию БГУКИ, Минск, 14 мая 2020 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: А. А. Корбут [и др.]. – Минск, 2020. – С. 378–382.

23. *Соколова, О. М.* Историко-культурное наследие магнатского рода Сапег: этапы мемориализации / О. М. Соколова // Гісторыка-культурная спадчына магнацкіх родаў Тышкевічаў і Сапегаў : культурна-антрапалагічны аспект : Восьмыя Тышкевіцкія чытанні, Ружаны, 15 мая 2021 г. : зб. навук. арт. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, Ружанскі палацавы комплекс роду Сапегаў ; рэд-кал.: А. І. Смолік (адк. рэд.), В. М. Сакалова, Д. В. Герасіме́нак. – Мінск, 2021. – С. 55–62.

24. *Соколова, О. М.* Современные тенденции развития культуры коммеморации в пространстве белорусского города / О. М. Соколова // Культура Беларуси: реалии современности : IX Междунар. науч.-практ. конф. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: Н. В. Карчевская (пред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 268–271.

25. *Сакалова, В. М.* Культура памяці ў манументальным мастацтве горада / В. М. Сакалова // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : зб. навук. арт. Вып. 3 / гал. рэд. А. І. Лакотка ; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск, 2022. – С. 73–76.

Материалы научных конференций

26. Соколова, О. М. Мемориальная культура: воспитательный потенциал / О. М. Соколова // Патриотизм и патриотическое воспитание в контексте вызовов современности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 мая 2019 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии ; Госпогранкомитет ; Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; редкол.: Г. П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 295–297.

27. Соколова, О. М. Памятник как объект актуализации историко-культурного наследия: критерии ценностной характеристики / О. М. Соколова // Научный поиск в сфере современной культуры и искусства : материалы науч. конф. профессорско-преподавательского состава БГУКИ, Минск, 26 нояб. 2020 г. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: Н. В. Карчевская (пред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 117–121.

28. Соколова, О. М. Коммеморативные практики в городском пространстве: сохранение и популяризация памяти о Румянцевых и Паскевичах / О. М. Соколова // II Международные Паскевичские чтения в Гомеле : материалы науч.-практ. конф. (23–24 сент. 2021 г.) / под общ. ред. М. С. Рафеевой ; сост.: С. В. Курашова, В. С. Ковалева. – Минск, 2021. – С. 153–159.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абашев В. 36
Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан) 45, 46
Аврелий (Марк Аврелий Антонин) 51
Аганов Д. 121
Аганов С. 305, 312
Агунович Э. 250, 265
Адамини Антонио 154
Адамович Алесь 280, 304, 336, 337, 350
Адашкевич С. 172
Адорно Теодор 14, 21, 389
Адриан Публий Элий Траян 46
Азгур Заир 78, 98, 127, 164, 167, 178, 272, 288, 294, 307
Айерман Рон 19
Айтматов Торекул 56
Айтматов Чингиз 56
Акимочкин И. Ф. 282
Акройд Питер 33
Аксенова А. А. 132
Александр Джеффри 23
Александр, византийский император 51
Александр I 73, 142
Александр II 72, 90, 91, 323
Александр Невский 315, 325
Александр Ягеллончик 220
Александра, княжна 315, 325
Алексо Т. 333
Алишевич С. 121
Алмазов Б. 33
Альтшулер М. 101, 103
Анастасия Слуцкая 304, 305, 312

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Андреюк А. 264
Андрянов В. 224, 252
Аникейчик А. 287, 302
Анна Ягеллонка 337
Антипин Н. А. 23
Анушко Ю. 372
Аполлонов А. 333
Аранаускасы Л. и Г. 167, 183, 184
Арендт Ханна 12
Аристотель 303
Артём (Сергеев) Ф. А. 282
Артимович А. 112
Ассман Алейда 11–13, 15, 22, 389
Ассман Ян 14, 18, 69, 389
Астафьев Э. Б. 74, 114
Астраханцева Т. Л. 172
- Багласов С.** 119, 308, 312
Баданов Г. 163, 165, 166, 175, 176, 181, 183
Бакланов М. 171, 172, 211–213
Балабин А. 336
Балочкайте Р. 23
Барабанова Н. 327
Баранникова А. А. 35
Барщ М. 164, 167, 169, 183, 184, 187, 208
Басс В. Г. 18
Беккер Ян Самуэль 301
Беллинсгаузен Фаддей 54
Белоусов П. 172
Белый А. Е. 358
Бембель А. О. 75, 152, 164, 167, 172
Бен-Йехуда Элизер 123
Березовский Р. 350
Берсон С. И. 302
Беседина Е. А. 35
Благий Алесь (Kontra) 339, 346, 349, 368
Блэкер Уиллем 27
Богданович Максим 147, 271, 282, 286, 357
Богушевич Франтишек 222, 244, 245

Болкунов Н. 219
 Бон Томас 75
 Бона Сфорца 334, 335, 337
 Бондаренко С. 116
 Борис Всеславич 76, 112, 221
 Бородин Т. С. 282
 Бородулин Рыгор 280, 306, 337, 351
 Бохан Д. 32
 Бразер А. 95
 Браточкин А. 15, 23
 Браун Джуди 23
 Бродский Иосиф 33
 Брыль Янка 304
 Бубновский Д. 254
 Будны Симон 223, 226, 271, 358
 Буйницкий Игнат 77, 123
 Булак В. 311
 Булгаков Михаил 33, 282
 Булыгина Е. Ю. 37
 Буравкин Геннадь 280
 Буралкин Г. В. 34, 39, 265, 366
 Буркова Т. В. 35
 Буров А. 164
 Буров В. 350
 Буховецкие Андрей и Алексей 143
 Быков Василь 280, 306, 335, 337, 344, 351
 Бядуля Змитрок 170

Вайль Петр 33, 359
 Вакар С. 286
 Варбург Аби 14, 389
 Варвашеня О. 380
 Варецы В. и Л. 335
 Василенко О. Б. 260
 Василёк Михась 78
 Василь, князь 315, 325
 Васильев А. 164
 Васильев А. Г. 15, 17, 18, 25, 148
 Васильева Е. О. 18

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Вашингтон Дж. 42
Вебер Макс 353
Веденин Ю. А. 34
Вежбиньски Ярослав 53
Вероккьо Андреа 52
Веселова М. Н. 37
Викери Джонатан 37
Виноградов Л. 317
Винтер Джей 21, 22
Вирт Луис 354
Витовт 224, 226–228, 263, 304, 335
Влади Марина 359, 360
Владислав IV Ваза 335
Войнилович Эдвард 280, 301, 302
Войницкий П. 75, 131, 336
Воинов А. 170, 201
Володин М. Я. 32
Володько И. 164
Воложинский В. Г. 32
Волчек В. 178
Воробьев А. 134
Ворошильский Ф. 93
Врублевская-Токер Т. И. 29
Всеслав Брячиславич (Чародей) 76, 118, 306
Высоцкий Владимир 359, 360, 366

Габович М. 23
Габрусь Т. В. 20, 21
Габсбурги 48
Гавриил Белостокский 223
Гавриков С. 364, 383
Гавриленко В. Н. 134
Гаврилов П. 364, 383
Галкин О. 225
Галузо С. 121
Ганди Махатма 358
Ганчар А. И. 218
Гардин В. 294
Гарцуев А. 295

Гвоздиков А. 106, 122, 325
Гегарт Р. 166, 170, 180, 203
Гедройц Ежи 28
Гедымин 56, 77, 119, 226–228, 262
Гелиос 46
Гельман Полина 281
Герасимёнок Д. 307
Гидденс Энтони 18
Гизен Бернард 23
Гилевич Нил 280, 337
Гильгамеш 40
Гиляровский В. 32
Глазычев В. Л. 34, 354
Глеб Всеславич 77
Глебов А. К. 164, 167, 170, 204
Глинский Михаил 220, 234
Гоген А. 92
Головашина О. В. 23, 145
Голубев И. 108, 110, 111
Голубовский Л. 168, 170, 190, 202
Гольдин П. З. 34
Гольдштейн Э. 169, 195
Гольц Г. 164
Гораций Коклес (Публий Гораций Коклес) 50
Гордеев Ю. 37
Гордианы 45
Горнова Г. В. 16, 36
Гортынский Николай 282
Горький Максим 75, 164, 171, 208, 211, 337
Гошкевич Иосиф 76, 79, 110, 292
Градов Ю. 287, 288, 367
Грант Улисс С. 45
Григорьев Ю. 98
Гриневич Томаш 334
Грицевец С. И. 271
Грицкевич А. П. 68, 296, 316
Громько А. А. 82, 140
Грубе А. 74, 75, 95
Груша Р. 241, 243

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Губерт, святой 223, 248
Гужаловский А. А. 23
Гумилевские Л. и С. 224, 244, 253
Гумилевский Л. 287
Гумилевский С. 259
Гун Г. Е. 148
Гусев В. 169, 197, 199
Гусовский Николай 358
- Да Винчи Леонардо 57
Давид Городенский, князь 76, 77, 120
Давлеткулова Л. Н. 37
Давыдов 219
Данциг М. В. 361, 370
Дауман А. 75
Дахин А. В. 31
Дворжак Макс 12, 20
Дегтярев 78
Делёз Жиль 24
Дембовецкий Александр 280
Денисенко Г. К. 281, 282
Джойс Джеймс 33
Дзеконский И. 218
Дзержинский Ф. Э. 79, 95, 129, 166, 177, 178, 271
Дионис 49
Дионисий, епископ 223
Добролюбов И. 304
Долгов А. 143, 251
Долгов В. 319, 328, 329
Домейко Игнаци (Игнат) 222, 243, 292
Дон Кихот Ламанчский 57
Донателло 51
Донован Виктория 28
Донских С. В. 35
Достоевский Федор 33
Дранец А. 247
Дранкевич О. Г. 34
Дроздович Язеп 77, 123, 335, 336, 346, 349
Дубрович Алесь 123

Духан А. 163, 166, 179
 Духан И. Н. 165
 Дыбовский А. 330
 Дюркгейм Эмиль 14, 17, 38, 141, 148, 389
 Дятко Н. 121

Евфросиния Полоцкая 47, 70, 76, 111, 221, 223, 250, 292, 306, 358
 Екатерина II 72, 73, 143, 316, 321
 Елизавета II 146
 Елисей Лавришевский 34, 39, 223
 Елхов Ю. 304
 Ельские 337
 Ерасов Б. С. 215
 Еремеева С. А. 20, 21
 Ермоленко П. 364
 Ершов В. 163, 168, 188
 Ефимова А. В. 23

Жбанов В. 261, 362
 Жебрак А. Р. 282
 Жигимонт Август 225
 Жигимонт III Ваза 225
 Жилибер Жан Эммануэль 75
 Жилка Владимир 302
 Жилунович Дмитрий (Змитер) (Тишка Гартный) 281, 336
 Жолтовский И. 163–166, 169
 Жуков В. 168, 189

Заборский Г. 151, 163, 164, 167, 170, 172, 183, 206–208, 214, 282, 288
 Завиши 44, 63, 271
 Занкович В. 156, 159, 224, 254
 Заскевич С. 310
 Заслонов К. С. 214, 271
 Заспицкий А. 157, 170, 206, 287
 Захаров И. А. 170
 Зелянко В. 315, 324
 Зосимович И. 351

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- И**ванков Г. 75
Иванов П. 170, 200
Игнатъев С. 118
Изяслав 76, 77, 115, 361, 373
Иконникова С. Н. 292
Ильф И. 315
Иньков М. М. 34, 39
Иоанн Павел II 223
Иосиф Аримафейский 47
Исаченко В. 169, 195
Исрапилова З. 26
Истацидии 45
- Й**ейтс Фрэнсис 31
- К**азак И. 108, 122, 135, 254, 325
Казакевич А. 23
Казаков Ю. 98, 266, 286
Казей Марат 271
Калач Б. Ф. 282
Калеников И. Е. 282
Калинин М. И. 170, 199, 271
Калиновский Кастусь 56, 216, 220, 292–294, 307, 308, 337
Карако В. 351
Карпиньский Франтишек 44, 62
Карпюк М. 266
Качалкова Ю. А. 37
Кашуба Витаутас 226
Кейстут 228
Кибальников А. 159
Ким Ир Сен 48
Ким Чен Ир 48
Кирилл Туровский 34, 39, 223, 358
Киров С. М. 170, 191, 202
Кириченко В. И. 174, 201
Киш Алена 335, 346
Клименко Е. Н. 37
Климов Э. 304
Клинов А. 33

- Клумов Е. В. 74
Князев К. Е. 36
Ковалев А. 100
Ковалевский Е. 112
Коваленя Е. Г. 34
Коваль С. 358
Ковырев С. 327
Кожар И. 364
Козлов В. И. 166
Козлов Петр 122
Козлюк Д. 341
Колас Якуб 219, 271, 282, 288, 363
Колесник В. 304
Коллеони Бартоломео 52
Колчев Е. 325
Колягина Н. 36, 54
Кондратенко В. 224, 252
Конисский Георгий 228
Константин I Великий 41, 50, 51
Конфуций 358
Коперник Николай 57
Корабельников А. 168, 170, 190, 202
Корбут А. 380
Корбут В. А. 32
Король В. А. 151, 163, 164, 166, 167, 179, 183, 194, 207–209, 212–214
Король М. М. 219
Короткевич Владимир 76, 108, 216, 217, 282, 334, 336, 339, 348, 361, 363, 371, 380
Корсак Юзеф 77, 122
Костенко Г. 85, 99
Кострюков А. 352
Костюченко К. А. 132, 224, 256
Костюшки-Сехновичские 322
Костюшко Тадеуш 222, 241, 292, 302, 303, 311, 321, 322, 337
Косяк В. 110
Котихин А. Л. 74
Котломанов А. О. 23
Красильникова Е. И. 30
Крол Дж. 322

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Крохолов А. 240
Ксименес Э. 73, 93
Кудрявцев А. 171
Кузнецов А. 222
Кузнецов В. 304, 305
Кулаковский К. 364, 383
Кулешов Аркадий 282
Кулешова М. Е. 34
Купала Янка 75, 271, 282, 287
Куприянова Анастасия 157
Куржалов И. 133
Кюферле П. 331
- Лавренова О. А.** 34
Лавров Г. 164, 171
Лагин Лазарь 315
Лангбард И. Г. 41, 60, 164, 172, 213
Ластовский А. 23
Ластовский Вацлав 19, 77, 123
Лев VI 51
Леви Даниэль 22
Левин Л. 157, 160, 287, 288
Леви-Стросс Клод 20
Левшук Кристина 139
Леккерт Гирш 91
Ленин В. И. 41, 52, 53, 58, 60, 72, 74, 75, 77, 78, 97–104, 124, 128, 143, 164, 165, 170, 271, 272, 280, 281, 300, 306, 335
Леонтьева О. Б. 12
Лефевр Анри 356
Либкнехт Карл 73, 74, 94
Лившиц М. 163, 169, 195, 199
Лидов А. М. 141
Лино Антонио 249
Линч Кевин 355
Липень Алесь 105
Лисикрат 49
Лисицкий Эль 360
Лихачев Д. С. 11
Логвин С. 310

Лойка Г. 303, 311
 Локотко А. И. 34
 Ломейко В. 135
 Лопатинские 216
 Лопатинский Ян Никодим 216, 231
 Лось Евдокия 76, 109
 Лотман Ю. М. 36, 313
 Лоуэн Джеймс 26
 Лукьянчик Н. И. 34, 39
 Луначарский А. В. 337
 Луцкевич Иван 297
 Лученок Игорь 281
 Лыщик А. 121
 Лэндри Чарльз 37, 354, 355
 Людовик XIV 142

Мавсол 45
 Макаров А. 101
 Македонская Н. В. 319
 Маклецова Н. 164, 171
 Максенций Марк Аврелий Валерий 50
 Малевич Казимир 73, 74, 360
 Мальте Рольф 53
 Мамфорд Льюис 68, 353
 Манизер М. 74, 99
 Мао Цзэдун 48
 Маренич А. 101
 Маркс Карл 74, 94, 98, 170, 272, 320, 336, 337
 Мартинович В. 295
 Мартыненко И. Э. 267
 Мартынков Д. 226, 261
 Мастеница Е. Н. 34
 Махнов Ф. А. 361
 Мацкевич В. 374, 381
 Мацкевич Л. 183
 Мегилл Аллан 16, 26, 38, 229, 291, 389
 Медичи 47, 48, 166
 Мезенко А. 37
 Мелеги Л. 166, 180

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Менеск 77
Мерошевский Юлиуш 28
Мёзер Иоганн 381
Микеланджело 48
Микелоццо ди Бартоломео 166
Микешин М. О. 228
Миколуцкий Е. П. 282
Микушевич В. Б. 303
Миллер А. 55
Миловидов Н. 101, 103
Мильтиад 50
Мина, епископ 223
Минкевич Л. 118
Мирович Е. 294
Миско И. 157, 310, 340
Митько Е. 244
Мицкевич Адам 53, 69, 83, 222, 239, 282, 292, 335, 337, 359
Мицкевич Е. П. 282, 283, 289
Могучий В. 107, 109, 122
Молчан Олег 362, 375
Морозов И. В. 74, 112
Москалевич Л. 286
Моствилишский Леонид 64
Мулявин Владимир 337, 352
Муравьев М. Н. 73, 218
Мусинский С. 171, 302
Мысливец Н. Л. 303
- Н**авои Алишер 363
Наполеон Бонапарт 142, 322
Нарни Эразмо да (Гаттамелата) 51
Науменко Иван 282
Немцевичи 215
Нечай О. 119, 375
Николай Ф. В. 55
Николай (Летуновский), иеромонах 70
Николай I 52, 143, 296
Николай II 315, 324
Николай, святитель 70, 324

Нора Пьер 14, 16, 17, 27, 31, 38, 354, 389
Носов С. 33

Оганов Л. 114, 298
Оганов С. 119, 120, 375
Огинские 292
Огинский Михал Клеофас 80, 131, 362, 374
Оже Марк 354
Ожегов С. 101
Ожешко Элиза 282, 337
Ольгерд 76, 116, 228
Ольденбург Рэй 354
Орда Наполеон 76, 110, 297–298, 337
Орджоникидзе Г. К. 78, 127, 272
Осипов М. 342, 346
Осмоловский М. 166, 181
Острожские 337
Острожский Константин 228
Отчик Г. 136

Павлов Я. Ф. 168, 187
Павлова Ю. В. 14, 16
Павлючук А. 121, 257, 264
Палемон 227
Палладио Андреа 163
Пантелеев В. 137, 248, 358, 360
Паперный В. З. 36
Пармон А. 364, 383
Парр Адриан 24
Парусников М. 163–166, 170, 171, 175, 176, 179, 182, 183, 207
Паскевич И. Ф. 52, 64, 228, 316, 318
Паскевичи 72, 75, 316–320, 326
Паскевич-Эриванская И. И. (Ирина Паскевич) 318–320, 327, 328
Паскевич-Эриванский Ф. И. 282, 306, 318–320, 329, 330, 337
Пастухов Никита 62
Пахалюк К. 13
Пашкевич Алоиза (Цётка) 76, 105
Пенязьков Д. Н. 281
Песецкий Сергей 222, 238

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Петрашкевич А. 294
Петров Е. 315
Петровский Л. 364, 383
Петруль М. 160
Пётр I 142
Пикассо Пабло 56, 65
Пипин В. 113, 310
Погорелов Л. Н. 162
Подолинский В. С. 75, 104
Покульницкий Л. 225, 258
Полетаев А. В. 18
Понятовский Станислав Август 225
Понятовский Юзеф 52, 64, 72
Попов В. 170, 204, 206, 319
Попов Д. 102, 327, 330
Попова В. Н. 18
Портнов А. В. 29
Потемкин Г. А. 316
Потоцкий Леон 42, 295
Притыцкий С. 79, 129
Прокопцов В. И. 95
Прокудин-Горский С. М. 143, 154
Прост Антуан 21, 22
Прохоров А. 115, 118
Пусловские 216, 301
Пушкин А. С. 315, 323, 333
- Р**адзивилл Николай Фаустин 71, 86
Радзивилл Николай Христофор (Криштоф) Сиротка 48, 71, 86
Радзивиллы 48, 52, 68, 71, 80, 216, 292
Ракович А. 295
Рейнджер Теренс 25
Рейтан Тадеуш 79, 280
Ригль Алоиз 12, 19, 20, 385
Рикёр Поль 14, 389
Риккерт Генрих 229
Роберманы Л. и М. 172
Рогатко М. 247
Рогволод Борисович 76, 221, 236, 237

- Рогнеда 76, 77
 Родзевич Мария 337
 Романова О. 23
 Романовы 323
 Ромул Валерий 45
 Рубаненко Б. 168, 170, 190, 202
 Рублевская Л. 302
 Рукавишников А. 331
 Румянцев Н. П. 317–319, 326
 Румянцев С. П. 317
 Румянцева М. Ф. 17
 Румянцев-Задунайский П. А. 316, 317
 Румянцевы 75, 316, 318–320, 326
 Русак Адам 336, 350
 Русак С. 130, 262
 Рыбаков В. 108, 109
 Рыжанко Н. 157
 Рыженков Н. 326
 Рыминский Л. 171, 210
- С**авельева И. М. 18
 Саверченко И. В. 296
 Савицкий Михаил 281, 361
 Савчук Т. П. 23
 Сайто Хиро 23
 Сакко Джузеппе 381
 Сангушки 69
 Санчес Педро 49
 Сапега Евстафий Каетан 296
 Сапега Евстафий Северин 296
 Сапега Казимир Лев 300, 335
 Сапега Лев 76, 114, 223, 295–300, 306, 310, 335, 337, 345
 Сапега Павел Стефан 71, 87
 Сапеги 68, 80, 216, 292, 295–298, 300, 301, 316, 335
 Сапеги – Потоцкие 297, 299
 Сапунов А. П. 67, 68
 Сардаров А. С. 21, 113, 225, 258, 340
 Сафон Карлос Руис 33
 Сацкевич И. И. 37

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Свенцицкая Ю. С. 46
Свердлов Я. М. 170, 202
Свитич-Видацкая Бальбина 321, 337
Святополк-Мирский П. Д. 219
Святославский А. В. 17, 20, 21, 34, 293
Седов В. В. 43
Селиханов К. 367, 380
Селиханов С. И. 164, 167, 170, 204
Селятыцкий А. И. 73, 93
Семенович Казимир 225
Семеняко Ю. 302
Сервантес Мигель 57
Сергиевич П. 297
Серегин В. Г. 281
Сигизмунд (Жигимонт I) Старый 334
Силен В. 263
Симеон Полоцкий 76, 111, 223, 225
Симпсон Дэвид 24
Скиперских А. В. 35
Скляр Н. 345
Скорина Франциск 133, 164, 223, 225, 282, 292, 294, 295, 302, 309, 334, 335, 337, 341, 342, 358
Скурчаев В. В. 74
Слабко Нина 139
Слободчиков В. И. 74, 224, 246, 253, 371
Слушки 316
Смейлзер Нил 23
Смирнова Т. А. 23
Смоленчук А. Ф. 23
Смоляков П. У. 357, 365
Соболевский Александр 225
Соболевский Юрий 123
Сокол К. Г. 18, 323
Соколов Д. 118
Соколов Никита 237, 260
Сорокин А. 351
Сороколетов А. 364
Сосновская Михля 358
Сосюра Е. 349

Союза Франциско Франко де 249
 София Слуцкая 76
 Софья Гольшанская 222, 240
 Сталин И. В. 53, 72, 75, 77, 78, 97, 124, 127, 164, 168, 174, 210, 322
 Станкевич Я. 19
 Стахович О. 159
 Сташкевич 219
 Степанов Б. 294
 Стефан Баторий 225
 Столлер Р. 167
 Столыпин П. А. 73, 93
 Стоянова Е. 330
 Стурейко С. 272, 386
 Суворов А. В. 271, 316, 320–322, 331, 332, 335
 Сугако Р. 362
 Судас Сергей 256
 Суминова Т. Н. 355
 Сухой Павел 122
 Сысоев Г. 171

Т
 Тамерлан 46
 Танк Максим 334, 340
 Тарасенко А. 164
 Тарасян А. 122
 Тарлецкая М. 375
 Татур Г. Х. 69
 Тённис Фердинанд 35
 Тимофеев М. 33, 36, 53
 Тимохов С. 154
 Тимуриды 46, 47
 Тит 50
 Ткачев М. 359
 Тойнби Арнольд 292
 Толкачёв Д. 336, 348
 Толстой Лев 357, 365
 Топоров В. Н. 36
 Торвальдсен Бертель 52, 64
 Траугутт Ромуальд 77, 124, 216
 Траян Марк Ульпий 50, 51, 142, 227

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Трипольская Т. А. 37
Троян Ю. 304, 305
Трушина Л. Е. 34
Туров В. 359
Тухто А. 237, 257
Тызенгауз Антоний 76, 117, 335, 337, 363, 381
Тызенгаузы 216
Тышкевич Винцент 41, 60, 308
Тышкевич Евстафий 225, 258
Тышкевич Юзеф 71
Тышкевичи 80, 292, 301, 337
Тэрро Алексей 110
Тяпинский Василь 223, 358
Тяпкова А. И. 35
- У**варов М. С. 36
Уилкинсон Том 18
Уинтер Джей 55
Усова Л. 170, 171, 201, 210
Успенский Б. А. 36
Ушкурнис И. 227, 263
- Ф**абиянский Эразм Рудольф 220
Федор Джули 27
Федотова Н. Г. 30
Феодора 51
Фёдоров Г. 111
Фёдоров Иван 223
Фидий 50
Филиппович Я. 261
Финский А. 111, 117, 340
Флакс И. 75
Фоменко И. 150
Фомин И. А. 73
Франко Франсиско 48, 49
- Х**альбвакс Морис 14, 16, 18, 38, 291, 389
Хараберюш Е. 225, 258
Хаттон Патрик 14, 26, 389

Хирш Марианна 26
Хо Ши Мин 48
Хобсбаум Эрик 25, 38, 389
Ходкевичи 69, 216
Хомейни Рухолла Мусави 48
Хрептовичи 69
Хруцкий Иван 282
Хумаюн 47
Хусейн Саддам 52

Цавик Н. 111
Цадкин Осип 57, 66
Цанава Л. 165
Цветаева Е. 33
Цвигенберг Рэн 22
Цезарь Гай Юлий 45
Цезарь Луций Юлий 45
Целюк С. 367
Цестий Гай 45
Цой Виктор 362, 377
Цомпель П. 266

Чайковский П. И. 361
Чапаев В. И. 78, 126, 227
Чаплин Чарли 56
Чапский Кароль Ян 79, 80, 130, 131
Чеботарев В. 332
Чепайтене Раса 23, 29
Чернышев З. Г. 316
Чорны Кузьма 336, 347
Чупрак К. А. 37

Шагал Марк 33, 76, 106, 107, 281, 335, 343, 359, 360
Шамякин Иван 77, 306
Шантар Ян 308
Шаппо А. 157
Шарапов Н. Н. 317
Шатерник А. 158
Шатило Роман 74, 76, 114

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Шварцман Л. А. 361, 370
Шибeko З. В. 67, 72
Шибeko С. Ф. 72
Шиллер 57
Ширма Р. 302
Шмидт О. Ю. 282
Шмырев М. Ф. (Батька Минай) 70
Шнайдер Натан 22
Шомов А. 137, 224, 254
Шопен Фридерик 53
Шпилевский Павел 337
Шпунар Петр 23
Штомпка Петр 23
Шуб М. Л. 30, 363
Шулепова Э. А. 20

Щемелёв Л. Д. 360, 361
Щорс Николай 78

Эврисак 45
Эрнандес Франсиско Лопес 65
Эткинд Александр 27, 292

Юргенсон В. 225
Юстиниан 51

Ягайло 224
Якерсон Давид 73, 94
Ян М. 232
Янушкевич В. 110, 131, 239, 309
Ярохович С. 233
Ясперс Карл 12
Ясь Белоус 80
Яшутин Р. 364

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Памятник Кириллу Туровскому. 1993. Туров. Скульптор М. М. Иньков, архитектор Н. И. Лукьянчик 34, 39

Рис. 2. Памятник преподобному Елисею Лавришевскому. 2007. Новогрудок. Скульптор Г. В. Буралкин 34, 39

Рис. 3. Конкурсный проект маяка-памятника В. И. Ленину в Ленинградском порту. 1930–1932 гг. Архитектор И. Г. Лангбард. Ежегодник Общества архитекторов-художников. Ленинград. 1935. Вып. 14 41, 60

Рис. 4. Обелиск. Конец XVIII – начало XIX в. Свислочь. Установлен владельцем Свислочи графом Винцентом Тышкевичем в честь свислочской ярмарки как символ благополучия и процветания. Разрушен в 1939 г. Фото: kultura-svisloch.by 41, 60

Рис. 5. 20-метровый обелиск в Свислочи воссоздан в 2017 г. Фото: <https://www.sb.by/articles/deklamiruem-vysokim-shpilem.html> 42, 61

Рис. 6. Захоронение в виде «теремка». Начало XX в. Деревня Борки, Кличевский район, Могилевская область 43–44, 62

Рис. 7. Гробница польского поэта Франтишека Карпиньского. Начало XIX в. Агрогородок Лысково, Пружанский район, Брестская область. Фото Никиты Пастухова. Источник: Intex-press 44, 62

Рис. 8. Часовня-усыпальница Завишей. 1800 г. или вторая половина XIX в. Узда 44, 63

Рис. 9. Фрагмент часовни-усыпальницы Завишей 44, 63

Рис. 10. Борисов камень. XII в. Полоцк. Фото Леонида Моствилишского 51, 64

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 11. Конная статуя Юзефа Понятовского. Памятник изготовлен в 1817–1832 гг. Скульптор Бертель Торвальдсен. Установлен у дворца И. Ф. Паскевича, 1840. Гомель. Возвращен в Варшаву в 1922 г. *52, 64*

Рис. 12. Скульптура «Пабло Пикассо» на одноименном бульваре в жилом комплексе «Маяк Минска». 2018. Минск. Реплика скульптуры Франсиско Лопеса Эрнандеса, установленной в Малаге в 2008 г. недалеко от Дома-музея Пикассо *56, 65*

Рис. 13. Скульптура Осипа Цадкина «Вестник». 1937. Корпоративная коллекция Белгазпромбанка. 2019. Минск. Фото автора *57, 66*

Рис. 14. Курган дреговичей. X–XI вв. Минск *69, 83*

Рис. 15. Курган Бессмертия Адама Мицкевича. 1924–1931. Новогрудок *69, 83*

Рис. 16. Курган Бессмертия. 1966. Орша *70, 84*

Рис. 17. Курган Бессмертия. 1967. Лида *70, 84*

Рис. 18. Мемориальный комплекс «Курган Славы». 1967. Смолевичский район, Минская область. Комплект открыток «Минск». Издательство «Плакат». М., 1985. Фото Г. Костенко *70, 85*

Рис. 19. Погребальный портрет Николая Фаустина Радзивилла. Неизвестный художник. 1746. Металл, масло. Национальный художественный музей Республики Беларусь. Фото автора *71, 86*

Рис. 20. Барельеф Николая Криштофа Радзивилла (1549–1616) в костеле Божьего Тела. Несвиж *71, 86*

Рис. 21. Надгробие Павла Стефана Сапеги (1565–1635) в костеле Святого Иоанна Крестителя. Гольшаны. Музей древнебелорусской культуры НАН Беларуси *71, 87*

Рис. 22. Арка Славы. Могилев. Установлена в 1780 г. как Триумфальная арка. Памятник реставрирован, переделан и переименован в 1950–1960-е гг. *72, 87*

Рис. 23. Триумфальная арка. 2018. Могилев *72, 88*

Рис. 24. Арка на входе в городской сквер. 2020. Витебск 72, **88**

Рис. 25. Юбилейный памятник на одноименной площади. Конец XIX – начало XX в. Минск. Фотография. Рукописный отдел Вильнюсской университетской библиотеки 72, **89**

Рис. 26. Юбилейный памятник на улице Ново-Московской. Конец XIX – начало XX в. Минск. Фотография. Национальный исторический музей Республики Беларусь 72, **89**

Рис. 27. Памятник Александру II на Соборной площади. 1901, демонтирован в 1915 г. Минск. Открытка 72, **90**

Рис. 28. Памятный знак Гиршу Леккерту на месте памятника Александру II на площади Свободы. Ноябрь, 1932 г. Минск 72, **91**

Рис. 29. Памятник-бюст Александру II в ознаменование 50-летия освобождения от крепостной зависимости. Местечко Новая Мышь, Новогрудский уезд, Минская губерния. Фотография. Журнал «Огонек». 1912. № 1 73, **91**

Рис. 30. Храм-памятник «Матери Полтавской баталии». 1908 (заложен). Фотография. Журнал «Огонек». 1908. № 45 73, **92**

Рис. 31. Открытие храма-памятника «Матери Полтавской баталии». 1912 (освящен). Архитектор А. Гоген. Фотография. Журнал «Огонек». 1912. № 47 73, **92**

Рис. 32. Памятник П. А. Столыпину на Дворцовой площади в Гродно. 1914. Скульптор Э. Ксименес. Фото из коллекции Ф. Ворошильского 73, **93**

Рис. 33. Мемориальная доска на здании Гродненского облисполкома. 2011. Скульптор А. И. Селятыцкий 73, **93**

Рис. 34. Давид Якерсон у памятника Карлу Либкнехту. 1920. Витебск. Фото: evitebsk.com 73, 74, **94**

Рис. 35. Открытие памятника Карлу Марксу. 7 ноября 1922 г. Минск. Фото: pastvu.com 74, **94**

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 36. Памятник Ф. Дзержинскому. 1934. Дзержинск. Скульптор фигуры А. Грубе. Скульптор барельефа А. Бразер. Фотография. В. Прокопцов. В поисках красоты и гармонии. Минск, 1988 74, 95

Рис. 37. Памятник жертвам Курловского расстрела в 1905 г. Установлен на Привокзальной площади в Минске, 1928, стоял до 1941 г. 74, 96

Рис. 38. Фрагмент памятника жертвам Курловского расстрела. Фотография. Газета «Звезда». 31 кастрычніка 1935 г. 74, 96

Рис. 39. Скульптурная композиция, посвященная В. И. Ленину и И. В. Сталину, у входа в Библиотеку им. В. И. Ленина на улице Красноармейской. Вторая половина 1930-х гг., разрушена в 1941 г. Минск 74, 97

Рис. 40. Памятники К. Марксу и В. И. Ленину перед главным входом в здание ЦК КПБ на улице Карла Маркса. 1980. Минск. Скульптор З. Азгур, архитекторы Ю. Григорьев, Ю. Казаков. Демонтированы в начале 1990-х гг. Находятся в мемориальном музее-мастерской Заира Азгура 74, 98

Рис. 41. Памятник В. И. Ленину на площади Независимости. 1933. Минск. Скульптор М. Манیزер. Комплект открыток «Минск». Издательство «Плакат». М., 1985. Фото Г. Костенко 74, 99

Рис. 42. Памятник В. И. Ленину на одноименной площади. 1947. Мозырь. Скульптор А. Ковалев 74, 100

Рис. 43. Памятник В. И. Ленину на одноименной площади. 1960. Барановичи. Скульптор М. Альтшулер, архитекторы С. Ожегов, Н. Миловидов, А. Макаров, А. Маренич. Фото автора 74, 101

Рис. 44. Памятник В. И. Ленину на одноименной площади. 1966. Добруш. Скульптор Д. Попов 74, 102

Рис. 45. Памятник В. И. Ленину на одноименной площади. 1970. Пинск. Скульптор М. Альтшулер, архитектор Н. Миловидов 74, 103

Рис. 46. Лесной участок, высаженный лесничим В. С. Подолинским в виде имени вождя. 1962. Иваново, Брестская область 75, 104

Рис. 47. Памятник Алоизе Пашкевич (Цётке). 1991. Щучин. Скульптор Алесь Липень 76, **105**

Рис. 48. Памятник Марку Шагалу. 1992. Витебск. Скульптор А. Гвоздиков 76, **106**

Рис. 49. Фрагмент памятника Марку Шагалу в Витебске 76, **106**

Рис. 50. Памятник Марку Шагалу «Витебская мелодия на французской скрипке». 1997. Витебск. Скульптор В. Могучий. Дом-музей Марка Шагала (задний дворик) 76, **107**

Рис. 51. Памятник Владимиру Короткевичу. 1992. Орша. Скульптор И. Голубев 76, **108**

Рис. 52. Памятник Владимиру Короткевичу. 1994. Витебск. Скульптор И. Казак, архитектор В. Рыбаков 76, **108**

Рис. 53. Памятник Евдокии Лось. 1996. Витебск. Скульптор В. Могучий, архитектор В. Рыбаков. Фото: boris-mavlyutov.livejournal.com 76, **109**

Рис. 54. Памятник Иосифу Гошкевичу. 1994. Островец. Скульптор В. Янушкевич 76, **110**

Рис. 55. Памятник Наполеону Орде. 1997. Иваново. Скульптор И. Голубев, архитектор В. Косяк. Фото Алексея Тэрро, 2014. Источник: fgb.by 76, **110**

Рис. 56. Памятник преподобной Евфросинии Полоцкой. 2000. Полоцк. Скульптор И. Голубев 76, **111**

Рис. 57. Памятник Симеону Полоцкому. 2003. Полоцк. Скульптор А. Финский, архитекторы Н. Цавик, Г. Федоров 76, **111**

Рис. 58. Памятник князю Борису Всеславичу. 2002. Борисов. Скульптор А. Артимович, архитекторы И. Морозов, Е. Ковалевский 76, **112**

Рис. 59. Памятник «Полоцк – колыбель белорусской государственности». 2017. Скульптор В. Пипин, архитектор А. Сардаров 76, **113**

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 60. Фрагмент памятника «Полоцк – колыбель белорусской государственности» 76, **113**

Рис. 61. Памятник Роману Шатиле. 2006. Светлогорск. Скульптор Э. Астафьев 76, **114**

Рис. 62. Памятник Льву Сапеге. 2010. Лепель. Скульптор Л. Оганов 76, **114**

Рис. 63. Памятник князю Изяславу. 2014. Заславль. Скульптор А. Прохоров 76, **115**

Рис. 64. Памятник великому князю литовскому Ольгерду. 2014. Витебск. Скульптор С. Бондаренко 76, **116**

Рис. 65. Памятник Антонию Тызенгаузу. 2019. Поставы. Скульптор А. Финский 76, **117**

Рис. 66. Памятник князю Всеславу Чародею. 2007. Полоцк. Скульпторы А. Прохоров, С. Игнатъев, Л. Минкевич, архитектор Д. Соколов 76, **118**

Рис. 67. Памятник великому князю литовскому Гедымину. 2019. Лида. Скульпторы О. Нечай, С. Оганов, архитектор С. Багласов. Фото автора 77, **119**

Рис. 68. Памятник Давиду Городенскому. 2018. Гродно. Скульптор С. Оганов. Фото автора 77, **120**

Рис. 69. Фрагмент памятника Давиду Городенскому 77, **120**

Рис. 70. Мемориальный комплекс «Братское военное кладбище» для захоронения жертв Первой мировой войны. 2011. Минск. Скульпторы А. Лыщик, С. Галузо, С. Алишевич, Д. Аганов, А. Павлючук, архитектор Н. Дятко 77, **121**

Рис. 71. Аллея знаменитых земляков. 2012. Глубокое. Авторы бюстов – скульпторы В. Могучий, А. Гвоздилов, И. Казак, А. Тарасян и др. 77, **122, 123**

Рис. 72. Аллея памяти (памятников). Начало 2000-х гг. Свислочь 77, **124, 125**

Рис. 73. Памятник В. И. Чапаеву. Гродно 78, **126**

Рис. 74. Памятник В. И. Чапаеву. Мозырь 78, **126**

Рис. 75. Памятник Г. К. Орджоникидзе. 1962. Оригинал 1937 г. Демонтирован в 2021 г. Минск 78, **127**

Рис. 76. Бюст Сталина. До середины 1950-х гг. – на центральной площади Ивенца, в 2006 г. установлен у входа в Историко-культурный комплекс «Линия Сталина». Скульптор З. Азгур 78, **127**

Рис. 77. Открытие памятника В. И. Ленину в сквере «70 лет МТЗ». 2016. Минск 78, **128**

Рис. 78. Мурал с портретом С. Притыцкого. 2018. Минск 79, **129**

Рис. 79. Торжественное открытие памятника Ф. Э. Дзержинскому. 2018. Гродно. Фото: grodnonews 79, **129**

Рис. 80. Граффити-портрет Кароля Чапского на улице Октябрьской. 2014. Минск. Художник С. Русак 80, **130**

Рис. 81. Барельеф, посвященный Каролю Яну Чапскому у входа в музей ОАО «Оливария». 2014. Минск. Скульптор П. Войницкий 80, **131**

Рис. 82. Памятник Михалу Клеофасу Огинскому. 2001. Молодечно. Скульптор В. Янушкевич 80, **131**

Рис. 83. Скульптурная композиция «Врата памяти» – главный элемент мемориального комплекса «Тростенец». 2015. Минск. Скульптор К. А. Костюченко, архитекторы А. А. Аксенова и др. 81, **132**

Рис. 84. Скульптурная композиция, посвященная букве «Ў», в сквере по проспекту Франциска Скорины. 2003; реконструкция – 2014 г. Полоцк. Художник И. Куржалов 81, **133**

Рис. 85. Скульптура «Бобер». 2006. Бобруйск. Скульптор В. Н. Гавриленко 81, **134, 314**

Рис. 86. Скульптура «Огурец». 2007. Шклов. Скульптор А. Воробьев 81, **134**

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 87. Скульптура «Яйцо». 2008. Установлена перед зданием Солигорской птицефабрики. Агророгородок Краснодворцы. Скульптор В. Ломейко *81, 135*

Рис. 88. Скульптура «Ян Сыродел». 2012. Верхнедвинск. Изготовлена компанией «Литейный двор» *81, 135*

Рис. 89. Скульптура «Глыбоцкая вишня». 2013. Глубокое. Скульптор И. Казак *81, 135*

Рис. 90. Скульптура, посвященная сгущенному молоку. 2013. Рогачев. Скульптор Г. Отчик *81, 136*

Рис. 91. Скульптура, посвященная минеральной воде «Минская-4». 2014. Парк Горького, Минск. Фото автора *81, 136*

Рис. 92. Памятник шахматной ладье XII в. 2016. Гродно. Скульптор В. Пантелеев *81, 137*

Рис. 93. Скульптура «Кумжа». 2018. Островец. Скульптор А. Шомов *81, 137*

Рис. 94. Брестский фонарщик с 2009 г. ежедневно зажигает и гасит старинные фонари на улице Советской *81, 138*

Рис. 95. Часы, показывающие время зажжения фонарей. Брест *81, 138*

Рис. 96. «Эйфелева башня». Мини-копия. 2013. Гомель. Автор идеи Кристина Левшук, учащаяся дорожно-строительного колледжа *82, 139*

Рис. 97. «Эйфелева башня». Мини-копия. 2018. Столин. Автор идеи Нина Слабко, мастер Столинского ЖКХ *82, 139*

Рис. 98. Макет Спасской башни Московского Кремля в сквере им. А. А. Громыко. 2016. Гомель. Фото автора *82, 140*

Рис. 99. Макет Пизанской башни в сквере им. А. А. Громыко. 2016. Гомель. Фото автора *82, 140*

Рис. 100. Памятник героям Отечественной войны 1812 года в честь 100-летия победы в сражениях под Витебском. 1912. Витебск. Архитектор И. Фоменко *142, 150*

- Рис. 101. Фрагмент памятника героям Отечественной войны 1812 года *142, 150*
- Рис. 102. Монумент-обелиск Победы. 1954. Минск. Архитекторы Г. Заборский, В. Король *142, 151*
- Рис. 103. Фрагмент обелиска. Орден Победы *142, 151*
- Рис. 104. Фрагмент обелиска. Горельеф «9 мая 1945 года». Скульптор А. Бембель *142, 152*
- Рис. 105. Обелиск Славы в центре мемориального комплекса в память операции по форсированию Днепра. Установлен в 1966 г., реконструирован в 2015 г. Гомельская обл., г.п. Лоев *142, 153*
- Рис. 106. Фрагмент обелиска. Горельеф *142, 153*
- Рис. 107. Памятник-часовня героям Отечественной войны 1812 г. 1850. Полоцк. Архитектор Антонио Адамини. Фото С. Прокудина-Горского, 1912 *143, 154*
- Рис. 108. Граффити с изображением памятника-часовни. Полоцк. Художник С. Тимохов *143, 154*
- Рис. 109. Памятник-часовня. Полоцк, угол Рынктовой площади и улицы Спасской. Открытка 1906 г. *143, 155*
- Рис. 110. «Родина-мать» – скульптура мемориального комплекса «Минск – город-герой». 1985. Минск. Скульптор В. Занкович *144, 156*
- Рис. 111. Монумент «Мать-патриотка» в честь Анастасии Куприяновой и ее пяти погибших сыновей. Жодино. 1975. Скульпторы А. Заспицкий, И. Миско, Н. Рыжанко. Фото: www.zhodinonews.by *145, 157*
- Рис. 112. Мемориал «Память». 2013. Минск. Скульптор А. Шаппо, архитектор Л. Левин *145, 157*
- Рис. 113. Скульптурная композиция «Развітанне». 2014. Минск, у входа в Музей Великой Отечественной войны. Скульптор А. Шатерник *145, 158*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 114. Монумент «Мужество» – мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». 1971. Брест. Скульпторы А. Кибальников, В. Занкович, О. Стахович *145, 159*

Рис. 115. Фрагмент монумента «Мужество» *145, 159*

Рис. 116. Скульптурная композиция «Разбитый очаг». 2008. Минск. Скульптор М. Петруль, архитектор Л. Левин *147, 160*

Рис. 117. Свято-Восресенский собор – храм-памятник в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. 1995. Брест *147, 161*

Рис. 118. Храм-памятник в честь Всех святых и в память о жертвах, спасению Отечества нашего послуживших. 2010. Минск. Архитектор Л. Н. Погорелов. Фото: <https://hramvs.by> *147, 162*

Рис. 119. Памятник Сталину на Центральной площади. 1952. Минск. Фотография. В. И. Кириченко. Минск. История послевоенного восстановления. 1944–1952. Издательство «Беларусь», 2004 *164, 174*

Рис. 120. Здание Министерства государственной безопасности БССР (ныне – Комитет государственной безопасности Республики Беларусь). 1945–1947. Минск. Архитекторы М. Парусников, Г. Баданов *165, 175*

Рис. 121. Башенка на здании КГБ Республики Беларусь *165, 175*

Рис. 122. Дом на проспекте Независимости, 16. 1950-е гг. Минск. Архитекторы М. Парусников, Г. Баданов *165, 176*

Рис. 123. Башенка с часами украшает жилой дом на проспекте Независимости, 16 *165, 176*

Рис. 124. Бульвар-сквер имени Ф. Э. Дзержинского по ул. Комсомольской (пересечение с проспектом Независимости, 16). Середина 1950-х гг. Минск *165, 177*

Рис. 125. Памятник Ф. Э. Дзержинскому. Установлен в одноименном сквере по ул. Комсомольской. 1953. Минск. Скульптор З. Азгур, архитектор В. Волчек *165, 178*

Рис. 126. Клуб им. Дзержинского – боковой фасад здания Комитета государственной безопасности. Фото автора *166, 178*

Рис. 127. Национальный банк Республики Беларусь. 1947–1952. Минск. Архитектор М. Парусников *166, 179*

Рис. 128. Главпочтамт. 1949–1953. Минск. Архитекторы В. Король, А. Ду-хан *166, 179*

Рис. 129. ГУМ. 1951. Минск. Архитекторы Л. Мелеги, Р. Гегарт *166, 180*

Рис. 130. Жилой дом с кинотеатром «Центральный». 1950–1954. Проспект Независимости, 13. Минск. Архитекторы М. Осмоловский, Г. Баданов *166, 181*

Рис. 131, 132. Фрагменты декоративно-художественного оформления жилого дома, проспект Независимости, 13 *166, 181*

Рис. 133. Проспект Независимости. Центральная часть. 1955. Минск. Магистральный архитектор М. Парусников *166, 182*

Рис. 134. Мост к площади Победы (Захарьевский мост). 1952. Минск. Проект М. Парусникова, Г. Баданова. Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958 *166, 183*

Рис. 135. Площадь Победы в 1960-е гг. Минск. Проект площади – 1950 г. Архитекторы М. Барщ, Л. и Г. Аранаускасы, корректировка – 1954 г. Г. Заборского и Л. Мацкевича *167, 183*

Рис. 136. Дома на площади Победы. Проспект Независимости, 36, 38. 1952. Минск. Архитекторы М. Барщ, Л. и Г. Аранаускасы *167, 184*

Рис. 137. Проспект Независимости, 36 *167, 185*

Рис. 138, 139. Фрагменты декоративно-художественного оформления дома по проспекту Независимости, 36 *167, 185*

Рис. 140, 141. Фрагменты декоративно-художественного оформления дома по проспекту Независимости, 36 *167, 186*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 142. Проспект Независимости, 31. 1950-е гг. Минск. Архитектор М. Барщ *168, 187*

Рис. 143. Памятная доска, посвященная защитникам дома Павлова *168, 187*

Рис. 144. Дворец культуры профсоюзов. 1954. Минск. Архитектор В. Ершов *168, 188*

Рис. 145. Белорусский государственный цирк. 1958. Минск. Архитектор В. Жуков *168, 189*

Рис. 146. Жилые дома-башни («Ворота Минска») – вид с Привокзальной площади. 1947–1953. Минск. Архитекторы Б. Рубаненко, Л. Голубовский, А. Корабельников *168, 190*

Рис. 147. «Ворота Минска» – вид с улицы Кирова. 1950-е гг. *168, 191*

Рис. 148, 149. Фрагменты декоративно-художественного оформления домов-башен в стиле ар-деко на Привокзальной площади *168, 192*

Рис. 150. Фрагмент – герб советской Беларуси в декоративно-художественном оформлении дома-башни на Привокзальной площади *168, 192*

Рис. 151, 152. Фрагменты декоративно-художественного оформления ГУМа (карниз и интерьер) *168, 193*

Рис. 153. Вид на Коммунистическую улицу – в начале улицы дом «под шпилем». Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звязда».1958 *169, 194*

Рис. 154. Дом «под шпилем» на углу улиц Коммунистической и Красной (фасад). 1953. Минск. Архитекторы М. Лившиц, Э. Гольдштейн, В. Исаченко *169, 195*

Рис. 155. Фрагмент дома «под шпилем» – башня, увенчанная «иглой» с пятиконечной звездой *169, 195*

Рис. 156. Спуск к набережной Свислочи от дома «под шпилем». Памятник сотрудникам милиции, погибшим в мирное время. 2003. Минск. Фото автора *169, 196*

Рис. 157. Здание штаба Белорусского военного округа (ныне – Министерство обороны Республики Беларусь). 1947. Архитектор В. Гусев *169, 197*

Рис. 158. Фрагмент декоративно-художественного оформления фасада дома «под шпилем» *169, 198*

Рис. 159, 160. «Генеральский» дом на пересечении проспекта Независимости и улицы Калинина. Минск. 1940 г. – архитектор В. Гусев, 1948–1950-е гг. – архитектор М. Лившиц *169, 199*

Рис. 161. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. 1952. Минск. Архитектор П. Иванов *170, 200*

Рис. 162. Главный фасад здания Министерства сельского хозяйства и продовольствия – в центре фасада размещен рельефный герб БССР *170, 200*

Рис. 163. Здание Областного комитета Коммунистической партии БССР (ныне – Исполкома СНГ). 1953–1956. Минск. Архитекторы А. Воинов, Л. Усова. Фотография, 1950-е гг. В. И. Кириченко. Минск. История послевоенного восстановления. 1944–1952. Издательство «Беларусь», 2004 *170, 201*

Рис. 164. Современный вид здания Исполкома СНГ *170, 201*

Рис. 165, 166. Здание жилого дома по улице Свердлова, 22 (пересечение с улицей Кирова) – передний и боковой фасад. 1952. Минск. Архитекторы Б. Рубаненко, Л. Голубовский, А. Корабельников *170, 202*

Рис. 167. Государственное производственное объединение электроэнергетики «Белэнерго». 1950–1952 или 1955. Минск. Архитектор Р. Гегарт *170, 203*

Рис. 168, 169. Скульптурные композиции на крыше и портике Дворца культуры профсоюзов. 1954. Минск. Скульпторы А. Глебов, В. Попов, С. Селиханов *170, 204*

Рис. 170. Скульптуры, украшающие «Ворота Минска» – дома-башни на Привокзальной площади. Первоначальные бетонные скульптуры заменены на силиконовые в 2004 г. *170, 205*

Рис. 171. Минское суворовское военное училище. 1953. Минск. Архитектор Г. Заборский *170, 206*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 172. Скульптуры на фронтоне Минского суворовского военного училища. Скульпторы В. Попов, А. Заспицкий *170, 206*

Рис. 173. Жилой дом на проспекте Независимости, 23. 1949–1954. Минск. Архитекторы Г. Заборский, М. Парусников. Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958 *170, 207*

Рис. 174. Центральный вход в Парк Горького. 1950-е гг. Минск. Архитектор Г. Заборский *171, 208*

Рис. 175. Центральный вход на стадион «Динамо». 1950-е гг. Минск. Архитектор М. Барщ. Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958 *171, 208*

Рис. 176. Стадион «Динамо» в 1958 г. Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958 *171, 209*

Рис. 177. Главный корпус Белорусского политехнического института им. И. В. Сталина (ныне – БНТУ). 1946–1952. Архитекторы Л. Рыминский, Л. Усова. Фото: <https://times.bntu.by/news/6765-glavnyu-korpus-do-i-posle> *171, 210*

Рис. 178. Здание Национального академического драматического театра им. М. Горького. Реконструкция 1948–1950 гг. Минск. Архитектор М. Бакланов *171, 211*

Рис. 179. Здание Национального художественного музея Республики Беларусь. 1954–1957. Минск. Архитектор М. Бакланов. Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958 *171, 212*

Рис. 180. Изваяние «Скульптура». Фасад здания Национального художественного музея. Фото автора *172, 212*

Рис. 181. Кинотеатр «Победа». 1949–1950. Минск. Архитекторы И. Лангбард, М. Бакланов. Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звезда». 1958 *172, 213*

Рис. 182. Центральный вокзал Детской железной дороги на станции «Парк культуры» (в 1971 г. переименована в «Заслоново»). 1949–1955. Минск. Архитектор

Г. Заборский. Фотография. Альбом «Мінск у фотаілюстрацыях». Ред. В. А. Король. Издательство «Звязда». 1958 172, **214**

Рис. 183. Колонна в честь Конституции 3 мая 1791 г. Конец XVIII в. Глубокое, Витебская обл. 216, **230**

Рис. 184. Колонна в честь Конституции 3 мая 1791 г. Установлена в 1792 г. шляхтичем Яном Лопатинским. Леонполь, Витебская обл. 216, **231**

Рис. 185. Фрагмент колонны в Леонполе. Капитель, декорированная лепными головками путти. Фото: radzima.org 216, **231**

Рис. 186. Поклонный крест. Предположительно XVII в. Один из двух найденных в 2018 г. в окрестностях монастыря. Находятся на территории Свято-Елисеевского Лавришевского мужского монастыря. Фото автора 217, **232**

Рис. 187. Поклонный крест при въезде в г. Поставы. 2015. Установлен по случаю 1000-летия преставления святого равноапостольного князя Владимира. Источник: postavy.of.by. Фото М. Ян 217, **232**

Рис. 188. Кресты-обереги в д. Угляны Каменецкого р-на. Самому старому предположительно 150–200 лет, последний установлен в начале 1990-х гг. 217, **233**

Рис. 189. Памятник-крест возле д. Заостровечье 40 погибшим здесь участникам восстания 1863–1864 гг. Установлен в 1993 г. Фото С. Яроховича 220, **233**

Рис. 190. Памятник битве под Клецком, 1506 г. Открыт в 1996 г. 220, **234**

Рис. 191. Камень с барельефом князя Михаила Глинского, возглавившего войско ВКЛ в Клецкой битве, 1506 г., и силуэтом средневекового города. Установлен в 2015 г. 220, **234**

Рис. 192. Памятный крест в честь 1000-летия христианизации. Городище «Замэчек» на месте древнего города-крепости Изяславля. Заславль, 1992 221, **235**

Рис. 193. Рогволодов камень XII в. Церковь возле с. Голошевка, Могилевская губерния, Оршанский уезд. Фотография 1896 г. Взорван в 1930-х гг. Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 31 (Вопросы реставрации, вып. 3). Тип. Гл. упр. уделов, 1909. С. 23 221, **236**

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 194. Уменьшенная копия Рогволодова камня, выполненная по фото и установленная возле Музея истории и культуры Орши к Дню белорусской письменности в 1998 г. 221, 236

Рис. 195, 196. Памятник «Рогволодов камень» в открытой экспозиции Музея истории дорожного хозяйства. 2005. Минск. Скульптор А. Тухто. Фото Н. Соколова. Текст на памятнике: «Гэты камень усталяваны ў памяць вялікага Рагвалодава камня XII ст., які існаваў на пуці з Друцка да Оршы і быў узарваны ў час будаўніцтва шашы Мінск–Масква». Камень-валун прывезен из д. Куренец Вилейского р-на. Вес 15 тонн 221, 237

Рис. 197. Памятник Сергею Песецкому. 2019. Раков. Фото автора 222, 238

Рис. 198. Фрагмент памятника Сергею Песецкому 222, 238

Рис. 199. Памятник Адаму Мицкевичу. 1992. Новогрудок. Скульптор В. Янушкевич 222, 239

Рис. 200. Памятный камень в честь Софьи Гольшанской в год 600-летия со дня ее рождения в Гольшанах. 2006. Гольшаны. Автор барельефа (металл) – скульптор А. Крохолов 222, 240

Рис. 201. Памятный камень с барельефом Тадеуша Костюшко от благодарных потомков. 1999. Коссово, урочище Меречёвщина. Скульптор Р. Груша 222, 241

Рис. 202. Памятный камень на месте раскопок «Памяти наших предков-гомелян...». 2011. Гомель. Дворцово-парковый ансамбль. Фото автора 222, 242

Рис. 203. Памятный камень в честь основания Лиды. 2008. Лида. Скульптор Р. Груша. Фото автора 222, 243

Рис. 204. Памятный камень с барельефом Игната Домейки. 2002. Крупово (возле Лиды). Скульптор Р. Груша. Фото: <http://lidanews.by/news/life/8175news.html> 222, 243

Рис. 205. Памятник Франтишеку Богушевичу. 2009. Сморгонь. Скульпторы Л. и С. Гумилевские, архитектор Е. Митько 222, 244

Рис. 206. Памятник Франтишеку Богушевичу и Собор Преображения Господня (2009). Сморгонь 222, **245**

Рис. 207. Фрагмент памятника Франтишеку Богушевичу. Памятная табличка 222, **245**

Рис. 208. Скульптура по мотивам иконы Логойской Божией Матери «Знамение». 2016. Логойск. Скульптор В. Слободчиков 222, **246**

Рис. 209. Скульптура Божией Матери. 2021. Жодино. Скульпторы М. Рогатко, А. Дранец 222, **247**

Рис. 210. Памятник святому Губерту. 2020. Гродно. Скульптор В. Пантелеев 223, **248**

Рис. 211. Люк, на котором изображен герб Гродно со скачущим в поле щита оленем святого Губерта. 2018. Гродно 223, **248**

Рис. 212. Скульптура Иисуса Христа. 2002. Ивье. Копия статуи Кришту Рей. 1959. Алмада. Скульптор Франциско Франко де Соуза. Архитектор Антонио Лино 223, **249**

Рис. 213. Каплица Евфросинии Полоцкой. 1995. Речица. Автор проекта Э. Агунович 223, **250**

Рис. 214. Скульптурная композиция «Иисус Христос и самарянка». 2014. Глубокое. Скульптор В. Долгов 224, **251**

Рис. 215. Скульптура, посвященная дворнику. 2008. Гомель. Скульптор В. Андриянов. Фото автора 224, **252**

Рис. 216. Памятник «100 год беларускай міліцыі». 2017. Гомель. Скульптор В. Кондратенко. Фото автора 224, **252**

Рис. 217. Скульптурная композиция «Балет». 2006. Минск. Скульпторы Л. и С. Гумилевские 224, **253**

Рис. 218. Скульптурная композиция «Антракт». 2008. Минск. Скульптор В. Слободчиков 224, **253**

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 219. Скульптура «Учительница первая моя». 2014. Минск. Архитектор Д. Бубновский, художник А. Шомов 224, 254

Рис. 220. Скульптура «Лесничий». 2015. Минск. Скульптор В. Занкович 224, 254

Рис. 221. Скульптурная композиция «Семья». 2016. Глубокое. Скульптор И. Казак 224, 255

Рис. 222, 223. Скульптура «Монета». 2020. Минск. Скульптор К. Костюченко. Фото Сергея Судаса 224, 256

Рис. 224. Скульптура «Пинчук». 2017. Пинск. Скульптор А. Павлючук 225, 257, 314

Рис. 225. Скульптура «Дед-глубочанин». 2015. Глубокое. Скульптор А. Тухто 225, 257

Рис. 226. Скульптурная композиция «Золотое кольцо белорусской науки». 2021–2022. Минск. Архитектор А. Сардаров. Скульпторы Е. Хараберюш, Л. Покульницкий 225, 258

Рис. 227. Фрагмент композиции «Золотое кольцо белорусской науки». Памятник Евстафию Тышкевичу. 2022 225, 258

Рис. 228. Скульптурная композиция «Возрождение слуцкого пояса». 2013. Слуцк. Скульптор С. Гумилевский 225, 259

Рис. 229. Скульптура «Ткач». 2013. Слуцк. Скульптор С. Гумилевский 225, 259

Рис. 230. Памятный знак к 900-летию Пинска. 1997. Пинск. Архитектор О. Б. Василенко 226, 260

Рис. 231. Памятный знак Немецкой слободе. 2019. Минск. Фото Никиты Соколова 226, 260

Рис. 232. Скульптура «Глашатай» на площади Старое Место. 2011. Молодечно. Скульпторы В. Жбанов, Я. Филиппович 226, 261

Рис. 233. Скульптура «Рог» – символ Рогачева. 2016. Рогачев. Художественная ковка Д. Мартынкова 226, **261**

Рис. 234. Мурал с изображением князя Гедымина. 2017. Лида. Художник С. Русак. Фото: <https://www.behance.net/gallery/60333181/Gedimin-portrait-in-Lida> 227, **262**

Рис. 235. Скульптура великого князя литовского Витовта. 1993. Гродно. Скульптор И. Ушкурнис 227, **263**

Рис. 236. Мурал с изображением великого князя литовского Витовта. 2014. Гродно. Художник В. Силен 227, **263**

Рис. 237. Монумент «Тысячелетие Бреста». 2009. Брест. Скульптор А. Павлючук, архитектор А. Андреюк 228, **264**

Рис. 238. Фрагмент мемориала в честь воинов, погибших при освобождении Бобруйска в июне 1944 г. 1999. Бобруйск. Художественная концепция Э. Агуновича, скульптор Г. Буралкин 228, **265**

Рис. 239. Скульптура «Асілак» – символ защитника Отечества. 1989. Свислочь. Скульптор П. Цомпель, архитекторы Ю. Казаков, М. Карпюк 228, **266**

Рис. 240. Памятник Максиму Богдановичу. 1981. Минск. Скульптор С. Вакар, архитекторы Ю. Казаков, Л. Москалевич. Фото автора 271, **286**

Рис. 241. Памятник Янке Купале в одноименном парке. 1972. Минск. Скульпторы Л. Гумилевский, А. Аникейчик, А. Заспицкий, архитекторы Л. Левин, Ю. Градов 271, **287**

Рис. 242. Памятник Якубу Коласу на одноименной площади. 1972. Минск. Скульптор З. Азгур, архитекторы Ю. Градов, Г. Заборский, Л. Левин 271, **288**

Рис. 243. Мемориальная доска в честь Е. П. Мицкевича. 1959. Речица 283, **289**

Рис. 244. Информационная табличка с историческими названиями улиц. Проект «Зандажы і міражы Мінска». 2016. Фото автора 284, **290**

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 245. Информационная табличка с QR-кодом, содержащим сведения об объекте историко-культурного наследия. Проект «Открой Гомель». 2021. Фото автора 284, 290

Рис. 246. Памятник Кастусю Калиновскому. 1958. Свислочь. Скульптор З. Азгур. Фото Д. Герасимёнка 294, 307

Рис. 247. В 1847–1852 гг. здесь учился Кастусь Калиновский. Здание бывшей Свислочской гимназии, основанной в 1804 г. владельцем местечка Винцентом Тышкевичем (проект землемера Виленского университета Яна Шантара). После восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. – статус училища. Здание разрушено в годы Великой Отечественной войны; сохранился правый флигель 294, 308

Рис. 248. Памятная табличка на здании бывшей Свислочской гимназии 294, 308

Рис. 249. Памятник Франциску Скорине. Лида. 1992. Скульптор В. Янушкевич. Фото автора 295, 309

Рис. 250. Фрагмент памятника Франциску Скорине 295, 309

Рис. 251. Памятная монета, посвященная Льву Сапеге. 2010. Дизайн С. Заскевич. Фото: <http://mgroshi.by/> 298, 310

Рис. 252. Памятник Льву Сапеге. 2019. Слоним. Скульпторы И. Миско, В. Пипин, С. Логвин. Фото: <https://s13.ru/archives/pamyatnik-lvu-sapege-ustanovili-v-centre-slonima> 300, 310

Рис. 253. Памятник Тадеушу Костюшко. 2018. Коссово, урочище Мерецёвщина. Скульптор Г. Лойка. Фото автора 303, 311

Рис. 254. Скульптуры героев фильма «Белые Росы». 2018. Гродно. Скульптор – резчик по дереву В. Булак 304, 311

Рис. 255. Памятник княгине Анастасии Слуцкой. 2016. Слуцк. Скульптор С. Аганов, архитектор С. Багласов 305, 312

Рис. 256. Бюст Николая II. Установлен возле церкви Святого Николая Чудотворца. 2008. Крайск. Логойский р-н, Минская обл. Скульптор В. Зелянко 315, 324

Рис. 257. Скульптурная композиция «Князь Аляксандр Неўскі з жонкай, віцебскай княжнай Аляксандрай, і сынам Васілём». 2016. Витебск. Скульпторы А. Гвозди́ков, И. Казак, Е. Колчев 315, 325

Рис. 258, 259. Памятник Н. П. Румянцеву установлен перед дворцом Румянцевых – Паскевичей. 1996. Гомель. Скульптор Н. Рыженков. Фото автора 319, 326

Рис. 260. Памятник Ирине Паскевич. 2003. Гомель. Скульптор Д. Попов, архитекторы С. Ковырев, Н. Барабанова. Фото автора 319, 327

Рис. 261. Фрагмент памятника Ирине Паскевич 319, 327

Рис. 262. Памятник-бюст Ирине Паскевич возле Свято-Петро-Павловского кафедрального собора. 2003. Гомель. Скульптор В. Долгов. Фото автора 319, 328

Рис. 263. Скульптурная композиция «Прогулка с борзыми» (Лордом и Марко), посвященная Ф. И. Паскевичу. Гомель. 2015. Скульптор В. Долгов. Фото автора 319, 329

Рис. 264. Памятник-бюст князю Ф. И. Паскевичу. 2004. Добруш. Скульптор Д. Попов, архитектор Е. Стоянова. Фото А. Дыбовского 320, 330

Рис. 265. Памятник-бюст князю Ф. И. Паскевичу установлен у здания бывшей школы для детей работников бумажной фабрики 320, 330

Рис. 266. Бюст А. В. Суворова. 1949. Кобрин. Скульптор П. Кюферле 321, 331

Рис. 267. Бюст А. В. Суворова. 1950. Кобрин. Скульптор А. Рукавишников 321, 331

Рис. 268. Памятник А. В. Суворову. 1964. Кобрин. Скульптор В. Чеботарев 321, 332

Рис. 269. Бюст А. В. Суворова. 1952. Реконструирован в 2008–2009 гг. Витебск 322, 332

Рис. 270. Бюст А. С. Пушкина. 2015. Могилев. Скульптор А. Аполлонов. Фото Т. Алексо 323, 333

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 271. Мурал с портретом Владимира Короткевича. 2014. Рогачев. Художник Алесь Благий (Kontra) 334, 339

Рис. 272. Памятник Максиму Танку. 2014. Мядель. Скульпторы И. Миско, А. Финский, архитектор А. Сардаров 334, 340

Рис. 273. Мурал, посвященный Франциску Скорине. 2017. Гомель. ГГУ им. Ф. Скорины, корпус 1. Создан архитектором Д. Козлюком в преддверии празднования 500-летия белорусского книгопечатания 335, 341

Рис. 274. Мурал, посвященный Франциску Скорине на стене Чашникского исторического музея. 2019. Художник М. Осипов 335, 342

Рис. 275. Мурал, посвященный Марку Шагалу. 2015. Витебск. Коллектив граффитистов StreetSkills 335, 343

Рис. 276. Мурал с портретом Василя Быкова. 2017. Витебск. Коллектив граффитистов StreetSkills 335, 344

Рис. 277. Скульптура Льва Сапеги, выполненная во время 11-го областного пленэра резчиков монументальной скульптуры. 2013. Ружаны. Резчик по дереву Н. Скляр 335, 345

Рис. 278. Фрагмент мурала, посвященного «маляваным дыванам» Алены Киш. 2019. Черя. Художник М. Осипов 335, 346

Рис. 279. Мурал, посвященный достопримечательностям Миорского края, выполненный в память о Язепе Дроздовиче в виде «маляванага дывана». 2020. Миоры. Художник Алесь Благий (Kontra) 335, 346

Рис. 280. Мурал, посвященный Кузьме Чорному. 2020. Минск. Выполнен граффитистами компании Zadelo 336, 347

Рис. 281. Мурал, посвященный Владимиру Короткевичу. 2020. Орша. Художник Д. Толкачëв. Фото: ogshanka.by 336, 348

Рис. 282. Мурал, посвященный Язепу Дроздовичу. 2021. Дисна. Художники Алесь Благий (Kontra), Евгений Сосюра 336, 349

Рис. 283. Мурал с портретом Адама Русака. 2021. Копыль. Выполнен граффитистами компании Zadelo. Фото: mlyp.by. Источник: газета «Кур'ер». – <https://kurjer.info/2021/08/24/letter-day/> 336, **350**

Рис. 284. Мурал с портретом Алеся Адамовича. 2021. Копыль. Художник В. Буров. Фото Р. Березовского. Источник: газета «Кур'ер». – <https://kurjer.info/2021/08/24/letter-day/> 336, **350**

Рис. 285. Памятник Василю Быкову. 2021. Ушачи. Скульпторы И. Зосимович, А. Сорокин, архитектор В. Карако 337, **351**

Рис. 286. Памятник Рыгору Бородулину. 2021. Ушачи. Скульпторы И. Зосимович, А. Сорокин, архитектор В. Карако 337, **351**

Рис. 287. Памятник Владимиру Мулявину. 2017. Минск. Скульптор А. Кострюков 337, **352**

Рис. 288. Памятник Льву Толстому. Витебск. Скульптор П. Смоляков 358, **365**

Рис. 289. Памятник Владимиру Высоцкому. 2012. Новогрудок. Скульптор Г. Буралкин 359, **366**

Рис. 290. Памятник воробью. 2003 (год воробья домового). Барановичи. Скульптор С. Целюк. Фото автора 360, **367**

Рис. 291. Скульптура «Крот-шахтер», читающий газету «Калійшчык Салігорска». 2018. Солигорск. Скульптор К. Селиханов, архитектор Ю. Градов 360, **367**

Рис. 292. Мурал «Мой Минск» с изображением девочки на фоне гравюры Минска 1772 г., обнаруженной в Краковской библиотеке. 2020. Минск. Художник А. Благий. Фото автора 360, **368**

Рис. 293. Люк на пешеходной улице Комсомольской в Минске с изображением фонтана «Мальчик, играющий с лебедем» (1874), установленного в честь запуска первого минского водопровода. Фото автора 361, **369**

Рис. 294. Люк на пешеходной улице Комсомольской в Минске с изображением здания (предположительно по фото 1930-х гг.) первой минской электростанции (1895), разрушенного в 2011 г. Фото автора 361, **369**

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 295. Информационный стенд в память об истории Свято-Петро-Павловского собора, о создателе художественного образа Чебурашки Л. А. Шварцмане, о картине М. В. Данцига «Мой город древний, молодой». 2022. Раковское предместье. Минск. Фото автора 361, 370

Рис. 296. Скульптурная композиция «Посвящение поэту», прообразом которой стал Владимир Короткевич. 2017. Минск. Скульптор В. Слободчиков. Фото автора 361, 371

Рис. 297. Скульптурная композиция, посвященная пожарным-спасателям. 2019. Минск. Скульптор Ю. Анушко. Фото автора 361, 372

Рис. 298. Скульптурная композиция, посвященная князю Изяславу. 2017. Заславль. Фото автора 361, 373

Рис. 299. Музыкальная скамейка, установленная к 250-летию Михала Клеофаса Огинского в Верхнем городе. 2015. Минск. Скульптор В. Мацкевич 362, 374

Рис. 300. Музыкальная скамейка в память о композиторе Олеге Молчане в Раковском предместье. 2021. Минск. Художник М. Тарлецкая. Фото автора 362, 375

Рис. 301. Мемориальная доска в память об Олеге Молчане на доме по ул. Раковской. Скульпторы О. Нечай, С. Оганов. Фото автора 362, 375

Рис. 302. AR-инсталляция, посвященная айтишнику, на пешеходной улице Комсомольской. 2019. Минск. Создан виртуальный памятник в hoster.by. Фото автора 362, 376

Рис. 303. Стена Виктора Цоя. Создана в 1990 г. на бетонных плитах-ограждениях стройплощадки на Октябрьской площади Минска. В 1997 г. ограждение было убрано, две плиты сохранены и перенесены на ул. Интернациональную, в 2008 г. – демонтированы. Восстановлена в Ляховском сквере в 2010 г. Фото автора 362, 377

Рис. 304. Фрагмент стены Виктора Цоя. Фото автора 362, 377

Рис. 305. Выставка мини-макетов исторических зданий Барановичей в помещении вокзала Барановичи-Полесские. На переднем плане – макет Крестовоздвиженского костела (1924). 2022. Фото автора 363, 378

Рис. 306, 307. Мини-музей миниатюр «Утраченные храмы Гомеля». 2020. Гомель. Фото автора 363, 379

Рис. 308. Памятник Владимиру Короткевичу. 2011. Киев. Скульпторы О. Варвашеня, К. Селиханов, архитектор А. Корбут 363, 380

Рис. 309. Композиция «Скамья архитекторов» посвящена градостроителям исторического центра Гродно – Городницы (в образе архитекторов Иоганна Мёзера и Джузеппе Сакко, обсуждающих план застройки). 2021. Гродно, пл. Тызенгауза. Скульптор В. Мацкевич 363, 381

Рис. 310. Скульптурная композиция в память о жертвах чернобыльской трагедии – «Памяці павысяляных вёсак раёна прысвячаецца». 1994. Реконструирована в 2009 г. Наровля 364, 382

Рис. 311. Мурал, посвященный генерал-лейтенанту Л. Петровскому. 2021. Жлобин. Художник С. Гавриков 364, 383

Рис. 312. Мурал с портретом легендарного защитника Брестской крепости майора П. Гаврилова. 2021. Брест. Художники А. Пармон, К. Кулаковский 364, 383

Иллюстративный материал, не содержащий указаний на авторство, заимствован из открытых источников.

Научное издание

Соколова Ольга Михайловна

**КОММЕМОРАЦИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ГОРОД КАК МЕСТО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Редактор В. В. Коташвили
Технический редактор А. В. Гицкая
Дизайн обложки М. М. Чудук

Подписано в печать 05.09.2022. Формат 84x108 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 51,60. Уч.-изд. л. 37,70. Тираж 100 экз. Заказ 763.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/177 от 12.02.2014.
ЛП № 02330/456 от 23.01.2014.
Ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск.